Н. А. ЗВОРЫКИН

Избранные произведения

ФИЗКУЛЬТУРА и СПОРТ

1955

Н. А. Зворыкин

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ»
МОСКВА 1955

СОСТАВИТЕЛЬ

кандидат биологических наук А. А. КЛЫКОВ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

НИК. СМИРНОВА

Н. А. Зворыкин «Избранные произведения»
Редактор *В. Е. Герман*
Художественный редактор *А. Е. Золотарева*
Технический редактор *Т. И. Левина*
Художник Е. К. Аргутинский
Корректор *М. В. Мазур*

Сдано в набор 9/X-54 г. Подписано к печати 12/III 1955 г. Формат $84\times108^1/_{32}$. Объем 5,75 бум. л. 18,86 печ. л. 18,81 уч.-изд. л. 23 физ. л. 39894 зн. в 1 п. л. Л-40415. Тираж 75000. Цена 8 р. 50 к. Заказ 1667.

Издательство «Физкультура и спорт» Москва,
М. Гнездниковский пер., 3.
Министерство культуры СССР. Главное управление полиграфической промышленности. 2-я типография «Печатный Двор» им. А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.

Ник. Смирнов

Н. А. ЗВОРЫКИН — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И ХУДОЖНИК

I

В двадцатых годах в Москве выходили два охотничьих издания — «Охотничья газета» и ежемесячный журнал «Охотник». Редакции этих изданий, помещавшиеся почти рядом *, являлись своеобразным охотничьим клубом, живой галереей русской охоты.

Подмосковные охотники доставляли сюда волнующие «сводки» о начале глухариного тока или об осенних вальдшнепиных высыпках. Здесь в разговорах «открывались» прекрасные места «небывало богатых» охот («полей»). Мастера-птицеловы показывали свое удивительное умение подражать «бою» перепела или щелканью соловья. Недавние великокняжеские и барские егери — смуглолицые люди в старых «венгерках» — приводили на показ могучих густопсовых борзых и паратых костромских гончих. Иногда встречались и псовые охотники из мелкопоместных дворян. Среди них особенно колоритен был И. С. Бровцын, судья по борзым на выставках собак, седой, пышноусый, в верблюжьей поддевке со следами заячьей и лисьей крови, в высокой барашковой папахе с алым бархатным верхом.

Несколько под стать Бровцыну был Н. В. Туркин, редактор-издатель лучшего дореволюционного охотничьего журнала «Природа и охота». С Н. В. Туркиным подолгу беседовал профессор С. А. Бутурлин, который с первой встречи очаровывал и трогательной любовью к природе

---

* «Охотничья газета» на б. Никольской; «Охотник» — в Ветошном пер.

и охоте, и острым умом, светившимся в его голубых глазах.

Частым гостем в «Охотнике» и «Охотничьей газете» бывал и М. М. Пришвин — постоянный сотрудник этих изданий, тогда еще совсем молодой, чернобородый, несколько напоминавший классического цыгана. М. М. Пришвин, помню, первым рекомендовал мне прочесть вышедшую в 1926 году книгу Н. А. Зворыкина «Охота на лисиц».

— Это замечательная книга, — говорил Пришвин. — Автор ее очень талантлив: он даже в деловом изложении остается художником...

Н. А. Зворыкин (1873—1937) начал печататься в советских охотничьих изданиях с момента их появления и сразу же приобрел большую популярность среди читательских охотничьих масс. Книги Зворыкина выходили обычно несколькими изданиями: спрос на них повышался непрерывно.

Успех этих книг был, разумеется, не случайным, а вполне закономерным. В данном случае слово писателя получало самый глубокий отзыв в уме и сердце читателя. Читатель-охотник благодарно оценил книги Зворыкина и за их деловитость и научность, и за их увлекательно-художественную живость.

Как правильно определил М. М. Пришвин, органическое сочетание научности и художественности — одна из самых характерных особенностей богатого и разнообразного творчества Зворыкина. Другой характернейшей особенностью его творчества является универсализм, охват чуть ли не всех сторон и разновидностей охоты как спорта.

В своей книге «Охота по перу» Зворыкин в предельно сжатом виде обрисовал привычки и повадки охотничьих птиц леса, болота и поля и одновременно — самые разнообразные способы охоты на этих птиц.

Книги Зворыкина о волчьей и лисьей охоте по справедливости считаются одними из самых лучших во всей охотничьей литературе, — на этих настольных книгах воспиталось уже не одно поколение советских охотников.

Книга «Повадки животных» — глубокое и тонкое исследование мира живой природы — относится к числу выдающихся произведений современной биологической литературы.

Небольшое по размерам руководство «Как определить свежесть следа» целиком переносит читателя в царство «матушки-зимы», прививая ему навыки неутомимого и внимательного следопыта.

Творчество Зворыкина — настоящая школа охоты: оно обстоятельно знакомит охотника с жизнью птицы и зверя, помогает ему ориентироваться в лесу и в болоте, культивирует в нем священное чувство охраны природы.

Вместе с тем, как уже указывалось, в творчестве Зворыкина пытливый исследователь постоянно соседствует с взыскательным художником. Отсюда литературная значимость творчества Зворыкина и его заслуженное долголетие.

II

Бессмертная книга С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (1852) наглядно доказала, что охотник в известных случаях может стать в процессе непосредственного соприкосновения с природой подлинным ученым. Аксаков, не имея какого-либо специального образования, сделался замечательным ученым-орнитологом именно в процессе охоты. Значение аксаковских «Записок», этой подлинно вдохновенной поэмы об охоте, — непреходяще: они, вот уже сто лет, с наслаждением и пользой читаются и маститыми учеными, и охотниками, и просто любителями природы.

Аксаков был создателем целой школы в области научно-художественной литературы. Эта школа выдвинула в прошлом ряд интересных и содержательных писателей (Н. Н. Толстой, Ан. Васьков, И. Шведов, А. А. Черкасов, Фл. Арсеньев, Н. Н. Фокин, Н. А. Байков и др.).

Н. А. Зворыкин — один из самых ярких представителей аксаковской школы, один из самых значительных писателей-натуралистов советской эпохи.

Значение и ценность каждого ученого и писателя определяются прежде всего тем, что́ нового, своего, до него не сказанного, вносит он в науку или литературу.

Об охоте, в частности, написаны — и в прошлом, и в настоящем — сотни всяческих наставлений и руководств, справочников и путеводителей; однако огромное большинство из них не пережило первого издания, поскольку они были результатом не творческой работы, а компиляции (пересказом сказанного).

Ценность и прелесть работ Н. А. Зворыкина и заключается главным образом в том, что он не шел легкими, проторенными путями, а исходил из непосредственного опыта, рассказывая об этом опыте красочным и богатым, индивидуально-собственным языком.

Охотник с многолетним опытом, человек тонкой наблюдательности и острой памяти, Зворыкин внес в охотничью литературу огромный вклад интереснейших наблюдений, обогащающих наши знания и представления о мире живой природы. Он подсмотрел и открыл в этом своем любимом мире такие уголки и явления, которые до него не видел никто.

Вот некоторые, очень немногие, из этих наблюдений зоркого и чуткого писателя-натуралиста.

...Многие охотники любят охоту на вальдшнепов на осеннем пролете (на высыпках). Эта охота очень красива по обстановке, но стрельба на этой охоте довольно трудна: вальдшнеп всегда поднимается неожиданно, как бы обманывая охотника.

Зворыкин пишет по этому поводу: «Вальдшнеп снабжен природою большой способностью ловко на лету выпутываться из сплетений ветвей и, опустив клюв по брюшку, круто согнув шею, винтом подниматься вокруг ствола дерева, минуя густые разветвления концов веток... Видя даже сидящего или стоящего на вытянутых ногах вальдшнепа в двух-трех шагах от собаки, нельзя определить ни направления, ни характера полета».

Интересны и наблюдения Зворыкина над бытом тетеревов.

Охотники, например, удивляются иногда, почему в типично тетеревиных местах (березовое мелколесье, ягодники, потные лесные болота и т. п.) собака совсем не обнаруживает тетеревиных набродов и вдруг делает крепкую стойку где-нибудь на окраине бора.

Оказывается, «молодые тетерева нуждаются в сухих солнечных местах, особенно после росистого утра или часто перепадающих дождей, по причине которых тетерка нередко переводит свою семью в смежный хвойный лес».

Во второй половине августа — начало охоты на тетеревов — тетерева любят посещать на зорях посевы овса, оставляя следы — пересекающиеся тропинки «наподобие внешних линий очертаний двух треугольников, соединенных основаниями». «Рисунок таких тропинок происходит

вследствие привычки тетеревят расходиться и сбегаться на кормежке, проверяя, не нашел ли который-нибудь из них чего-нибудь особенно вкусного...»

Зорко подмечено Зворыкиным и влияние погоды на поведение птицы.

«Ветер и отчасти снег положительно не нравятся тетереву. Тетерев — птица наземная и взлетает на деревья прежде всего и главным образом, чтобы кормиться, а качание веток, конечно, затрудняет кормление, не представляет удобства для отдыха после кормежки и вдобавок ерошит перья... Когда сильный иней замохнатит все сочленение ветвей, тетерев заметно смирнее и подпускает ближе. Несомненно, что заслон опушенных инеем ветвей успокоительно действует на птицу».

Повадки рябчика, одной из самых грациозных лесных птиц, тоже в совершенстве изучены Зворыкиным.

Охотник-наблюдатель отметил, например, у рябчика «замечательную способность садиться, лепиться с быстрого полета на дерево, не покачнувшись при посадке; он садится на лес, как чирок на воду».

Привычка же молодых рябчиков «стрекотать, повернувшись в сторону приближающегося человека, значительно облегчает задачи охотника, так как стрекотание помогает насмотреть птицу, а иногда и сразу обнаружить ее».

Много всяческих своеобразных особенностей и в жизни серой куропатки.

«Часто в межах, в закрайках пашни, особенно с мягкой землею, песчаной, подзолистой, обнаруживаются ямки (копанки-порски) в две сомкнутые ладони — это песочные ванны куропаток; в ямках этих всегда останется после встряхивания птицы не одно перышко».

С такой же острейшей зоркостью наблюдал Зворыкин и жизнь зверей — волка, лисицы, зайца, выдры, белки.

Непревзойдённый знаток-практик волчьих охот, Зворыкин создал поистине всеобъемлющее руководство по истреблению этих вреднейших хищников и вместе с тем художественно показал их во всей дикой красоте.

Приводить отдельные примеры из книг Зворыкина о волках не имеет смысла: все в этих превосходных книгах взято из личной практики охотника-волчатника и все воспринимается как новое слово в области благородной

охоты на зверей-хищников, подлежащих беспощадному истреблению.

Зворыкин был большим знатоком и жизни лисицы.

Исключительно ярко зарисована, например, мышкующая лисица:

«Она приподнялась на задние лапы, одновременно свечой поднялся и хвост; через миг она сделала в таком положении прыжок вверх и упала всеми четырьмя лапами в одно место».

В погоне же за русаком лисица «разом поставила свой хвост под прямым углом — поперек своего хода, и руль этот резко повернул ее туловище по нужному направлению. В скором времени она схватила русака».

Для охотников, умеющих манить лисицу, подражая писку мыши или крику зайца, имеет весьма существенное значение такое наблюдение Зворыкина:

«Лисица зорка и вдобавок определяет слухом место, откуда доносится звук; следовательно, туда же направлен ее взгляд. Эти свойства лисицы заставляют обязательно прибегать к заслону и одежде защитного цвета».

Прекрасно расшифрована Зворыкиным в монографии о зайце скидка (сметка) русака: «Стрелой несется испуганный русак. Задние ноги его способны так оттолкнуться, что русак, подпрыгнув чуть не на метр вверх, несется по воздуху метра три и, собрав комком все четыре лапки, падает на них, делая в снегу одну широкую ямку».

Неустанный наблюдатель фауны, Зворыкин, естественно, наблюдал и все сезонные явления в природе, постоянно проявляя себя вдумчивым фенологом-художником.

Его специальная практическая работа «Как определить свежесть следа» отличается такой тонкостью рисунка, что кажется сплетенной из мельчайших кристаллов инея, из разноцветных блесток, украшающих снег в морозный и ясный зимний день.

В главе «Распознавание следов при инее» Зворыкин, в частности, пишет: «Иней характерен своими фигурными блестками; благодаря этому он сильно выделяется от обычного снежного покрова... Садится иней не только плоскою стороною своих пластинок и звездочек, но и ребром. Поэтому предметы, покрытые инеем, имеют шершавый, щетинистый вид».

В другой главе: «Следы в перистом снегу» — читаем: «Перистый снег своим названием указывает, что снежинки имеют вид птичьего пера и, следовательно, представляют собою тонкие, кружевные, прямые и выгнутые, удлиненные или округлые опахала разной величины».

М. М. Пришвин был безусловно прав, когда говорил, что Зворыкин «даже в деловом изложении остается художником».

Зворыкин отлично знал, понимал и чувствовал меру, вес и красоту слова, всегда обращался с ним бережно, ласково и любовно. Он умел отбирать из необъятного словарного фонда такие именно слова, которые с наибольшей ясностью, точностью и образностью передают мысль. В его книгах, как правило, нет ни утомительных пустот, ни надоедливого словесного «бурьяна». Зворыкин писал сжато и кратко, постоянно придерживаясь золотого старинного правила о тесноте слов и просторе мыслей. Он писал только о том, что знал в совершенстве, — а знал он прежде всего природу и охоту средней полосы России, — и почти никогда не брался за те темы, где нужно было руководствоваться не опытом собственной практики, а данными литературы.

Зворыкин был писателем-мастером, постоянно стремившимся к своеобразию стиля и умеющим хорошо, прочно и красиво «строить» свои произведения: наряду с чувством слова он обладал и чувством композиции.

Произведения Зворыкина, независимо от их тематики, пересыпаны сравнениями (образами), которые достигают иногда большой изобразительной силы.

Так, описывая осеннюю охоту на уток, Зворыкин замечательно сравнивает волны то с «пенистыми уступами», то с «белыми чепчиками», а шумные тростники — с «конскими хвостами на ветру».

А сколько поэзии в таком, например, образе: «одна осина нарушает тишину трепетаньем листьев, *будто бабочка на оконном стекле*». *

Чудесны, далее, все сравнения, употребляемые Зворыкиным-следопытом. Ему кажется, что в блестящий зимний день «улыбаются печатные следы на снегу» и что среди прочих следов особенно красив «лукавый лисий

* Курсив и здесь и дальше мой. — *Н. С.*

след», вьющийся по снегу «ровненькими звеньями, блинок за блинком, отпечатывая пальцы и коготки». Охотник-наблюдатель замечает, что «ржаво-седой лисий хвост с витыми полосами черной шерсти похож на широкую еловую ветвь».

«Солнце *молодит* иногда старые, хорошо сохранившиеся следы», — подчеркивает писатель, зарисовывая картину солнечного снежного поля с точки зрения следопыта. «На уплотненном мягком снегу свежий след отличается чистотой, белизной и точностью», — продолжает он и тут же делает такой безупречно-поэтический вывод: «Однако красивый его рисунок очень скоро *старится от ветра*».

Чрезвычайно выразительно также уподобление следов дроби на снегу «гнездам ласточек в песчаном обрыве» или гула выстрела в лесу — «гремучей колеснице...»

Охотничьи монографии, записки и руководства Зворыкина имеют большое воспитательное и познавательное значение для охотников и любителей природы. Имя Зворыкина как энциклопедиста охоты давно и прочно вошло в культурный обиход читателя. Значительно меньше известен Зворыкин как беллетрист, как автор своеобразных и далеко не заурядных охотничьих рассказов.

Как беллетрист Зворыкин проявил себя еще в дореволюционное время: в 1916 году в «Русской мысли», художественный отдел которой редактировал тогда Ал. Блок, были напечатаны два рассказа Зворыкина.

В течение двадцатых годов ряд его рассказов был помещен в тогдашних охотничьих журналах — столичных и местных. Беллетрист постоянно ощущался и во многих охотоведческих и монографических трудах Зворыкина.

В частности, его книгу «Волк» * можно целиком отнести к подлинно художественным произведениям.

Сейчас, четверть века спустя, большинство рассказов Зворыкина читается попрежнему с интересом и удовольствием: они выдержали самое строгое и беспристрастное из испытаний — испытание временем.

Рассказы Зворыкина, как и его монографии, отличаются прежде всего наблюдательностью, сжатостью изложения, яркостью и образностью слова. Они художе-

---

* Частично печатается в этом сборнике. — *Ред.*

ственными средствами раскрывают жизнь нашей фауны, с большой красочностью воспроизводят процесс той или иной охоты, дают выразительные образы охотников.

Рассказы «Бессмертная песнь» и «Весеннее» целиком переносят читателя в заповедный мир токующего глухаря, целиком погружают его в тепло и прохладу глухого весеннего бора.

Небольшой рассказ «Дупель» в изящной лирической форме показывает ряд характерных повадок этой красивой птицы. «Дупель» интересен и тем, что он говорит о широком кругозоре писателя, умевшего с одинаковым мастерством изобразить и русское осеннее поле, и шумный морской прибой, и далекие африканские равнины.

С большой живостью передается в рассказе «В зеленой хвое» страстное напряжение ружейной охоты с гончими.

Прекрасно, под стать хрестоматийным описаниям, изображен, во всей его сверкающей прелести, ясный зимний день в рассказе «Красный лисовин».

Четкая композиция, свободное владение диалогом, умение создать живой человеческий образ — все это наглядно свидетельствует о несомненной одаренности и опытности Зворыкина-беллетриста.

Люди в рассказах Зворыкина обрисованы в его обычной манере: сжато, скупо и очень выразительно, со всеми своими типическими чертами.

Крепко остается в памяти читателя Афанасий-медвежатник (герой одноименного рассказа), русский охотник-богатырь, готовый без раздумий вступить в рукопашное единоборство с медведем, человек глубокой и мягкой, тонко чувствующей души.

Большую и трогательную заботу проявляет о процветании родного охотничьего хозяйства герой другого рассказа («Встреча») — старый деревенский охотник Дмитрий.

Двое молодых охотников из рассказа «Русаки» резко разнятся между собой индивидуальными особенностями характера.

Особенно же удался Зворыкину Федулаич, один из основных персонажей книги «Волк». В галерее охотничьих образов Федулаич по своей характерности может по праву занять место после Данилы Л. Толстого и Феопена Е. Дриянского.

Федулаич — умный и внимательный следопыт, совершенный мастер волчьей охоты.

Высокое мастерство Федулаича как следопыта наглядно доказывает такой хотя бы пример:

«Федулаич то нагибался к снегу, то, отойдя, старался сбоку заметить разницу светового отражения на полосе, по которой прошел волк. Наконец, он лег на снег к вешкам и стал губами сдувать снег на предполагаемой ямке следа. Верхний слой отлетел, обнажилась капля крови и тусклая ямка волчьего следа».

Основные герои рассказов Зворыкина — охотники-крестьяне. Необходимо, однако, указать, что эти крестьяне-охотники — представители доколхозной деревни; колхозной деревни писатель не знал: с конца двадцатых годов он жил в городе.

Говоря о творчестве Зворыкина — и научно-исследовательском, и беллетристическом, — нельзя не отметить широкого наличия в нем нежного и светлого русского пейзажа.

Пейзажные отступления встречаются решительно во всех работах Зворыкина. Но они никогда не прерывают и не замедляют основной мысли произведения, а лишь иллюстрируют или дополняют эту мысль: Зворыкин всегда владел чувством художественного такта и меры.

Пейзаж Зворыкина, в основе очень своеобразный, несколько напоминает пейзаж Аксакова, поскольку поэт постоянно дополняет в нем исследователя.

«Подходим к берегу. При приближении к тенистому лесу дышать стало легче, будто спала дневная жара.

На спайке болота с берегом чернело окнище величиной в большую ванну, заполненное водой цвета крепкого чая.

Водомеры, похожие на тараканов, спешно *прорезали, как алмазом,* черточки по воде и останавливались под мшистым закрайком ямы» («Волк»).

Вместе с тем пейзаж Зворыкина глубоко эмоционален и согрет сокровенной душевной теплотой.

«И рябина, и осина, и береза начали уже окрашиваться, каждая по-своему, тем *начальным стыдливым румянцем осени,* который не позволяет еще издали определить породу дерева. Весьма немногочисленные и скромные цветы нежились, доживая свои последние часы, а глубокое молчание всей природы под последними лучами

солнца рождало грустные думы, как при проводах близкого лица, уносимого поездом в далекие края» («Встреча»).

Несмотря на то, что Зворыкин был незаурядным беллетристом, рассказы его в свое время прошли незамеченными, да и писал он их лишь от случая к случаю, видимо, не придавая им большого значения. После 1929 года Зворыкин вообще не писал рассказов, целиком отдавшись монографически-исследовательской работе. Об этом приходится только пожалеть.

Зворыкин воспринимал охоту прежде всего эстетически, как средство общения человека с природой, как способ ее изучения, и потому постоянно ратовал за красоту в охоте, за умеренность в добыче, за всяческую охрану родной фауны.

Описывая, например, охоту на тетеревином току, Зворыкин добавлял: «Сидя же в шалаше, ощущаешь то приятное волнение, ту ненасытную любознательность, которая главным образом и толкает большинство охотников-любителей на охоту».

О том же чувстве любознательности говорил Зворыкин и в одном из своих лучших рассказов «Красный лисовин»: «Если обдумаешь справедливо, так красного лисовина упустил я из-за охотничьей страсти, из-за волнения, из любви к охоте и природе. Ведь хочется посмотреть, полюбоваться, что сделает лисица, коли увидит или услышит опасность. Да как побежит, как трубу понесет, как уши будет держать. Одним словом, *и художник, и исследователь сидит в настоящем охотнике*».

Горячо ратуя за умеренность в добыче, неустанно призывая читателя-охотника к соблюдению всех правил охотничьей этики, Зворыкин в то же время был и справедливо непримирим в отношении уничтожения вреднейших хищников.

«Для истинного охотника убить ястреба-тетеревятника, — писал Зворыкин, — положительная заслуга: уничтожением одного такого ястреба охотник пополняет с избытком ту убыль, которая произведена ружьем в течение целого года».

В творчестве Зворыкина нашли свое полноценное отражение и разносторонняя практика охоты, и ее неувядаемая поэзия.

Литературное наследие Зворыкина дорого нам и как энциклопедия любимого спорта, и как предмет искусства, и как блестящий образец истинно патриотического отношения охотника к национальному достоянию — родной природе.

III

В конце двадцатых — начале тридцатых годов мне неоднократно приходилось встречаться с Николаем Анатольевичем Зворыкиным.

Это был пожилой, но очень бодрый и легкий человек, целиком сохранивший военную выправку и непринужденную стройность движений. Коротко подстриженные усы и небольшая бородка, тронутая сединой, придавали его лицу что-то типично «интеллигентское». Вместе с тем в его лице, несколько огрубевшем от зимних ветров и летнего зноя, чувствовалось и нечто простонародное. Серые глаза — опытные и зоркие глаза следопыта и зверолова — искрились умом, задором, молодостью. Выговор у Зворыкина был подчеркнуто тверской — неторопливый, мягкий, певучий.

Зворыкин отличался большим добродушием, глубокой сердечностью и прирожденным тактом.

Было в нем еще и что-то неуловимо охотничье, лесное — какая-то особо уверенная походка, спокойная сдержанность, щедрая юношеская жизнерадостность...

Это был настоящий охотник, проведший на охоте чуть ли не всю жизнь, изведавший всю глубину, силу и остроту этой могучей страсти. Сколько ночей провел он у костров в весеннем бору, дожидаясь своего любимого глухариного тока, сколько лесов и болот исходил в поисках тетеревов и дупелей с красавцем-лаверраком, сколько истребил волков на веселых зимних облавах!

В те годы, когда я встречался со Зворыкиным, он охотился уже мало, но зато усиленно занимался натаской легавой и особенно организацией волчьих охот.

Кроме того, Зворыкин в эти годы часто ездил в различные научные экспедиции — как охотник за материалом для своих книг.

Бывая нередко в Москве, он бо́льшую часть времени проводил в Зоологическом саду, непрерывно пополняя и проверяя свои наблюдения.

В нем до старости жила юная душа странника, жадно влюбленного в родную природу. Старый следопыт и птицелов не мог без глубокого волнения слушать первых чаек, круживших над городом в голубом весеннем небе, не мог хладнокровно смотреть на медный помятый рог, сохранившийся от его молодых охот с гончими в родных «уснувших дубравах».

Вспоминая о своих охотах, он волшебно молодел, и слушать его было так же интересно, как и читать его книги, далеко не вместившие, кстати говоря, всех его наблюдений.

Вместе с тем этот дремучий «лесовик» был большим знатоком искусства во всех его проявлениях, неизменным поклонником всего того прекрасного, что обогащает и украшает человеческую жизнь.

Он сокровенной любовью любил родину и полагал своей гражданской задачей и обязанностью — бороться при помощи художественного слова за всемерное процветание родной охоты и природы.

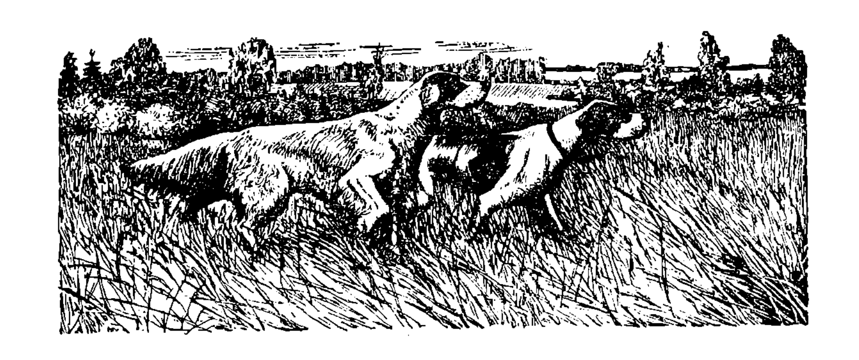
Будучи исключительно скромным и непритязательным человеком, Зворыкин постоянно, со смущенной улыбкой, уклонялся от разговоров о своей литературной деятельности.

Н. А. Зворыкин был талантливым писателем и в том жанре, в той сфере, где он работал, сделал очень многое.

Можно не сомневаться, что настоящая книга, включающая лучшие образцы творчества Н. А. Зворыкина, будет с большим интересом принята читателем.

ОХОТА ПО ПЕРУ

ВВЕДЕНИЕ

Хоркающий над шоколадными верхушками березовых рощ вальдшнеп возвещает торжество весны, и глыбы лежащих снежных пластов словно быстрее тают, усиливая течение журчащих ручейков.

Когда глухо, как по подушке, дробит крылом взлетающий взматеревший тетерев, когда глухарь с полета, затормозив рулевыми, с мощным лопотом усаживается на макву причудливой сосны, когда, будто колеса по мосту, застучат отдаленным раскатом вспорхнувшие рябчики, — радуется сердце охотника.

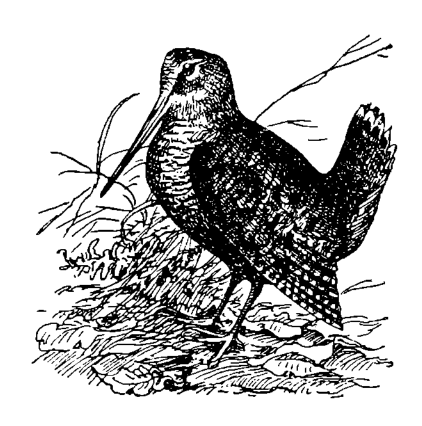
Весело глядеть на дребезжащую будто визгливыми трещотками чирикающую стайку серых куропаток над седым пустырьком и на плавно мчащиеся среди низкорослого сосняка пегие округлые тела их белых сородичей.

Довольством и оживлением пышет от лунных смирных ночей конца августа, когда то и дело в опаловом воздухе слышится «вих, вих, вих, вих» пролетающих на кормежку уток и размеренное жвяканье селезня.

Когда в серый осенний день по небу потянутся бусы и треугольники гусей, гоготанье этих птиц останавливает внимание горожанина и поселянина и, перенося их

взоры ввысь, рождает мысли по поводу великого переселения.

Видя живую природу в довольстве, не разрушенною, а сбереженною, радуется сердце, и радуется не только потому, что оно охотничье, а потому, что оно человечье.

ОХОТА НА УТОК

Одною из наиболее распространенных охот является утиная. Она может быть названа охотою масс, если не с бо́льшим, то с одинаковым правом, как и охота на зайца.

Охота на уток весьма разнообразна в зависимости от способа, сезона и породы уток.

Смотря по способу охоты, она осуществляется и в одиночку и вдвоем, и с собакою и без собаки, и с лодки и без лодки.

Водные угодья дают удобные условия для обнаружения водоплавающей дичи, да и сама птица дает о себе знать. Чистые участки водной глади предоставляют возможность видеть обитателей травянистых берегов и заросших частей водоемов. Склонность уток к частому покрякиванию и скопление их в стада помогают не только охотнику, но и каждому любителю природы замечать наличность уток в том или другом месте.

Присутствие на водной глади округлых больших птиц, конечно, соблазняет даже начинающего охотника.

Утка — птица строгая, недоверчивая, любящая соединяться в небольшие группы и сбиваться в громадные стаи. Последнее природное свойство этой птицы помогает

ей во-время уберегать себя от приближающейся опасности, так как при значительном скоплении которая-нибудь птица из стайки заметит или услышит приближение опасности. По этой причине в местности, где водятся утки, неизбежно видишь встревоженные их стайки, быстро несущиеся с одного конца водоема на другой и только после неоднократных кругов и проверки решающиеся усесться в укромном местечке, а не то на середине чистого плеса.

И когда беспрестанно полетывают между зеркальною гладью воды и бирюзовым небом длинно-овальные утиные тела с вытянутыми напруженными шеями, то и мирно работающий в поле крестьянин, завидя их, крякнет и подумает: «Хороши штучки, да не достать».

Может ли после этого равнодушно глядеть на носящихся уток охотник?

С охоты на уток часто начинаются первые шаги юного охотника, оставляя неизгладимое впечатление на всю жизнь.

Открытые чистые пространства, летящие и сидящие утки помогают не только научиться стрелять, но и усовершенствоваться в стрельбе, способствуя, благодаря условиям, в которых протекает охота, верному определению расстояния до птицы. Грузная, сравнительно медленная на взлете и весьма быстрая на полете утка укрепляет выдержку стрелка, дает опыт по осознанию быстроты полета и по предопределению места нахождения птицы в момент, когда ее настигает снаряд дроби.

Стрельба на воде в тихую погоду помогает видеть ошибки в тех случаях, когда выстрелы делаются по сидящей, плавающей или по низколетящей над поверхностью воды утке: сноп дроби показывает на воде неверность выстрела в ту или другую сторону.

Сезоны утиной охоты довольно продолжительны. Утка — прилетная птица, она появляется раннею весною и отлетает позднею осенью; вскрытие вод и замерзание их сопровождаются появлением и исчезновением уток.

Где весна бурна и кратковременна, там появление уток поражает своей неожиданностью. С утра стоит порядочный мороз, пощипывающий уши, глубокий пласт снега без проталин покрывает всю видимую равнину до горизонта, реки закованы льдом, а между тем вдруг в первую же ночь после такого зимнего пейзажа подует

теплый ветер, закапает дождь, — низины оказываются затопленными, бурлят ручьи, и уже самодовольно крякают откуда-то прилетевшие стаи уток, как будто они ждали где-то тут же за закрытыми воротами, которые внезапно распахнула весна.

А осенью, пока нет морозов, утки блаженствуют на хмурых водоемах, днюют в крепях, а некоторые стадом летают по ночам на мелкие воды, залитые травянистые или грязевые пожни и щелокчут долгую ночь носами, наращивая обильною пищею предотлетный пух и жир. Стоит ударить морозу, который закует места кормежки и затянет волнистыми кружевами береговые полосы, да начнет пробираться на плесо, как утки в ночь исчезают до весны — исчезают так же внезапно, как и появляются.

Утиная охота чрезвычайно разнообразна и интересна и по обстановке и по стрельбе, позволяющей делать и весьма легкие и очень трудные выстрелы; она увлекает и начинающего, и умудренного опытом охотника; она удовлетворяет и промышленника и любителя.

Из всех так называемых благородных уток кряква является наиболее распространенною и, несомненно, наиболее интересною для охотника. Кряква хорошо затаивается в крепях, осенью держится дольше остальных пород, позволяя осуществлять многие способы охоты. По объему своего вкусного мяса и осеннему ожирению кряква также останавливает внимание охотника.

Эти особенности выдвигают крякву на первое место и заставляют при описании охоты на уток уделять ей не только наибольшее, но почти исключительное внимание, тем более что, усвоив приемы охоты на крякву, охотник путем небольшого опыта заметит и некоторые особенности добывания других видов утки.

Кряква не любит глубоких водоемов с чистым дном. Стоячие воды или, во всяком случае, не с сильным течением, заросшие тростником, камышом; участки, подернутые хвощом; заводи с ряскою и кувшинками; свисающие к воде кусты; примыкающие пожни с осокою; береговые плавни с низкорослым кустарником; илистые отмели представляют собою любимые места. Водные пространства с травами и чистями также охотно посещаются кряквами.

Днем кряква любит отдыхать в крепях берега или на торчащих из воды новообразованиях, на обнаженных кор-

нях водорослей, а то и на воде под защитою камыша, тростника или рогозника.

Кряква весьма прожорливая птица, — она готова есть все время. То она щиплет траву, то щелокчет водяной мох, водоросли, пропускает жидкий ил через свой клюв и набивает зоб ракушками, слизнями, червями, всевозможными насекомыми, мелкой рыбой, тиной, грязью, мелкими гадами и, конечно, при случае семенами хлебных растений.

Так как днем она таится в крепях, то кормится на узком пространстве дневки между прочим, чередуя время кормежки с отдыхом. К ночи же кряква покидает место, где провела день, и улетает на ночную кормежку на другие водоемы, затопленные луга, пожни, лужи, поля, канавы, пруды, мочажины, ямы — на все те места, где она в траве, водорослях, в иле, в воде или на дне может найти себе пищу.

Кряква в общем весьма привязана к месту, и, если ее не отпугивать от избранной дневки, она возвращается на восходе солнца с ночной кормежки на то же самое место, как в свой дом.

Прилетев на дневку, кряква занимается туалетом. Для этой надобности она выходит на сушу, обчищает, приглаживает перья и разбирает их клювом, стараясь освободиться от беспокоящих ее паразитов. Особенно часто она принимается разбирать перышки на одном месте своего туловища — на конце позвоночника, где находится копчиковая железа. Эта железа имеет свойство выделять маслянистое вещество. Постоянное разбирание и приглаживание клювом перьев, несомненно, наносит на них жировой покров, который способствует глянцевитости пера и предохраняет его от намокания.

Окончив ощипывание, чистку, разглаживание и напомаживание перьев, кряква отдыхает продолжительное время. Чувствуя себя в безопасности, она спит, завернув голову и засунув клюв между плечевых и спинных перьев.

Спит она и на суше и на воде в защитном месте. Когда же птица, сбившись в стадо, сидит из осторожности на плесе, то при волне отдых является неполным, так как течение или волна заставляет уток, несмотря на подвернутую на спину голову, однообразно грести лапками, чтобы не отбиться от стада и безопасного места. Ко-

нечно, в то время как большинство птиц дремлет, в стае имеются обычно и сторожевые, зорко следящие за происходящим вокруг и над собою.

Кряква по природе весьма осторожна и недоверчива. На открытых водных пространствах она, завидев человека, поднимается за несколько сот метров.

Если крякву обеспокоить на дневке выстрелом, она иногда покидает это место навсегда, иногда же, когда дело касается одиночки, снова возвращается.

Кряква поднимается грузно и несколько вкось; испуганная же внезапно на близком расстоянии, — поднимается вертикально.

Кряква летит на совершенно вытянутых крыльях, делая малозаметные взмахи с характерным присвистом маховыми перьями: «вих, вих, вих, вих». Полет ее прямолинейный и быстрый.

Наиболее распространенными охотами на уток являются: 1) весенняя стрельба селезней на манку, 2) охота с собакою по травам и водным крепям, 3) охота на перелетах, 4) подкарауливание в местах кормежки, 5) сидка в местах дневки, 6) охота с подхода и подкарауливание вообще, 7) охота с чучелами и 8) охота с подъезда.

Стрельба селезней на манку. Весной стреляют селезней разных пород, привлекаемых подсадною живою уткою (под крякву), специальными чучелами уток разных пород, профилями (вырезанными из жести, дерева и т. п.) и манком, подражающим голосу уток (кряквы, чирка).

При охоте с хорошими подсадными утками, которых также называют криковыми и круговыми, подсадная утка заменяет собою и манок и чучело, и должна заменять их в совершенстве.

В качестве подсадных уток пользуются одомашненными дикими или помесями от них и домашних. Вряд ли домашняя обыкновенная утка, хотя бы по оперению и голосу схожая с дикой, сослужит хорошую службу. Настоящие подсадные утки подвижны, весело крякают в обстановке дикой родной стихии, меньше утомляясь и не соскучиваясь в течение всей охоты.

Для стрельбы селезней не требуется совокупности всех приманок, т. е. подсадных уток, и чучел, и профилей, и манка.

Хорошим комплектом для стрельбы селезней, крякв и часто подсаживающихся к ним чирков можно считать одну подсадную утку и пару чирковых чучел.

Наиболее сильною приманкою является голос утки или верное ему подражание.

Стало быть, если у охотника, желающего пострелять селезней, нет оборудования для этой охоты, а имеется умение манить крякву при помощи собственной руки и губ, — он не останется без добычи.

Всякий, кто наблюдал подлет селезня, отлично уверился в том, что голос утки заставляет его резко изменить направление полета и без промедления начать приближаться к источнику звука, между тем как это не всегда бывает, если селезень видит молчаливо сидящие чучела или подсадную утку.

Несомненно, что наличность чучелов или подсадной утки точнее определяет место, куда опустится и подплывет подлетающий селезень; но во второй половине весны и без утиной фигуры на воде селезень если и не садится на выстрел, то, во всяком случае, подплывает в большинстве случаев, так как, не видя утки на поверхности водной глади, он старается обнаружить ее по голосу (манку) в месте, защищенном кустами, куда и направляется по воде. Слух селезня настолько острый, что он с большого расстояния определяет точно место, откуда донеслось кряканье.

При стрельбе селезней без подсадной утки и без чучелов стрелок должен особенно заботиться об искусно защищенном месте, так как селезень в поисках невидимой утки пытается, не садясь на воду, а то и снявшись с воды, обнаружить утку, летая над местом, где засел охотник.

Останавливаясь на этих довольно существенных подробностях, мы имеем в виду не отрицание пользы подсадных уток, чучелов и профилей, а выявление самого притягательного элемента охотничьей инсценировки, соблазняющей селезня, — кряканья самки.

Голос самки должен прежде всего точно выразить как принадлежность ее к тому же виду уток, что и селезень, так и оттенок призыва.

Утки, как известно, являются весьма стойкими в смысле сохранения своего вида, — разные виды не спариваются между собою, несмотря на общительность уток

и частое подсаживание уток одного вида к уткам другого вида.

Значение того или иного оборудования для охоты на манку можно разделить на необходимое, желательное и дополнительное. К числу предметов первого значения следует отнести лодку (если охота не может производиться с берега) и манок; к желательному оборудованию целесообразно причислить еще хорошую подсадную и два чучела чирка с манками кряковым и чирковым, а к дополнительному — вторую подсадную, большее количество чучелов разных пород и профилей.

Большинство охотников по уткам охотится на малых водах по сравнительно немногим видам водоплавающей дичи, среди которой и по количеству и по интересу охоты кряква имеет первенствующее значение. Лишь живущие вблизи крупных водоемов, в виде взморья, громадных озер и судоходных рек, служащих вместе с тем и пролетными путями для водоплавающей птицы, стреляют по разнообразным породам и видам водяной птицы — по лебедю, гусю, крякве, шилохвости, широконоске, свиязи, чирку и многочисленным видам нырковых, среди которых большою известностью у охотников различных местностей пользуется золотоглазый, хитрый, подвижной гоголь, недаром прозванный поморами «звонком» за свист крыльями, схожий с мягким звуком небольшого колокольчика.

Кратко описывая весеннюю охоту на уток, я буду говорить прежде всего о стрельбе кряковых селезней.

Весенняя охота на уток имеет собственно два периода: первый — это период прилета и пролета, когда водоплавающая птица разных пород временно останавливается, а местная еще не разбилась и держится стайками; второй период совпадает со временем окончания валового пролета и началом кладки местных уток.

Первый период интересен обилием разнообразной птицы, бурною картиною весеннего половодья и теми до неузнаваемости местности изменениями и превращениями, которые делает разлив.

Русло реки невидимо: везде вода неизведанной глубины, с разными течениями и особою рябью у затопленных кустов, кивающих верхушками лозинок. И, в зависимости от освещения, эта бурлящая стихия кажется то черною гигантскою плитою с блестящими гранеными бу-

горками, то изжелта-бурою с пенистыми, заглатываемыми ею кружевами, то зеленою, как бутылочное стекло.

Второй период представляет собою картину успокаивающейся стихии, не воинствующей, но мощной своей животворной силой. Русло реки видно по сильному течению, далеко от него по пожням кое-где заметны обрезы суши с торчащими перышками ожившей осоки. Чаще появляются чайки. Белеющие эскадрильи их то качаются в воздухе, словно смотрятся в воду, то садятся по залитым пожня́м, похожие издали на комки пены, то выделывают воздушные петли, падая к воде и вновь поднимаясь, роняют поддетую капельку, вызывая на зеркале воды медленно расходящиеся морщины.

Первый период хотя и обилен разнообразной водоплавающей дичью, однако второй чаще бывает добычливее, принимая во внимание, конечно, исключительно стрельбу на манку.

Второй период, отмечаемый началом кладки яиц, не изобилуя разнообразием пород, дает продуктивную охоту, особенно на селезней крякв, жадно поддающихся призыву подсадной или манка.

Выбор охотником места имеет большое значение.

У каждой птицы свои повадки, основанные не на капризе, а на тех или других причинах, обеспечивающих необходимые удобства для самосохранения. Так, например, мелкая вода на разливе, где кряква и плавает, а местами ходит в воде, отдыхает, становясь на кочку, либо выбирается на пологий берег лу́га, вполне соответствует удобствам кряквы и совершенно не подходит уткам нырковых пород.

Места, избираемые для весенней охоты, имеют мало общих признаков с местами пребывания уток в другие сезоны.

Лучший способ выбора места — приглядеться к утиным посещениям.

Несомненно, что излюбленными местами весенних стаек и парочек будут прежде всего такие уголки, где птицу не беспокоят люди, с полным отсутствием течения или, во всяком случае, с течением слабым, с небольшими глубинами, вблизи плоских берегов, откуда видно далеко кругом. Наличность участков с затопленными кустами, сквозь которые утки могут осматривать окружающее, создает им некоторую защиту, а следовательно, и удоб-

ство. Заливы, залитые пожни с торчащими кочками при всех других необходимых условиях представляют собою места, охотно посещаемые утками.

Не только местные утки, но и пролетные чрезвычайно быстро выбирают себе подходящие места для остановок. Понятно, каждый вид уток имеет и свои особенные вкусы, иногда, правда, различающиеся в мелочах.

Облюбованных утками мест бывает несколько; если утки сами по себе или встревоженные кем-либо слетят с одного места, они стремительно направляются ко второму. Пролетные гости быстро определяют подходящее место и, обследовав его, садятся. Наличность сидящих уже на воде уток вообще, одной с пролетающими породы тем более, позволяет им остепениться быстрее.

Правильный выбор охотником места имеет громадное значение. В местности утиной правильный выбор даже без всяких особых приманок даст возможность пострелять. Кроме выбора ме́ста, важно уметь устроиться на нем, замаскировать сидку.

При всякой охоте на засидках самое правильное — заранее приготовить себе шалаш, яму или иное прикрытие, соответствующее окружающей обстановке. Если стрельба предполагается с лодки, то надо заранее (при дневном свете) подготовить подходящий к обстановке материал, чтобы скрыть лодку и стрелка.

Заранее приготовленный шалаш не пугает птицу, привыкшую считать его неотъемлемой принадлежностью окружающей обстановки, даже если такое сооружение отличается своим видом и цветом от соседних предметов. Преимущество таких заранее приготовленных укрытий заключается еще и в том, что птица не так сторонится его даже после выстрелов, не относя их на счет шалаша.

Так как стрельба иногда происходит при неверном свете, то надо стараться по возможности садиться против зари. При выборе места надо сообразоваться с течением, которым убитые утки иногда уносятся безвозвратно, тем более, что до конца охоты из прикрытия появляться не следует.

Подсадная утка располагается на воде на самом близком расстоянии, чтобы прежде всего не увеличивать дистанцию до садящегося в некотором расстоянии селезня.

Если, кроме того, имеются и чучела, то их ставят в стороне от подсадной утки, чтобы она по длине своего поводка не могла затесаться в их компанию.

Когда подсадная утка без тренировки попадает из хлева или со двора в раздолье мощного весеннего разлива, — она быстрее утомляется от непривычной обстановки, перестает кричать и становится иногда менее полезной, чем чучело.

Подсадная утка во время охоты должна иметь возможность и посидеть. Для этой надобности употребляется круг, вертящийся на палке, воткнутой в дно, расположенный под самой поверхностью воды. К этому кругу прикрепляется конец поводка, второй конец которого прикреплен к ногавке на лапке утки.

Более смелый лет селезней идет при сумеречном освещении вечерней и утренней зари.

При обильном прилете охота тянется и в течение дня. Когда утки сядут на гнезда, то селезень-кряква легко и вязко идет на манок в любое время.

Водоплавающую дичь надо бить чисто во избежание потери подранков, которых следует добивать без промедления.

Свойственную большинству русских охотников привычку стрелять крупными номерами дроби полезнее оставить и бить селезней 3 или 4-м номером дроби.

Охота с собакой. Однако наиболее распространенною охотою на уток августовского сезона является охота с собакой по травам и водным крепям.

Обыкновенно охотники пользуются для этой охоты собаками всевозможных пород и беспородными. Снизившиеся легавые, помеси легавых с беспородными, гончие и даже некоторые дворняжки оказывают иногда хорошую услугу *.

В большинстве случаев стойка при охоте в водных крепях не требуется; главная роль собаки заключается в том, чтобы поднять утку на крыло или же вытолкнуть ее из густых зарослей на более чистое водное пространство, где можно было бы наглядеть ее.

Важно, чтобы собака была послушна, сообразительна, обладала хорошим чутьем, любовью к воде и силою для

---

* В данное время лучшими собаками для охоты на уток являются лайки и спаниэли. — *Ред.*

преодоления подчас весьма трудной работы вплавь среди крепких длинностебельных водорослей. Большую услугу оказывает подача собакой убитой птицы, если охотник следует не на челне, а берегом.

Собака должна обшаривать площадь на расстоянии недальнего выстрела. Когда крепкие хорошие утиные места перемежаются с пустыми (голые песчаные берега, вытоптанные скотом луга, недавно скошенные сухие пожни), то собаку следует подзывать и лучше брать в лодку, так как она, прекрасно понимая, что на таких местах взять нечего, будет стремиться дальше к подходящим для уток угодьям и может разогнать дичь задолго до подхода или подъезда охотника.

Хорошая утиная собака, найдя затаившуюся молодую утку в береговой крепи или под берегом, делает иногда стойку, иногда же, причуяв, бросается прыжком и заставляет птицу спасаться в лёт или вплавь. В последнем случае собака преследует уплывающую утку, как на суше, — по следу, оставляемому птицей в воде и водорослях.

В этот сезон громадное большинство молодых уток летает, но не всегда может легко подняться. Молодые, особенно при затаивании, часто остаются верными своей прежней привычке прятаться, нырять и плыть от опасности, забывая, что у них имеется еще новое средство спасенья — крылья.

Собака таким образом и поднимает на крыло решающихся взлететь и выталкивает на воду затаивающихся.

Услуги собаки по отысканию затаившейся птицы незаменимы, так как ни затаившаяся, ни нырнувшая утка не может быть обнаружена охотником без ее помощи.

Преследуя уплывающую утку, собака показывает принятое птицей направление, помогая охотнику выбрать более удобное место, где можно насмотреть и стрелять птицу.

Плавая и разыскивая нырнувшего утенка, собака обнаруживает его в надводных частях густых водорослей, где он, погрузившись в воду, скрывается в затененных промежутках растений.

Молодые утки (равно как и раненые) обыкновенно ищут спасения на суше и, преследуемые на воде, чаще уходят к береговой полосе или на берег, конечно, если он представляется защитным. Нырнув у одного берега,

утка очень часто выныривает незаметно у противоположного берега и скрывается в осоке прилегающей пожни. Дельная собака, потеряв след на воде, не замедлит проверить оба берега и обнаруживает птицу.

Чтобы предпринимать целесообразные действия, охотник должен бдительно следить за собакою и понимать ее приемы работы.

Охота производится как с берега, так и с лодки. Иногда условия местности делают охоту с берега успешной, но в большинстве случаев легкий и не верткий челн приносит несравненную пользу, позволяя и приближаться к берегу, и отдаляться от него, и въезжать в середину водяных зарослей. Во всяком случае, имея челн, можно выйти и на берег, если это по условиям местности выгоднее; сделать же наоборот, не имея при себе лодки, — невозможно.

Когда к реке или озеру примыкают обширные травянистые и несколько водяные пожни или если на лугах имеются ямы, заполненные водою и заросшие водяными растениями, утки (особенно уже хорошо лётные) любят опускаться выводком в траву. Будучи прекрасно защищены, они имеют возможность и отдыхать и кормиться, ползая, а иногда и плавая, в зависимости от уровня воды или наличия протоков.

В таких местах можно хорошо поохотиться с собакою, а где уток много, то и без собаки, выхаживая постепенно заманчивые пожни в напряженном ожидании подъема.

На этой охоте полезнее иметь не утятницу, а хорошую легавую вообще, которая, как и по прочей дичи, вела бы по следу и делала крепкую стойку. Собака же, не обладающая хорошими полевыми качествами, будет поднимать уток на большом расстоянии, а то и вне выстрела.

Хождение по пожням без собаки, если уток немного, может оказаться и малоуспешным, так как значительное количество их удаляется ползком и вплавь от принимаемого охотником направления и, таким образом, избегает подъема на крыло.

В начале сезона охоты, в годы благоприятной дружной весны, многие выводки настолько взматереют, что легко и довольно строго поднимаются при приближении челна или пешего охотника. В таких случаях работа собаки по отысканию и подъему птицы не только не оказывает помощи, но и мешает.

Охотник должен сообразоваться со степенью взматерения уток и воспользоваться прекрасным способом охоты без собаки — с подъезда.

Этот способ охоты получает особую притягательную силу поздно осенью, когда все утки, как молодые, так и старые, запаслись жировым слоем и зимним пуховым покровом, а селезни, кроме того, оделись в весенний наряд. Охота с подъезда поэтому будет описана подробно как основной способ осенней охоты на уток.

Но далеко не весь молодняк способен к открытию охоты владеть своими крыльями; много еще таких уток, которые побоятся спасаться от опасности воздушными путями и вечером, кормясь около места своей дневки, удивленно прислушиваются к пролетающим стайкам.

По сравнению с дореволюционным законом, дозволявшим охоту на уток с 12 июля (29 июня ст. ст.), ныне действующий закон отодвинул открытие охоты на начало августа.

Ко второй половине августа собственно складываются и начинаются настоящие перелеты уток на ночную кормежку, и они красноречиво свидетельствуют о полной летательной способности всего молодняка.

Не мешает помнить, что на утиных охотах компанией несчастные случаи от неосторожных выстрелов встречаются не редко. Лучше ездить в челне одному стрелку с одним гребцом.

Полезно иметь в виду, что стрелять можно только в ясно видимую птицу, а не в место, где предполагается ее нахождение.

Часто, когда утка невидимо плывет по камышу или хвощу, шевеля надводными стволиками этих растений, некоторые охотники стреляют по невидимой цели, сообразуясь с движениями раздвигаемых водорослей, и, вместо утки, ранят или убивают плывущую за ней собаку.

Стрельба уток с собакой по травам и водяным крепям в начале сезона обычно происходит на близком расстоянии, поэтому дробь нужно употреблять мелкую. Номера 7 и 8 вполне соответствуют и дадут значительно меньшее количество промахов и подранков.

Охота на перелетах. Эта прекрасная охота отличается особым характером. Обыкновенно охотник ищет затаившуюся птицу и, если вспугнет, то видит ее, в испуге удаляющуюся. Мало ли птиц, наученных постоянными пре-

следованиями человека, избегает опасности, не показывается и не поднимается на крыло, отдаляясь под прикрытием от человека?! Таким образом, охотник редко видит все количество птиц, которое заслышало его; он часто не знает даже о приблизительном количестве дичи в определенных угодьях.

Охота на перелете — другое дело. Найдя пролетный на кормежку путь в обильных утиных местах, охотник имеет возможность сделать смотр свободно, без принуждения, летящим утиным полчищам и составить себе представление о количестве птицы.

Охотник может быть здесь и стрелком, и любознательным наблюдателем.

Кряква и другие породы уток кормятся преимущественно ночью, когда болотный лунь и ястреб-тетеревятник отдыхают.

Ночь посвящена беспрерывному энергичному выискиванию разнообразной пищи.

Ночь не покажется уткам слишком продолжительною, если принять во внимание прожорливость их и ту кропотливую работу, которую должна проделать утка, щелокча массу ила, песка, грязи, воды, чтобы из значительных объемов извлечь нужные питательные вещества.

Дневка уток происходит в одном месте, а кормежка в другом, иногда отдаленном на 10 и более километров. При легкости и быстроте полета уток расстояние 10 километров — совершенно незначительное.

Быстрота полета уток, и часто быстрота максимальная, так как охотник встречает уток на пути их пролета, должна приниматься стрелком в соображение, во избежание неверных выстрелов. Ошибка большей частью заключается в направлении выстрела в ту точку, где находится птица, а не в ту, где она будет находиться в момент пересечения снарядом линии полета птицы. А ведь опоздание на долю секунды дает обзаживание на несколько метров!

К открытию охотничьего сезона на уток перелеты еще недостаточно оживленные. У многих молодых еще не вполне окрепло крыло, чтобы совершать быстрые и вольные полеты, да и сама птица еще не взматерела. Недели же через две вся молодежь, выводками и сбившись в стайки, прекрасно держит воздушный строй и летит,

ничем не показывая разницы в полете со старыми, будто они век занимались этим делом.

Мало-помалу, по мере взматерения птицы и прибывания ее с глухих лесных речек и маленьких озер, где она вывелась, на более открытые просторные и типичные утиные угодья, стайки их на дневках делаются многочисленнее; примятость травы, обсиженность берегов, кочек и торчащих над водой корневищ водорослей становится заметнее, а утерянные перья свидетельствуют о тщательно совершаемых туалетах.

Как только зайдет солнце, утки выбираются из крепей, отодвигаясь постепенно от берегов, и начинают перекликаться. Самодовольные голоса «каа-ка-ка-ка» и «кээ-кэ-кэ» неизменно предшествуют скоплению птицы, и в скором времени вся наличность (небольшая группа или целая стая), будто испуганная чем-то, дружно, с характерным лопотом, поднимается вкось, довольно высоко, и сейчас же принимает прямолинейное направление с дневки к месту кормежки.

В начале сезона стайки летят чуть только солнце сядет, а затем, ближе к осени, они отправляются, когда уже вечерняя заря погасает.

Места кормежки бывают самые разнообразные: озера с неглубоким дном, водорослями и с чистыми мелкими плесами, пожни, залитые водой, песчаные отмели (куда волной наносит раковины), илистые места, заливы, речки, лужи, пруды и т. п. при условии достаточного корма и приволья для всей прилетевшей утиной компании.

Для охоты на перелетах важно правильно избрать место — те ворота, выражаясь наглядно, в которые пролетает утка на кормежку. Место это не должно быть избрано слишком близко от дневки, а также и от кормежки, так как в первом случае птица летит высоко, а во втором начинает уклоняться в разные стороны, выбирая место для посадки.

Подкарауливание в местах кормежки будет уже особенным видом охоты, когда птицу бьют и сидячую, и опускающуюся, и пролетающую.

Выбор места для стоянки на перелете должен быть сделан обследованием, т. е. наблюдением, с тем, чтобы в следующую зорю окончательно встать на выбранное место на основании данных предыдущего пролета уток.

Очень важно становиться лицом к заре, избегая затемнения фона деревьями, горами и т. п. предметами, на которых силуэты летящих уток делаются невидимыми. Надо также иметь в виду, что при сумеречном освещении даже незначительная ветвь дерева или куста может помешать своевременно увидеть налетающих уток.

Кроме того, если только возможно, очень полезно сообразоваться с такими условиями местности, которые позволяли бы без особых затруднений находить убитую птицу.

При раннем вечернем лёте и на утренней заре целесообразнее становиться за заслон, однако не такой, который бы мешал движению ружья, а главное зрению.

При позднем лёте достаточно прислониться к незначительному предмету — важен не столько заслон, сколько неподвижность.

Для охоты на перелете можно и не знать, куда именно летают утки на кормежку, но необходимо проследить, каким путем пролетают утки, чтобы выбрать наиболее удобное место для стоянки.

Летят утки и одиночками, и маленькими стаями, и громадными табунами. Пролет с кормежки происходит более мелкими группами по причине того, что за ночь утки разбиваются на кормежке. Утренний лёт начинается перед восходом солнца.

Охота на перелетах может, следовательно, производиться на вечерней и утренней зорях.

Стрельба на перелетах трудная, особенно на вечерней заре, благодаря освещению.

Утка в темноте видит значительно хуже, чем при свете. Лунные ночи, безусловно, вносят значительное оживление в утиную компанию: утки разговорчивы, подвижнее и перелетают нередко с одного места на другое. В лунную ночь поэтому значительно чаще слышится свист крыльев.

Целесообразными номерами дроби для этой охоты следует признать 5 и 6-й.

На постоянстве уток кормиться ночью на избранных местах и возвращаться на дневку в строго определенное место основаны два вида охоты: сидка в местах кормежки и сидка в местах дневки.

Сидка на кормежке. Для осуществления этой охоты нужно сперва определить, куда именно летают утки на

ночную кормежку. Выяснение этих сведений является продолжением той подготовки, которая сделана была для охоты на перелетах, и эту подготовку нужно продолжить.

Угодье, которое утки посещают для кормежки, может быть и очень обширным и как будто однообразным, между тем как утки по каким-то причинам садятся на сравнительно небольшую площадь его или же выбирают, опять не беспричинно, несколько мест среди всей площади.

Незнание охотником точного места кормежки может повести к проведению ночи без выстрела в окружении самодовольно покрякивающих и щелокчащих уток.

Определение точного места кормежки делается как по наблюдениям за садящейся птицей, так и по признакам, оставляемым ею на месте кормежки (помет, перья, примятость хвоща, травы, обрывки плавающих водорослей и проч.).

Подкарауливание на кормежке, смотря по условиям местности, производится и с лодки и с берега. Естественно, что следует заслонить себя и лодку, чтобы не отпугивать посторонними предметами птицу.

Охоту эту следует осуществлять в ясные зори или в лунные вечера и ночи, иначе стрельба происходит наобум, по догадке, и результаты получаются неудовлетворительные.

Пока заря не погасла, стрельба производится и в лёт, а позже главным образом по сидячим.

На засидку становятся заблаговременно — до захода солнца.

Сидка на дневке. Этот способ охоты, несомненно, интереснее, и прежде всего по сознательности стрельбы благодаря наступающему восходу солнца.

В местах, изобилующих утками, стоит только внимательно провести на удобном наблюдательном месте часть вечерней зари, как покрякиванье выплывающих из крепей уток обнаружит места, где они провели день.

Поднимающаяся и затем отправляющаяся на кормежку (часто многочисленная) стая показывает приблизительно то количество птицы, с которым охотник встретится по возвращении ее на дневку с кормежки.

Обнаружение мест дневки может быть сделано и путем объезда на лодке береговых и водяных крепей и подъема на крыло днюющих стай уток. Такой объезд лучше производить под вечер, если, конечно, хватит вре-

мени для обследования; объезд, впрочем, можно производить и днем.

В отличие от подъезда с ружьем соблюдать мертвую тишину не следует, во избежание неслышного, нежданного для уток подъезда и вредного для данного дела испуга.

Подъезд на двухвесельной лодке, поскрипывание уключин, тихий разговор — все то, что запрещено, когда у охотника в руках ружье, — теперь не повредит, а даже поможет. Надо, однако, не проезжать мимо крепей, а, по признакам подходящих дневке условий, вдаваться в эти крепи, так как иначе непуганая стая, сидящая глубоко в берегу, может усидеть, особенно днем, и оставить вас в весьма досадном неведении при безрезультатной работе.

Спугнутая стая, если вечер уже близок, усаживается обыкновенно на плесе и в свое время улетает на кормежку.

Если же дело клонится совсем к вечеру, то встревоженная стая, поднимаясь на высоту, прямо тянет на кормежку.

Как только исчезнет из вида стая поднятых уток, — если из-за количества их имеется смысл устроить сидку, — следует приступить к немедленному подробному осмотру расположения и величины площади дневки и заняться подготовлением места сидки.

Если уток вообще сильно не тревожат на данном водоеме, то поднятая таким приемом стая не отвадится от привычного ей места дневки и перед рассветом утки тучами станут накрывать стрелка.

Место дневки занимает сравнительно небольшое пространство, на котором утки, располагаясь довольно кучно, оставляют много признаков, указывающих на бесспорное доверчивое их пребывание на отдыхе.

Осматривая место дневки, следует подробно ознакомиться с расположением протоков, окнищ, густотой и высотой камыша, рогозника, тростника, с выступами береговых кустов и проч.

Если с вечера темно, а ночи наступили месячные, то лучше производить осмотр при лунном свете и прийти с таким расчетом, чтобы, устроившись, не слишком долго ожидать на сидке рассвета.

Иногда охотник устраивается на берегу, иногда на каком-нибудь островке или широкой кочке среди воды, иногда на лодке — все зависит от условий местности, от

необходимости стать так, чтобы иметь перед глазами не только все место дневки, но, если возможно, то и видеть часть плеса. Утки, прилетая с кормежки на свое привычное место, настолько ему доверяются, что часто садятся в крепь, другие же предварительно усаживаются на воду и лениво вплывают в заросли.

Так как сидка на дневке, происходящая сначала в сумеречном предрассветном освещении, продолжается затем и под лучами солнца, то необходимо замаскироваться тем материалом, который является преобладающим среди растительности места утиной дневки.

Лодку можно прикрыть, заламывая растущий камыш или тростник; можно также сделать шалаш из того же материала.

Всякое прикрытие, если оно не сделано заранее и птица к нему не привыкла, следует строить так, чтобы оно не выделялось густотою и не образовывало бы на взгляд пятна, — вот основные требования. При постройке прикрытия надо иметь в виду, что стрельба на утренней сидке должна производиться стоя, иначе трудно своевременно замечать налетающих уток; кроме того, в большинстве случаев сидячее положение сильно суживает кругозор и затрудняет повороты при стрельбе.

Прикрытие должно быть достаточным, чтобы сделать фигуру стрелка незаметною или малозаметною; оно отнюдь не должно стеснять быструю стрельбу. Можно пользоваться не высокими, не густыми и не громоздкими прикрытиями при условии защитной одежды, скрытой еще прикрепленными к ней и к шапке подходящими стеблями водяных растений.

Очень хорошо к пожелтевшим тростникам идет одежда верблюжьего, башлычного цвета, и также и военного образца.

Часть уток садится не прямо в крепь, а предварительно на воду, и если между стрелком и плесом окажется гряда камыша или тростника, то птица будет скрыта от глаз, лишая охотника полноты красивой картины; часть же птиц, пролетая низом, будет исчезать без выстрела. Кроме того, чистый плес позволяет немедленно дострелывать подранков, падающих на воду.

Выбор места поэтому, как было сказано, желательно делать так, чтобы по возможности видеть перед собою чистый плес.

Становиться удобнее лицом не к восходящему солнцу, так как лучи его слепят и препятствуют стрельбе, а чтобы оно приходилось сбоку.

Сравнительно недальняя стрельба и необходимость бить водоплавающую птицу чисто не требуют дроби крупнее номера 6.

Охота на дневке весьма привлекательна по красоте и полноте. Как только забелеет заря, можно ждать подлета.

Вихрем прошипят внезапно чирки и, затормозив, упадут неподвижными сторожащими фигурками в заводь, подернутую ряскою. Глухо и неожиданно, почти над головой, зашумят с присвистом овальные кряквы, черные от сумеречного освещения. Издали на бледном серо-зеленом фоне неба и воды несется на штык еще стайка, словно пущенные от горизонта стрелы. Откуда-то из-за плеча снижаются другие и, вспенив воду, садятся в живописной группировке.

Розовеет небо; жвякает селезень; скользя, стелются кроваво-красные лучи по стенке тростника; малиново-гнедые кряквы табунами спускаются на дневку, будто скрываясь от поднимающегося солнца.

Охота с подхода и подкарауливание. Летом и осенью в тихих местах утки выплывают иногда днем из крепей и, не довольствуясь ночной кормежкой, пополняют свой зоб, плавая вдоль берега по затравью и редким камышам и тростникам.

Иногда утки не забираются в крепь не из-за прожорливости, а из-за осторожности, ввиду того, что их неоднократно тревожили на дневке выстрелами. Обыкновенно бывалые настеганные экземпляры, а иногда и неопытные, но сбившиеся в компанию с первыми, проводят день на плесе на недосягаемом с берега расстоянии и, покачиваясь и отгребаясь под караулом селезня, подремывают, покачиваясь на волнах.

Но при покачивании и гребле нельзя иметь полного отдыха, какой можно получить в заветерье, да еще на суше, и поэтому частенько даже бывалые экземпляры, незаметно, понемногу приближаясь в тихие места за ветром, остаются дневать около трав близ берегов.

В начале сезона часто случается увидать выводок, плавающий между берегом и зарослью камыша или же в самих зарослях камыша и тростника.

В этом же сезоне выводок или вообще группа уток и одиночки, не втянувшиеся еще в искусство летать на ночные кормежки, выплывают кормиться на зорях в заливы, в хвощи и вдоль берегов, очень ловко хватая лопатообразными носами ютящихся на стеблях насекомых.

Если в местах, где замечены кормящиеся утки, имеются на берегу кусты и тому подобные заслоны, а водяные заросли не очень густы либо дают чистые промежутки, — можно попытаться стрелять с подхода или подкарауливать.

Кормящиеся утки обыкновенно шныряют по травам, вытягивая шею. Если дело имеешь с нырками, то можно пользоваться моментом, когда они ныряют на кормежке. При группе нырков трудно согласовать подход, так как часть ныряет, а часть выныривает, словно поплавки.

Эта охота интересна своей спортивностью и выдержкой. Бывают, однако, моменты, когда решительно все нырки исчезают под водой. Такие моменты нужно использовать для перебежки от заслона к заслону. Когда же станет очевидным, что еще всего несколько шагов приближает уже на верный выстрел, то можно смело подбегать, хотя бы некоторые птицы и оказались на поверхности. Лучше, конечно, выбирать моменты, когда большинство птиц нырнуло. Если нырков небольшое количество, полезно, стоя еще за заслоном, произвести приблизительный подсчет птицы, чтобы по количеству нырнувших выбирать момент подхода. Прежде всего нужно, понятно, следить за поведением тех птиц, которые находятся ближе и при окончании благополучного подхода окажутся на ближнем выстреле.

Охота с чучелами. Удобные места, соответствующие вкусам уток, существуют на любом утином водоеме. Поэтому пролетающие утки садятся преимущественно на одних и тех же местах, хотя бы пролетали и в разное время, не встречаясь.

Если на такие места для придания им безопасного спокойствия поместить чучела, то, несомненно, утки, особенно кряква и чирки, будут подсаживаться с меньшими предосторожностями.

На этом основана охота летом и осенью с чучелами и профилями тех уток, которые обыкновенны в данном месте. Охотиться можно и на зорях, и днем, особенно там, где утки часто перелетают с места на место, трево-

жимые рыбаками. Зная, где присаживаются и пристают вообще утки, можно пользоваться помощью загонщика, который нагонит их к чучелам.

Устройство шалаша или вообще прикрытия для стрелка подразумевается само собой. Пользование подсадною уткою, в особенности при дневной охоте, вряд ли целесообразно, тем более, если она криклива. Кряканье, слишком самоуверенное среди бела дня не в брачный сезон, практикуется дикими утками только при испуге, а потому голос подсадной может скорее удивить или испугать, а не подманить ее сородичей.

При этой охоте следует стрелять в лёт каждую утку, пролетающую на верном выстреле, так как не всякая, намеревающаяся как будто сесть, садится на самом деле.

Охота с подъезда. Охота эта может осуществляться со времени, когда утки хорошо поднимаются из зарослей и крепей от приближения челна. Приблизительно этот период начинается со второй половины августа, не раньше. При нормальной продолжительности осени лучший месяц для охоты с подъезда — октябрь. Но так как, в зависимости от местности и погоды, октябрь в одних случаях будет месяцем средне-осенним, а в других и поздне-осенним, то, не определяя календарно, можно сказать, что лучшее время то, когда кряква запасется жиром и пухом, т. е. находится в зимнем состоянии. Такое созревание наступает обыкновенно в последний предотлетный месяц. В этот последний период своего пребывания у нас кряква становится матерой и жирной; молодежь внешним образом сравнивается со стариками, правда, уступая несколько в весе. Птица покрыта красивым прочным пером, селезень одет в брачный наряд, вся кожа подернута нежным белым пухом, в ощипанном виде утка схожа с комком столового масла.

Обыкновенно многие охотники, думая, что с конца августа или с сентября к крякве уже не подъехать, пользуются всяким удобным и неудобным случаем пальнуть в утку, не осуществляя описываемого способа охоты.

Нет сомнения, что кряква — птица строгая, осторожная по природе. Но когда самые осторожные виды животных постоянно сталкиваются с человеком, то и они не в силах неизменно удаляться от опасности, а пользуются нередко затаиванием. Так поступает и кряква, вылетая не при каждом постороннем звуке, не при каждом появлении

человека на любом расстоянии, не при каждом проезде рыбака. Даже то затаивание, которое заканчивается взлетом только при явной опасности, также привело бы к спасению, если бы не смертоносное оружие, изобретенное человеком.

Надо помнить, что кряква всех возрастов обоего пола линяет и долинивает в сентябре, а в октябре у всех идет ожирение и прорастание пуха. Линька и прорастание пуха — явления, не безразличные для организма; эти явления вызывают потребность птицы в покое, заставляющую ее отбиваться от более подвижных сотоварищей, затрачивать по возможности меньше энергии и искать вообще условий, дающих наибольший покой; к тому же птица ожирела. Эти явления толкают уток в крепь, где они и затаиваются — одни больше, другие меньше, — и этими повадками вновь становятся несколько похожими на тех уток, которых охотники с успехом стреляли в августе.

Хотя кряква грузна, но сторожкость ее не уменьшилась. Мощность крыльев увеличилась, так как линька проходит или прошла; ствол маховых перьев крепок, и летательный аппарат неутомимо несет ожиревшее тело, лишь бы подняться, минуя сплетения камыша и нависшие с берега корявые ветви кустов. Однако ожирение и влияние его на подъем часто помогают охотнику украсить дно челна прекрасными ржаво-бурыми и аспидно-седыми кряквами.

Грузно медленный начальный взлет нередко склоняет сидящую под прикрытием растений утку притаиться, когда она заслышит движение лодки. Затаивание происходит иногда и вследствие затруднений во взлете непосредственно с места сидки в тех случаях, когда утка заползает или вплывает на дневку под густое прикрытие или сплетение камыша. Для того, чтобы вылететь, надо прорвать такую покрышку, а накоротке, не размахавшись, это не так-то легко сделать, да и слишком шумно и рискованно, так как можно легко заломить маховое перо. Для того, чтобы вылететь, нужно, следовательно, первоначально выползти или выплыть из-под прикрытия.

Часто стайка крякв, заплывшая на отдых в надломленный, переплетающийся на плесе камыш, не вылетает, а пропускает лодку, так как ей нужно сначала выплыть в противоположный закраек и сняться уже с чистого места. Боясь таких положений, кряквы большею частью

садятся на дневку в такое место, которое позволяло бы им свободно вылетать по любому направлению.

В этом периоде внешний вид кряквы изменяется: шея ее кажется значительно короче, вследствие утолщения подкожным жиром и пуховою одеждою, взмахи крыльев при взлете учащеннее, а результат этих взмахов менее действительный. Иногда даже, когда расстояние или освещение не позволяет разглядеть подробности, мелькает мысль: что это за порода, что это за нырок?

Для охоты требуется крепкая одновесельная лодка или челн. Построение и размеры судна должны обеспечить легкое и наивозможно бесшумное передвижение по тростникам и камышам, а также устойчивость, так как охотнику приходится стоять и поворачиваться. Кроме того, судно должно гарантировать безопасность от волн, которые частенько гуляют в этом сезоне по озерам и мечут на берег пенистые уступы.

Охотнику следует стоять на первой примерно трети длины судна от носа. Там имеется уже значительное расширение, дающее возможность поворачиваться. Носовую часть не следует перегружать во избежание затруднения хода. Стояние на середине лодки может помешать гребцу при переводе весла с одной стороны на другую.

Древко весла должно быть достаточно длинным, чтобы не только грести, но и отталкиваться, упираясь в дно, водоросли и т. п. Гребцу необходимо быть опытным в деле управления лодкою и знать образ жизни и привычки уток. Он должен, безусловно, обладать физическою силою и понимать, насколько успех охоты зависит от его мастерства. Ему должно быть известно, где и как проехать в крепях, где выгоднее подгрести, где пропихнуться и поскорее сократить расстояние в благоприятный момент до предполагаемого места пребывания уток, да при том не набурлить, не наплескать веслом и не задеть за такие встречные предметы, которые могут произвести шум и дать иногда резкий толчок. Кроме всех этих качеств, желательно, чтобы гребец обладал хорошим зрением, замечал точно место, куда падает убитая или подраненная птица. Охотник должен быть вынослив. Неподвижное напряженное стояние часами в лодке при свежем ветре на большой воде, да еще с ружьем наготове, — занятие нелегкое. Нужно, кроме того, и умение стоять в лодке, и опыт в стрельбе при качке, так как не всегда попадаются ует-

ные уголки, где ветер достаточно шелестит камышами, не поднимая волны.

Очень помогают делу острое зрение и такой же слух. Для охоты избирается ветреный день, чтобы камыш и тростник заглушали своим шуршанием, а волны своим плеском подъезд лодки. По этим соображениям подъезжают против ветра.

Наступает подходящий день. Ветер неослабно гнет верхушки берез, они даже не разгибаются, а пустили по ветру свои гибкие щупальцы, согнулись, растопырили прутья, как пальцы, да так и застыли, будто мчась с ветром. Шипит ветер в хвое, сосенки кисточками отмахиваются, а ели руками машут. На озере волна за волною бежит, некрупная, но бойкая, белых чепчиков не одевает. Тростники в одну сторону метелки откинули — что конские хвосты на ветру. Много тростинок переломилось, склонилось и поредевшую стенку решетят. Камыши бурые, охристо-ржавые, пятнистые переплелись и воду пьют, а в заводниках да за ветром стоят еще гордые — мороза дожидаются, с рябью водною граненою перешептываются и от плеса валом опревшего хвоща да своими обломками отгородились.

Между берегом и камышом проточина, топкий берег, рисунчатый — выступами; под берегом за пучками черного хвоща сидят кряквы — ощипываются, из них один селезень, в бархатной голове зоркий глаз блестит — ворочается, сквозь стену камыша проглядеть хочет и к небу щеку подвертывает, а под белым галстуком шоколадная шея густо лоснится. В камыше пара уток плавает, голову на спину закинули — клюв под крыло, дремлют, покачиваются.

Как подъехать к уткам, чтобы они вылетели на досягаемом расстоянии? Где именно сидят они: в длинной ли полосе камыша, шириною в выстрел, или под берегом? Между камышом и берегом проточина. А берег тоже утиный, с бухточкой, подернутой хвощом.

Ехать надо против ветра. Но ехать ли камышом, скрываясь от глаз зоркого селезня, настороже сидящего в первых хвощинках за проточиной, или же, боясь нашуршать в камышах, — проточиной? Если ветер достаточно шумит, а камыш не слишком полег, мешая движению лодки, следует выбрать путь по камышу, держась близ опушки, не вдоль плеса, а вдоль береговой проточины, и так, чтобы

камыш скрывал вполне лодку от берега. Так выгоднее: можно рассчитывать на расстоянии выстрела поднять уток из-под берега и стрелять также застигнутых в камыше. Надо выбирать во всяком случае путь, дающий шансы остаться не замеченным утками и представляющий возможность более близкого выстрела.

Быть замеченным значительно хуже, чем быть услышанным. По этой причине подъехать к утке в камыше или тростнике легче, так как сетка этих растений хорошо скрывает лодку; при обнаружении же опасности слухом утка обыкновенно сперва несколько отплывает к плесу и снимается уже в закрайке камыша. Вот почему, когда охотятся по камышовым или тростниковым зарослям на плесах или около них, следует ехать камышом, держась от плеса на расстоянии верного выстрела.

Если заросли не слишком широки и плесо находится по обеим сторонам, ехать следует серединой заросли.

Попадаются места, представляющие собой залив с хорошими однородными крепями. В таком месте, если весь полукруг залива не более двух-трех выстрелов расстояния, следует врезаться в середину.

Как всякая птица вообще, утка поднимается грудью против ветра, а затем поворачивается — выправляется — и летит по ветру, облегчая свою работу и увеличивая этим скорость. Это полезно помнить.

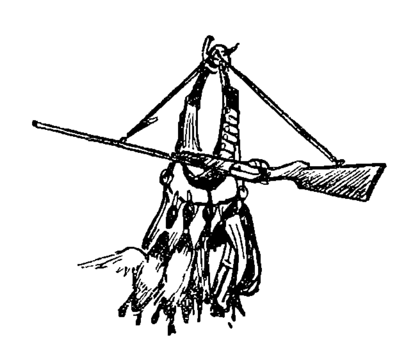
Хотя утка птица большая и при подъеме производит значительный лопот своими длинными крыльями, тем не менее заметить или заслышать ее без малейшего опоздания не так просто, если не напрягать всего своего внимания. Надо принять в соображение, что сильный утомляющий зрение ветер, гудение, шелест, движение камыша, мелькание кистей тростника, наблюдение за передним полем и окарауливание флангов держит охотника в достаточном напряжении и при малейшем ослаблении как внимания, так и готовности к выстрелу расстояние между стрелком и снявшейся птицею успеет значительно увеличиться, прежде чем сноп дроби, сильно уже рассеянный, догонит птицу. Зевать положительно нельзя: часть взлетов происходит вне выстрела; часть птиц взлетает на расстоянии дальнего выстрела; примерно около трети птиц — на расстоянии верного выстрела; некоторые же утки взлетают за плечом, сзади, и, почти невидимые, за линией камыша или тростника, на высоте ниже их.

Повторяем, полет кряквы быстр, и если упустить момент на взлете, где она имеет обыкновение «прокопаться», расстояние незаметно становится недосягаемым, в особенности если птица принимает угонный полет, да еще по ветру. И такое быстрое исчезновение добычи почти из ваших рук делается на совершенно чистом месте, где не мешают ни кусты, ни стволы деревьев, как на многих других охотах! Внимание, напряжение и волнение охотника, сторожкость и крепость птицы, ее хороший вес и красивый вид делают охоту очень интересной.

Для успеха надо знать повадки и образ жизни крякв вообще, прибегать к некоторым маневрам на лодке, быстро обдумав их, как при окладе зверя на ходу, и вместе с тем стрелять чисто. Подбить птицу на суше при охоте с легавой — равносильно тому, что получить птицу в руки, хотя и с меньшим удовлетворением, чем при четкой стрельбе. Подбить же утку — совсем не значит получить ее. Если береговые крепи значительны, если имеются поблизости заросшие плотными водяными растениями пространства, а ранение таково, что позволяет утке плыть и нырять, дело почти пропащее и легче, пожалуй, найти и убить другую. Раненая утка, имеющая достаточно силы для спасения, уходит обыкновенно к береговой крепи.

В смысле стрельбы охота эта чрезвычайно привлекательна. Стрельба крякв осенью с подъезда служит экзаменом и охотнику и ружью.

Необходимо употреблять номера дроби, дающие больше шансов на серьезные ранения наивозможно большего количества частей тела, что уменьшает возможность движений подранка. Естественно, что мелкие номера (5—6) выгоднее.

ОХОТА НА ГУСЕЙ

Эта популярнейшая птица является одною из самых интересных по добыче. Охотничий интерес к гусю основан не только на его величине и удовлетворительном мясе, но и на трудности его добывания.

Не так давно наиболее распространенным гусем был серый гусь, теперь уже значительно выбитый и вытесненный человеком из подавляющего количества местностей северной, средней и южной полосы, где он гнездился. В настоящее время наиболее часто встречаемым на пролете гусем является гуменник, сохранившийся благодаря тому, что он гнездится далеко от населенных мест — в притундровой и тундровой полосах. Поэтому при описании охоты на гусей нет надобности упоминать о других попадающихся видах этой птицы, тем более что по гуменнику можно составить себе представление и о других гусях для процесса охоты. Принимая во внимание, что весенняя охота на перелетах имеет много общего с таким же осенним способом, достаточно ограничиться описанием осеннего сезона.

Главная пища гуся, пока он начал свои перелеты на кормежку выводками и стадами, состоит из водорослей и некоторой животной пищи, находящейся в водах. Как

только гусь поднимается на крыло (это относится и к перелинявшим старикам и к взматеревшим молодым), — основная пища промышляется на суше.

Травы лугов, сельскохозяйственные растения (овес, греча, горох, просо, рис, пшеница, кукуруза, чечевица, бобы и т. п.), особенно ржаные зеленя, — манят гусей, и они летают в определенные часы утра или вечера по определенным путям, словно выполняя расписание.

Постоянство, с каким гуси посещают определенные места кормежки, сильно сказывается примятостью травы, посевов, оставшимся пометом и другими признаками, которые нередко открывают кормежки и надоумят охотника поохотиться на гусей на перелете.

Эта охота производится как в местах, где гусь выводится, так и на остановках его на перелете. В местах вывода гусей вылет на жировки начинается в августе. Период этот совпадает с разгаром утиных перелетов. В местностях же, где гусь бывает только на пролете, охота на перелетах имеет место со времени появления гусей и остановок их в том или другом районе. Сроки охоты на пролетных гусей бывают поэтому разные, так как гуси принадлежат к птицам, валовой пролет коих совершается дружно или затяжно, в зависимости от продолжительности и характера осени.

Около 25 сентября в средней полосе РСФСР показываются передовые станицы гусей. Но это новички-торопыги; вся стенка их сидит еще в крепких зарослях камышей на разных водах, в разных районах и, добывая обычную пищу, находит, что торопиться некуда: водоросли не опрели, семена их не потонули, мелкая рыбешка вертится на тех же местах, заморозков нет.

Прошло еще дней двенадцать, — и вдруг вожатые всех станиц в разных местностях нервно, поспешно снимаются с места и, поднимаясь мало-помалу в высоту, выравнивают свои эскадрильи, спешно отлетают, постоянно встречая то опередившие их станицы, то догоняющие, то следующие с боковых направлений.

Удивительное зрелище: мутное октябрьское небо, ровное, без облаков, как будто купол обтянут выцветшим серым ластиком, внизу бурые поблекшие тона лугов, жнивник, шоколадная щетинка лиственных деревьев, бархатная хвоя, изумрудные зеленя, мутнортутные воды, а небо, как море во время грандиозных морских манев-

ров, — все «в кораблях». И куда ни посмотришь, — всюду либо треугольники, либо длинные то провисающие, то выправляющиеся нити гусей, как бусы... И все это передвижение — мобилизация из разных отдаленных друг от друга местностей — совершается стройно, дружно, одновременно, верно и точно без помощи часов, календаря и компаса!..

Обычный валовой пролет гуся происходит в средней полосе в первой трети октября. Иногда он происходит однодневно, иногда растягивается на много дней. Иногда гусь валит валом, идет низко и торопливо. Какая-то неровность замечается в движениях и неумолчном гоготании, происходят частые сбивки в построениях, вследствие чего птицы попадают в сколыхнутые предшествующими особями воздушные волны. Тогда при поспешном отлете станица густо летит за станицей. Обыкновенно густой торопливый отлет свидетельствует о приближении значительного снегопада или ледостава.

Пролетающие гуси останавливаются в разных местностях и на короткое время, если условия наступающей погоды (снег или мороз) торопят их, и на довольно долгое время при благоприятных условиях продолжительной осени.

Так как при нормальной продолжительности осени пролет гусей идет постепенно, то одни стайки, отгостив, заменяются другими.

Кроме остановок длительных, с соблюдением известного расписания в дневном и ночном образе жизни, уставшие в пути отсталые гуси (чаще это бывает с небольшими стайками) останавливаются на зеленях — на незначительных даже открытых полях и кормятся там же, где остановились, никуда не летая на жировку.

Гуси обычно делают более длительные остановки на равнинных низменностях около озер и рек или на песчаных отмелях. На пользовании гусями определенных воздушных дорог с соблюдением известного расписания в посещении кормежек и возвращения с них основана охота на перелетах. Охота на гусиных перелетах в этом отношении сходна с такою же охотою по уткам. Предварительно надлежит точно выяснить те пути, которыми гуси пользуются на перелетах. Особенно важно выбрать место засидки там, где гусь пролетает вообще не высоко, либо снижается, либо идет, хотя и не изменяя высоты, над бо-

лее возвышенными местами. Выгодно, например, выбрать иногда высокий берег реки, под гребнем которого удобно устроить яму для засидки.

В отличие от утиных перелетов при охоте на гусей чрезвычайно важно позаботиться, чтобы фигура стрелка не была заметна — не маячила бы.

В зависимости от местности охотники либо ставят шалаши, если приходится располагаться в зарослях низкорослых кустарников, либо (чаще всего) помещаются в специально вырытой яме, которая тщательно маскируется травой, ветвями, песчаным валом и т. п. материалом, в соответствии с окружающей обстановкой.

С водоема, где гуси провели день, они станицами летят на кормежку вскоре после захода солнца, видимые издали караулящим их охотником. Постепенное приближение плавно, но быстро летящей крупной сторожкой птицы, все явнее и явнее слышимое гоготанье представляют собой захватывающую картину.

Плавный полет и величина птицы создают представление о сравнительно медленном продвижении ее; на самом же деле гусь летит быстро, и быстрота полета для верности стрельбы должна быть строго принята во внимание.

Покормившись на вечерней заре, гуси возвращаются на ночевку иногда на то же место, где провели день, но чаще на другое озеро или реку, останавливаясь, как уже было указано, на низменных берегах и реже на воде.

Перед рассветом гуси вновь летят кормиться на те же поля и возвращаются непременно обратно на раз избранное место дневки.

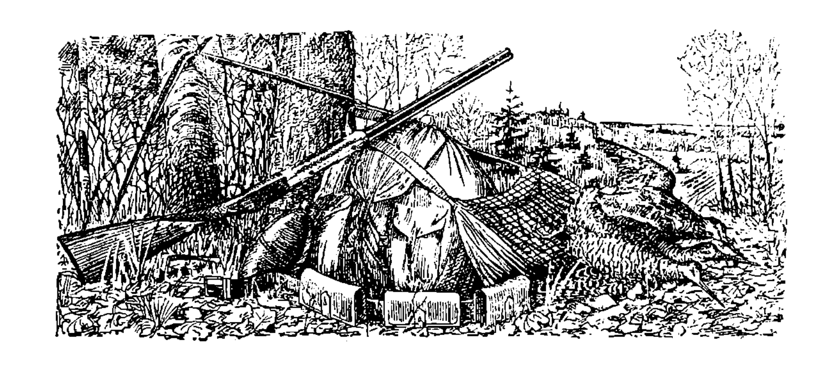
Таким образом, суточная охота на перелетах может выразиться в стрельбе гусей при пролете их с дневки на кормежку, а иногда и при возвращении с кормежки на ночлег; затем — при следовании их на кормежку на рассвете и возвращении на дневку.

Стрелять гусей слишком крупною дробью — ошибочно. Обычно номер 1, дающий больше вероятия на поражение одного из убойных мест, — выгоднее нулевых номеров.

Кроме описанного систематического способа, существуют и другие, но они зависят от случая. Так, иногда осенью небольшая станичка гусей приживется где-нибудь на полях. У гусей очень быстро развивается привязанность к облюбованному месту, где они благополучно, без тревог, провели хотя бы короткое время. К такой ста-

ничке, особенно расположившейся с прилета, усталой, случается не только подъехать, но и подойти на выстрел. Нередко удается и нагон таких гусей или засидка в том месте, где они расположились. Если таких гусей стронуть, конечно, не выстрелом, то они, обычно сделав облет, возвращаются снова на то же место.

ОХОТА НА ДУПЕЛЯ

В местах, обильных дупелем (местным и пролетным), к сожалению, встречающихся все реже и реже, дупель является птицею, останавливающею внимание как охотников-любителей, так и промысловиков.

Дупель — единственная мелкая дичь, которую охотно стреляет и охотник с промысловым уклоном.

Не только вылет птицы почти из-под ног охотника, но и довольно ровный, плавный, не слишком быстрый полет с небольшими перелетами заставляют стрелять ее, не жалея заряда. Но главным образом к этому побуждает охотника упитанность дупеля, сильно жиреющего к началу сентября. Осенний дупель по величине увесист, широкая грудь имеет довольно значительные, опять-таки сравнительно с величиной птицы, отложения мяса, покрытого нежным жиром и тонкою кожицей. Осенью при падении стреляного дупеля кожица на груди легко лопается и проступающий жир осаливает перышки на груди.

Самым интересным и оживленным временем охоты на дупелей является не начало сезона, а спустя примерно месяц, когда местные дупеля сосредоточились в определенных местах, а пролетные подваливают. Дупель с начала сезона и до конца его представляет собою птицу

качественно несравнимую. Покос полевых трав в хлебных полях и на луговинах, вкрапленных в поля, обкашивание канав, жатва яровых хлебов сгоняют местных дупелей кучнее на определенные типичные низменности в виде пожней или потных лугов, на которых уже отросла атава.

Дупель не любит ни топких, ни моховых, ни водяных болот, он предпочитает влажные или потные места с невысоким травяным покровом. Если место водянисто или трава высока, — дупеля не следует там искать; целесообразнее обследовать закрайки к сухому берегу, к спайке с суходольными местами, где обыкновенно и почвенные условия и травяной покров удовлетворяют эту птицу. Часто к болотам или пожням, водяным, осочным, примыкает сухая площадь, поросшая белоусом; хотя такой участок, обыкновенно несколько замшившийся, мало пригоден для кормежки дупеля, но для его дневки он является одним из излюбленных мест. Жесткая щетина белоуса при достаточной высоте растительности и, главное, по цвету, словно волчья и барсучья шерсть, прекрасно защищает дупеля. На мягком, несколько мшистом полу он удобно покоит свое нежное туловище. Если на границе таких участков дупелю есть где покормиться, тогда лучшего места и желать нечего.

Дупель живет в осоке пожней и в полевых травах лугов, а на пролете садится всюду по открытым местам с соответствующим наземным прикрытием и подходящею влажною или потною почвою. На пролете дупеля часто останавливаются на сухих пустырях, жнивниках и клеверищах.

Дупель предпочитает травяной покров скорее редковатый покрову плотному, а тем более высокому. Очень характерны для дупеля места с наличностью среди сухих площадей небольших участков, на которых в ямках и углублениях стоит просачивающаяся подпочвенная вода, отличающихся черною перегнойною землею, кочками и реденькой полевой травой.

Равнины, представляющие собою однородные, подходящие для дупеля площади, привлекают как местных, так и пролетных дупелей, отыскивающих такие места не только инстинктом, но и путем переклички на пролете с живущими на этих местах экземплярами.

Дупель — спокойная, смирная птица, выдерживающая длительную стойку собаки.

Дупель делает короткие наброды и залегает около пучка трав или около кочки. Лень и нега сквозят во всех его повадках. Не желая лететь из-под стоящей над ним собаки, он выпрямляется на своих зеленовато-серых лапках и, как будто обидевшись, подвигается вперед несколько шагов, останавливаясь в сетке метельчатых трав, опустив свой клюв, словно шпагу.

Сделав наброды, дупель не всегда, однако, остается тут же на дневке, он иногда вспорхнет и, отлетев незначительное расстояние, бесследно заляжет. Эти перемещения, хотя и ближние, часто сбивают собаку, которая, делая потяжку по свежим набродам, замирает не по птице, а по сильно насиженному месту. Но на это обижаться охотнику не следует: на самом деле дупель только что находился тут и основательно насидел теплое местечко. Собака подвинулась, удивилась отсутствию птицы и, пустившись было делать проверочный круг, ве́рхом прихватила по легкому ветерку дупеля, засевшего поблизости от первой сидки.

Собака, отличающаяся склонностью к низовой следовой работе, припадает, ползет на дупелиных набродах, пригибается, скрывая себя из-за боязни спугнуть дупеля, пропитавшего, повидимому, запахом своим исползанную им траву.

Работа собаки по дупелю разнится от работы по серым куропаткам или бекасу значительно более медленным продвижением, отсутствием длительной потяжки; работая по дупелю, собака часто на двух-трех шагах продвижения склоняется то вправо, то влево. Верхочутая собака нередко делает на свежих набродах короткую стойку, а затем, после подводки, уже отмечает птицу твердою стойкою.

Дупель часто размещается небольшими группами по две-пять штук. Птицы сидят в нескольких метрах одна от другой. Поднимаются они поодиночке из-под отдельных стоек собаки. Найдя дупеля, надо обыскать подробнее место вокруг. При охоте, особенно во время пролета на небольших площадях, вкрапленных в неподходящие для дупеля угодья, следует внимательно оглядеть, нет ли поблизости еще хотя бы самой незначительной мочажинки, в надежде найти и там дупеля.

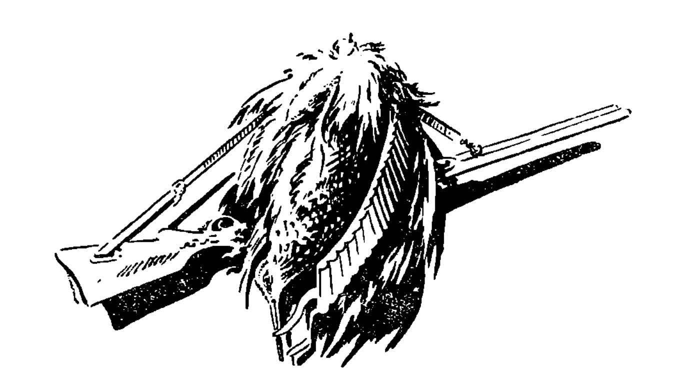
Дупель на взлете не всегда молчалив, он имеет привычку глухо «квакать». Голос его несколько схож с тем звуком, который получается, если провести ногтем по

насечкам деревянной части ружейного цевья. В этом голосе словно звучат лень и сожаление по поводу причиненного беспокойства.

Пролет дупеля в средней полосе обычно длится в течение двух недель или месяца (начиная с 1 сентября).

Дупелей следует стрелять 8-м номером дроби, отпуская подальше, чтобы не разбить. Стрельба дупелей является одною из наиболее легких; однако при тусклом или сумеречном освещении, да еще в ветер, стрельба летящего низом угонного дупеля нелегка.

Характер дупелиных мест и повадки дупеля делают эту птицу очень удобной для обучения легавых.

ОХОТА НА БЕКАСА

Нет птиц из разряда дичи, столь схожих между собой по внешнему виду, как бекас и дупель.

При всем их внешнем сходстве они представляют, однако, птиц с разными характерами и повадками.

Конечно, опытный охотник отличит дупеля от бекаса по полету и по манере распластывать крыло, однако на расстоянии ожиревший бекас может быть ошибочно принят за молодого дупеля, и наоборот.

Убитую птицу уже легко распознать: у бекаса брюшко отличается белизной, а у дупеля оно в грязно-серой ряби.

Характер токования этих птиц уже показывает, насколько бекас подвижнее дупеля и сильнее своими летательными способностями.

Бекас и дупель живут часто на одних и тех же местах. Присутствие дупеля на том же участке болота, где и бекас, не доказывает, однако, что дупель расположился в условиях, вполне отвечающих его потребностям. Но если поселение дупеля возможно на типичных бекасиных болотах, то, наоборот, бекас очень редок в характерных дупелиных сухих или потных угодьях.

Болота, на которых встречаются бекасы, бывают различные: моховые, травянистые с редким лесом, мшистые

плавни с плешинами обнажившейся перегнойной земли, осочистые пожни — водяные, где часто встречаешь болотную курочку, пожни без застоя воды, с растущей осокой по образовавшимся кочкам, между которыми имеются грязевые просветы, луга со смешанными травами, полевыми и болотистыми, с влажными участками, ограниченными осокой. Ни моховые болота, ни пожни водяные с высокой травой, ни мшистые места не являются типичными бекасиными угодьями. Бекас любит невысокий травяной покров с грязными проходами и площадями между травами и отдельными участками травы и кочками. Очень хорошие места представляют собой влажные пожни, когда на них попасется некоторое время скот и размесит, разгрязнит землю, оставив достаточный травяной покров необъеденным.

Бекас умеет хорошо таиться в незначительной траве, да и немного надо прикрытия этой небольшой птичке. Подвижность бекаса и его довольно широкие облеты часто заносят его в не очень-то подходящие для него места, куда он, налетавшись, падает с высоты на отдых.

Иногда вдруг встретишь бекаса в довольно отдаленном от полей моховом сосновом водяном болоте; часто поднимаешь бекаса и в других неподходящих местах, правда, находящихся вблизи коренных бекасиных мест.

Бекаса можно встретить и на крохотной мочажинке среди полей. В засушливое лето, когда на болотах не остается ни влаги, ни грязи, бекасы живут по берегам водоемов.

Бекасы во время охотничьего сезона живут одиночками. Однако на пролете бекасы соединяются в значительные стайки. Они сосредоточиваются также в порядочную компанию, когда среди малоподходящих обширных угодий, слишком сухих, травянистых или залитых водой, остается весьма подходящий небольшой участок, например грязевые жилки среди осоки или топкие плешины среди травянистых кочек. На это место сваливаются не только бекасы, которые жили на всей площади прежде удобного болота, но и бекасы, кочующие в поисках хороших угодий. Отмечая эту склонность бекаса к кучному скоплению на удобных угодьях, надо также сказать, что птица эта в таких случаях поднимается дружно, но, поднявшись, рассеивается.

Охота в таких местах с легавой не может быть успешна по причине строгости птицы, одновременного

подъема стаей, да, кроме того, и вследствие обыкновенно затруднительного передвижения охотника из-за топкой почвы. Собаке не удается сделать стойки по стае бекасов. В таких случаях практикуется подход без собаки. По взлетевшей стайке приходится иногда сделать выстрел — другой... После этого охота прекращается, так как разлетевшаяся птица рассаживается, за отсутствием удобных площадей, в самых разных местах: густом болотистом мелколесье, на незначительных островках среди водяного болота и т. п.

Бекасы очень чутки ко всяким изменениям, происходящим на угодьях, где они живут. На водяных пожнях и болотах, вдоль рек уровень воды часто неустойчив: он зависит от расположенных на реке мельниц. Засушливая или чрезмерно дождливая погода влияет на качество бекасиных болот, и, в зависимости от изменения их к худшему, количество птиц резко изменяется — уменьшается.

Подвижность бекаса, его повадка отлетать на ночные кормежки, широкие немолчаливые облеты и искусный летательный аппарат очень помогают ему определить расположение подходящих мест, и он, не задумываясь, меняет плохое на лучшее, совершает кочевки, отлетая на значительные расстояния. Бекас привязан более к качеству места, чем к самому месту, чего нельзя сказать про многие виды других птиц.

Приведенные причины часто приносят разочарование охотнику, пришедшему поохотиться с легавой на коренные бекасиные места, но, с другой стороны, охотник иногда неожиданно нападает на обилие бекасов там, где их почти не было ранее.

Бекас, в отличие от дупеля, более щедр на подачу голоса. Он в большинстве случаев не только поднимается с голосом, но продолжает крик, пока не скроется из вида. Звук его голоса передается приблизительно слогами: «кэтч, кэтч».

Охоту на бекасов, в отличие от охоты на многие виды другой дичи, можно производить с одинаковым, если не с большим успехом, не только в утренние или предвечерние часы, но и в течение всего дня, за исключением слишком знойной погоды, вызывающей осложнения в работе собаки и ходьбе охотника.

Спугнутые бекасы держат себя по-разному. Одни поднимаются молча, держа крылья высоко над спиною, и

снова садятся, перелетев небольшое расстояние, другие срываются с криком, как бешеные, мечутся и вправо, и влево, забирают высоту и исчезают из вида; третьи, крякнув при взлете, летят ровно — угонно, невысоко над травой и, пролетев метров семьдесят пять, садятся. Есть и такие, которые поднимаются постепенно вкось выше и выше, становясь похожими на фоне неба на вертлявых стрижей. Почти скрывшись из вида в отдаленной выси, они вдруг начинают приближаться, крупнеть, становятся видными белизной брюшка, бурым оперением и с высоты камешком падают недалеко от места, откуда были подняты, как будто эта вынужденная воздушная прогулка доставила им удовольствие и развлечение.

Бекасы, прилетев с ночной кормежки, делают небольшие наброды и остаются около них на дневке. Обыкновенно бекас не бежит из-под собаки в хорошем типичном месте, однако в местах, не совсем подходящих, а тем более, где проходят часто люди или где временами пасется скот, они удирают от наступающей собаки и охотника. Такие бекасы способны бежать весьма продолжительное расстояние, и, приняв во внимание довольно нелегкую ходьбу, надоедливы, тем более, что нередко слетают на потяжке.

Охота по бекасам является охотой исключительно спортивно-любительской и как таковая среди охот этого типа стоит на первом месте по многим причинам, из коих главными являются: трудность стрельбы, простор, позволяющий делать и ближние и дальние выстрелы, хорошие условия для проявления высоких полевых качеств легавой и беспрерывное нахождение собаки на виду.

Неосновательны поэтому мнения некоторых охотников, осуждающих эту охоту. Неосновательны они так же точно, как несправедливо и пренебрежительное отношение у некоторых к охоте на уток. И то, и другое отношение в большинстве случаев основано на недостаточном знании того или иного вида охоты и, не оправданное доказательствами, покоится на личном вкусе и привычке.

...Сначала ходишь по просторному болоту, не управляя поиском собаки, не замечая различных особенностей угодья, но вскоре начинаешь примечать разницу некоторых участков по высоте, густоте, породе трав, по степени заболоченности, по особенностям почвы и многим другим признакам. В следующий же раз по этим признакам на-

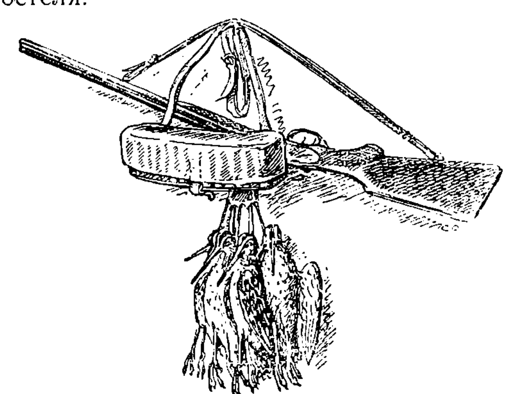
чинаешь мысленно делить болото на дупельное, бекасиное и гаршнепиное, — разбросанные кое-где ивовые кустарники служат вехами, — и выхаживаешь болото длинными полосами, ширина коих охватывается размашистым поиском собаки.

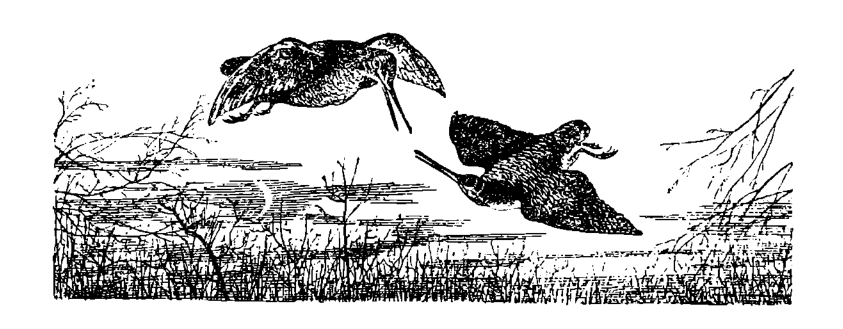
При охоте на открытых местах вообще и на болоте в частности, где движение воздуха не задерживается препятствиями в виде деревьев, естественно, следует выбирать свой путь против ветра, предоставляя этим собаке одно из наилучших условий к использованию чутья.

Бекасы к осени сильно жиреют. Их подвижность, повидимому, не позволяет им достигать, за редкими исключениями, степени ожирения дупеля. Они становятся тогда менее верткими и быстрыми на лету и перемещаются хотя и дальше дупеля, но все же ближе, чем в более раннем сезоне. Стрельба бекасов поэтому в сентябре несколько легче.

Помимо охоты на больших болотных площадях, на бекасов можно охотиться и на маленьких мочажинках среди полей, где они любят размещаться примерно с половины августа. Если подходящие места не единичны и чередуются с потными низинками для дупеля, то обход осенью таких мест соблазнителен по возможному разнообразию дичи.

На холмистом пустырьке можно поднять серых куропаток; спустившись в низину, где блестит вода, из которой торчит осока, удается взять бекаса, в закрайке же — найти ленивого одиночного грузного дупеля, на травянистой меже овсяного жнивника — встретить перепела, приняв его от неожиданности за птенца-куропатку, а в уединенном кустике с некошеной вокруг травой — убить жирного коростеля.

ОХОТА НА ВАЛЬДШНЕПА

Среди лесной дичи вальдшнеп — единственная прилетная птица. В рядах добычи массового охотника он занимает довольно скромное место, не имея промыслового значения. Способы охоты на него носят преимущественно любительский характер.

Но если вальдшнеп занимает менее видное место по описанным причинам, то среди охотников с легавой он считается весьма ценною и интересною добычею, к которой охотники относятся с особым вниманием. Этот единственный лесной кулик занял в сердце охотника немалое место, благодаря прославленной весенней тяге, встречам во время охоты с легавой по лесной дичи вообще и весьма привлекательным осенним высыпкам.

Вальдшнеп очень интересная и оригинальная птица. Его широкая угловатая голова, большой черный вдумчивый глаз, умение, особенно осенью, выбрать подходящую его окрасу обстановку, смирная лень, когда можно, и резвая прыть, когда нужно, сделали вальдшнепа в глазах наблюдателя «рассудочною» птицею. В вальдшнепе, благодаря разнообразным позам на отдыхе, сквозят лень и нежелание взлетать даже при опасности. Иногда же появляются большая подвижность и неожиданная резвость.

Несмотря на кажущуюся простоту, он снабжен природою большой способностью ловко на лету выпутываться из сплетений ветвей и, опустив клюв по брюшку, круто согнув шею, винтом подниматься вокруг ствола дерева, минуя густые разветвления концов веток. Кроме того, эта коричнево-серая птица обладает хорошим умением, выпорхнув из-под ног, заслоняться прикрытием, часто избегая, благодаря этим приемам, гибельного выстрела. Видя даже сидящего или стоящего на вытянутых ногах вальдшнепа в двух-трех шагах от собаки, нельзя определить ни направления, ни характера полета. И это обстоятельство служит одною из причин, делающих стрельбу вальдшнепов трудною.

Только в случаях обнаружения вальдшнепа в самой опушке можно с уверенностью ожидать, что вальдшнеп покажется на чисть. Но нельзя предугадать, как он использует это появление: с тем ли, чтобы, поднявшись повыше, опять скрыться в лесу, или для того, чтобы полететь вдоль опушки, не упустив случая завернуть за угол при малейшем повороте линии лесной заросли.

Большинство птиц на взлете равномерно распластывает оба крыла; вальдшнеп же, как представляется, по крайней мере, умеет в чаще, поджав одно крыло, сильнее и шире заработать другим, усиленно пользуясь хвостовыми перьями в качестве руля.

Вальдшнеп кормится и оживляется в сумерки; глаза его приспособлены к темноте, хотя он, как и водоплавающая и болотная дичь, лучше видит днем, чем в очень темные ночи. Благодаря этому свойству, сумеречное освещение и светлые ночи вызывают в нем оживление, затихающее лишь в темноте.

Несмотря на кажущуюся нежность, вальдшнеп на самом деле птица стойкая к морозам и холодам. Он значительно легче, чем бекас, переносит заморозки и снег.

Прилет вальдшнепа, конечно, зависит от хода весны. Срок его прилета гораздо легче и вернее определить в охотничьем смысле не календарно, а временем, когда со стороны пригрева кое-где к рощам появятся проталины — пежины, несмотря на то, что в лесу еще сплошь лежит снег. Вальдшнеп, стало быть, прилетает рано, оставаясь некоторое время не замеченным охотниками, так как тяга еще не началась, а передвижения свои он делает большею частью в темноте.

Осенью вальдшнеп нередко задерживается на пролете, пока морозы не скуют землю, препятствуя добыванию пищи и под листвой и в мягкой земле или грязи. Выпавший снег на талую землю не так подвигает отлет вальдшнепа, как морозы, особенно такие, которые держатся и днем. Конечно, большинство вальдшнепов не дожидается последних сроков.

Осенний вальдшнеп на пролете в средней полосе РСФСР обыкновенно появляется к концу сентября, хотя и в более северных местностях при мало-мальски сносной погоде его можно встретить еще в двадцатых числах октября.

Тяга. Среди немногих охот тяга не требует ни большой затраты сил, ни расходов. Охота эта — созерцательная и поучительная. На тяге вальдшнепов можно хорошо знакомиться с жизнью леса, с его обитателями в столь бурное время, как весна.

Тяга имеет столько хороших описаний, что вдаваться в подробности красот этой охоты не следует.

Тяга начинается вскоре после прилета вальдшнепов. Коль весна задержалась и в природе еще мало оживления, тяга протекает по напольным местам, кустарникам, от рощи к роще.

Если в лесу лежит почти сплошной снег, а ручеек уже торопливо бежит по лесной поляне, — будет и тяга.

Не успеет зайти солнце, как с проталины из-под елочки поднимается вальдшнеп и тянет над лесом вдоль поля. Освещенный яркою зарею, он кажется крупною темногнедою красною птицею, и лишь брюшко его светлеет кофейною рябью.

Разгар тяги приходится обычно на время, когда в лесу уже станет сумеречно и цвета перьев вальдшнепа не видно. В зависимости от погоды он летит быстрее и тише, ниже и выше. Тихая и теплая пасмурная погода обыкновенно умеряет быстроту и неровности полета вальдшнепа; холодная или ветреная погода влияет на ускорение и различные изгибы линий полета. Высота полета прежде всего зависит от высоты леса. С наступлением темноты вальдшнеп летит значительно ниже и тише. Становиться на тягу в высокоствольном лесу, в надежде удачно пострелять, не следует.

Лучшие места для тяги — довольно значительные площади смешанного леса, не высокого, или, во всяком слу-

чае, с площадями более низких насаждений, над которыми вальдшнеп обыкновенно снижается; наличность полян с группами редкого кустарника или отдельными деревьями весьма желательно, если не сказать необходимо. Просеки и дороги очень помогают следить за перелетами вальдшнепа, ориентируя в выборе наилучшего места для стоянки.

Вальдшнеп любит облетать лес, следуя его очертаниям. Больших чистых мест вальдшнеп избегает, держась тогда опушек. Он охотно, однако, пересекает поляны, пользуясь выступами в них леса, а еще лучше — узенькой грядой мелколесья, соединяющего противоположные опушки. Через небольшие поляны вальдшнеп чрезвычайно охотно пролетает, обследуя и открытые и низкие места в лесу, где блестит вода и имеются кочки. Когда по лесу течет ручей, поросший по берегам кустарником, нужно оглядеть места по его течению в надежде найти хорошую стоянку, сообразуясь с направлением лёта птицы и очертаниями леса. Обследование вальдшнепом ручейков, полянок и вообще подходящих открытых мест среди леса является вполне понятным, если не забывать о цели вечерне-ночного облета его и того обстоятельства, что предметы на открытых местах легче примечаются им, чем находящиеся в гуще леса. Чтобы показать себя, самка вальдшнепа появляется или вспархивает у опушки, или на полянке, или же дает о себе знать голосом из леса.

Выбор места на тяге по вышеописанным признакам не труден, но для того, чтобы сделать выбор, нужно хотя приблизительно знать очертание площади леса. Возможно, что, несмотря на правильный выбор места, вальдшнепы будут тянуть на слишком дальнем выстреле; в таком случае исправлять это приходится уже в следующий раз, поточнее определив место стоянки и приняв во внимание некоторое постоянство, с которым вальдшнеп придерживается определенных путей.

Тяга вальдшнепов идет приблизительно первые 40—60 минут после захода солнца дружно; затем она слабеет и с наступлением темноты прекращается, если не считать отдельных экземпляров, изредка дающих о себе знать характерным хорканьем и циканьем.

Утром, чуть начнет белеть зорька, вальдшнеп опять тянет, однако утренняя тяга короче, слабее и идет вразброд.

Тяга продолжается с ранней весны, приблизительно до июня, но со значительным понижением во второй половине этого периода.

Тяга замечательна своей обстановкой, и среди красочного перехода весеннего вечера в ночь и среди волнующих охотника птичьих звуков, заглушаемых журчаньем воды, нельзя не отметить мелодично-разнообразного, бодрого посвиста певчего дрозда — это положительно песнь торжествующей весны...

Охота с легавой. Этим наименованием объединяется способ охоты с собакою на вальдшнепа двух сезонов — летнего и осеннего. Летний сезон не дает, правда, специальной охоты на вальдшнепов; их стреляют попутно при охоте по лесной дичи вообще. Места, где выводятся вальдшнепы, или, вернее, места, которые они предпочитают для вывода, имеют некоторые характерные особенности, но они не обособлены и сливаются с тетеревиными угодиями.

Молодые вальдшнепы сначала весьма беспомощные создания; они довольно долго не летают, затем летают плохо, пока не окрепнут. Они далеко не столь пронырливые и быстрые птицы, как куриные, которые хорошо умеют укрываться и затаиваться в сплетениях трав и даже в валежнике. Молодым вальдшнепам нужна поэтому большая защита от хищных птиц и в то же время менее травянистый пол, чтобы не запутаться в траве и ветвях. В качестве таких защитных мест вальдшнепом для проживания с семейством избираются преимущественно высокие сухие бестравные места среди леса, поросшие как крупными редкими, так и совсем мелкими елочками или сосняком, под которыми птицы находятся, как под зонтиками; здесь они имеют возможность свободно передвигаться между стволиками мелкого древесного насаждения, не запутываясь в траве. Нередко такие места образуются на прежних порубках, с торчащими пнями, обросшими пучками осочистой травы, где имеются уцелевшие молодые деревья, подножие коих сплошь усеяно хвойным низеньким подсадом. Описанные места часто бывают и боровые, и примыкают к лесному болоту.

Когда молодые вальдшнепы подрастут настолько, что могут самостоятельно кормиться и перелетать нужные расстояния, они перестают держаться выводком, проживая отдельно поблизости и придерживаясь уже более

кормных, лиственных смешанных влажных опушек, сухих пригорков лиственного мелколесья с подсадом ельника, можжевеловых кустов, а где есть ольха, — ольховых зарослей. В последних местах нередко встречаются и тетеревиные выводки. Таким образом, специально вальдшнепиными летними местами могут быть названы только заросли хвойного молодняка, служащие приютом семье вальдшнепа преимущественно до открытия сезона охоты, а иногда и некоторое время спустя. Как видно, охоты с легавой специально по одним вальдшнепам летом вести не приходится.

Охота с легавой по вальдшнепу вырисовывается своей своеобразной привлекательностью на осенних высыпках. В районах севернее средней полосы РСФСР больших высыпок не встречается — как вследствие обширности однородных угодий, где размещается птица, так и по причине большего количества отлетающей, чем прилетающей птицы. Но все же и там в сезон пролета удается поохотиться с легавой на одиночек-вальдшнепов из числа пролетных и нетронувшихся местовых.

Вальдшнеп делает короткие наброды около места своей дневной сидки, меняя ее. Собака, отличая место, где птица только что находилась, от места, в котором она находится, делает часто стойку накоротке.

Работа собаки по вальдшнепу не из легких; она требует и верного чутья и хорошей выдержки, — иначе будут встречаться пустые стойки и спарывание птицы. Вальдшнепы часто сидят под кустом или деревом на виду; близко допуская при осторожном подходе собаку, они при дальнейшем продвижении или шумном подходе мигом взвиваются и исчезают за маквой дерева, как бы скатившись за нее.

Разнообразная и трудная стрельба заставляет ценить удачный выстрел. В чаще стрельба особенно трудна. Не легка она и в более редком лесу, благодаря умению вальдшнепа заслоняться.

Самое лучшее, во избежание того, чтобы вальдшнеп не скрылся в ветвистой макве над головой стрелка, отходить от собаки в сторону, откуда удобнее проследить полет.

Как уже было сказано, пролетный вальдшнеп появляется в средней полосе РСФСР в конце сентября. Без сомнения, осенняя охота на вальдшнепа с легавой является последней охотой сезона по смирной и довольно крупной птице. Это обстоятельство, вместе с высокой

оценкой охотником вальдшнепа, создает особую прелесть охоты на него.

Охота на воде и в капель. Прочие способы охоты на вальдшнепа не являются ни настолько распространенными, ни настолько добычливыми и интересными, чтобы уделять каждому из них отдельное подробное описание и место. К числу способов охоты на вальдшнепов можно отнести охоту на воде, на осенней тяге и в капель *.

Охота на воде основана на потребности не перелинявшего вальдшнепа купаться, а затем и покормиться кстати. Подходящими для купания местами являются, например, мелкие лужи, не поросшие травой, как на лесных полянах, так и в полях и на пастбищах, или же отлогий илистый берег реки. На таких местах подкарауливают повадившихся вальдшнепов на вечерней заре и бьют их сидячими.

Охота на осенней тяге представляет собой подкарауливание вальдшнепов на вечерней заре при молчаливом пролете их из леса на кормежку на озимые поля, выгоны и лужи **. Подметив путь пролета, охотник стреляет в полумраке быстро и низко летящую птицу.

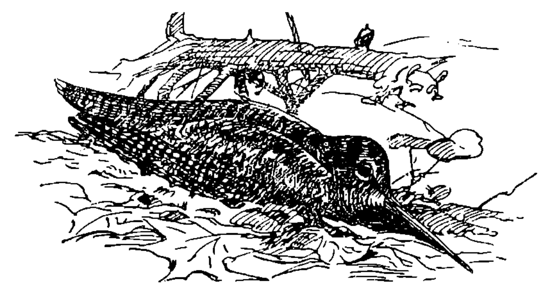
Существует способ охоты в капель. Некоторое значение этот способ может иметь там, где вальдшнепов много, а места, в которых они держатся, чрезвычайно трудны для стрельбы.

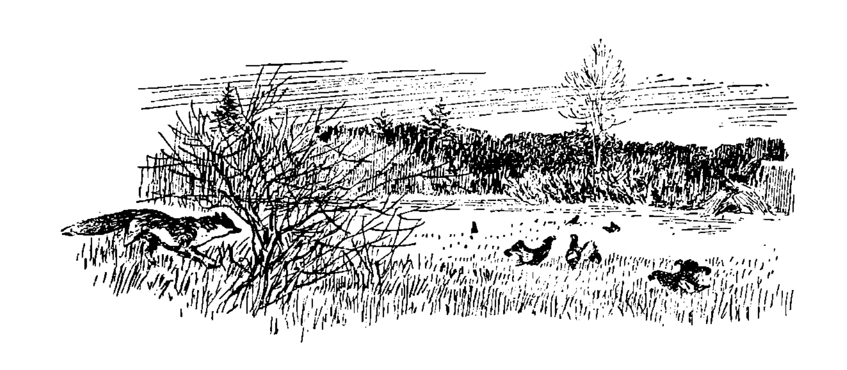
В пору длительных, затяжных дождей вальдшнеп, обеспокоенный постоянным падением с веток водяных капель, приближается к опушкам, отдаляется от леса на поляны и в поля около леса, в одиночные кусты, где его и находят с собакой...

---

* Существуют и другие виды охоты на вальдшнепа: на грязи, на вечерних перелетах на кормежку, загоном. — *Ред.*

** Это не совсем точно. Осенняя тяга и вечерний перелет на кормежку не одно и то же. — *Ред.*

ОХОТА НА ТЕТЕРЕВА

Каждая охота привлекательна по-своему, и трудно которой-нибудь отдать предпочтение.

Охота на тетерева, как и на уток, весьма популярна. Тетерев представляет собою птицу очень интересную по разнообразным способам охоты и ценности мяса. Зрелый петух-тетерев и селезень-кряква по весу равны и, упитанные нормально, достигают осенью 1400 г каждый.

Сравнительно нежный в раннем возрасте, тетерев представляет собою в зрелом периоде крепкую, как бы литую птицу, сильную на крыльях и на ногах.

Полет тетерева силен и довольно быстр как в лесу среди стволов, ветвей и верхушек деревьев, так и на чистом месте. Лапы его прекрасно приспособлены и к бегу и к сидению даже на гибких ветвях. Это позволяет тетереву щипать березовую сережку в самых разнообразных позах, вытягивая в любом направлении свое туловище и шею. С ранней весны тетерев вблизи поселений как бы свидетельствует усиленным бормотаньем о том, что вся годовая жизнь его по сезонам протекает вполне благополучно и по соседству с человеком, если последний относится к нему и к окружающей природе вообще достаточно бережно.

Летом выводки часто пугают косцов внезапным взлетом из трав и опушек леса, а заботливость и участливость старки вызывают удивление людей. Осенью и зимой тетерева рассаживаются на березняке вдоль дорог, показывая свою численность, и нередко сплошь унизывают излюбленную развесистую березу.

При нормальном ходе весны и лета в средней полосе тетеревята приблизительно к 1 июля вырастают до размеров вальдшнепа и быстро растут, достигая спустя еще полтора месяца роста матери.

Тетерка чрезвычайно заботлива к детям и самоотверженна, но частые преследования человеком и присутствие значительного количества хищных птиц и зверей делают ее очень осторожной и волей-неволей более молчаливой. Тетерев вообще птица не только оседлая, но и весьма привязанная к своему месту, и лишь отсутствие достаточного питания и сильное изменение необходимых природных условий заставляют ее временно отлетать или переселяться.

Эта черта служит причиной постоянства тетерки в выборе места для гнезда и проживания затем там же со своим семейством. Такая привязанность птицы к месту должна заставлять охотника особо дорожить оставлением на племя старки, а также избегать выбивать дочиста ее семью как из соображений желательного увеличения дичи, так и для прикрепления старки к избранному ею району. В конце августа петушки становятся черными, имея еще на плечах коричневые перышки, а на шее и зобе коричневые полоски детской одежды.

Когда петушки становятся черными и начнут отращивать свой хвост-лиру, они начинают проявлять некоторую самостоятельность, отдаляясь на кормежках от матери и сестер и днюя хотя и поблизости, но отдельно от них.

Взматеревший выводок летает иногда на кормежку на значительное расстояние. Если где-либо в защитном месте имеется полоска овса или ягодники, которые вызнают тетерева, то они регулярно посещают их на утренней и вечерней заре.

Как только земля начнет промерзать, а трава и лист станут покрываться серебром, издавая характерный хруст под ногою, тетерева начинают все чаще и чаще подниматься на лес, а также вылетать на жнивники вблизи леса и на напольные места, поросшие можжевеловыми

кустами. Березовые сережки да можжевеловые ягоды составляют единственную пищу тетерева зимой.

Когда снег покроет землю, тетерева перед восходом солнца поднимаются на березняк и жадно клюют сережку. Перед вечерней зарей тетерева снова вылетают в лес. Как только снег станет достаточно глубок, тетерева пробивают в нем ямку, падая отвесно, и заходят под нетронутый покров, а входное отверстие обсыпается. Под снегом они ночуют, нередко и днюют между утренней и вечерней кормежками. Таким образом, они получают прикрытие, заменяющее травяной покров.

Зимой старые петухи от времени до времени в качестве вожаков стаи заводят свою песнь, не забывая, однако, поглядывать по сторонам, чтобы не проглядеть опасности в виде хищных зверей, человека и упорного любителя хорошей дичи — ястреба-тетеревятника, недаром носящего это название по своим опустошениям в рядах тетеревов.

К весне мало-помалу стая разбивается и старые косачи, словно журчащий ручей, забубнят свою песнь, заглушенную, препятствующую понять истинное расстояние до шелковистого черно-синего певца.

Чуфыканье косача положительно является оригинальнейшим звуком, какой может издавать птица.

Охота на тетеревов, так же как и на уток, разнообразна по сезонам и по способам.

Охота на току. К концу лета, когда тетерев-косач перелиняет, а молодые взматереют, старый петух нет-нет да вздумает побормотать — и начинает робко свою оригинальную песнь-бульканье. Поет он и на нижних ветвях дерева и на земле, принимая иногда причудливую осанку, опуская крылья и держа веером хвост.

Первые попытки тока проявляются в конце зимы при глубоком и не начавшем еще подтаивать снеге и при отсутствии даже намеков на весну.

Правда, во внутреннем распорядке жизни тетеревов произошли уже перемены, они не держатся смешанной стаей, проводящей совместно суточное расписание.

В конце февраля и в начале марта в средней полосе европейской части Союза, в местах, где водится порядочно тетеревов, нередко приходится видеть группу петухов, сидящих на снегу, бегающих распустивши крылья и хвост; иногда они бормочут, иногда молчат, деловито

занимаясь описанным упражнением, бегут друг на друга, но обыкновенно во-время останавливаются, не доводя дело до драки; часть петухов сидит вполдерева или на шпиле молоденькой елочки и наблюдает за приемами более опытных, как бы учась.

Если не случается видеть такие сцены, то нередко при ходьбе на лыжах встречаешь вереницы крестиков на снегу, а по сторонам полоски, прочерченные маховыми перьями распущенных крыльев.

Это, собственно, преддверие тока, как и у глухаря в это время.

Охота на току, однако, преждевременна, так как тетерев не имеет еще ни определенного места, ни определенного времени для тока, а, перелетая стайкой, состоящей из петухов, проделывает такие репетиции на любом подходящем месте, где находится компания.

О тетеревиных токах много рассказывалось и писалось как словами, так и красками. Каждому охотнику и даже многим не из числа охотников картина тока известна.

Место тока обнаруживается по песне косача, с постоянством повторяемой на утренней и вечерней заре и далеко слышимой в тихую погоду.

Разгар тока падает обыкновенно в средней полосе на апрель и чаще на конец этого месяца, захватывая начало мая.

Разгар тока совпадает со временем, когда снег совершенно сгонит и разве небольшие клочки его остаются кое-где в затененных местах.

В общем продолжительность тока следует определить в два месяца. Из этого периода разгаром тока следует считать приблизительно недели три. В это время тетерки несутся. Суточная продолжительность токования этого периода наивысшая, равно как и степень азарта.

Как только начнет брезжить зорька, можно ожидать начала песни — токования, которое длится нередко до 8 часов утра. Токование на вечерней заре значительно короче и длится часа два.

На току охотятся на утренней заре обыкновенно из шалаша, который строится заранее; прежде чем строить шалаш, необходимо высмотреть точно место не только тока вообще, но и группировки птиц на токовище.

Численность тока прежде всего зависит от обилия птиц в данной местности и от невмешательства человека.

Это одна из основных коренных причин, но, кроме нее, существуют и другие, неисследованные, по которым часто несколько незначительных токов располагается на расстоянии ясно слышимого бормотанья тетеревов без слета их; на токах, на которых бывает и большое сосредоточение птицы, последняя иногда размещается кучно, иногда же на одном и том же токовище — разрозненно.

Тетеревиные тока происходят на лесных полянах, на смежных с лесом полях, на пустырях среди редкого мелколесья, на болотистых низинах с кочками, редкими деревьями или кустами, а то и на моховых гладях недалеко от гряды леса.

В шалаш следует забираться заблаговременно, чтобы не обнаружить своего присутствия. Не надо торопиться стрелять по первым птицам, не дав собраться певцам и распеться.

Приняв во внимание сумеречное освещение, следует выждать, не стрелять в соблазнительную мелькающую белизну хвоста неясного силуэта птицы.

Всякая охота, заставляющая выжидать, высиживать, не позволяющая проявлять действия, менее соблазняет, чем та, которая, благодаря наступательным движениям человека, дает ему в руки инициативу.

Лицам, разделяющим такой взгляд, представляется возможность попытать счастье на более трудной и в общем менее добычливой охоте — на току с подхода, если тока расположены в местности, где имеется достаточно заслонов для подхода.

Тетерев, несмотря на азартное токование и нападения на видимого и невидимого соперника, продолжает прекрасно видеть и слышать. Несомненно, что подходить к группе токующих тетеревов, а не к одиночке труднее, как и вообще к группе птиц. Подвигаться все же следует, пользуясь преимущественно моментом проявления птицею азарта. Лучше подходить, конечно, при сумеречном освещении.

После восхода солнца эта охота еще труднее, однако представляет большой интерес в том случае, если стрелок обладает и владеет хорошо винтовкою.

При затруднительности подхода иногда удается подманить к себе певца чуфыканьем или подражая голосу тетерки.

Сидя же в шалаше, ощущаешь то приятное волнение, ту ненасытную любознательность, которая главным образом и толкает большинство охотников-любителей на охоту.

И в шалаше и вокруг — темнота. Скрытая ладонью, курящаяся папироска двигается по черному полотну раскаленным кружочком. Земля, стоящая у шалаша елочка и сам шалаш сливаются с ночью. В щель становится видным небо. Там, за возвышенностью, за грядою леса, должна быть заметна заря, а здесь ее еще нет. Зашуршало крыло о хвою и замолкло. На мгновенье стало тише, чем было.

«Чуфф-фыы», — неожиданно странно раздается словно тут же за стенкой шалаша, заставляя сердце колотиться.

Потом как будто неясные силуэты начинают плясать, махая белыми платочками, и серый рассвет скоро обнаруживает черные фигуры с белыми веерами. Мало-помалу становятся заметными, словно нашитые, брови, и солнечный луч вишневыми искрами золотит атласных петухов.

Охота с собакой. Долго ждут охотники открытия сезона, усиленно готовят свою легавую собаку, часто напоминают ей разными словами об охоте и еще чаще, глядя на нее, вызывают в себе воспоминания о прошлых охотах.

Мерещатся залитая солнцем березовая роща, свисающие к земле гибкие полнолистные ветви берез, уходящий в тенистую глубь ковер цветов Иван-да-Марьи, собака на стойке, задерживающая дыхание, завороженная сидящими под сплетением трав и ветвей тетеревятами.

Пестрорисунчатые, гладкие, как голубь, черноглазые тетеревята с бледнокирпичными узенькими полосками бровей сидят настороженно, решая вопрос, лететь или обождать.

И тот, кто имеет легавую да хорошие лесные места на примете, отправляется с открытием сезона за тетеревами.

Тетерев любит преимущественно лиственные тенистые рощи с травяным покровом и сенокосными полянами.

Молодые тетерева нуждаются в сухих солнечных местах, особенно после росистого утра или часто перепадающих дождей, по причине которых тетерка нередко переводит свою семью в смежный хвойный лес.

Травяной покров совершенно необходим и для западания и для собирания корма в виде семян трав и раз-

ных насекомых, которые ползают как по стеблям, так и в траве.

Трава, однако, не должна быть слишком высока, иначе она затрудняет передвижение, опутывает тетеревенка, овлажняет его спину в сырое время.

Лесные горушки, поросшие преимущественно лиственным редколесьем с невысоким травяным покровом, с группами более густых древесных насаждений, с земляникой, костяникой, муравейниками, — излюбленные места тетеревиных выводков.

Хороши также еловые рощи, частью мшистые, частью с осочистой травой, где по кочкам растет брусника. В непосредственной близости от своего жительства тетереву полезно иметь местечки с мягкой подзолистой или песчаной почвой для песочных ванн и для глотания мелких камешков *.

Травянистые скаты с лесных возвышенностей, переходящие в сенокосные низменные поляны, окаймленные лесом, дополняют удобства тетерева, так как по более влажным и сырым местам он находит обильную пищу в виде личинок, червяков и насекомых.

Тетерева любят селиться и в моховых хвойных болотах, где имеется хороший корм, состоящий из каких-нибудь обычных ягод данной местности в виде брусники, черники, гонобобеля, морошки, клюквы. Болота, имеющие закрайки смешанных лиственных деревьев и травяной покров, предпочитаются ими. В этих тенистых опушках тетерева преимущественно проводят день, выходя на кормежку в болото, где днем (особенно, если болото сосновое) бывает жарко да и недостаточно защитно.

Такие места предпочтительно заселяются тетеревами, когда они станут покрупнее и свободнее делают перелеты, а для молоденьких тетеревят первоначально описанные места более соответствуют их жизненным потребностям. Коренные тетеревиные места, кроме мелколесья и кустарника, должны иметь и высокоствольные деревья. Тетерев чувствует большую защиту, когда поблизости находятся такие деревья, — они являются иногда и средством спасения; даже пуховые тетеревята садятся иногда на деревья, спасаясь от собаки, причем стараются забраться, если только хватает сил, повыше.

---

* Помогающих пищеварению. — *Ред.*

Охотиться по тетеревиным выводкам выгоднее по утрам, а также перед сумерками, когда птица кормится и делает наброды, значительно облегчая работу легавой собаки. Помимо преимущества от свежих набродов, охота на зорях оказывает также немаловажное влияние на восприятие чутьем собаки запаха дичи, благодаря прохладе струящегося воздуха.

Из этого не следует, что днем нельзя охотиться на тетеревов. Особенность дневной охоты большею частью заключается в том, что тетерева разыскиваются не так скоро, как на зорях, и в более тенистых и крепких местах, где стрельба значительно труднее. В чащах, например, иногда приходится отчетливо слышать взлетающего рядом тетерева и не видеть его.

Разыскать с собакой птицу, севшую без следа, труднее, чем птицу, давшую перед сидкою след. Дневная работа собаки должна быть приравнена к работе без следа, так как утренний след испарился с усыханием росы. Сухой, недвижимый дневной воздух, да еще в зашищенном месте, сам по себе представляет уже условия, не благоприятные для причуивания.

Но не всегда бывает знойная погода, — встречаются и серенькие деньки с ветерком, проникающим в лес, тем более пересеченный полянами; встречаются также и ясные августовские дни, когда после весьма прохладной ночи влажность в тенистых местах сохраняется на весь день. Тогда при отсутствии следа чутьистая собака с хорошим поиском не пройдет тетеревов...

Все породы легавых годятся для охоты по тетеревам; вопрос не в том, к какой породе принадлежит собака, а в том, каковы ее воспитание, чутье, натаска и практика по тетеревам.

Каждая породистая, хорошо воспитанная и окончательно поставленная легавая собака при хорошем чутье будет прекраснейшим помощником и доставит охотнику наслаждение.

Хорош ирландец, идущий скоком и вдруг останавливающийся перед выводком, как будто глядя — в ожидании, — не выйдет ли кто из-за дерева; красив и английский сеттер, стелющийся на подводке и замирающий, вытянув, словно заострившиеся, голову и перо; картинен и пойнтер, гордо показывающий перелом морды, напруженную колодку с дрожащим от напряжения прутом; велико-

лепен и гордон, приподнявший свои волнистые уши и сверкающий, переводя дыхание, белыми зубами из-под смуглых брылей; интересен и тяжелый немец *, прочно уставившийся в темнину деревьев, не могущий справиться с высунутым языком.

Если идет вопрос о выборе собаки, еще не натасканной, которую будет обучать сам охотник, занятый службою, конечно, целесообразнее рекомендовать менее темпераментную и более рассудочную. С такой собакой охотник, имеющий возможность урывками уделять свое время, будет добывать больше дичи и меньше утомляться досадною горячностью своего необузданного помощника.

Охотясь даже с опытною собакой, охотнику полезно присматриваться, не оставили ли тетерева на земле каких-нибудь признаков своего пребывания, а именно: взрытой земли (копанки), помета, перьев, примятости травы и т. п.

Не заметив таких признаков, охотник направляется с собакой напрямик дальше, между тем как обнаружив их, если они даже не совсем свежие, следовало бы обойти все подходящие соседние места, помня, что тетерев — птица, весьма привязанная к определенному месту, а с выводком тем более, и что, следовательно, тетеревиная семья должна находиться где-нибудь в непосредственной близости.

Когда собака не пересекает свежего следа или вообще чутье ее не предуведомлено о недавнем пребывании в данном месте дичи, прохождение собакой или недохождение до дичи — явление не редкое.

К числу условий, лежащих в окружающей природе и влияющих на работу чутья, относятся: движение и состояние воздуха, сила заслонов на пути от дичи к собаке и характер и свойство покрова земли.

Охотник должен следить за работой собаки. Случается, что собака, обнаружив утренние следы, обойдет кругами прекрасную травянистую моложу с рдеющею костяникой и, не найдя кормившегося на заре выводка, последует по свистку за хозяином, который, не заметив особых приемов работы собаки, направился к дальнему болоту. Между тем выводок, состоящий из нескольких молодых тетеревов при старке, из коих большинство пе-

---

* Континентальная легавая. — *Ред.*

гих петушков, с утра спутнут был грибниками и переместился за двести шагов в узенький ремень тенистых ольховых зарослей, вдоль полевой изгороди.

Верхнее чутье собаки помогает охоте на всякую дичь, и особенно в конце сезона по птице строгой, но хорошая следовая работа без копанья, несомненно, приносит большую пользу при работе по тетереву.

В лесу, особенно днем, иногда не бывает движения воздуха, необходимого для хорошего проявления верха на дальнее расстояние. Собаки, разыскивающие птицу верхним чутьем по ее запаху или верхней следовой работой, но по горячему следу, нередко перескакивают, не замечая след, не совсем свежий, особенно при быстроходности. Между тем легавая, имеющая склонность к следовой работе, нашла бы птицу, след которой она пересекла, а может быть, нашла бы ее и не следовой работой, а благодаря предупреждению, сделанному следом.

Справедливо отметить, что собаки, работающие исключительно высоким верхом по самой птице, без руководствования следом, являются весьма ценными, но особая польза их главным образом проявляется в местах, действительно обильных дичью.

При хорошей стойке и правильной отметке собакой местонахождения птицы охотнику, обладающему острым привычным зрением, удается нередко наглядеть в сетке стеблей травы, ветвей или просто под нависшею лапкою елочки особую рыже-коричневую рябь перьев молодых тетеревов. Чаще птицу замечаешь по головке, части шеи, по блестящему черному глазу.

Становиться стрелку следует так, чтобы иметь перед собою просвет на расстоянии.

Тетерева иногда поднимаются из-под самых ног и, хорошо видимые вблизи, когда стрелять невозможно из опасения разорвать птицу, исчезают затем в густых ветвях.

В зависимости от места стрельба молодых тетеревов может оказаться не легкой. Многие выстрелы приходится делать на шум, определив воздушную линию полета по лопоту крыльев. Выстрелы на шум, нередко удачные при опыте и быстрой вскидке, из осторожности допустимы при направлении значительно выше человеческого роста. Но такая трудная стрельба встречается в особых чащах, в местах, не типичных для тетерева.

В общем стрельба по тетереву в начале сезона труднее, чем во второй половине, когда птица взматереет и, вместо горизонтальных линий полета, скрываясь за деревьями, принимает, благодаря достаточной силе крыльев, полет отвесный вверх, параллельно стволу дерева, чтобы выбиться из гущи ветвей. Этот прием птицы позволяет часто отчетливо видеть ее между верхушками деревьев или маквою и стрелять вполне сознательно.

Нечего говорить, что удовлетворение от взятого петушка в начале сентября значительно выше, чем от тетеревенка начала августа. Матка при выводке, особенно в начале сезона, взлетает обыкновенно первою с тревожным жалобным квохтаньем. Иногда она садится на ближнее дерево и, засев в листве маквы, продолжает подавать голос. Иногда, вспорхнув от выводка, она сейчас же, будто обессиленная, снова садится на землю и, то скрываясь в траве, то показываясь, вытянув шею, бегает в беспокойстве, отвлекая собаку.

Молодые вылетают иногда почти одновременно все, иногда по одной, две штуки, в зависимости от группировки их на сидке и крепости и заслоненности убежища.

Характер птицы и повадки ее сильно изменяются как под влиянием разрушения природных привычных условий, так и по причине упорного преследования ее человеком.

Поведение старок при выводке постепенно становится иным, благодаря тому, что тетеревиная семья все реже и реже пребывает в покое и чаще и чаще преследуется человеком и его собакой. Нередко целый день с утра до вечера тетеревов гоняют и стреляют.

Уцелевшая старка, напуганная человеком и собакой, прибегает к ухищрениям: она отбегает молча от выводка, поднимаясь в чаще, проквохчет коротко, как холостая тетерка, отлетит на значительное расстояние, как будто безразлично относясь к семье, опустится и остается на одном месте несколько часов, не подавая голоса.

Заботливые проявления и отводы старкою собаки стали довольно редки и встречаются преимущественно в таких местах, где на тетерева мало охотятся с легавой собакой.

Испуганные человеком тетеревята, когда они еще мелкие, не крупнее дупеля, при подъеме пищат. Становясь старше, они поднимаются молча, но молодые тетерки,

сравнявшиеся ростом с матерью, квохчут при подъеме. Если мать сидела на дереве, она при взлете детей моментально снимается, в беспокойстве маня за собой тетеревят.

В местах, где тетеревов не слишком беспокоят, приблизительно через полчаса после того как восстановится тишина и минует опасность, мать начинает гнусаво квохтать, издавая иногда чрезвычайно жалобные звуки, словно она плачет. Тетеревята, соскучившись в одиночестве, сейчас же подают голос, каждый из своей ухоронки. Голос их — томное, протяжное посвистывание — можно ближе всего передать слогами: «фи-у, фи-у, фи-у». Старка бегает, пригнувшись в траве, останавливается, вытянув бутылкой шею, и, осматриваясь подозрительно кругом, прислушивается к ответному голосу своих детей. Тетеревята, определив направление голоса матери или свиста одного из ближних тетеревят, бредут на голос то вприклонку, то вытянувшись, осматривают путь и прислушиваются.

На этой потребности разбившихся тетеревят скликаться основана охота на манку. Способ этот хищнический *, тем более, что стреляющие тетеревов на манку в первую очередь не стесняются убить старку, а затем истребляют поголовно всю тетеревиную семью.

Количество тетеревят в выводке, уцелевших ко времени открытия охоты, обыкновенно колеблется от четырех до восьми штук.

Подняв выводок тетеревов, полезно точно заметить место первого подъема, так как на это место приходится возвращаться. Подобрав убитых, не следует идти сразу по полету, а сначала послать собаку обыскать вокруг, особенно если выводок поднимался не дружно, так как возможно, что в укромном местечке остался еще одиндругой тетеревенок, забившийся в более плотное место или сидящий в стороне.

В зависимости от возраста тетеревят и того обстоятельства, поднят выводок на кормежке или дневке, не взлетевшие тетеревята могут быть найдены ближе или дальше от места подъема большинства.

При подъеме с дневки, да вдобавок тогда, когда петушки еще не начали отращивать косиц, искать отбив-

---

* В настоящее время запрещен законом. — *Ред.*

шихся в стороне от места подъема бесполезно, однако ближайшие подозрительные уголки у самого места подъема следует все же проверить.

Наоборот, застигнутые на кормежке взматерелые тетерева или отысканные по длинному следу, свидетельствующему об их бегстве от заслышанного приближения собаки и охотника, западают — некоторые раньше, некоторые позже, успевая отбежать разные расстояния или вперед, или в сторону.

При подъеме тетеревов с кормежки или со следа вообще собака быстро обнаружит по следам оставшегося, выбежавшего за черту делаемого ею проверочного круга.

После поисков оставшихся лучше вернуться на самое место первого подъема выводка и, определив направление полета, идти, придерживаясь этого направления, на розыски переместившихся.

Птицу, севшую без следа, найти всегда труднее, чем давшую след.

Птицу, только что переместившуюся, обыкновенно труднее разыскать, так как она не обсиделась — не насытила еще своим запахом окружающие предметы (траву, ветки, землю), не накопила еще в месте сидки достаточного запаса того запаха, который, струясь по воздушным дорожкам, останавливает внимание собаки.

При неудачных или малоуспешных розысках лучше на время их прекратить и либо обождать, пока тетерева не дадут следа, либо отправиться на свежие места отыскивать свежие выводки, с тем, однако, чтобы через несколько часов опять вернуться на место первого подъема этого выводка. Тетерева большею частью скапливаются на том месте, где разбились, или около него и, во всяком случае, дают след с места, где они затаились, по которому вновь разыскиваются собакой.

При подъеме птицы следует вообще замечать линию полета, — это облегчает как розыск подранков, так и переместившихся птиц.

В чащах тетеревята, иногда сделав всего несколько взмахов, падают, встретив препятствие зарослей, и продолжают удаляться пешком.

Смотря по возрасту и месту, в период охоты с легавой поднятые тетерева делают перелеты приблизительно на 200—400 метров.

Охота с легавой, начиная со второй половины августа, становится значительно интереснее и по силе охотничьих переживаний, и по добыче.

В это время тетеревиные выводки любят посещать моховые ягодные болота. Если поблизости имеются около леса посевы созревающего или созревшего овса, тетерева охотно посещают их на зорях.

Посещаемость тетеревов легко узнается по особой примятости прядок овса и характерному рисунку протоптанных дорожек — пересекающихся тропинок, наподобие внешних линий очертаний двух треугольников, соединенных основаниями.

Рисунок таких тропинок происходит вследствие привычки тетеревят расходиться и сбегаться на кормежке, проверяя, не нашел ли который-нибудь из них чего-нибудь особенно вкусного. Пряди овса они приминают, пропуская их под себя и склевывая зерно, когда кисть понизится до удобного уровня.

Примятость такого же рисунка встречается и на травах, где бродят тетерева.

Характер набродов птицы, степень ее западания по пути следования или более или менее прямой след убегающей птицы отзываются на манере работы легавой.

Длинный, довольно прямолинейный ход удирающего старика-косача заставляет собаку очень быстро вести при полной настороженности, предупреждающей охотника о возможном взлете птицы без стойки, на потяжке. Быстрая потяжка вынуждена, иначе расстояние между собакою и убегающею птицей будет все увеличиваться. Отсутствие западания косача при таком бегстве также вполне ясно отмечается собакою.

Таким образом, поведение легавой, да вдобавок тенистое сырое травянистое место с брусникой по соседству довольно безошибочно подсказывают охотнику, что он имеет дело со старым, почти всегда вороватым косачом.

По поведению собаки определяется также, ведет ли она по следу нескольких птиц или по одиночке. Ширина насыщенных запахом птицы воздушных течений, расхождение этих течений, в зависимости от расхождения птицы на своем пути, соответственно влияют на работу собаки. Без особых затруднений можно определить по поведению собаки и по характеру места, имеешь ли дело

с глухарем, тетеревом, белой куропаткой, рябчиком или вальдшнепом.

Охота с легавой на старых косачей чрезвычайно интересна тем, что птица эта, имея обыкновение быстро удаляться пешком от опасности, дает длительную картину потяжки собаки и, держа в напряжении охотника, требует от него часто очень быстрой стрельбы на вскидку.

Там, где тетеревиные тока отличались большим скоплением птицы, где, следовательно, тетеревов много, стоит провести специальную охоту на косачей с легавой.

Охотиться на косачей выгоднее в начале сезона охоты. Косачи тогда живут предпочтительно в крепях, там же, где они начали проводить не вполне еще закончившуюся линьку.

Подходящими для косача угодьями являются затененные сырые мшарники, недалеко от открытых более или менее чистых мест: полей, моховых болотных топких гладей и т. п.

Такие угодья, иногда даже водяные, имеют и более сухие возвышенные небольшие площади, на которых среди редкого ельника растет брусника.

Будучи крепкими, тихими и уединенными, они не являются в то же время глухими.

Места эти не представляют собой большой площади леса, а являются иногда небольшими островками хвойного и лиственного насаждения. Береза, равно как и затеняющая ель, почти всегда находится в местах, избираемых косачом для линьки. Присутствие высокоствольного леса, если не в самом месте пребывания косача, то поблизости, — обязательно, будь то хоть незначительное редколесье.

Достаточно нескольких высоких деревьев в сырой мшистой травянистой крепи; остальное прикрытие составляют обыкновенно кусты ивовых пород и болотные травы, да кое-где низкорослая болотная елочка.

Небольшие полосы мелкого березняка и осинника дают косачам хорошую защиту.

Влажность и затененность места, очевидно, являются потребностью линяющего косача, поэтому подобные места, предоставляющие тут же и ягодный корм, стягивают к себе в этот период птицу.

Наличность таких крепей вблизи типичных мест для тетеревиных выводков увеличивает вероятность проживания

в этих крепях косачей, которые нередко, вылетая на суходольные тетеревиные места, остаются там на дневку. Наоборот, в крепях, избираемых чернышами, нельзя рассчитывать встретить выводок и разве только случайно поднимешь холостую тетерку.

Охота на тетеревов с лайкой. Для успеха охоты с лайкой на тетеревов требуется лес высокоствольный, а не мелколесье; иначе не только зрелый тетерев, но и тетеревенок не выдержит лая. Лайку надо, конечно, натаскивать на ту охоту, на которую она предназначается. При правильном воспитании и натаске лайка приучается не уходить далеко от хозяина, усваивает «сотрудничество» с ним, понимая, что она без человека не только не в силах достать птицу с дерева, но может ее преждевременно согнать.

Причуяв выводок тетеревов на земле, лайка сразу своеобразно изменяет ход, — она настораживается, бублик ее хвоста выпрямляется, и она делает подводку и короткую приостановку, а затем бросается прыжком и гонится за птицей, которая, видя врага на хвосте, естественно садится не на землю, а на дерево.

Занимаясь с лайкой специально, можно, без сомнения, развить в ней и потяжку и укрепить стойку, если это желательно.

К облаиваемому тетереву, особенно осенью, надо подходить с большой осторожностью, бесшумно и пользуясь тем, что внимание птицы обращено на собаку. В общем тетерев выдерживает облаивание значительно хуже глухаря.

Осенью охоту с лайкой можно производить и пешком и с подъезда.

Охота с чучелами. Еще задолго до морозов старики-косачи, проводя время около стайки тетеревов, чаще и чаще взлетают на дерево, показывая пример молодежи.

Стремление подняться на дерево составляет природную потребность тетерева, осуществляемую еще в «пуховом» возрасте как меру спасения. Когда же тетерева взматереют, они взлетают на верхушку дерева и осматривают, что делается вокруг внизу.

Перелетая на новое место, осенью тетерев любит, прежде чем опуститься на землю, присесть на дерево и осмотреться. Ни ранней осенью, ни тем более летом тетерева не проводят время на деревьях; в эти сезоны они

верны своей привычке наземной птицы таиться в травах и кустарнике.

Когда же морозы ожгут растительность, пожухнут травы, начнет облетать лист, чаще и чаще поднимаются тетерева на деревья. С появлением снега подъем на березняк для кормежки входит в правильное расписание по часам, невзирая ни на какую погоду. Да и на самом деле чем же кормиться тетереву — снег ровною пеленою прикрыл землю, и основною пищею тетерева стала березовая сережка. По этой причине тетерева водятся в местах, где береза обильна.

Вылет тетеревов на лес, на верх, делает эту птицу весьма популярной, — ее знает и дроворуб, и крестьянин, везущий по пустошным дорогам сено, и ребятишки, видящие нередко с улицы деревни сидящих на березке за полем тетеревов. Даже не наблюдательный человек, живущий временно в деревне, в местности, где водятся тетерева, замечает эту птицу, садящуюся иногда густо на одном дереве или унизывающую всю опушку большой березовой рощи.

У тетерева, следовательно, имеется потребность подниматься на деревья, кормиться и, наевшись, посидеть, особенно если погода тихая. Сильный мороз не страшен тетереву, и он высиживает с видимым удовольствием на дереве, втянув шею и округлив этим очертания своего и без того округлого тела. Сильного ветра, однако, тетерев положительно не любит. Он садится тогда на средние и нижние ветви деревьев и, наклевавшись, спешит опуститься в снег.

Сезоны поздне-осенний и зимний, когда тетерев поднимается на лес и кормится на деревьях, вызывают в нем большую склонность жить стаей. Эта склонность начинает проявляться еще с начала осени, когда молодежь станет почти зрелой.

Стаи чаще бывают смешанные (и тетерки и петухи), однако в смешанных больших стаях количество курочек преобладает; бывают стайки исключительно из тетерок и, наоборот, состоящие иногда только из косачей.

Склонность тетерева к подъему на лес, к общительности, к жизни стаей дала возможность с успехом осуществлять способ охоты с чучелами. Чучело должно изобразить собою по фигуре и по приблизительному окрасу тетерку или косача. Чучела делаются из различного мате-

риала. Не так трудно сделать чучело и самому охотнику. Лучше и проще — чучела суконные; делают их также из холста, разрисовывая затем масляной краской. Чучело набивается паклей, в брюшке оставляется дырка для надевания на жердь, на так называемый подчучельник, который подставляют к дереву (около шалаша, на высоту маквы дерева) так, чтобы чучело издали было заметно. Насаженное на жердь чучело прикрепляется, кроме того, к ней имеющимися у отверстия чучела веревками, чтобы оно не вертелось и не принимало неправильного наклона. Если подчучельник короток, то толстый конец расщепляют и садят на сук дерева, крепко подвязывая к стволу.

В чучеле самое важное не отделка, а правильное очертание фигуры смирно сидящего тетерева и правильная посадка — выставка.

Птицы и звери, живущие стадом, очень разбираются в позах и движениях своих сотоварищей, особенно когда такие движения выражают страх — обнаружение опасности. Ввиду этого надо стараться придавать формам чучела при изготовлении и посадке его вид спокойно сидящей птицы. Иначе даже великолепное чучело может отпугнуть подлетающих и уже садящихся тетеревов, заметивших в фигуре чучела тревогу.

Как уже упоминалось, тетерева, кормясь на деревьях, принимают иногда самые причудливые положения. Чтобы достать на тонких разветвлениях сережки, тетерева повисают вниз головой или с отвисшим задом, пялят шею и голову вверх, удерживая равновесие кривым изгибом туловища.

Как будто бы по этим примерам все позы более или менее приемлемы, однако то, что способно проделать живое существо, не в состоянии изобразить чучело, даже при помощи столь большого мастера, как человек. Часто охотник, у которого на подчучельнике скривилось чучело, посиживая с папироской в шалаше, думает: «Две капли воды — точно клюет». Пролетевший же в сопровождении тетерок косач увлек стаю мимо, признав, что тетерев, сидящий около шалаша, потерпел какую-то «аварию».

Итак, надо стараться иметь чучела, сходные с фигурою тетерева в спокойном положении, без перевеса вперед, назад и особенно без вытянутой шеи. Этот воинственный признак любят обыкновенно придавать косачам. Садить чучело лучше зобом к солнцу. Если ветер значитель-

ный, прежде нужно позаботиться посадить чучело зобом против ветра.

Для охоты с чучелами надо построить шалаш на подходящем месте. Такими местами являются поляны среди рощ с удобными для тетеревов деревьями, группа присадистых деревьев среди кустарника недалеко от леса, сопки, поросшие редким лесом, высокоствольные березы среди мелколесья, перерезанного полянами, и т. п. Наличность среди берез хвойных деревьев делу не мешает; тетерева любят присаживаться и на них.

Место для постройки шалаша должно быть прежде всего выбрано по признакам постоянной посещаемости этого места тетеревами или нахождением его на путях частых пролетов или перелетов тетеревов. Охотничьим опытным глазом такие места определяются довольно быстро при знакомстве с окрестностями. Постройку шалаша следует сделать заблаговременно, чтобы птица к нему попривыкла. Материал следует употреблять тот, который преобладает в избранном месте.

Чучела выставляют с таким расчетом, чтобы ими не занимать наиболее выгодных для обстрела деревьев, имея в виду, что в большинстве случаев тетерева садятся не на то дерево, к которому приставлено чучело, а на соседние.

Выставлять чучела и забираться в шалаш нужно до вылета тетеревов с ночевки. Это время будет как раз на границе сумеречного освещения и надвигающегося дневного белого света перед восходом солнца. Опаздывать не рекомендуется. Выходить из шалаша до конца охоты нельзя.

Можно охотиться таким способом без загонщика, но загонщики делают эту охоту добычливее и оживленнее. Зная место ночевки, загонщики иногда поднимают птицу на крыло с пола и, таким образом, сразу пользуются лучшим временем, — пока птица не наклевалась.

Зная хорошо место расположения шалаша, загонщики осторожными маневрами перегоняют голодных тетеревов с одних деревьев на другие, подвигая к шалашу. Такой постепенный, чуть ли не поодиночке, нагон тетеревов, составляющих большой табун, отзывается на значительном количестве выстрелов из шалаша, следуемых с малыми промежутками один за другим. Затем, когда стая, побывав частью у шалаша, перелетит за него, наступает некоторый перерыв, пока загонщики не нагонят вновь тетеревов.

Наклевавшаяся птица обыкновенно опускается на дневку, посидев еще час-полтора, а с начала вылета тетерева пребывают на деревьях приблизительно три-четыре часа.

Охотятся с чучелами преимущественно на утренней и вечерней зорях. При загонщиках утреннюю охоту можно протянуть весь день, однако значительная часть птицы скрывается на земле, остальная, перестав клевать, затрудняет, вследствие большой настороженности, возможность скоро и послушно посадить птицу к чучелам.

Стрелять тетеревов на этой охоте, ввиду недальнего расстояния, следует некрупными номерами дроби, как, например, номера 5 и 6-й. Некрупная дробь чище кладет птицу на той дистанции, которая обычно бывает при стрельбе из шалаша; таким образом, будет меньше подранков, падающих с лопотом крыльев и трепыханием, которых очень боятся подлетающие тетерева.

На чучела часто налетает, — а иногда и схватывает их — ястреб-тетеревятник. Случай такой пропускать нельзя, и следует, забыв о тетеревах, все старание направить на то, чтобы уложить этого хищника наповал.

Для истинного охотника убить ястреба-тетеревятника — большая заслуга: уничтожением одного такого ястреба охотник возмещает с избытком ту убыль, которая произведена ружьем в течение целого года.

Стрельба из ямок. У тетерева, как у птицы наземной, есть потребность таиться под прикрытием на земле. Эту потребность тетерев удовлетворяет, зарываясь в снег, где он в то же время защищает себя от ветра и мороза.

Наклевавшись и посидев на деревьях, тетерева отправляются зимой на ночлег, когда сумерки уже начинают приближаться. Они летят в определенный известный им район, выбирая место ночевки; иногда птицы внезапно падают с полета в снег, иногда располагаются предварительно на опушке рощи, откуда бросаются вниз.

Падая, тетерева пробивают в снегу ямки, прокапывают под снежным пластом сантиметров на тридцать-сорок ход и остаются ночевать под покровом снега, укрытые от холода и ветра, имея за собой засыпанное снегом входное отверстие. При подъеме же птица пробивает над собой толщу снега.

Таким образом, ночевка тетерева представляет собой две ямки, или лунки, причем первая — входная — имеет

осыпь внутрь, а вторая — вылетная — осыпана наружу; иногда, в зависимости от свойства снега, она имеет вокруг разбитые кусочки — пласты, корочки. На снежной поверхности около вылетной ямки отпечатываются нередко концы маховых перьев при взлете. По наличности пары ямок можно смело заключить, что тетерева нет дома, одиночная же ямка, напротив, свидетельствует о том, что он тут, под снегом.

Тетерева не только ночуют под снегом, но и проводят таким образом иногда часть дня между утренней и вечерней кормежками, если не остаются сидеть в кустах, на снегу.

Располагаются тетерева на ночлег не слишком близко друг от друга, на расстоянии примерно четырех-двадцати метров.

На повадке тетерева закапываться в снегу основана и стрельба из ямок. Стрельбу эту можно, следовательно, производить либо утром, до подъема, но тогда время очень коротко, так как тетерев нет-нет, да и вылетит без понуждения на утреннюю кормежку, да вдобавок вследствие этого и поведение его строже, либо вечером.

Стрельба тетеревов из ямок на вечерней заре имеет преимущество, заключающееся в том, что птица прочно забралась на ночлег; однако это время охоты имеет и свой недостаток из-за надвигающегося очень быстро сумеречного освещения. Лучше всего подметить место, где опустились тетерева между утренней и вечерней кормежкой, и тогда, если только птица днюет в ямках, охоту можно провести при полном дневном освещении.

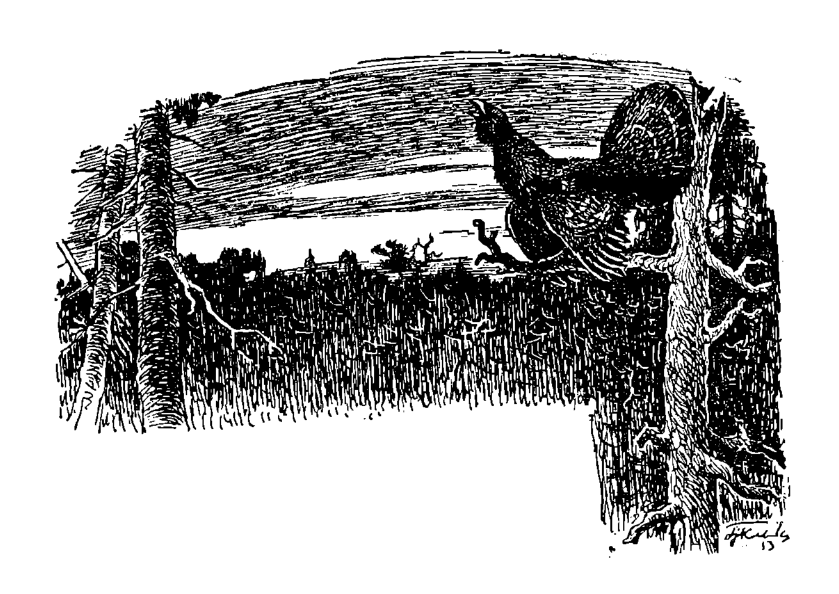
Тетерева, рассевшись на опушке рощи у поляны, вдруг сразу падают — сваливаются вниз. Это признак, что они попрятались в снег. Охотник подвигается тогда на лыжах и наглядывает лунки далеко впереди себя и по сторонам. Увидать лунки не трудно заблаговременно, так как они находятся обыкновенно или на полянах, или в редколесье. Полезно обратить внимание на расположение лунок на расстоянии, чтобы начать подход с крайней и не потревожить понапрасну более густо расположенные. Успех подхода зависит главным образом от свойства снега, от способности его скрипеть, хрустеть, а иногда и не заметно для охотника передавать звуки нижним слоям снега. Бывает, что снег садится пластами и дает, словно льдина,

длинные трещины с своеобразным глухим вздохом. Наиболее бесшумен пухлый, несколько влажный снег.

Когда охотник подойдет на близкий выстрел к одиночной ямке, его охватывает волнение от сознания, что около него, под снегом, близехонько находится строгая, красивая, крепкая птица... «Петушок или тетерка?» — мелькает в мыслях охотника. Еще шаг... И вдруг, незаметно пробив снежную поверхность, с морозным лопотом, искрясь, как и снег, вылетает испуганный присутствием человека косач. А впереди еще ямки без вылетных лунок!

Описанный способ охоты, начинаясь со времени выпадения достаточно глубокого снега, чтобы птица, падая в него, могла свободно скрываться под его толщею, продолжается всю зиму.

ОХОТА НА ГЛУХАРЯ

Глухарь представляет собой завидный предмет охоты. Этот лесной отшельник, живущий в отдалении от людских поселений, притягивает внимание охотника не только своей внешностью, но и уединенностью места жительства. Чарующая обстановка весеннего периода жизни глухаря и те ощущения, которые переживает любитель природы и охоты, прислушиваясь в сумеречном освещении глухого леса к его песне, придали глухарю немало славы.

Глухарь может жить в просторных ширях смешанных лесов. Он плохо приспособляется к существенным изменениям в характере лесных угодий, делаемых человеческою рукою, и переселяется. Такое свойство глухаря ведет к вырождению и к исчезновению его там, где он ни в своем месте жительства, ни хотя бы в дальней окружности не находит нужных условий. Сырые моховые болота, поросшие сосновым лесом, с ягодниками, высокоствольные еловые островки среди зарослей молодняка, осино-березовые рощи, травянистые поляны, боровые места со скатами, поросшими папоротником, смешанные сосновые леса с дубово-липовыми насаждениями являются местами поселения глухаря.

В таких местах он поклюет на болоте ягод, найдет насекомых на травянистой поляне среди чернолесья, напьется воды в замшившейся яме под корнями сгнившего дерева, набьет зоб осиновыми листьями или лиственничной хвоей, поглотает камешков, примет песочную ванну на бору, отдохнет в тенистой глуши водяного кочковатого елового болота, а зимой потеребит сосновых игл да поглотает снегу.

Но не в этом одном заключаются жизненные удобства этой птицы, — глухарь живет в отдалении от человека, и значительные лесные пространства ему необходимы.

Насколько места пребывания тетерева-косача связаны с произрастанием березы, настолько глухариные угодья характеризуются прежде всего наличностью хвойного леса.

На току. Одна из самых захватывающих и увлекательных охот — охота весной на глухарином току. Она требует инициативы, выносливости, выдержки и приводит вплотную к осторожному отшельнику леса — глухарю, позволяя наблюдать эту громадную птицу в интересный период ее жизни. Получаемые впечатления от глухариных токов настолько разнообразны, поучительны, сильны и живительны, что ставят эту охоту очень высоко. На глухарином току стоит поэтому побывать даже и без ружья. Две зори и ночь в глухом лесу — это большая поучительная книга о природе.

Если условия местности, вполне соответствуя потребности глухаря, не изменяются, ток из года в год повторяется приблизительно на одном и том же месте. Обыкновенно при перемене места новое избирается поблизости, и с прошлогоднего места можно услышать если не песню, так вечерний подлет глухарей.

Скопление глухарей зимой в каком-нибудь месте не является указанием на то, что в этом месте будет и ток, но это скопление следует принять во внимание.

Самым лучшим своевременным признаком места будущего тока является обнаружение в конце зимы следов глухарей на снегу с линиями по сторонам следа, прочерченными маховыми перьями. Если такие следы будут не единичны, то это довольно верный признак намечающегося токовища.

Глухари начинают токовать, когда в лесу может еще не быть ни одной проталины, и первые охоты удаются при

весьма легких условиях — подхода по насту в валенках. Лучше подождать, когда зарыжеют сосновые моховые болота, обнажившись от снежных пластов, когда завертится вал весенней жизни и наступит разгар тока. Обыкновенно это бывает между 20 апреля и 20 мая.

К месту надо приходить с вечера, до захода солнца, и, устроив необходимое для ночлега, отправиться на подслух подлета глухарей-петухов на место тока, где они обыкновенно и ночуют.

Глухарь прилетает на место тока после вечерней кормежки, обыкновенно тотчас после захода солнца, и с шумным лопотом крыльев садится на дерево. В зависимости от численности глухарей в данной местности, а также от особенностей данного тока петухов слетается один, два, а то и несколько десятков. Подлетев, глухарь осматривается, издает иногда особые звуки, которые называют «покашливанием», или «похрюкиванием», помолчит, щелкнет раз-другой отрывисто, коротко: «дак» или «док», вроде приглушенного звука откупориваемой бутылки, — и, вытянувшись, как будто готовый слететь, зорко оглядит, словно с целью узнать, какое впечатление произвели эти звуки на окружающую природу.

Притаившемуся невдалеке охотнику без сомнения уже кажется, что глухарь его заметил.

Освещение становится мутным, надвигается ночь. Глухарь иногда не издает ни звука, иногда же, на вечерней заре, он много раз подряд с редкими промежутками проговорит: «дак, дак, дак, дак», а потом защелкает звуками «тэ-кэ, тэ-кэ, тэ-кэ», сначала пореже, а затем чаще и чаще, скороговоркою, после чего следует вторая часть песни, так называемое точение, которое хоть и не очень близко, но можно передать слогами: «кичивря, кичивря, кичивря, кичивря, кичивря, кичиврить», следуемыми слитно быстрее, чем можно торопливым темпом прочесть эти звуки, написанные буквами.

Пропев несколько песен, глухарь обрывает их вдруг и засыпает.

Звук песни глухаря чрезвычайно оригинален, — он поражает томностью, глухостью звука, не всегда позволяющего скоро и точно определить направление. Несмотря на глухость песни, она некоторыми звуками металлического оттенка имеет способность отрывками доноситься

при благоприятных условиях на двести пятьдесят и более метров.

Переночевав у костра, который располагается в некотором отдалении от места тока — расстояние в полкилометра достаточно, — охотник перед зарей готовится к выходу.

Как только звезды начинают бледнеть или как только верхушки деревьев чуть станут видны на небе, следует подвигаться.

Вечерний подслух облегчает подход, так как, зная уже место, где расселась с вечера птица, останавливаешься своевременно в ожидании песни, если глухарь еще молчит. Иначе, начав продвижение, можно попасть на место самого тока и распугать не начавших еще петь глухарей. Лучшее время подхода — пока темненько и мутно в воздухе. Благоразумнее прийти к границе несколько раньше и обождать, выслушивая, нежели опоздать.

Если по времени не остается сомнения, что глухари поют, а точное размещение их на токовище неизвестно, следует продвигаться медленно, делая через каждые примерно тридцать-сорок шагов остановки, прислушиваясь.

Остановки не должны быть слишком кратковременны, — очень часто, во время нее, неслышная вначале песнь вдруг донесется обрывком, благодаря благоприятному повороту, сделанному певцом.

Как только составные части песни — щелканье и точенье — слышатся явно, подходить к птице следует исключительно под звуки точенья. Продолжительность этих последних звуков позволяет сделать три быстрых шага и приготовиться к устойчивой позе, в случае предстоящего стояния. Вначале можно идти под песнь напрямик, но, когда выяснится точно направление, откуда эта песнь плывет, положенные шаги следует делать от дерева к дереву, от какого-нибудь заслона к заслону исключительно под звуки точенья. Во время песни — точенья, вследствие заслонения скуловою костью и нависания в слуховом проходе набухающей складки, слух глухаря ослабляется и секунды на три он становится глух, позволяя безнаказанно производить шум и треск. Однако у него остается еще одно могущественное средство самосохранения — зрение. Для подхода, следовательно, необходимы заслоны, а еще лучше — покров ночи.

Позиция, занятая поющим глухарем, дающая птице большее или меньшее поле зрения, важна для охотника. Нахождение глухаря на высокоствольном дереве со сравнительно небольшой кроной чрезвычайно невыгодно для подхода, особенно когда нет достаточно густого подсада молодого леса. Труднее всего подходить к глухарю, конечно, на сравнительно чистом месте, когда он сидит на сосне или на шпиле обыкновенно самой высокой ели среди редколесья, откуда видно все происходящее кругом.

Как бы удобно ни были расположены деревья, наиболее верным подходом, несомненно, надо считать подход до полного рассвета (в темнозорь, как выражаются некоторые охотники), когда глаз глухаря, не приспособленный к ночной жизни, не замечает движения.

Приспособленностью зрения глухаря к дневному свету объясняется и то, что подлеты глухарей и глухарок на токовище, перелеты и драки начинаются при свете. До света ни одна глухарка не заквохчет, а петухи хотя и начинают иногда петь при полной темноте, но не покидают до рассвета дерева, на котором сидят.

Глухарь иногда приостанавливает, прерывает свою песнь, делая это чаще между слогами быстро уже следующего щелканья и началом точенья. После слогов «тэ-кэ, тэ-кэ, тэ-кэ» он вдруг приостанавливается и погодя вставляет холодное рассудительное «дак, дак» или еще хуже осторожное «док». Бывает, что глухарь прерывает свою песнь, уже перейдя от щелканья к щебетанью. Эти случаи чаще происходят, повидимому, когда глухарь увидал или услыхал что-либо интересное или тревожное. Когда глухарь услышит квохтанье глухарки, то песнь льется с бо́льшим азартом и конец одной соединяется с началом следующей, и так продолжается иногда в течение нескольких минут; так же бывает, когда один певец соперничает в песне с соседом. Иногда глухарь прерывает свою песнь как будто без причины, перелетая на другое дерево, и тотчас же снова продолжает петь, затем снова перемещается и т. д. По всей вероятности, такие перелеты основаны на крайнем возбуждении птицы.

При продолжительном молчании глухаря, прервавшего песнь, помогает, чтобы вернуть его к прежней деятельности, проквохтать голосом глухарки. Всякая приостановка глухарем песни во время подхода приписывается охотником своей неосторожности, но на самом деле это

бывает не всегда по его вине, хотя случается частенько, что охотник нашумит невпопад или остановится на виду, не рассчитав, сколько шагов оставалось до заслона.

На мягком моховом болоте вода после таяния снега впитывается в мох и делает ходьбу тяжелой и шумной: нога всасывается раскисшим мхом, а при вытаскивании ее и после продолжается бульканье. При таких условиях приходится делать под песнь шаг, много два, — иначе бульканье не успевает затихнуть до конца песни, а глухарь чуток к таким звукам.

Перед самым восходом солнца, в разгар тока, слышно гнусавое квохтанье глухарок и они по нескольку штук перелетают с дерева на дерево, квохча и на лету и сидя. Это — время полного оживления: голоса белых куропаток, журавлей, певчих птиц сливаются, словно широкая полноводная река катится неудержимо, ворча и журча, шипя и звеня. А дятлы длинною резкою трелью-долблением трещат со всех сторон, будто ломают отжившее старое здание. Среди этих звуков слышится, как отдаленный короткий рокот грома, лопот крыльев дерущихся на земле глухарей.

Глухарь поет свою песнь и на верхушках высокоствольных лиственных и хвойных деревьев, и на средних и нижних суках, и на маковке саженной сосенки, и на земле.

Пение глухаря, начавшееся в предрассветных сумерках, продолжается и с восходом солнца (в мае нередко до 8 часов утра).

Глухариные тока затихают постепенно к двадцатым числам мая, когда старики уже перепелись и их сменили молодые певцы.

...Осенью, взлетев на маковку корявой сосенки, глухарь пощелкает и проскрежещет свою песнь — это осенний ток, который наблюдается и у тетеревов.

Глухарей на току ошибочно бить очень крупными номерами, приняв во внимание, что далеко стрелять, конечно, не следует. Номер 3-й дает больший убойный круг с большими возможностями сломать крыло, пронзить шею и т. п. При дальних выстрелах полезен номер 1-й.

Охота с легавой. Там, где глухарь сравнительно с тетеревом редок, охота на него имеет особую притягательную силу. Охотнику интересны волнующие переживания,

какие он испытывает от близкого присутствия затаившейся под стойкою собаки сторожкой громадной птицы.

Специальной охоты на старых глухарей, какая существует на косачей, нет; стрелять их приходится не часто — попутно во время разыскивания выводков, так как подходящие места беспрерывно чередуются в общей шири лесов.

Однако частая охота по глухариным выводкам в начале сезона несколько однообразна, особенно там, где нет елей, глухого подсада хвойного мелколесья, болотного кустарника, валежника, ивняка и ветровала; в этих местностях добывание глухаря становится довольно легким.

Охота в травянистых светлых рощах, по опушкам вдоль покосов и на самых лесных покосах, в мшистых папоротниковых борах и сосновых чистых лесах с липовым да дубовым насаждением очень картинна. Благодаря хорошему травяному покрову, молодые глухари, после того как дали собаке длинную следовую работу, затаиваются довольно крепко и собака нередко делает стойку накоротке.

Неуклюже вылетают испуганные лесные отшельники, рыхло оперенные, иногда с повисшими лапками, толстоголовые, шоколадно-серые петушки.

Выводки глухарей располагаются и близко к месту бывшего тока, и в отдалении от него. Глухари прилетают на ток с места своего жительства и на порядочное расстояние.

Глухариные выводки живут среди высокоствольного леса, хотя посещают мелколесье и ягодники на болотах с низкорослыми деревьями; поблизости, однако, должен быть достаточно высокий спелый лес и большая площадь леса вообще.

Выход выводка на поляны, на просветы, где есть трава и солнце, является для глухарей потребностью. Выводки поэтому и, во всяком случае, след выводка нужно искать по ягодникам, закрайкам болот, смежных с полянами сенокосного типа. Даже в глуши леса, в местах спайки, например, хвойных моховых болот с лиственным лесом или при переходе лесной возвышенности в низменность попадаются места с более редким лесонасаждением и травяным покровом.

Открытые, хотя и защищенные места встречаются и среди моховых болот, где сосняк редеет, а ягодные побеги

и богульник густо покрывают мшистый пол. Глухари любят выходить на такие просветы, но для перемены корма, разыскания песчаных мест и камешков они нуждаются и в местах с сухим грунтом, где растет суходольная трава.

В общем как тетерев, так и глухарь любят совокупность схожих условий. Для тетерева места эти будут напольные, а для глухаря — более отдаленные, глухие. Для глухаря нужны, кроме того, большая затененность и влажность земли, присутствие водопоя и безусловная наличность значительной площади высокоствольного леса, особенно соснового.

Так же как и тетерев, глухарь очень постоянен в избранном раз месте жительства на определенный период. Эта черта особенно сказывается во время жизни этих птиц семьей. Глухариные выводки до времени их взматерения держатся упорно одного определенного места, если они не подвергаются там опасности в виде преследования со стороны человека. Из года в год старка выводит цыплят на тех же местах. Ко времени открытия охоты в выводке чаще встречается пять-семь глухарят. Привязанность глухарки к месту, опыт старки по выхаживанию цыплят и обереганию их должны убедить охотника в необходимости щадить, не стрелять маток.

Разыскивание глухариных выводков следует делать с применением тех же приемов, как и при отыскании выводков тетеревов, с разницею в выборе мест, подходящих для глухаря. Расписание жизни глухарки с выводком то же, как и у тетерки, и поэтому в силу тех же причин охота на утренних и вечерних зорях предпочтительнее, особенно приняв во внимание крепость глухариных мест. Так же как и у тетеревов, молодые петушки-глухари проявляют при взматерении самостоятельность, отбиваются от выводка и в травянистых местах, выдерживая крепкую стойку собаки, вылетают одиночками.

Полет глухарей довольно прямолинеен. Поднятый глухарь делает перелеты на большее расстояние, чем тетерев, и имеет значительно большую склонность к посадке на лес, предпочитая укрываться в середине дерева, а не на макве. Эта склонность садиться на лес часто портит охоту с легавой, тем более, что отсиживаются глухари довольно долго. Слетев с дерева или затаившись в траве, разбившиеся глухарята, в зависимости от возраста, рано или

поздно начинают пищать по собственному почину или в ответ квохчущей матери. Свист их грубее и несколько протяжнее тетеревиного, но в общем имеет большое сходство.

Легавая собака по глухарям должна отличаться хорошей выдержкой, отчетливостью работы, безукоризненным послушанием и, конечно, хорошим, преимущественно верхним, чутьем при отсутствии тугой потяжки. Глухари бегут из-под собаки и, добежав до менее защищенного места, нередко взлетают.

Естественно, что, по приведенным данным о повадках глухарей, следует дорожить первым подъемом неразбившегося еще выводка, особенно когда такой подъем удается на сравнительно чистом месте при хорошей стойке собаки. Но далеко не всегда глухарята с первого подъема рассаживаются по деревьям. При подъеме в высокоствольном редколесье, пожалуй, большинство действительно воспользуется этим способом спасения. В окружении же мест травянистых и глухих многие из них вновь садятся на землю и, дав короткий след, запрячутся в густое сплетенье куста, заберутся под валежину, в малинник, папоротник и крепко сидят.

При внимательном осмотре места, над которым стоит собака, удается иногда заметить в ветвях и траве торчащий из-под коричневых сгнивших корней выворотня хвост молодого петушка или части спины его под плотно стелющимися над землей ветвями кустарника или еловой лапки.

Но если на молодых глухарей охотиться не так трудно в начале сезона да еще в удобных местах, то совсем иное — иметь с ними дело (а тем более с глухарями взматеревшими) в еловой болотистой глуши с колодняком и валежником. Не так просто справляться с ними и в моховых сосновых редколесных болотах с наземным покровом богульника и побегов ягодных растений. Правда, кругом видно даже на дальний выстрел и с ружьем наготове быстро поспеваешь за собакой, которая, вытянув голову, шею, колодку и хвост, как будто на цыпочках, ведет чуть ли не второй километр. Ясно, что бегущие глухари понимают преследование, они сквозь куст богульника нет-нет да и взглянут бочком на преследователей. Взлет в таких случаях можно ожидать на больших расстояниях. Это соображение заставляет вынуть на ходу шестерку и

заменить ее более крупным номером в обоих стволах, опасаясь вылета как раз во время перезаряжения. К счастью, глухарь вылетает, когда ружье готово проводить его дальний угонный вылет двумя выстрелами, из коих второй иногда повреждает кончик крыла, и коричневая летящая машина снижается боком на землю. Еще добрый километр придется поработать собаке!

Охота по взматеревшим глухарям в очень крепких местах удается иногда, благодаря своевременным заходам, которые нужно умело делать при подводке собаки по неширокой полосе чащи или в мыске перед мелколесьем или редколесьем. Такая охота по зрелой строгой птице, основанная не только на стрельбе, но и на определении, так сказать, лаза птицы, — охота, выявляющая разнообразное мастерство охотника, дает наибольшее удовлетворение.

Итак, охота по глухарям с легавой где легка, а где и очень трудна, и по причине трудности ее и строгости птицы имеет притягательную силу.

Охота с лайкой. В крепях, болотистых лесах со значительными еловыми насаждениями и вообще в местах с частым подсадом молодняка и ивовых кустов охота с легавой примерно уже с сентября становится малоуспешной. Хотя птица и вылетает иногда на выстреле, но ее или почти, или совсем не видно в зарослях, а если и успеваешь выстрелить, то чаще делаешь промах. Искать же переместившуюся строгую птицу в шири лесов, улетевшую по невидимому направлению и к тому же, весьма вероятно, севшую на лес, — занятие скучное по причине непригодности средств охотника и легавой. Да и в лучших местах охота по глухарям с легавой становится в сентябре случайной.

В этот сезон (в глухой местности в особенности) лайка сослужит хорошую службу, так же как в свое время легавая — в местах, удобных для наземного затаивания глухаря. Причуяв на полу птицу, лайка покажет это своим поведением, а если она принадлежит к числу собак, ищущих на виду охотника, то, может быть, если место не частое, предоставит и возможность выстрелить на взлете.

За взлетевшей птицей лайка горячо гонится. Несмотря на встречаемые на своем пути препятствия и заслоны, прикрывающие птицу от ее глаз и мешающие бегу, лайка

удивительно верно держится направления полета и, как ни странно, не так уж сильно и отстает. Глухарь, как уже было отмечено, имеет склонность садиться на лес, а при преследовании его быстро бегущею собакой тем более. Острота слуха, зрения, а затем и чутья лайки помогает ей определить место посадки глухаря, которого она и облаивает на дереве. Глухарь обыкновенно сидит в листве или хвое и поглядывает на собаку. Заслоненность глухаря и то, что собака не приближается к нему позволяют птице довольно долго выдерживать облаивание. Собака не должна бросаться к дереву; она должна лаять на расстоянии, не выражая чрезмерного нетерпения, чтобы не преувеличивать опасности в глазах птицы. Охотник подходит с большою осторожностью, пользуясь прикрытиями и держась за спиной птицы.

Подход к облаиваемому глухарю не так легок: то мелькнет фигура охотника, то вдруг неожиданно под ногой его треснет ветка. Двух же наступающих врагов глухарь не выдерживает. Дело осложняется еще тем, что подходить приходится сравнительно на близкое расстояние, так как иначе глухаря в хвое, а особенно в листве не заметишь.

Лайка, благодаря своему острому слуху, облаивает не только глухарей, поднятых ею с пола и преследуемых на полете, но и услышанных на полете и при посадке. Иногда и не поверишь, что собака вдруг бросилась стремглав вдаль, и только, когда услышишь вскоре облаивание ею птицы, поймешь происшедшее.

Охота с лайкой может производиться с открытия охоты до глубокого снега. Конечно, осень, до того, пока не совсем облетел лист, — лучшее время. В период вылета глухарей на осинник или лиственницы охота с лайкой оживленнее.

Стрельба на осиннике и лиственницах. Эта своеобразная охота, если она производится из шалаша, несколько напоминает охоту на тетеревов с чучелами, хотя последних при охоте на глухарей и не употребляют. На осиннике и лиственницах охотятся из шалаша и с подхода, в последнем случае с лайкой и без нее.

У глухарей имеется пристрастие к листьям осины и к хвое лиственницы. Птицы эти с жадностью питаются зеленью этих деревьев, но только в определенный период.

Сезон этот не долог, — он наступает недели за две-три перед тем, как названные деревья начинают перекрашиваться в осенние краски, и кончается с потерею этими деревьями летних тонов. Осина понемногу багровеет, как дозревающие яблоки, становится оранжево-розовою, темнокрасною, а лиственница светит золотом на фоне синего неба. Когда осенние краски привлекают наши взоры, глухарю эти деревья уже не милы.

По этим признакам вылет глухарей на осинник бывает на некоторое время раньше, чем вылет на недозревшую, по их вкусам, лиственницу. Засев на дерево и подвигаясь по ветви, глухарям не трудно наклеваться досыта при столь густом расположении пищи; они набивают себе громадные зобы, которые от количества листьев или хвои сильно выпячиваются.

Не каждую осень с одинаковым постоянством посещаются глухарями эти кормежки. Находится ли это в зависимости от обилия корма вообще или от условий погоды, например заморозков, так или иначе влияющих на зелень деревьев, — сказать трудно.

Глухарь избирает определенные деревья осинника или лиственницы и посещает их регулярно на утренней и вечерней кормежке. Иногда, еще задолго до захода солнца, глухари вылетают выводком кормиться на осинник или лиственницы, ночуя иной раз на этих же деревьях. Утром посещение глухарями этих деревьев большею частью происходит до восхода солнца. Деревья, на которых кормятся глухари, имеют у подножья не мало листьев, хвои и веток. Глухари своими сальными клювами часто рвут целыми сочленениями и пучками листья или хвою, а затем, не справившись с целыми сочленениями, роняют их.

Лайки часто обнаруживают вылет глухаря, заслышав особое прищелкивание, при отрывании птицею осиновых листьев, или слабый треск-шорох падающего на землю сломанного прутика. По упавшим на землю листьям и веточкам, по так называемой поеди, лайки чутьем обнаруживают глухаря на том или другом дереве. Около деревьев, на которые повадились глухари, строят шалаш из соответствующего обстановке материала. Стрельбу глухарей, так же как и тетерева, следует производить, хорошо выцелив птицу, во избежание подранков, так как улетевшую или убежавшую птицу найти без собаки может не охотник, а случай. Многие же охотники сидячую птицу из

дробовика стреляют небрежно, надеясь на убойный круг дроби. Стрельба требует тщательности, тем более, что птица бывает заслонена листьями и ветками, обнаруживая лишь часть своего очертания. Стрелять выгоднее нижерасположенную птицу, чтобы она падением своим не согнала других, которые не всегда слетают после первого выстрела.

Зная те группы деревьев, на которые вылетают глухари, можно охотиться и с подхода. Будучи знакомым с расположением в лесу осинника или лиственниц, полезно делать обход таких мест в часы кормежки.

Глухарей обнаруживают когда зрением, а когда и слухом, заслышав шумную посадку или особое щелканье при отрывании птицей жесткого плотного осинового листа, о чем было упомянуто как о признаках, по которым обнаруживает глухаря и лайка.

Охота на овсах. Хлебные посевы, особенно овсы, расположенные вдали от селений, на пустошных угодьях, среди подходящих лесных островов, естественно, привлекают глухарей. Столь питательный и вкусный корм, как овсяное зерно, находится смежно с моховым болотом, над которым высятся широкие причудливые маквы старых сосен. Не трудно и стóит того, чтобы прилететь на такой завидный завтрак и ужин или даже прийти пешком, тем более, что между хлебною полосою и болотом имеется спайка в виде березового и осинового мелколесья.

На овсяные посевы, расположенные в подходящих местах, падки и утки, и тетерева, и глухари, и медведь. Порядочно повреждают, оклевывают и приминают овсы повадившиеся на полосу глухари. Они летают и выводком и порознь, смотря по сезону, и, повадившись, посещают посев правильно в определенные часы кормежки. Посещение глухарями хлебных посевов начинается со времени созревания зерна и продолжается затем до их уборки.

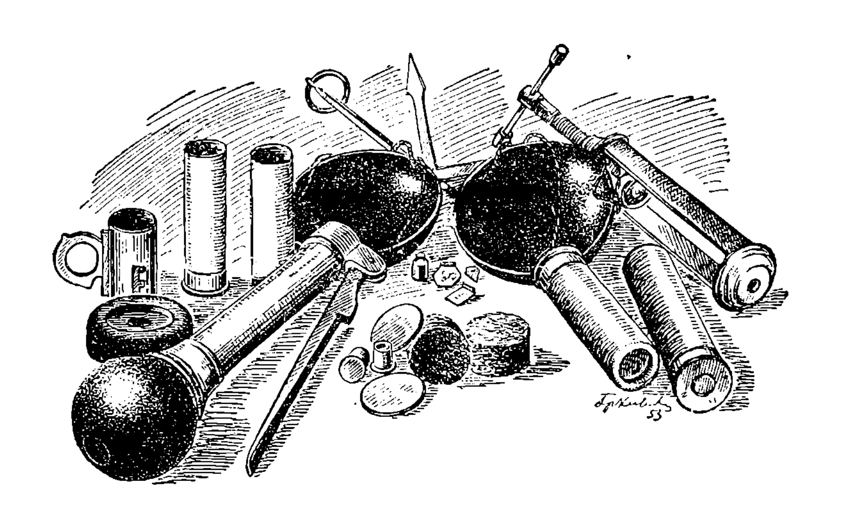
Настойчивое посещение птицей посева и ее обилие позволяют вести регулярную охоту по глухарям, окончание которой зависит от времени, когда будут увезены последние снопы. Пока овес еще не сжат, можно стрелять глухарей из-под легавой или с подхода, без собаки. Когда же овсы будут сжаты и сложены на месте в суслоны, начинается охота из шалаша. В зависимости от расположения суслонов шалаш ставится либо в опушке леса, либо на самой полосе, причем в последнем случае частью

строительного материала с успехом служат овсяные снопы.

Глухарь, посещая овсяные суслоны, повреждает их значительно да и уничтожает не мало зерна. По этим признакам, а также по помету и перьям, оставляемым глухарями на хлебных кладях, легко определить, где именно целесообразнее строить шалаш.

Кроме перечисленных способов охоты на глухаря, там, где этой птицы много, существует еще способ подкарауливания глухарей на определенном месте, куда они вылетают осенью утром и вечером, чтобы поглотать мелкие камешки, необходимые для пищеварения. Запас этих камешков должен находиться в желудке птицы. Способ этот имеет некоторое значение там, где россыпи гальки находятся в строго определенных местах, невдалеке от глухариных болот, в которых гальки не имеется.

ОХОТА НА РЯБЧИКА

Рябчик живет рядом с куницей. Это отчасти характеризует его как обитателя лесных областей с хвойными насаждениями. Соседство куницы для рябчика не из приятных, — куница большая охотница до него и страшная губительница этой уединенной птицы лесных темнин.

Работа легавой по этой птице бесполезна, так как стойки рябчик не выдерживает и его удается убить из-под легавой в виде исключения.

Рябчик является массовой добычей исключительно промысловой охоты. Охота на рябчика носит промысловый характер *, тем более, что рябчик в достаточном количестве водится теперь преимущественно только в районах промысловых. Эта птица замечательно стойка в своей привычке к месту. Рябчик настоящий отшельник, даже более, чем глухарь. Последний совершает иногда кочевки и широкие передвижения, вылетая из леса, перелетает большие сравнительно пространства через поля, стремясь к виднеющемуся массиву леса на горизонте; рябчик же настолько лесная птица, что перелеты его должны совершаться под деревьями или от дерева к дереву.

---

* Спортивная охота на рябчика также существует. Это охота в узерку, нагоном, на манку и др. — *Ред.*

Правда, он охотно перелетает поляны до ближайшей опушки и любит открытые места; но эти места должны быть среди леса.

Лес для рябчика все равно, что вода для утки. Прикрытие, затенение ему необходимы, как и некоторым лесным растениям. Лес нужен ему и для того, чтобы, поднявшись на дерево, прятаться в хвое, листве.

Рябчик не способен таиться от опасности на земле, он не чувствует себя скрытым, и первым стремлением его является подняться и затаиться на дереве, где он, повидимому, считает себя дома. Рябчик — единственная дичь, для которой дерево служит несравненно большей гарантией безопасности, чем самые лучшие наземные прикрытия. У рябчика выработалось умение находить на деревьях такие укромные сочленения, развилины, теневые пятна, расцветку, где он становится неприметным. Вдобавок он умеет принимать разнообразные положения, соответствующие формам и сгущениям ветвей: он то вытягивается, то лежит иногда на суку, то стоит, прислонившись к самому стволу, как нарост, то сидит комочком в сплетениях висящих над ним конечностей ветвей или норовит сесть в некоторых случаях, вытянувшись вверх, приноравливаясь к торчащим султанчикам — кистям хвои, и т. п.

При вырубках смежного леса и незначительности площади, оставшейся в самом месте жительства рябчика, он тем не менее продолжает жить в прежнем своем участке, хотя незначительная лесная площадь не удовлетворяет его. Рябчик предпочитает остаться в неподходящих условиях, но все же под прикрытием небольшого количества оставшихся деревьев и кустов, чем делать перелеты по напольным местам в поисках хороших лесных площадей.

Рябчик, однако, не чужд перекочевок, вызываемых необходимостью улучшить условия жизни, если перекочевки возможны по лесу.

Итак, рябчик совершает свои перелеты от дерева к дереву. Полет рябчика торопливо быстр и плавен. Он без заметных уклонений пролетает по частым зарослям, без извилистых воздушных петель минует встречные препятствия и не задерживается, выбиваясь из ветвей деревьев.

Стрельба рябчика на лету представляет затруднения из-за густоты лесных зарослей; когда же случается стрелять его в редколесье на опушке полян или в закрайнах

моховых болот, где низкорослый лес заставляет рябчика лететь поверх этого леса, то стрельба благодаря плавному и ровному полету не представляет особых трудностей.

У рябчика замечательная способность садиться, лепиться с быстрого полета на дерево, не покачнувшись при посадке; он садится на лес, как чирок на воду.

Места, где водится рябчик, главным образом подходят только ему, не удовлетворяя прочую лесную дичь, хотя смежно он нередко живет и с глухарем и с тетеревом, в зависимости от места, где поселился рябчик (более или менее глухого). Типичными для рябчика местами будут: еловые болота с прилегающими к ним полянами, где вдоль леса по кочкам растет брусника; смешанный лиственный лес с незначительным травянистым покровом, с чащами и просветами; перемежающиеся с осиново-березовыми островами хвойные леса; еловые высокоствольные рощи с наземным прикрытием папоротников; заросли среднего березняка с елью и посадом можжевеловых кустов; отдельные тенистые частые рощи, разбросанные по покосным местам и т. п.

Наброды рябчика коротки. Он в значительной степени менее наземная птица, чем остальные представители пернатой дичи. Подходящее место для кормежки он выбирает, опускаясь с дерева, и реже — пешком. Свои наземные передвижения он часто прерывает, поднимаясь на лес. Охотясь с легавой по прочей лесной дичи, не только по месту, но и по работе собаки узнаешь в скором времени, что наброды принадлежат рябчику.

Рябчик — очень большой любитель брусники; он довольствуется, правда, незначительными кустиками этой ягоды, разбросанными кое-где в месте его жительства, и не имеет обыкновения отлетать, как это делает глухарь и тетерев, в более кормные места, отдаляясь от своего постоянного места жительства.

Голос рябчика весьма оригинален. Если громыхающий полет рябчика удивляет своей мощью, при сравнительно небольшой величине птицы, то голос его поражает тонкостью и музыкальностью свиста, не свойственного куриным породам, напоминающего деликатный свист некоторых куличков или колена пения певчих птиц. Свист рябчика чистый, тоненький, заставляющий как бы ожидать продолжения музыкального пения. О свисте рябчика

легко судить по весьма хорошему подражанию голосу его манком — пищиком — из стволика пера, костяной или металлической трубочки. Тонкий свист рябчика полон и ровен на всем протяжении звука; продолжительность беспрерывного звука длится примерно секунду, затем следует секундный перерыв, и такой же свист повторяется подряд еще раз или два.

Голос самки можно приблизительно передать слогами «пись... пись... пись», а голос петушка «пись... пись... питирить». Знание голоса и верное подражание ему важно, так как основная промысловая ружейная охота совершается при помощи пищика, подманиванием.

Рябчик по характеру пуглив. Об этом свойстве его мы, по крайней мере, судим по тому, что он не затаивается на земле, а поспешно и своевременно слетает; в крайности он затаивается на короткое время. Правда, он несколько лучше и значительно продолжительнее затаивается на дереве при условии соблюдения охотником тишины и известного расстояния до птицы, но при охоте с лайкой рябчик не выдерживает лая.

В жизни рябчика, с охотничьей точки зрения, следует различать два периода: когда рябчик держится выводком и когда птица по взматерении живет вразбивку.

Первый период не является промысловым сезоном, но охота на рябчиков и в этом периоде имеет много привлекательного и своеобразного. Для любителя, редко практикующего способы добывания дичи без собаки вообще, охота на эту замкнутую в тенистых лесах птицу должна представлять особый интерес; к тому же мясо молодого рябчика отличается особою нежностью.

Охотник должен прежде всего знать характер рябчика и тех мест, где он любит держаться, а также расположение этих мест среди лесных площадей. Задача охотника состоит в том, чтобы обнаружить и поднять выводок рябчиков. Там, где рябчик водится не в слишком ограниченном количестве, это всегда удается при условии знания мест.

Поднять рябчиков легче, чем наткнуться на выводок тетеревов; тетерева затаиваются или отбегают, рябчики же, при прохождении человека на том же расстоянии, взлетают. Кроме того, чрезвычайно ценным для этой охоты является постоянство рябчика, с которым он держится избранного им места.

Обнаружению рябчика не мало помогает и слух охотника, — благодаря особенности звука крыльев этой птицы и частым взлетам ее с земли на дерево и перелетам с дерева на дерево.

Подняв выводок рябчиков, следует заметить направление полета, имея в виду его прямолинейность, и прислушиваться, где именно прекратится этот полет, чтобы таким образом понять приблизительное место размещения птицы на деревьях и, следовательно, мысленно прикинуть расстояние, с которого нужно искать рябчика. Одной из самых больших трудностей этой охоты является обнаружение зрением затаившегося рябчика — этого серенького комочка на дереве при столь хорошей способности его прятаться — маскироваться. Природа одела рябчика в одежду таких цветов, что она является защитною и для наземного пребывания и для затаивания на деревьях разных пород. Коричневые, седые, черные, белые перья, переходные и смешанные тона перечисленной расцветки этой птицы, при той или иной посадке, прекрасно сливают ее и с чернотой густой хвои, и с темнокоричневыми ветками, и с пегою белизной берез, и с замшившимися частями деревьев. Общее же рябое оперение, создавая пятнистость, сливается с листьями ветвей и с тенями листьев.

Наглядывание рябчика требует не столько острого зрения, сколько привычки. Неопытный глаз часто смотрит на затаившегося рябчика и не видит его. Как общее правило, молодым охотникам можно рекомендовать никогда не начинать с подробного осматривания какой-нибудь части дерева, а сначала окинуть беглым взглядом все дерево несколько раз подряд. Таким образом, гораздо быстрее в большинстве случаев обнаруживается какое-нибудь темное пятно или утолщение на ветке, сучке, которые и следует уже затем разобрать зрением поподробнее. Это правило полезно соблюдать не только, когда стоит вопрос о целой группе деревьев, но даже и тогда, когда точно известно, что рябчик сел именно на данное дерево.

Часто, занявшись слишком подробным осмотром отдельных частей дерева, упускаешь время и рябчик неожиданно слетает. Наоборот, окидывая беглым взором все дерево, замечаешь рябчика, иногда открыто сидящего или стоящего, вытянувшись на словой ветке.

Поднятый выводок рябчиков, взлетев, рассаживается на разные деревья, иногда рядом расположенные. Садятся рябчики на разной высоте, иногда на нижние ветки, что в большинстве случаев менее выгодно, так как птица при приближении охотника слетает ранее, чем при посадке на большой высоте.

До взматерения молодые рябчики, особенно рассевшиеся невысоко, имеют привычку стрекотать, повернувшись в сторону приближающегося человека. Это значительно облегчает задачи охотника, так как стрекотание помогает насмотреть птицу, а иногда и сразу обнаружить ее. Стрекотание подобно звуку, который получается, если выпятить сильно губы и, выдувая воздух, дать губам свободно колебаться без перерыва.

В зависимости от характера насаждения леса, возраста птицы, сезона, уединенности места рябчик при перелетах садится на большем или меньшем расстоянии от охотника. Иногда рябчик подпускает совсем близко, иногда же он не допускает и на двадцать пять метров.

Перелеты в удобных по лесонасаждению местах рябчик в среднем делает меньшие, чем тетерев, и никогда не перелетает столь больших расстояний, как взматеревшие тетерева.

Так как в этот период охотиться с пищиком преждевременно, рябчиков бьют на узёрку с подхода. Не каждого рябчика удается стрелять, — многие из них слетают до того, как их обнаруживают на дереве, стрельба же в лёт при неожиданности, да еще в чаще, большей частью не удается. Но в этом нет беды: рябчик перемещается неподалеку. В таких случаях все внимание должно быть сосредоточено на наиболее точном определении слухом той группы деревьев, где, повидимому, остановился полет рябчика.

При этой охоте не мешает помнить место первого подъема выводка, так как рябчики стараются придерживаться при перелетах этого места.

Второй период охоты наступает осенью, когда молодняк чувствует самостоятельность и живет вразбивку, но, не отвыкнув от общительности, охотно идет на пищик.

Розыск рябчиков осенью при охоте с пищиком производится не только теми способами, которые описаны выше, но и путем вызова пищиком ответного голоса этой птицы. Следуя кряжем, вдоль хвойного болота, опоясан-

ного по возвышенности березово-осиновыми моло́жами, охотник время от времени приостанавливается, посвистывая в пищик раза два-три подряд, и прислушивается.

Получив ответный голос рябчика, охотнику следует выбрать такое расположение групп деревьев, которое давало бы возможность увидать подлет птицы и заметить посадку. Щедриться на подачу голоса при ответе не надо, лучше на двухкратный голос птицы ответить столькими же слогами, но один раз, оставляя следующий отклик без ответа. Если рябчик охотно откликается на манок, то он, несомненно, подлетит — придет на пищик, как говорят охотники.

Рябчик очень точно определяет место, откуда раздается призыв, и иногда садится на дерево, под которым стоит охотник. В зависимости от расстояния, отделяющего рябчика от охотника, перелет совершается в один или несколько приемов. Чем ближе находится птица, тем скупее надо пользоваться пищиком, а иногда следует подавать голос, отвернувшись в противоположную от птицы сторону, чтобы несколько заглушить звук.

Если птица не подлетает, приходится приближаться к ней, определив по голосу приблизительное местонахождение ее. Осторожно подвигаясь, следует внимательно оглядывать деревья, держа ружье наготове, так как в редколесье, например, при умелой стрельбе взять рябчика в лёт, подготовившись к возможному взлету, не трудно.

Охота с пищиком — самый распространенный способ добывания рябчика. Охота эта начинается примерно с конца сентября и оканчивается к зиме, когда рябчики живут уединенно и, отвыкнув от прежней общительности, идут на манок туго.

Если бы, однако, рябчик не обладал свойственной ему пугливостью, не был бы столь чуток к посторонним звукам, которые его заставляют так молниеносно сниматься с дерева, и если бы промышленники специально натаскивали лаек для рябкованья, то охота с лайкой была бы наиболее добычливой и наиболее распространенным способом.

Рябчик настолько нервно пуглив, что эта черта его характера служит препятствием распространению охоты с лайкой, так как лая рябчик не выдерживает.

На рябчиков все же охотятся с лайками, но с такими, которые особо воспитаны и натасканы специальными приемами. Врожденный инстинкт и восприимчивость лайки скоро заставляют ее понять, что лай отгоняет рябчика от охотника, и это, без сомнения, оставляет без удовлетворения природную потребность сотрудничества ее с человеком.

При совокупности названных прирожденных свойств лайки и направленных человеком стараний достигается не только деликатное повизгивание собаки по рябчику, вместо облаивания его, но и явка лайки с «докладом» к хозяину при обнаружении рябчика и молчаливая подводка к месту нахождения птицы.

Рябчик не крепок, его надо бить мелкой дробью, которая на этой охоте незаменима.

ОХОТА НА БЕЛУЮ КУРОПАТКУ

Птица эта не только вполне обходится без высокоствольного леса, но даже избегает его, предпочитая низкорослый сосняк, кустарник, гладкие мхи с редким лесом и наземным прикрытием ягодных растений.

Места летнего и зимнего пребывания белой куропатки различны. Скудная пища зимой заставляет куропатку делать кочевки. Излюбленными летними местами белой куропатки являются моховые болота, влажные клюквенные и более сухие, где произрастают и брусника и гонобобель. Обычно такие моховые болота покрыты нечастым низкорослым сосняком. Тенистые опушки лиственных деревьев и кустов ивовых пород вокруг таких болот дают летом и прохладу и хорошее убежище от ястреба, предоставляя птице большие удобства.

Селится белая куропатка и в травяно-мшистых низинах елового редколесья и смешанного лиственного леса с подсадом негустого ивняка и можжевеловых кустов. Белая куропатка любит и моховые чисти, хотя бы с редким кустарником, но кочками, покрытыми побегами низкорослых ягодных растений. Цвет таких мхов бывает и красно-гнедым, и рыжим, и розовато-зеленым, защищая этими тонами птицу, даже при отсутствии кустарника.

Белая куропатка имеет склонность вылетать и на луга с неслишком высокой и плотной травой, в которой она смогла бы скрыться и бегать.

Способы охоты на белую куропатку не отличаются разнообразием. Они сводятся к охоте с легавой и на узёрку. В некоторых районах белая куропатка имеет большое промысловое значение в известные сезоны. Громадное количество белой куропатки добывают в глухих местностях севера при помощи различных самоловов (петли, слопцы и т. п.). К сожалению, средства эти, дозволенные в некоторых местностях в изъятие закона, практикуются и в районах, где они являются незаконными, и не только для ловли белой куропатки, но и глухаря и тетерева. Там, где белая куропатка составляет массовую добычу, заряда на нее не тратят и вследствие стоимости его, и по причине порчи белой шкурки этой птицы зимою, представляющей собой самостоятельную товарную единицу; главным же побудителем употребления самоловов является большая продуктивность этого способа добывания.

Белая куропатка является птицей оседлою только со времени разбивки весною стай на пары до наступления зимы. Затем куропатки, в большинстве случаев группами и большими стаями, принуждены делать большие или меньшие кочевки, в зависимости от условий, обеспечивающих их зимнее пропитание.

Птица эта, пожалуй, одна из наиболее взыскательных, правда, к немногим характерным и непременным условиям местности, которую она избирает для жительства. Она требует прежде всего влажный мшистый или травяно-мшистый покров и затем уже насаждение низкорослых деревьев или кустарника. В районах произрастания сосны это дерево наиболее характеризует летнее пребывание белой куропатки. Зимой же этой птице необходимы ивовые кустарники и тальник. Сосна имеет чистый гладкий ствол у основания, дающий просвет понизу примерно до половины дерева; ветви молодых сосенок не развесисты, и это позволяет птице быстро лететь вполдерева и легко лавировать при надобности между хвоей деревьев.

Требовательность белой куропатки к определенным условиям местности заставляет ее дорожить подходящим угодьем независимо от характера окрестности. Такое место, подходящее для нее, может встретиться и среди

глухих площадей, непроходимых моховых топей и плавней; может оно быть и среди большого густого леса, и в хлебных полях. Обыкновенно подходящие моховые болота с низкорослым сосняком, расположенные в полях, упорно заселяются белыми куропатками из года в год, причем, когда таких болот в полях несколько, то выводки держатся в том из них, которое находится в яровом или ржаном клине, оставляя болото в паровом поле, где пасущийся весною и частью летом скот слишком оголил и вытоптал наземный покров. Таким образом, куропатка является не только птицею глуши, но и населенных мест. Однако в отличие от серой куропатки она терпит агрикультурные и мелиоративные начинания человека до известной степени, и если они касаются осушки болот или лишают птицу характерного наземного прикрытия, то она переселяется.

Полет белой куропатки мало напоминает тетеревиный, разве когда она поднимается вверх, чтобы перелететь высокие деревья, которых она, как было сказано, избегает. Выправившись, полет ее напоминает полет серой куропатки и рябчика, характерный для ровноокруглого крыла. Белая куропатка делает малозаметные взмахи плечевыми суставами и производит то частые дробные движения концами крыла — маховыми, то простирает их неподвижно — лощит.

Пищу куропатки летом и осенью составляют ягоды, насекомые, семена трав.

Как и все куриные, белая куропатка любит выходить на сухие пустыри, сопочки, дороги и порыться в сухой земле, обсыпаясь пылью. Для пищеварения куропатка время от времени наклевывается мелких камешков. Так как куропатка, живя в месте влажном, имеет в то же время потребность для указанных целей, да и для перемены пищи выбираться на сухие места, то при охоте с легавой в широких однообразных болотах надо прежде всего обратить внимание, нет ли где среди ровного мохового болота сопки, которую куропатки никогда не оставляют без внимания. На сухих, в особенности песчаных местах среди болота или около него куропатки оставляют признаки своего пребывания в виде копанок, перьев, помета и проч. Когда поиски выводка делаются в болотах полевых, не следует забывать смежные с ними места в полях в виде зарослей ольхи, травянистого тенистого

мелколесья — вообще места, в которые птица имеет иногда обыкновение отлетать на день.

В утренние и предвечерние часы белых куропаток целесообразнее искать не в закрайках, а дальше от них, руководствуясь ягодными площадями; днем, во избежание потери времени, следует обходить болото по более тенистым закрайкам с лиственным лесом.

В отличие от тетерева и глухаря при выводке белых куропаток проживает петух, заботливо охраняющий семью своею бдительностью и выдающий себя при взлете громким гортанным гоготаньем, схожим с хохотом.

Белая куропатка имеет больше склонности, чем тетерев, бегать вообще, и в частности бежать от опасности, заставляя собаку дольше вести по своему следу. В отличие от тетерева куропатка способна запасть — притаиться — и на сравнительно голых местах, которые тетерев проходит, не задерживаясь. Куропатки снимаются дружно, и только если они застигнуты сидящими не кучно или разбежавшимися, взлеты некоторых получаются с промежутками.

Разбившиеся куропатки сидят крепко, но они не забираются, как тетеревята, в сучья, под густые нависшие ветки или вообще в такие места, которые могут воспрепятствовать им легко выпорхнуть. Если тетеревят часто можно при хорошем зрении и умении взять руками, то это довольно трудно сделать с белой куропаткой.

Охота на куропаток продолжается дольше, чем охота на тетеревов. Тетерев к двадцатым числам сентября обыкновенно не выдерживает стойки; белая же куропатка позволяет охотиться приблизительно еще месяц.

Белые куропатки разбиваются труднее, чем тетерева; по всей вероятности, этому способствует дружность подъема, кучность расположения птицы на полете и наличность при выводке обоих родителей.

Несмотря на то, что куропатка живет не в густом лесонасаждении и даже иногда на гладких мхах с зарослью низкорослых редких деревьев и кустов, тем не менее она умеет хорошо выбирать более защитные места среди как будто бы одинаково малозащитных условий. Это обстоятельство можно приметить, когда куропатки бегут от собаки, ведущей по их следу. При взлете куропатка умело заслоняется даже незначительными прикрытиями и

иногда, вылетая очень близко, делает стрельбу благодаря этим приемам затруднительной.

Стрельба белых куропаток в таких местах, где птице приходится лететь над уровнем низкорослых растений, в общем значительно легче, чем стрельба тускло мелькающих среди деревьев тетеревят.

Количество цыплят в семье куропатки обыкновенно больше, чем у тетерева, приблизительно в полтора раза. Численность птиц, понятно, оживляет охоту. Разбившийся выводок белых куропаток собирается незаметнее, чем выводок тетеревов, благодаря их большей подвижности и присутствию обоих стариков, которые, бегая по разным направлениям, подают тихий призыв молодежи.

Охота с легавой по выводкам белой куропатки сама по себе заманчива и разнообразит охоту на лесную дичь, отличную одна от другой и условиями местности, и особенностями повадок и полета птицы, и теми влияниями, которые характер птицы оказывает на работу собаки. Дымчато-зеленая синева низкорослого сосняка, рыже-гнедой и розоватый ковер мохового болота, бронзовые стебли пахучего богульника и кисти то матово-черных, то кроваво-красных, то янтарных ягод черники, гонобобеля, брусники и морошки вводят сразу в ту среду, где как будто и без собаки сейчас из-под ног загремит с кокотаньем бодрый выводок белых куропаток, словно оторванные комки рыжего мохового ковра со снежными пежинами.

Мхи, представляющие летом прекрасное убежище белым куропаткам, зимою являются пустыней для этой птицы. Моховые болота, кормившие летом белую куропатку, совсем отказывают ей в пище зимой, и она принуждена подвигаться к чистя́м, где растет ивняк.

Куропатки любят бегать вдоль дорог, окаймленных кустами, склевывая с них конечности побегов и собирая сбитые ветром семена.

Белая куропатка поздней осенью и в особенности зимой садится на невысокие деревья и кустарник, но, в отличие от глухаря, тетерева и рябчика, она никогда не делает этого с целью спасения от опасности, а исключительно для разнообразия отдыха или частично для кормежки.

Птица эта является единственной одевающей на зиму белоснежный защитный наряд. Сидящих на снегу куро-

паток охотник часто примечает исключительно по их черным глазам.

Зимой белых куропаток можно иногда встретить на полях около незначительных порослей кустарника, т. е. в таком месте, где летом не приходится и думать о встрече с ними.

Белая куропатка делает зимой на кормежке иногда весьма длинные наброды, следуя около вереницы кустов. Если же группа кустарников отстоит на порядочном расстоянии, птица перелетает и бродит вокруг них.

Следки белой куропатки по причине сильной оперенности лап отличаются от тетеревиных менее явными отпечатками пальцев и более узким и острым общим очертанием. Зимой видимые наброды куропатки служат предупреждением охотнику, который, видя даже следы, не всегда достаточно быстро замечает самих птиц, благодаря их белоснежной одежде.

Когда птиц не видно, а имеются только свежие следы, охотник становится на лыжи и, не принимая направления прямо по следам и к кустам, подвигается в обход, как и при подъезде к тетеревам, остро вглядываясь по снежной целине, не теряя направления следов.

Если следы свидетельствуют, что птица поднялась, а впереди по полету имеется другая группа кустов, нужно внимательно обойти и следующую группу кустарника. Куропатки при умелом подходе, а еще лучше при подъезде подпускают близко.

Куропатки кормятся зимой продолжительное время не только на зо́рях, но и среди дня. Во время кормежки они отлетают недалеко, позволяя поднять их несколько раз подряд.

ОХОТА НА СЕРУЮ КУРОПАТКУ

Серая куропатка занимает в птичьем мире особое место, благодаря своей природной способности селиться около человека и скромно пользоваться его земледельческими трудами, не вредя ему.

Зависимость серой куропатки от земледельческой культуры указывает на некоторую беспомощность этой птицы, требующей при наступлении суровых условий вмешательства человека. С другой стороны, серая куропатка, не будучи птицею прилетною, предпринимает иногда с целью самосохранения широкие перекочевки. Но в зависимости от пространства, которое эта птица должна миновать для улучшения своего существования, и степени неблагоприятности условий на пути перекочевки не всегда приносят благополучие. Все вместе взятое позволяет сказать, что эта миловидная птица, благодаря проживанию в культурных условиях, созданных человеком, лишилась привычки проживать среди дикой природы.

Плодовитость, превосходное нежное мясо и описанные черты характера делают серую куропатку ценным и удобным предметом дичеразведения. Опасаться за исчезновение серой куропатки не приходится, при условии, однако, незначительной помощи со стороны человека во время

острого периода ее нужды в пище или при искусственном, но весьма естественном вмешательстве в ее разведение. Дело сохранения серой куропатки и увеличения количества ее находится в руках человека в несравненно большей степени, чем сохранение, а тем более произвольное увеличение количества белой куропатки, глухаря, рябчика, тетерева, не говоря уже о птицах отлетных.

Серая куропатка является прекрасным предметом охоты. Она же по причине сравнительной легкости разведения может дать почти всегда достаточный количественно и притом хороший материал для испытания подружейных легавых.

Серая куропатка — птица напольных мест; она совершенно не нуждается в площадях леса, тем более высокоствольного. Однако в местностях, где поля чередуются с лесными насаждениями, она пользуется ими для спасения от опасности; она привыкает к ним как к более тенистым и крепким по сравнению с полем и кустарником, особенно когда ее поднимают на крыло последовательно несколько раз подряд. То, что лес — не ее среда, куропатка красноречиво показывает своим поведением: оставаясь в лесу весьма недолгое время, она выбегает на опушку и летит на чисть. Прежде всего куропатка нуждается в травяном покрове среди хлебных полей и около них и в неровностях поверхности земли, например в межах, бороздах, канавах, углублениях — лотках, между холмами и т. п.

Травяной покров отнюдь не должен быть густым и высоким. Удобной представляется трава, не сплетающаяся, а стоящая щетинкой, позволяющая куропаткам, свободно раздвигая ее, приземисто бегать, прикрываясь вершинами травинок. На пустырях, на запущенной пашне обыкновенно произрастает очень подходящий покров.

Прекрасным прикрытием и отличным в то же время местом кормежки являются жнивники, особенно травянистые. Высота жнивья и удобство продвижения между соломинками с некоторым подсадом травы обыкновенно вполне удовлетворяют куропаток.

Эти виды наземных прикрытий главным образом требуются для разыскания корма в безопасности и для бегания — передвижения; в качестве же ухоронки на дневке куропатки любят более высокий рост сорных трав: бурьян по межам и канавам, пучки и отдельно растущие стебли

более высоких, чем жнивник, трав, ростом примерно по колено человеку.

Серая куропатка чрезвычайно быстро отделяется вертикально от земли воздушным прыжком и, поднявшись невысоко над уровнем растений, летит, уже мало повышаясь над землей. Высота растений, из которых она выбирается на взлете, влияет, следовательно, на высоту этого воздушного прыжка, удлиняя таким образом момент отдаления от опасности. Вылет куропаток из места более густого с длинностебельными зарослями обыкновенно бывает вынужденным. Взлеты по собственному почину и надобностям куропатка чаще делает с места с невысоким травяным покровом, а то и с голого места.

Куропатка не любит однообразной большой площади, а предпочитает, когда она делится канавами, межами, полосами разных хлебных злаков или чередуется пустырьками, клочками более высокого травяного покрова, низинками и т. д. Несколько пересеченная местность дополняет удобства; куропатка любит на полете скрываться за возвышенностью или, прикрываясь скатом, обогнуть холмы по низине. Плоскогорья, а также ровные низины часто навещаются куропатками, если только они привлекают их своим травяным покровом. Заросли кустарников служат защитой и от хищных птиц и вообще спасением от опасности и дают затененность при зное. Небольшие грядки мелколесья с опушкою, обрамленною травкою, очень ценятся куропатками для дневок. В местностях, где водится много хищных птиц, куропатки чаще всего днюют под прикрытием мелкого леса или высокого кустарника.

Ночует серая куропатка кучно, табуном, избирая травянистые низины, кочкарник, пустыри, защищенные от ветра, но в то же время сравнительно чистые, без густого кустарника. Удобное место служит куропаткам ночлегом в течение целого ряда ночей. Каждая ночевка представляет собой круг примятой травы, больший или меньший, в зависимости от числа птиц, которые плотно усаживаются головками к окружности круга. Значительное количество помета и перьев служит также вещественным доказательством проживания куропаток.

Как только появятся весной проталины на полях, куропатки разбиваются на пары и на вечерней заре далеко

слышится резкое азартное чириканье петушка, схожее со слогами «чирр-вяк».

У куропатки самец остается при выводке, охраняя семью своим опытом и бдительностью. Нормальное количество молодых, встречаемое ко времени открытия охоты, колеблется приблизительно от десяти до восемнадцати штук. Впоследствии, когда молодые куропатки взматереют, к выводку нередко присоединяются отдельные холостые старые птицы и стайка становится больше. В более позднем сезоне, особенно если птица по тем или другим причинам должна откочевать, несколько семей соединяются в один табун.

Выводок живет оседло в определенном районе, однако покос, жатва и другие изменения на обрабатываемых участках заставляют куропаток оставлять место, которое для них изменилось к худшему, и переселяться на подходящие соседние угодья.

На степень оседлости серой куропатки влияет не только наличность корма, но и наличность необходимого наземного прикрытия и защитных мест; без последних куропатка будет только навещать кормовые места и удаляться. Если же в места поселения куропаток упорно повадится ястреб, они на время переселяются.

Серая куропатка — птица очень подвижная; у нее несомненная потребность к передвижениям. Куропатки имеют привычку делать наброды прямые, не слишком длинные, но, когда зрелые птицы удирают от преследования охотника и собаки, след их иногда бывает весьма длинный, если на протяжении их пути имеется достаточный наземный покров. Значительное количество птиц в стае обыкновенно способствует удлинению следа. Повидимому, это главным образом бывает при наличности в выводке, кроме стариков, еще и других присоединившихся старых экземпляров или при соединении двух выводков.

Обычные, не слишком длинные, наброды объясняются тем, что куропатки, обследовав какой-нибудь участок, делают перелет до следующего подходящего участка. Несомненно, что такие перелеты тоже свидетельствуют о подвижности этих бойких птиц.

На бегу куропатка чрезвычайно резва; она катится на своих сухоньких ножках словно шар, — настолько быстры и плавны движения лапок. И если бы не западания и за-

таивания на пути, — охота с легавой на куропаток была бы затруднительна, так как при самой быстрой потяжке собаки расстояние между нею и птицею все увеличивалось бы и подъем стайки происходил бы вне выстрела, что и случается позднею осенью, особенно при недостаточном наземном покрове.

Куропатки снимаются кучно и дружно; недаром иногда с одного выстрела падают две-три штуки. Поднявшись дружно, они и летят вместе, и опускаются одновременно.

При выстрелах, заходах навстречу или окружении затаившегося под стойкою собаки табунка куропатки хотя и не всегда, но часто разбиваются, делясь, однако, в большинстве случаев на небольшие партии. Дальнейшие преследования и выстрелы опять делят партии, и, в конце концов, куропатки разбиваются по одиночкам.

Как уже упоминалось, куропатки чрезвычайно быстро отделяются от земли воздушным прыжком и частыми, до незаметности, взмахами выгнутых к плечу крыльев с особым сухим треском, будто задевая крыльями крепкий соломистый жнивник, и, чирикая, резво удаляются.

Пища куропаток преимущественно состоит из зерен хлебных злаков и семян сорных трав, насекомых и мягкого нежного зеленого корма. Зерновым кормом куропатки питаются преимущественно, собирая упавшие зерна, и лишь только низкорослые и неудавшиеся посевы оклевываются ими на корню и то весьма незначительно. Куропатка по своему телосложению и вследствие коротких лапок, в особенности, не имеет повадок, как тетерев, приминать порядки овса и оклевывать их, занимаясь главным образом сбором упавшего зерна. Бегая в хлебных посевах, куропатки мало приносят вреда, так как, благодаря приземистости, лавируют между стеблями хлебных злаков.

Недостаток зеленого корма сказывается вскоре после того, как к осени засохшая трава пожухнет и станет схожей с сеном. Но куропатки прекрасно находят то, что природа от них отняла, посещая при надобности озимые поля. Когда же снег покроет землю, единственной основной пищей куропатки служат зеленя, которые они раскапывают, как и русаки.

Бегая по занесенным снегом пустырям, низинам, канавам, вдоль изгородей и по полям, куропаткам удается

воспользоваться кое-какими семенами сорных трав, торчащих в небольшом количестве из-под снега, да иногда покопаться на навозной дороге, найдя несколько зерен овса, но эта дополнительная пища может считаться случайной. Беда постигает куропатку в случае затвердения после дождя или сильной оттепели верхнего пласта снега, — озими часто делаются тогда недосягаемыми для куропатки и она неожиданно остается без корма. Скитаются тогда куропатки по снежной скатерти, по холмам, равнинам, над невидимым жнивником, зелеными и засохшими травами, но не торчит нигде ни единого зеленого перышка, ни единой былинки, — все сковано под крепкою снежною коркою. Даже на ночлеге нельзя приютиться от стужи в рыхлый снег. Тогда куропатки сбиваются в огороды, к гумнам, к сараям, ища спасения у человека, и пробегая вдоль построек в поисках пищи, вытаскивают иногда из пазов комочки конопатки в виде пакли и моха, которые сейчас же бросают. Куропатки в таких случаях пускаются, изголодавшись, в кочевку и гибнут от голода, стужи и ястреба.

Охота на серую куропатку однообразна по своим способам. В сущности рациональным, систематическим и в то же время единственным способом является охота с легавой. Существует, правда, еще охота зимой на озимях. Остальные способы охоты носят случайный характер, подразумевая, конечно, способы законные. Серая куропатка — птица исключительно наземная, кормящаяся там, где вообще проживает, и этим отчасти объясняется ограниченность способов охоты на нее.

Ввиду некоторой беспомощности этой птицы при суровых условиях, доверчивости ее характера и проживания в непосредственной близости к человеку, закон, сообразуясь со свойствами серой куропатки, ограничивает и сроки ее добывания.

Почти единственная охота на серых куропаток — с легавой — сама по себе является охотой прекрасной и по красоте сезона и по удобству ходьбы по сухим открытым местам, позволяющим видеть далеко вокруг себя золотую осень, и по интересной работе собаки на виду.

Охота с легавой там, где куропатки много, заполняет и красит короткий сезон охоты с подружейной собакой. Где полевой и болотной дичи нет или мало, отсутствие серой куропатки было бы почти равносильно окончанию

охоты с легавой, так как глухарь и тетерев в конце сентября с помощью легавой является уже трудно досягаемой дичью.

Желательно, чтобы охотники щадили эту птицу, не выбивали под корешок выводок, а оставляли хотя бы пары три в нем на племя. К сожалению, при стрельбе зрелых куропаток невозможно отличить старку, и хотя сохранение ее имеет меньшее значение по влиянию на дальнейшую сохранность оставшейся семьи и оседлость, чем старки при тетеревином выводке, — тем не менее, если по заметной разнице роста птиц различить старую куропатку можно, то стрелять ее не следует.

К 15 сентября в средней полосе куропатки достигают роста почти взрослой птицы; горло и зоб их имеет хотя, быть может, и неполную голубизну, схожую по цвету с выходной зимней белкой, но уже значительные полосы ее. Эти признаки у серой куропатки обоего пола приблизительно указывают на ту же степень взматерения, что и черные полосы на шее и зобе молодого косача. По крайней мере, в охотничьем значении это достаточные признаки, по которым охоту на тетерева и серую куропатку можно начинать. Лучшая же пора наступает для охоты на куропатку, когда головка и щеки ее станут бледно розово-оранжевыми, а весь зоб и шея покрыты голубизной.

В отношении молодого тетерева-петушка равностепенная зрелость может быть определена черным покровом всего туловища, шеи и головы, с небольшими пятнами и крапинами коричневого пера и хвостом-лирою. Такая зрелость тетерева обыкновенно бывает уже к сентябрю, а у серой куропатки она наступает приблизительно недели на три-четыре позже.

Охотиться на серых куропаток можно с успехом в любое время дня. Конечно, свежие следы куропаток на утренней и вечерней кормежке, особенно когда это место известно, имеют значение на ускорение розыска птиц собакой, но того значения, как при охоте на лесную дичь, часы охоты на куропаток не имеют. Подвижность куропатки не позволяет ей сидеть на дневке долгое время. Когда куропатки отдохнут, посидев, они вновь передвигаются пешком, делают иногда и небольшой перелет недалеко от первоначального места дневки и снова прячутся в укромный уголок, боясь ястреба.

Так как серые куропатки живут на возделанных человеком участках земли, то, несомненно, они волей-неволей часто попадаются на глаза людям. Ввиду этого полезно, если местонахождение выводка неизвестно, расспрашивать крестьян, в том числе рябитишек и пастухов, где, когда и как часто они сгоняют куропаток.

С нераннего утра (с 9—10 часов приблизительно) до времени, когда солнце начнет клониться к заходу, куропаток следует искать прежде всего в местах защитных, в незначительном мелколесье, в кустарнике, в травянистых низинах, в более густых зарослях сорной травы, около канав и подобных местах, соответствующих условиям дневки. Надо принять, однако, во внимание, что если небольших зарослей мелколесья нет, а имеются рощи спелого леса, то куропатки скорее разместятся на чистом поле, в канаве, в низине, в клеверище, а не в крупном лесу, куда их может загнать лишь вынужденное неоднократное перемещение при преследовании человеком.

Если же куропаткам приходится залетать в лес, то, во всяком случае, они избирают опушку, поляны или более редкие насаждения.

Если в обойденном мелколесье, кустарнике и других подходящих местах куропаток не окажется и собака не обнаружит следа, следует начать систематическое обыскивание чисти, начиная прежде всего с тех площадей, какие представляют наибольшее удобство для кормежки, в надежде найти там след и, руководствуясь им, сделать соответствующий круг.

Наблюдая за собакой, направляя ее в подходящие места, остающиеся иногда несколько в стороне и дальше пределов ее поиска, следует, как и с самого начала, внимательно приглядываться, — не будут ли где заметны признаки пребывания куропаток. Часто в межах, в закрайках пашни, особенно с мягкой землею, песчаной, подзолистой, обнаруживаются ямки (копанки-порски) в две сомкнутые ладони, — это песочные ванны куропаток, до которых они большие охотницы. В ямках этих всегда останется после встряхивания птицы не одно перышко. Нередко в низинах обнаруживаешь ночевки куропаток, уже ранее описанные. Проходя по жнивникам, где кормятся куропатки, несомненно, будут обнаружены какие-нибудь признаки их пребывания. Вглядываясь в борозды, межи и закрайки хлебных полос, нередко можно обнару-

жить помет куропаток. Помет этот бывает мельче и крупнее, в зависимости от возраста птицы; форма его схожа с сочленением червяка, черно-серого цвета, с характерным белым краешком.

Напасть на место ночевки куропаток охотнику приятнее, чем обнаружить какой-нибудь другой признак, так как по ней куда красноречивее, чем по потерянным перьям, оставленному помету, можно судить, сообразуясь с величиной ночевки, о приблизительном количестве размещавшихся птиц.

Обнаружив какой-нибудь признак пребывания куропаток, имеется уже полное основание вести розыски их энергичнее, подробнее и сознательнее.

При охоте на серых куропаток охотник опытным глазом намечает, благодаря открытым местам, наиболее вероятные убежища птицы и может принести направлением поиска собаки значительно большую пользу, чем при охоте на лесную дичь. Обыкновенно направляют собаку сначала в места, вызывающие подозрение, а затем в менее надежные или оставшиеся почему-либо напоследок, не забывая картофельники, в которые куропатки очень любят забегать, благодаря бороздам и хорошему прикрытию картофельной ботвы. Остались незначительный пустырь, маленькая низинка, поросшая белоусом, всего с одним можжевеловым кустом, неглубокий овраг, поросший листьями, «мать и мачеха» и полоска запущенной пашни с выцветшими васильками, и в ней собака со всего бега делает картинную стойку; треща крыльями, словно задевая ими о соломистый жнивник, и чирикая, вылетает тучка серых, как будто выгоревших на солнце, птиц, с темнорыжими хвостовыми перьями. Труды увенчались успехом.

Оставшихся куропаток искать на месте первого подъема нечего — это не тетерева. За направлением полета и, если возможно, за местом посадки следить очень полезно, пожалуй, полезнее, чем за тетеревами, так как куропатки садятся кучно, иногда не делая следа, и на время затаиваются, прислушиваясь. Если же они дают след, то, во всяком случае, след стайкой, а не широкой тропой — след, на который собака может в однородном месте наткнуться не так скоро, как на следы легко рассеиваемого выводка тетеревов. Когда собака сделала стойку по затаившимся куропаткам, они, как и большинство птиц, не

решаются бежать, а при незначительном продвижении собаки или охотника срываются. Эта птица не затаивается так крепко, как, например, тетерев, не забирается в очень густое место, не имеет повадки заползать в лом и густую траву, а сидит в сравнительно незначительном прикрытии наготове, и если даже случается охотнику подойти почти вплотную, то наглядеть ее труднее, чем тетерева.

Разбившиеся куропатки, особенно одиночки, сидят значительно крепче, чем стайка, но тем не менее ближний вылет их из-под собаки происходит на несколько шагов дальше, чем те́терева, приняв во внимание одинаковый период зрелости обеих птиц. Серая куропатка редко делает перелет менее чем 150 метров, разве что весьма соблазнительное место по линии ее полета и плохое впереди заставят ее снизиться раньше. Перелеты зрелого выводка из-под легавой, даже при хороших удобных местах, в полкилометра — нередки. Иногда куропатки принуждены, сверх своего обыкновения, подняться высоко, встретив на пути лес или неожиданно из-за поворота налетев на людей, и тогда, не имея повадки круто снижаться, чтобы сесть, делают чрезмерно большие перелеты, которые, если они не совершаются на виду, затрудняют розыски. Естественно, что даже собака, обладающая широким поиском и прекрасным чутьем, не так-то скоро нападет на куропаток.

Куропатки имеют склонность делать, сообразуясь с рельефом местности, закругления направлений полета.

Зная направление полета и имея в виду эту повадку, нетрудно направить собаку, во избежание потери времени, в надлежащие закоулки, если не находишь птицу на достаточном протяжении принятой линии ее прямолинейного полета.

Куропатка любит возвращаться, закруглять свой полет к центру своего жительства; особенно это заметно, когда она, будучи перемещена на край своего района, взлетает и довольно круто поворачивает в сторону охотника и собаки, чтобы вернуться к прежним местам.

Если охотник не может определить центр этого района, то в большинстве случаев будет правильно принимать за центр то место, где птица была найдена впервые, — место первого подъема, как говорят охотники.

Место первого подъема имеет большое значение для нахождения птиц после разбивки выводка и рассеивания птиц по разным направлениям, так как для скапливания они часто слетаются к месту первого подъема. Неодновременный подъем птиц из-под собаки бывает только в том случае, когда выводок не скопился целиком, а собрался на приблизительно одном и том же месте группами. В этом случае куропатки, отмечаемые общей стойкой собаки, поднимаются не все сразу, а группами, правда, с небольшими промежутками.

Куропатки снимаются иногда на потяжке вне выстрела, несмотря на то, что птица далеко еще не настолько взматерела. Объясняется это тем, что птица выбежала на голое место, или просто нетерпеливой подвижностью ее, или же страхом от преследующего ее шороха охотника и собаки. В этом, однако, нет беды, — такой взлет даже весьма зрелых куропаток не свидетельствует еще об их неприступности. Если бы так же случилось с тетеревами в осеннем сезоне, дело обстояло бы хуже, а с куропатками можно поладить. Перелетев, куропатки нередко хорошо затаиваются, а если и вылетят на дальнем выстреле, то все же в хороших местах они остепенятся.

Разбить куропаток на одиночки или хотя бы на маленькие партии очень важно, так как после этого они перестают продолжительно бежать, а иногда, сев с полета, не дают следа и выдерживают крепкую стойку. Но разбить выводок куропаток позднею осенью удается редко.

В местах, где водятся куропатки, для определения точного их места жительства среди широких полей, полезно пользоваться подготовкою — подслухом на вечерней заре. Место следует выбирать возвышенное, с которого полезно осмотреть засветло окрестности. Погода должна быть тихая, чтобы издали слышать доносящиеся звуки. Взрослые куропатки имеют обыкновение несколько разбиваться на кормежке, а поднятые кем-либо под конец дня и разбившиеся зрелые куропатки не скликаются до вечера. Вечером же разбившиеся имеют обыкновение перед тем, как лететь на ночлег, скликаться, чирикать. Такое скликание и отправка на ночлег, практикуемые всегда на крыльях, происходят значительно позже захода солнца, в сумеречном освещении. По чириканью, далеко слышному, определяется место, где живут куропатки, нередко

выявляется присутствие не одного выводка и определяется место приблизительного ночлега птицы; последнее обстоятельство при охоте на следующее утро имеет немаловажное значение.

Если куропатки на вечерней кормежке находятся даже все вместе, кучно, то при подъеме на ночлег они все же имеют обыкновение прочирикать несколько раз.

Куропатки, потревоженные кем-либо, а то и по собственному непонятному почину предпринимают иногда отлучку с коренного своего жительства, например на пастбище, выбитое скотом, и другие голые места, с редким кустарником, и там проводят день, оставляя охотника в уверенности, что в обойденных им типичных местах они не проживают вовсе. На вечернем же подслухе вдруг слышатся задорное чириканье, шумно трещащий полет многочисленной стайки, невидимо пролетающей на ночлег. Вот он тот звук, которого так жадно дожидалось ухо охотника в течение всего дня...

Бывает, что разбившиеся куропатки разлетятся в разные стороны и за полетом всех их, конечно, не уследишь. Найдя немногих из них, недоумеваешь, где же остальные, и начинаешь то сокращать, то увеличивать безрезультатно круг. В таких случаях полезно присесть вблизи первого подъема, дать отдохнуть собаке и прислушиваться. Минут через тридцать приблизительно одиночные куропатки, соскучившись, начнут подавать голос. Чирикающая куропатка уже дала след, поэтому нужно торопиться двигаться, не дав птице времени скопиться. Можно, не дожидаясь чириканья, вызвать его, подражая голосу птицы. Лучшим манком служит собственная рука: большой палец прикладывается к середине указательного, нижняя губа покоится на большом пальце, а верхняя на указательном, воздух втягивается, и получается чмоканье. Регулируя и подбирая нужный тон, силу и ритм, можно добиться звука, весьма близкого к чириканью куропаток, на который они обычно охотно отвечают.

Есть еще способ стрельбы куропаток на снегу на озимях и на дневках. Зимой нетрудно по мелким аккуратным следам-крестикам куропаток, бегущих обыкновенно рядом и оставляющих, следовательно, полосу параллельных нитей следов, узнать о местах, часто посещаемых этими птицами. Места же кормежек куропаток, ограниченные

озимыми полями, легко узнаются по взрытому снегу в виде продолговатых ямок.

Куропатка кормится на озимях главным образом на утренней заре, отощав за длинную зимнюю ночь, и вечером перед длинною ночью, но кроме того, она иногда и днем восполняет не всегда достаточное питание.

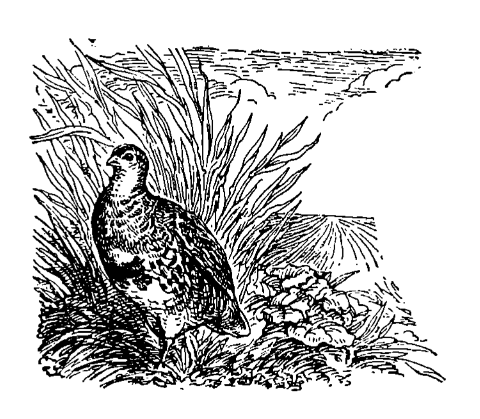
После пороши копанки куропаток особенно хорошо заметны издали.

На ночлеге и дневке куропатки садятся темным кружком в снег и углубляют его, находясь, таким образом, ниже уровня стенок снежной ямки. Такое гнездо спасает их от холодного ветра. В сильную стужу они подрываются в снег, обсыпаются и отепляются им. Дневка избирается обыкновенно на сравнительно чистом месте, однако умело выбранном в смысле защитности от ветра. Такими местами являются овражки, кряжи, скаты за холмом, ручьевины, низины и другие подобные места.

Дневку можно обнаружить, следя за куропатками после кормежки.

Куропатки затаиваются, видя приближение охотника на лошади или пешком, и подпускают на близкий выстрел; конечно, нужно идти мимоходом, а не прямо на них.

Стрелять в коричневое пятно тесно сидящих птиц на расстояние покрытия всего этого убойного круга всею осыпью дроби по меньшей мере губительно.

ОХОТНИКУ О ЗВЕРЯХ

ВОЛК *

В ясный, тихий морозный день, когда блестками играет снежный покров и розовеют стволы деревьев, когда улыбаются печатные следы на снегу, оставляя на нем характерные узоры, знакомые, близкие, как почерк дружеской руки, когда высоко в небе слышатся гортанные звуки ворона, — я вспоминаю волков.

Тянет к крепкому хвойному острову. Так и кажется, что, глубоко проборождив с кряжа намёт снега, напрямик к лесу вьется канавкой узловатая прямая волчья тропа.

В тусклый день, когда низом несет, а сверху подваливает косой снег, представляешь себе чуть видную линию занесенных ямок волчьего следа, который, войдя в хвойный лес, сразу делается ясным.

Представление о сером волке — бирюке — связано с воспоминаниями о непогоде, метелице и о застигнутых непогодою путниках.

Сколько сказок и поверий свилось около этого свободолюбивого зверя!

Внезапными набегами, ужасными опустошениями волк приобрел славу неутомимого, осторожного, дерзкого, лютого и сказочного зверя.

---

* Главы из книги под тем же названием.

I. КАК Я СДЕЛАЛСЯ ВОЛЧАТНИКОМ

Гибель Медора

Это было очень давно. Мне минуло 14 лет. Отец подарил мне немецкую легавую. Кто-то назвал собаку Медором, и кличка эта так и осталась за ней. Это была преданная, не заменимая во всех отношениях собака, несмотря на то, что ей едва исполнился год.

Скажешь бывало Медору остаться у вещей на привале, он открыто взглянет своими карими глазами и без всякой визготни, нетерпения и попыток следовать за мной останется на указанном месте, отлично понимая, что я вернусь и что он здесь нужнее. Сложение Медора было могуче, и выносливостью он обладал замечательной, чутье было превосходное, послушание — идеальное, полевые качества его доходили до совершенства. Сторож он тоже был незаменимый.

У меня были способности к дрессировке и натаске собак. Несомненно, что Медор упрочил во мне сознательную любовь к делу, дал верное представление об идеальной собаке и развил мои охотничьи способности.

Преданность Медора ко мне и моя к нему росли с необыкновенной силой.

Я как сейчас помню умную коричневую голову Медора с честными глазами, два пятна на боках, сползавших со спины седлом, коричневый горошек на белой рубашке *, переходивший в светлокофейный на лапах.

Стоял мягкий декабрьский день. Выпавшая ночью пороша создавала какую-то особенную тишину. Густой слой нового снега, навес его на деревьях глушили те немногие звуки, которые слышатся зимой. На приваду ходили волки, посещали ее и лисы. Русаки наметывали узоры у самого дома.

Много надежд подавал этот день. Охотничьи мои вожделения сразу, однако, пресеклись: Медор, выпущенный на рассвете, не возвратился домой.

Я испытывал чрезвычайное беспокойство. Присутствие моего учителя-охотника и окладчика Федулаича помогло мне сдержать волнение и несколько овладеть собою. Фе-

---

* Охотничье выражение для обозначения окраса собаки.

дулаич, конечно, лучше других мог приступить к розыску. Я сообщил ему о Медоре.

Мы поспешили на улицу. Федулаич вскоре нашел на дороге запорошенные следы Медора, пробежавшего в поле. Свежие заячьи следки то вливались на дорогу, то сходили с нее, и они впервые были мне неприятны. Взойдя на пригорок, где росла у самой дороги старая развесистая береза, Федулаич, всплеснув руками, сильно ударил ладонями по бедрам. Я не понял значения этих движений и поспешил к нему. Через дорогу шли канавки вспаханного снега. Ребра этих канавок местами рассыпались, местами стояли стенкою. Они были свежи и пушисты.

Сердце у меня упало: волки!

Федулаич свернул в целик по следам. Из шести канав три изменили свой рисунок: волки пошли на махах, и между их махами я увидел следы прыжков собаки — ясно, что это был бедный Медор.

Несколько капель крови, запудренных снегом, разрезанный, как ножом, ошейник — и больше ничего.

Я не мог говорить. Федулаич торопил меня и бежал домой запрягать лошадь. В поспешных движениях этого авторитетного для меня человека-великана чувствовалась еще сильнее важность происшедшего события, и, может быть, это сознание придало мне мужества. Побежал и я.

Волки отошли не больше версты и остановились в еловом почти обрезном острове. Оклад был маленький: не более десяти гектаров; это была гряда высоких елей с молодым подсадом, в середине кое-где виднелся осинник, а на опушке — смешанное мелколесье березы и ольхи.

Флагов не было. Федулаич взял из соседней деревни двенадцать человек загонщиков. Стрелковая линия шла по лесной дороге через поляну, а затем заворачивала углом в редкий молодняк. Я стоял третьим номером — как раз, где можжевеловым кустом завершался выдававшийся на поляну от оклада мыс смешанного мелколесья. За мною, шагах в двадцати пяти, шла высокая березовая роща с темными пятнами елей.

У меня было отцовское ружье, а ружье, с которым я охотился, пришлось уступить гостю, случайно приехавшему к отцу как раз перед охотою; он стоял через номер от меня слева. Ближайшими ко мне с обеих сторон стояли опытные старые охотники. Мне хорошо было

видно и гостя; он вовсе не производил впечатления охотника, стоял, как я заметил, неумело и вдобавок в черной одежде. Это меня огорчало.

Я обмял снег, ловил на мушку разные предметы и чувствовал себя на этой охоте не как охотник, а как дисциплинированный солдат на позиции. Как только последние загонщики скрылись со стрелковой линии, я стал прислушиваться к гону, ожидая врагов. Через несколько минут я услыхал, как Федулаич стал переговариваться с загонщиками громким голосом. Если я слышал голоса людей за окладом, то, естественно, должны были слышать их и волки. И то, что таинственная тишина умышленно нарушена была для того, чтобы волки услыхали людей и шли в противоположную от говорящих людей сторону, т. е. на нас — стрелков, произвело на меня сильное впечатление: оно было каким-то толчком, поднявшим внезапно все силы, всю готовность встречи с врагом, будто в жилы мои влили кровь, которая была горячее моей.

Федулаич начал гопать, загонщики стали отвечать. Голоса доносились четко, они ясно обозначали очертания оклада.

Чувствовалось, что волкам не миновать стрелков. Волнение от близкой возможности увидать этих разбойников было особенное, оно сосредоточивало все силы.

Мелькнувшая в ветках куста синичка всполохнула меня. Послышался глухой, торопливый шорох. Я приготовился, прислушиваясь к этому шороху, но он не удалялся и не приближался, продолжаясь тут же, около меня, во мне.

Вдоль выступа леса с левой стороны бесшумно и, как всегда, неожиданно показались из опушки желто-серые волки, направляясь коротким галопом на пересечение стрелковой линии шагах в двадцати от меня. Они следовали гуськом, и казалось, что головы их с широкими лбами покоились на спинах впереди идущих. Как только они отделились от опушки, я увидел всю вереницу их длинных туловищ; они казались окутанными дымкой, какая стоит иногда в пасмурный день над блеклою растительностью.

Я быстро сообразил, что выгоднее напустить переднего почти до самой стрелковой линии и стрелять второго, а затем уже первого, тотчас за линией, тем более, что до опушки за спиной оставалось шагов двадцать.

Так я и сделал. Напустив вереницу врагов, я выстрелил во второго в тот момент, когда первый не дошел шагов трех до стрелковой линии. Стреляный волк поднялся на задние ноги, простоял, взвиваясь, с секунду, опустился, пытался вновь подняться и рухнул; первый же волк, растягиваясь до отказа, был уже ближе к опушке за линией, чем к линии стрелков. Я вскинул ружье и выстрелил; волк стремительно замахал и скрылся в деревьях. Сосед слева также пустил ему вдогонку, повидимому, безвредный выстрел. Остальные шарахнулись в оклад. Первый стреляный волк лежал недвижимо.

Я перезарядил ружье, ожидая новой возможности, и зорко посматривал по сторонам. Через несколько секунд на опушку, против гостя, шагах в восьмидесяти от него, выскочил крупный волк. Я наблюдал за волком и за стрелком; последний то и дело сгибался, присаживался и поднимался, прицеливался и опускал ружье; эти маневры не понравились волку, который так же быстро скрылся, как и показался. Правый сосед выпалил два раза подряд. Вслед затем справа, но через номер, раздались один за другим еще два выстрела. Я все больше и больше настораживался, ожидая выхода волков еще раз на свой номер. Страшное нетерпение узнать о судьбе второго стреляного волка не давало мне покоя.

После выстрелов раздались голоса загонщиков. Было очевидно, что волков в кругу уже нет. У меня, по крайней мере, не было надежды, но сходить с номера нельзя было. Я старался подсчитать результаты охоты по количеству выстрелов. В лучшем случае, кроме убитого мною волка, могло быть взято еще четыре штуки, но ведь это могло случиться только при удачной стрельбе дублетом обоими охотниками. Неужели из шести убит всего один, два и не больше трех? Хотелось бежать, чтобы скорее убедиться.

Вышел Федулаич. Я бросился сначала к убитому волку, указал на него пальцем и побежал к следу стреляного мною за линией. Я не нашел никаких признаков ранения, не было на следу и черточек картечи. Пробежав по следу шагов сто, я вернулся назад. На дорогу притащили еще двух убитых. Мой волк был переярок, два других — крупные, отъевшиеся прибылые.

С какою злобою смотрел я на туши этих врагов!

Я мучился, считая, что победа осталась на стороне волков, тем более, что спаслись старики, которые, по всей вероятности, и были главными организаторами нападения на Медора. Грабить и красть мы, конечно, не отучили спасшихся сегодня волков. Шесть стрелков не могли одержать победы над шестью волками. Позор!

Мы возвращались с тремя тушами волков. Федулаич, так же как и я, был недоволен результатами, и мы намеревались, свалив дома убитых, отправиться проследить уцелевших волков. Поднялся упорный ветерок. Дорогу затягивало снежною дымкой.

Медор не встретил нас!..

Мы поехали. Пересекли вышедшие из острова следы сначала одного, а затем и еще двух волков. Они перестали махать и шли рысью.

Поднималась метель. С деревьев срывало снежный навес, снежная пыль плыла на простор, комки падали к подножью, освобождая отягченные ветки. На поле взвивались снежные воронки и соединялись с крутившейся в воздухе мутью. Повалил такой снег, что нас будто замкнуло в какую-то тесную комнату. Крутились небо и земля.

Памятное место

Охоты с отроческих лет, когда любознательность и восприимчивость так сильны, помогли мне очень скоро стать недурным зверовым охотником и окладчиком. Я делился с Федулаичем своим мнением и впечатлениями, и он большею частью признавал мои замечания правильными. Вскоре я стал руководителем и организатором охот, а Федулаич — моим добровольным помощником.

Однажды в том самом окладе, где были убиты три волка из шести после того, как они разорвали Медора, нам удалось обложить одного волка. Я подозревал, что это был один из благополучно спасшихся: случаи дневок волка в том же окладе, где на него уже была произведена облава, встречаются спустя значительное время (если волк не был ранен или стрелян).

На этот раз мы гнали зверя на узкое место соединения лесной гряды. Я был единственным стрелком и выбрал себе номер, где крупное еловое редколесье соединялось с несколькими ольхами, а за спиною моею оно вливалось в частый еловый молодняк. Снег был глубокий, но в ело-

вом крупном лесу, как всегда, более мелок. Направление ветра вполне благоприятствовало. Оклад представлял собою до самого номера однородную по насаждению гряду. Входной след был с противоположной стороны — любимое мной направление гона. Флаги удобными прямыми линиями опоясывали фланги, и были все данные за то, чтобы привести зверя на меня.

Я встал против двух крупных елей опушки, находившихся шагах в двенадцати от меня; между ними был широкий прогалок, уходящий вглубь оклада, позволявший видеть стволы далеких деревьев.

Я осмотрел линию своего обстрела: справа, шагах в десяти, начинались флаги и шли по безлесному месту; слева, шагах в тридцати, они тянулись от низинки по смешанному редколесью.

Федулаич гопнул. Через минуту я держал ружье почти наготове. Номер был удобный, я чувствовал себя хорошо защищенным елочкой и в то же время, без поворотов и напряжения, видел фланги и середину.

Очень скоро, — руки еще нисколько не устали держать ружье, — я услыхал особое шипенье, как будто от быстрых махов крупного зверя в еловом лесу. Коротким галопом прямо на штык между двух крупных елок катил ко мне волк довольно темной расцветки. Он махал равномерно, и передняя часть туловища с головою то опускалась, то поднималась с правильными промежутками.

Я напустил его шагов на пять-семь и выстрелил в середину лба.

Волк перекувырнулся через голову, как заяц. Он лежал на спине, вытянув в направлении ко мне задние ноги с лиловато-табачною шерстью на пахах.

Знакомая повадка

Густой иней лежал на поверхности снега и на всех предметах. Он придавал деревьям фантастический вид. День был лиловый по тонам — один из тех дней, когда от свинцовых облаков на снегу следы кажутся тусклыми и их легко проглядеть.

На приваде была лисица. Мы с Федулаичем собирались уже выехать и укладывали катушки с флагами. В это время приехал крестьянин соседней деревни и сообщил, что на рассвете под самой деревней прошел волк.

Мы оставили наше намерение поохотиться на лисицу и поторопились на волчий след. Действительно, недалеко от деревни через дорогу шел к можжевеловым кустам прямой след крупной волчицы. Взяв наиболее выгодную для пересечения следа дорогу и оставив след в левой стороне, мы двинулись в путь. Проехали поле и пустошь. Верстах в двух обозначились в тумане высокий хвойный остров, а ближе, в стороне, — сливающиеся с ним еще более закругленные инеем маковки сосен мохового болота.

Воспользовавшись неторной поперечной дорогой, мы свернули, держась к волчьему следу, влево, в том месте, где в угол дорог упиралась длинная и узкая еловая заросль с примесью осинника. Проехали по коренной дороге длинную сторону этой заросли и поперечную — по неторной дороге. Впереди было безлесное пространство с отдельным редким кустарником в белых чехлах от нависшего снега и инея. Дальше сизая муть, как дым, сливалась с одноцветным небом. Влево с неторной дороги тускло виднелась та деревенька, около которой мы впустили волчий след.

Я пошел на лыжах по направлению к деревне. Быстро и бесшумно скользили лыжи по матовому покрову, оставляя на почтительном расстоянии еловый колок, упиравшийся в угол дорог. Не успел я взглянуть на Федулаича, как лыжа перерезала узловатую линию волчьего следа, напрямик шедшего в еловую заросль. Я указал Федулаичу на оклад.

Прикрепив конец шнура к тоненькой осине, на которой уцелело несколько блеклых листьев, мы быстро потянули флаги с разных сторон, решив, что номер будет на противоположной стороне, в углу дорог. Через пятнадцать минут мы сошлись, оставив шагов сорок пролета.

Одев белый халат, я поспешил встать в ольшаник, в двадцати шагах от опушки: другого подходящего места не было.

Федулаич побежал.

Когда глухо донеслось с противоположной стороны оклада его покашливание, я понял, что он отошел несколько дальше, чтобы дать знать зверю о присутствии человека. Затем он постучал палкой о дерево, и этот стук, перекидываясь с дерева на дерево, перебежал через оклад. Затем он стал похлопывать кожаными рукави-

цами. По глохнувшим звукам я догадался, что Федулаич вошел в опушку. Весь закраек оклада перед моим номером был частый, иней еще больше затуманил просветы, и видно было только накоротке. Я ожидал резких движений идущего на прыжках волка, рассчитывая стрелять уже вне оклада на чисти с редкими деревьями, как вдруг увидал в двадцати шагах у опушки мелькание, подобное тому, какое производит птица, перепрыгивая с одной ветки на другую. Я вгляделся и в движущемся предмете узнал волчье туловище. В просвете между ветвями виднелась только верхняя часть плеча волка. Я тщательно выцелил и спустил курок.

Волк сделал поворот, чтобы идти назад, но тут же рухнул замертво, головой к Федулаичу. Весь заряд попал выше плеча и отделил плечо от туловища.

Визит волков

Вечером выпал снег, переставший к ночи, — пухлый, перистый. Перед этим снежный покров, особенно на полях, уплотнился после бывших сильных ветров, и свежая пороша легла на отвердевшую поверхность. Она представляла неглубокий мягкий слой, четко, до мельчайших подробностей отпечатывавший следы.

Ночь была тиха. Полная луна невольно манила голубым искристым сиянием на улицу, но утро охотнику дороже, и я лег спать с радужными надеждами на завтрашний день.

Наутро ни на приваде, ни в объезде ничего не оказалось. Убив с Федулаичем пару русаков, к одиннадцати часам мы были уже дома. Почти у самого дома Федулаич необычайно поспешно, на ходу, выскочил из саней и, отбежав несколько шагов с дороги, повелительно ткнул пальцем, показывая след, и торжественно произнес одно слово:

— Вот!

Я подскочил к нему. Шагах в пятидесяти от нашего дома тянулись две ленты волчьих следов. Свежий пушистый снег замечательно ясно отпечатал длинные пальцы, широкие пятки и мощные когти. Волки прошли под самыми окнами жилой избушки, спустились оврагом к реке и, переправившись по льду на другую сторону, двинулись дальше полями.

Мы не замедлили организовать погоню.

Это было в ноябре. Снег был неглубокий. Километра два-три мы ехали по волчьим следам. Волки шли по открытым местам, а затем заметно стали пользоваться заслонами. Убедившись, что они не остановятся в ближайших подходящих местах, мы поехали по торной дороге, держась предполагаемого направления хода волков. Дорогой на всех поворотах мы бросали метки в виде еловых веточек, чтобы обозначить наш путь догонявшим нас двум загонщикам и охотнику.

Прекрасный сезон для охоты — ноябрь, если бы не столь короткие дни этого месяца.

Наконец-то, проехав километра четыре, мы пересекли следы и вновь поехали перенимать их дальше. Снова километра через два они влились на дорогу, затем сошли с нее, поднялись на пригорок, а с него прыжками в сосновое болото.

Дорога вела по горе. Внизу стлалось курчавое сосновое болото, упиравшееся в высокую гряду сосен, за которыми далеко виднелась большая площадь чернолесья. Мы сверху осматривали эту заманчивую и курчавую лесную гущу. Взоры наши останавливались на верхушках некоторых деревьев, под которыми, казалось, дремлют, полузажмурив глаза, те таинственные звери, следы которых нас вели от крыльца дома на протяжении нескольких километров.

Едем лесною дорогою, мелькают, каждая своею краскою, сосны, ели, березы, осины. Пристально вглядываемся в придорожную полосу, но девственная пелена снега лишь изредка нарушается заячьим маликом или беличьим следком.

Останавливаемся. Перед нами редколесье, низкорослый сосняк, где почти виднеется гора, с которой мы впустили волчьи следы. Идем перерезать оклад, продвигаемся; снег в одном месте показал наброды глухаря. Замкнули круг. Возвращаемся бегом к саням за катушками. Два загонщика и два охотника ожидают нас. Сумерки близки.

Мне достался первый номер. Слева шла ровная, густая, как частокол, гряда елочек высотой в половину человеческого роста и соединялась с окладом. Я стоял за низенькой сосенкой на поляне, обрамлявшей по стрелковой линии сосновый лес — оклад.

Смеркалось. Отдельные стволы деревьев на опушке уже не были видны, а еловая полоска слева представляла сплошную черную ленту, над которой шла стальная полоска зари.

Как долго тянулось время! Наконец, я услыхал Федулаича. Ему ответили фланговые. Оклад был неширокий. Голоса прекрасно доносились, слышался даже громкий говор проезжих на горе, за окладом.

Было тихо. Сумерки сгущались. Я напряженно следил, не отделится ли от фона темного леса на серый снег поляны черный волк. Вдруг поверх темной полосы елочек, выделявшихся отдельными маковками, я увидел в просветах два движущихся от оклада треугольника. Я понял: это волчьи уши. Иногда чуть заметно было более светлое, чем фон черных елочек, неясное очертание волчьего туловища. Судя по движению треугольников, волк шел трусцою. Я поднял ружье к заре, снизив его до высоты предполагаемой линии волчьей лопатки, и выстрелил. Сноп огня. Волк рухнул. Послышалось падение грузного тела и грозное, как рев тигра, предсмертное рычание. Оно длилось несколько секунд. И темное, еле видимое пятно волчьей туши осталось лежать на снегу.

Я поглядывал на всякий случай на это пятно и следил в то же время за появлением на поляне второго волка. Блеснувший справа огонь выстрела освободил меня от напряжения. Через минут пять вышли и загонщики.

Второй волк тоже был убит.

Я бросился к своему трофею. В темноте не было видно расцветки шерсти, но величина матерого великана была ясна. Я зажег спичку и залюбовался черным ремнем по хребту, рыжими подпалами боков и плеч и хотя короткой, но очень густой, ровной шерстью.

Второй волк был среднего роста — волчица бледно-серого окраса.

Встречи

Федулаич отправился на охоту с чучелами. Об этом я узнал, придя к нему. Мне сказали, куда именно он пошел, и я, оставив у него свое ружье, отправился навстречу. Тусклый ноябрьский день клонился уже к вечеру. Дорога представляла собой колкую, мерзлую грязь, стоявшую ребрами среди пустошных угодий, граничащих с полем. Отдельные березы с кустистыми гибкими вет-

вями и висящими сережками заставляли посматривать, нет ли на них тетеревов. Кое-где уцелевшие на вырубах елки стояли рисунчатыми темными пирамидами, упершись шпилями в мутное небо. Поглядывая все вперед в надежде увидеть возвращающегося Федулаича, я заметил сбоку, шагах в шестидесяти, идущих параллельно моему пути волков. Я вздрогнул от неожиданности.

Волки шли, заслоняясь деревьями, кустарниками, и изредка попадали на чисть. Окрас их действительно был защитный, сливавшийся с мглистой дымкой воздуха, с цветом ветвей, коры деревьев и ржавыми тонами пожухлой травы.

Волки шли сначала гуськом, потом сбились в беспорядочную стайку и стали посматривать на меня, нисколько не прибавляя ходу. Вдруг мне стало жутко: волки не проявляли прирожденной этому зверю боязни перед человеком. Они шли, посматривали, шел и я скорым шагом, так как иначе они опередили бы меня, а мне хотелось понаблюдать за ними подольше. Они неожиданно остановились, один из них очень косо посмотрел на меня, а двое повернулись ко мне грудью. «Такие маневры означают что-то недоброе!» — мелькнуло у меня в голове. По мне пробежала дрожь. И я крикнул: «Федулаич!» Волки на прыжках бросились прочь в сторону и скрылись. Из-за поворота дороги, шагах в сорока, показался Федулаич.

Федулаич встретил меня с заранее застывшей улыбкой: он понял, что и я видел волков, и догадался о причине моего крика.

Подвигаясь к дому, мы все беседовали о волках и о том, что они никуда не денутся, лишь бы выпал снежок.

Дома пили чай и продолжали беседу о волках.

Федулаич, взглянув в окно, радостно заговорил: «Вот так снежок!» Перистый снег, кружась, опускался на мерзлую землю. Он падал сначала медленно, затем быстрее, гуще и стоял занавесом.

Наступили сумерки. Мы вышли с Федулаичем на двор. Снег густо шел. Поставив запрокинутые еще с конца прошлой зимы розвальни, Федулаич свил новые завертки и ввернул оглобли. По случаю предстоявшей поездки он, попоив своего Гнедка, засыпал ему овса. Стало уже темно. Снег все продолжался, но уже перестал падать хлопьями, а сеял мелкими сухими кристал-

ликами. На ступеньках крыльца лежал уже слой в два пальца.

Я остался ночевать у Федулаича. Мы долго не могли уснуть. Около полуночи опять вышли поглядеть на снегопад. Снег перестал. Изредка запоздалые снежинки, не заметные в темноте, порхали перед окном в оранжевом луче лампы.

Вернувшись с улицы, легли спать успокоенные.

Когда я проснулся, Федулаич давно уже был на ногах. Выбеленная русская печь, отражая мутный свет окна, еле прорезала темноту комнаты серым отсветом. Самовар за перегородкой издавал разноголосые звуки; в решетке его тлели раскаленные угли.

Я хотел было выбежать на улицу полюбоваться первым зимним днем, но на пороге встретился с Федулаичем.

— Ну и пороша! — возвестил он.

Белый дневной свет первого зимнего дня как-то неожиданно охватил всю избу. Я поспешил к окну: вся земля — под пышным, как пена, снегом! Репеи, лозинки, деревья, изгороди — все оклеено снежным пухом; снегири уже начертили под крапивой мелкие развилки следков.

Тихо, ветер не шелохнет, звуки приглушены, спокойно на улице. Разваливается, рассыпается и приминается снег под ногой человека и остаются печатные следы сетчатой галошной подошвы, резкой грани кожаного каблука, овала валенка с черточками дратвенных стежек. Печатная пороша!

Гулко щелкает дверь конюшни: Федулаич выводит Гнедка. Конь высоко поднимает голову, настораживает уши, храпит, удивленный давно не виданной белизной; за ним пестрят навозной желтизной следы копыт.

Я бросаю в розвальни три катушки с флажками. Мы садимся, придерживая ружья. Плывут розвальни неслышно, как лодка; чуть поскрипывают гужи. Сахарными головами стоит молодой запорошенный ельник. С полей промеж торчащего кое-где жнивника ровненькими звеньями, блинок за блинком, отпечатывая пальцы и коготки, вьется лукавый лисий след. Перед опушкою остановилась, потопталась лисица, испортив симметричный рисунок строчки следов, оглянулась, должно быть, и частою трусцою поспешила в ельник. Мы очень обрадовались, увидев лисий след по первой пороше, но решили не задер-

живаться в надежде перенять волчьи следы, а при неудаче вернуться к лисьему.

Мы ехали и полями и пустошами. Погода была настолько мягка, что руки даже не зябли. На пути встретили не один русачий след. Хотя по первой пороше не все зайцы выходят на ночную жировку, но зато след их на лежку короток. Досадно было и лисицу упустить, и лишиться возможности потропить зайцев-русаков, но мы твердо решили ничем не увлекаться, а сделать определенный круг, пересекая обычные волчьи переходы. Трудно было удаляться, видя ход зайца на лежку, определяя глазом место, где он, по всем признакам, залег. Но встретившиеся нам накануне волки поддерживали в нас особую упорную энергию и стремление к цели, перед которой охота на лису и зайца казалась менее интересным занятием.

Волчьи следы с отпечатками мощных пальцев пересекли наш путь. Мы переглянулись с Федулаичем. Все четыре волка были здесь. За долгую ночь звери побывали у многих селений и, наконец, пошли по дороге полями.

Евфросиньева роща осталась направо, а волки пошли налево; в Орехове же волчьих следов вовсе не оказалось и все собаки были целы.

— Слюнки текут, — следок-то тепленький еще, — сказал Федулаич, упорно глядя на рассыпчатый снег.

Волки круто изменили направление, пошли к черневшему в низине хвойному болоту, слившемуся дальше с островом.

Из осторожности мы держались на порядочном расстоянии от болота. В низине виднелись кочки, в опушке было немало ивовых кустов; дальше шли невысокие ели, шпили их торчали несомкнуто: примерно в середине болота, повидимому, была сопка, на ней шапкой высился уже довольно крупный лес. Отъехав с полкилометра уже по второй линии объезда, мы, привязав лошадь в стороне, пошли продолжать обход, закинув за спины катушки с флажками.

Волнующая нас линия оклада вдоль острова не дала не только волчьего, но и никакого следа, даже беличьего: снежная пелена была здесь не тронута. Переглянувшись, мы прибавили ходу и скоро окончили благополучно оклад. По пути мы наметили два номера на линии вдоль острова; все условия указывали на то, что лучший ход

и лаз будут на редколесье острова. Но у нас еще не было загонщиков, а гнать четырех волков на один стрелковый номер очень невыгодно: при удаче больше двух взять мудрено.

Я стал обтягивать оклад флажным шнуром, а Федулаич побежал к лошади, чтобы съездить в деревню, отстоявшую в полутора километрах, за тремя загонщиками. Через полчаса оклад был затянут кругом. Флажки ярко сияли. Я пошел навстречу Федулаичу по его следу.

Дойдя до места, где была привязана лошадь, на которой Федулаич, по моим расчетам, уже доехал до деревни, я сел на небольшой штабелек сложенного дровяного должья. Взглянув в сторону болота, в котором лежали, свернувшись кольцом, четыре волка, я почувствовал необычайно радостное волнение от предстоящей, как мне казалось, удачной охоты.

Я вскидывал ружье на окружающие предметы, выбирая цель на предполагаемой высоте туловища волка; проделывал я это и сидя и стоя. Ружье ложилось хорошо.

Федулаич неслышно подъехал с двумя загонщиками.

Бодро двинулись к окладу. По лицам обоих загонщиков, по их движениям и поведению видно было, что они сами охотники.

Стою на номере в редколесье за маленькой заснеженной елочкой; впереди между елей — точно дорожки в парке; ближние ели в нижней комлевой части ствола — без ветвей, и это позволяет заблаговременно увидеть зверя. Но дальше вглубь начинались сгущение и лесная крепь. Федулаич расставил загонщиков и вернулся в сопровождении одного из них. Возвращение загонщика меня очень встревожило: волки, стало быть, вышли. Я хотел было двинуться навстречу, но Федулаич, подходя к своему номеру, махнул загонщику рукой, и тот поспешил обратно. Я понял, что Федулаич вернулся с загонщиком, чтобы тот, во-первых, не начал гон до того, как Федулаич займет свое место стрелка, а во-вторых, для ориентировки загонщика о месте расположения стрелков.

Когда охотник стоит на номере, он весь превращается в слух и зрение, сливаясь с заслоном, и это напряженное состояние удивительно обостряет слух и зрение.

Раздались далеко удары топора о деревья; спустя несколько минут загонщики глухо перекликнулись. Где-то впереди послышался в воздухе точно шепот, и через миг

между мной и Федулаичем, сильно разлетевшись, пронеслись два глухаря. Я не мог не взглянуть на них, но тотчас перевел пристальный взор на подножие леса, а там, среди коричневатых стволов елок, дымчатыми мешками скакали два волка, направляясь к линии между мной и Федулаичем.

Только охотники поймут, какое необъяснимое чувство испытывает стоящий на номере стрелок и какое настороженное самообладание охватывает его...

Волки скрылись за рядом еловых стволов, и когда они снова показались, то шли уже, переходя на рысь, по косой линии прямо на меня. Впереди шел волк посветлее и подлиннее, с довольно острой мордой и нешироким лбом, за ним чуть в сторонке следовал волк темного окраса, особенно в верхней части спины, и широколобый.

Я допустил переднего на расстояние двадцати пяти шагов и выстрелил под лопатку; волк сразу рухнул. Второй, перескочив стрелковую линию, был шагах в тридцати пяти, когда я выстрелил в него; он посунулся, задев мордой снег, и, вскочив, пошел дальше.

Вытащив один патрон из кармана, я быстро перезарядил ружье и успел послать ему заряд по холке; волк сразу перешел на шаг и упал. Не успел я снова насторожиться, ожидая, не выскочит ли еще один из оставшихся в окладе волков, как грянул выстрел Федулаича. Впереди в снегу барахтался раненый волк; Федулаич продолжал целиться, очевидно, раздумывая, стоит ли стрелять или обойдется дело и без выстрела. Волк перестал барахтаться. Федулаич снова стал охранять фронт, ожидая последнего волка. Загонщики стали подходить; вскоре один из них вышел и, увидав убитого мною волка, побежал к нему. А в это время появившийся второй загонщик кричал нам, что волк ушел через флажную линию.

II. ВОЛЧЬЯ СЕМЬЯ

Семейная жизнь началась

В одну из ясных, очень звездных мартовских ночей, когда шершавый наст блестел при луне синими и белыми огнями, волчица сидела у холма. Впереди стлалась равнина, по ней протекала речка, а за речкой будто пасу-

щееся стадо раскинулись домики большого селения под заснеженными крышами.

Наступило хорошее для волчицы время. Она, не утомляясь, могла без дорог делать громадные переходы, не оставляя на обледеневшем насте даже признака следов. И теперь она вернулась из дальнего странствования, не чувствуя усталости. В конце зимы (февраль — март) одиночных волков, достигающих двухлетнего возраста и старше, влечет страсть к передвижениям, к встречам с себе подобными и к посещениям места бывшего гнезда. В это же время является и особая потребность в выражении голосом своего настроения.

И волчица завыла, полнозвучно и заунывно-жалобно. В эту ясную, морозную, тихую ночь звук уходил в безбрежную синюю высь и лиловую даль. Слышавшим этот вой людям казалось, что волчица жалуется на голод.

Прошедшею весною, когда у волчицы было первое потомство, ей жилось непокойно. Даже в ту пору, когда крестьяне заняты были спешными полевыми работами, в самых непроходимых лесных местах встречались человечьи следы.

Много страхов за безопасность гнезда причиняли эти явления. В соседней семье, километрах в двадцати, старая, опытная волчица из предосторожности перенесла волчат в ржаное поле. Рожь начинала колоситься и стояла высокой стеной, как молодая сеча.

Волчица еще жалобнее завыла, опустила голову и пристально смотрела на стлавшуюся впереди равнину, речку в крутых берегах и на тускло мерцавшие огни в селении.

Прошедшею весною волчица перенесла бы и своих детей в другое место, но она была еще неопытна, и не было у нее помощника. Отец ее детей, мощный волк, втрое старше ее, погиб случайно, когда снег на полях уже стаял, но покрывал еще рассыпающимися пластами подножие хвойных лесов. Они вместе возвращались в то утро с полей: надо было проведать место, куда стали выпускать на пастбище скот. В лесу они неожиданно наткнулись на двух охотников. Волк прыгнул в небольшую обрезную еловую чащу, окруженную выпуклою рамкою подтаивающего снега, и выдал этим свой след. Выстрел прорешетил волчьи бока. Не дойдя до гнезда, волк погиб

у ручья в сыром ракитнике, где вешняя вода долго играла его хвостом. Через некоторое время люди добрались до ее гнезда. Четырех волчат взяли охотники, один, пятый, спасся, сильно раненный палкою.

Вечером того дня волчица обошла с величайшею осторожностью большой круг по лесу, вышла на поля, обнюхала следы ушедших людей и тихою поступью, прямым, как по нитке, ходом проникла к гнезду. Волчонок был настолько сильно поранен, что не выразил никакой радости по поводу прихода матери.

Шерсть у раны на спине слиплась, как напомаженная, а на остальном туловище ощетинилась, как у ежа.

Свойственная волчьей природе осторожность и боязнь человека заставили волчицу тихо, но прочно взять за шиворот волчонка и, держа необычайно высоко свою голову, чтобы не ушибить больного, она насторожённою трусцою отправилась на новое место.

Волчица перешла через усыхающий ручей, на берегу которого в сыром ракитнике лежал скелет волка. Она вышла на гладкий мох, поросший сосняком, с трясинами и водяными ямами, обрамленными рагозником, только что выпустившим свои саблевидные стебли. Затем она прошла мимо места, где некогда сама появилась на свет, и в гриве частого мелкого сосняка положила свою ношу на рыжий мох между кочками.

Волчица зализывала рану у волчонка. Назойливые мухи, несмотря на тень и прохладу, бередили больное место. Оберегая от них волчонка, волчица прикрывала его ляжкою ноги, перекидывала через него голову. Прошло несколько дней, а волчонок не сосал. Набухшие соски беспокоили и обременяли волчицу.

В одну темную душную ночь, — в бору как раз расцветали ландыши, — волчица почувствовала, как тянулся ее сосок и как по животу переминались, упирались и подталкивали лапы волчонка. Соски были теперь в распоряжении его одного, и, быть может, это и сохранило ему жизнь. Спустя восемь месяцев, в тот день, когда он побоялся из-под облавы следовать за матерью, волчонок погиб от выстрела.

...Волчица все выла у холма против деревни, выла жалобно, протяжно и долго.

Волкам даны одни звуки в песне для выражения и скорби и радости. Вой волчицы, хотя и казавшийся за-

унывным и жалобным, служил выражением бодрого настроения.

Еще она не закончила своего колена, как послышалось томное колебание ответного заунывного звука. Это заставило ее остро прислушаться. Стояла тишина, деревня спала. Только слышно было где-то в поле шуршание заячьих пазанков по надувам снега.

Она вслушалась в тишину и опять услыхала то, что, несмотря на расстояние, различалось ею и от завывания ветра, и от гудения телеграфной проволоки, и от паровозного гудка, и от голоса филина. И этот звук заставил ее повернуться всем туловищем и завыть полным голосом. И когда волчица провыла две свои протяжные песни, тот звук послышался вновь уже настолько явно, что опытный волчатник определил бы по нем и пол и возраст зверя. Она завыла уже реже, но определеннее.

Реже слышался ответный вой за белыми верхушками сияющих холмов, за лиловыми равнинами, но слышался отчетливым дрожанием все приближающегося звука. Волчица бросила выть гораздо раньше, чем послышался последний ответ. Теперь вой был не нужен и мешал бы ей принять то выжидательное положение, которое необходимо, чтобы напрячь всю остроту зрения и слуха вместе с готовностью к движениям.

Он бежал шагистою рысью, свойственною самостоятельным самцам, не принюхивая снег, но держась почти невидимого следа, по которому несколько часов назад прошла волчица. Остро настороженные уши и высоко вздернутая мощная голова показывали, что сейчас первое место принадлежит зрению.

Она увидела его первая еще издали, и он из-за расстояния казался маленьким, темным. Привстав, она повиляла хвостом и опять присела. Когда он вышел на равнину вдоль холмов, отражавших лунный свет, рядом с ним по искрящейся сине-белой, как сахар, поверхности побежала его черная тень. Фигура его стала увеличиваться, перестав быть черною, и выросла в громадного волчину, с густыми оттопыренными баками, широкою головой, с желто-серым щипцом, белесоватыми ногами, нарядным темным ремнем на спине и с ржавым нетолстым хвостом, который красиво и увесисто висел, как полено.

Хотя волк по вою давно определил, что выла именно волчица, однако, подходя, он проверил это обонянием.

Вздернув кожу лба и отодвинув назад уши, он подал голос радостным визгом, оттопыривая брыли и приняв позу любезного кавалера. Волчица, не допустив волка, заранее встала и сделала несколько шагов вбок, направляясь прочь, делая вид, что она его не звала. Он смело с ней поздоровался и довольно грубо, с точки зрения людей, выразил ей внимание. Она огрызнулась и села, а он, кружась около нее, ложился, клал голову на лапы и следил за ее выражением.

Волчица была довольна приходом волка. Пригнув уши, она подвижно и коротко вильнула хвостом, как кошка.

С тех пор началась их совместная жизнь. Волчица водила волка по своему району, и как ни хотелось ему перетянуть ее туда, где он жил ранее, ему пришлось «прикрепиться» к ее родине.

С тех пор как они соединились парою, они встречали меньше лишений и препятствий.

Сколько бывало случаев прошедшею осенью, когда волчица, проходя со своим волчонком по безлюдным пустошам и перелескам, встречала одиноко пасущихся лошадей, которых вдвоем с сильным, как теперешний, самцом можно было бы загнать по лесу и, повергнув в столбняк от паники, зарезать, обеспечив себе пропитание! Да, даже чтобы ловить успешно зайцев и собак, необходима работа парою.

Через шестьдесят пять дней за гладким рыжим моховым болотом, поросшим сосняком, с окнищами, наполненными водой и затемненными зеленым и кое-где не опавшим блеклым прошлогодним тростником, в густой гриве частого мелкого сосняка лежала волчица и кормила только что родившихся семерых волчат.

Несколько цифр

Борьба за существование выдвинула в волке потребность сотрудничества в добывании пропитания. И волки живут семьями или небольшими родственными группами.

Целесообразность сотрудничества, а может быть, кроме того, и другие неизвестные причины сделали волка животным парным (моногам).

Достигнув половой зрелости, самец соединяется с самкою не ранее, как в возрасте почти двух лет, и живет совместно, принимая участие в заботах о семье.

Период спаривания в большинстве районов падает на февраль — март. Таким образом, приняв во внимание срок беременности волчицы — 63—65 дней (как у собак), щенение приходится на апрель — май.

Волчата родятся слепыми и прозревают на двенадцатый-четырнадцатый день.

При появлении через год второго потомства уцелевшая часть предыдущего поколения, т. е. прошлогодние молодые волки, которым пошел, следовательно, второй год, переярки, или перетоки, как их называют, остаются при родителях и своих младших братьях и сестрах еще год, а иногда и больше, держась в период вскармливания родителями волчат хотя и около гнезда, но особняком. При волчице, щенившейся первый раз, переярков, понятно, не бывает.

Количество волчат в помете колеблется от трех до девяти штук. Как исключение бывает и больше.

Молоко матери полностью обеспечивает питание волчатам до четырех-пятинедельного возраста, а затем они подкармливаются мясом, которое постепенно становится основной пищей.

Первоначально волчата получают несколько переваренное мясо, которое волчица, а также и волк отрыгивают им; но скоро волчата с жадностью едят принесенную родителями добычу: зайца, глухаря, гуся, овцу и т. д. или часть крупного животного.

Коренной район

Волчица упорно из года в год придерживается одного и того же гнезда или смежной местности для щенения и взращивания волчат, если для этого не изменились условия и если гнездо не было открыто, а тем более разорено человеком.

Привязанность волков к своему коренному району, охраняемому ими от новых пришельцев, и громадная потребность в источниках мясного питания исключают возможность расположения одного волчьего выводка от другого на близком расстоянии. Обычно выводок от выводка не встречается ближе пятнадцати километров; если же и бывают исключения, то они объясняются чрезвычайно благоприятными условиями для вывода и прокормления молодняка, а также близким родством волчиц.

Привязанность волка к месту заставляет признать его зверем совершенно оседлым весною, летом и частью осенью, а также более или менее оседлым позднею осенью и зимой, в зависимости от условий питания.

Волк-самец прикрепляется к новому месту, в случае если он находит себе пару за пределами своего коренного района. Так как инициатива передвижения принадлежит самке, то волчица приводит волка за собой к месту своей родины.

Вот почему истребление взматеревших волчиц почти избавляет данную местность от волков.

Из жизни окружающих нас птиц мы знаем о притягательной силе места вывода, заставляющей их возвращаться весной из дальних стран на старые места.

Тяготение млекопитающих к месту вывода также велико. На этой привязанности основаны и сознательный розыск охотниками диких животных, и отчасти возможность применения некоторых способов охоты.

У волков привязанность к месту весьма ярко сказывается на выборе из года в год почти одного и того же гнезда для вывода волчат.

К сожалению, этой повадкой охотники мало пользуются для проведения приемов истребления волков.

Привязанность животных к месту относится не только к маленькому участку, непосредственно занятому логовом, но распространяется на известный район смежной окрестности с радиусом примерно до двадцати километров. Этот район представляет собой угодье, на котором животное выводит потомство, находит себе пропитание, охотится, скрывается от врагов, отдыхает.

Такие угодья, в которых животное пребывает большую часть своей жизни, мы называем коренным районом.

Звери, живущие семьями, стаями, стадами, разбившись, соединяются в известном месте коренного района.

Привязанность к определенному месту, к коренному району сильна и у животных, живущих одиночками.

Волки, уцелевшие после охоты на них и далеко разбежавшиеся по разным направлениям, посещают, при отсутствии ответа на призывный вой, места обычных переходов — места вывода и дневок и места нахождения падали — в надежде найти отсутствующих сородичей.

Однажды из пары обложенных волков (самец и самка среднего возраста) удалось взять только волчицу, вышед-

шую на стрелка. Самец шел по другому направлению, вышел на флаги и прорвался через линию на виду. Окрас его был приметен.

Года через полтора в том же окладе мне довелось взять этого самца. За полтора года он не приискал себе пары.

Другой раз выводок в семь волков взят был зимними охотами с флагами почти целиком. Осталась одна прибылая волчица, не поддавшаяся никаким приемам охоты. У нее нехватало одного среднего пальца на передней лапе, очевидно, вследствие ущемления лапы капканом, который, как это бывает при плохом качестве пружин и дужек, был скинут зверем.

При удобных порошах и особенно в оттепель отпечаток следа явно указывал на отсутствие пальца на передней лапе.

Года через два я встретил след беспалой волчицы километрах в двенадцати от ее района и, обложив, убил ее.

Таким образом, и на этом случае подтвердилось упорное тяготение волка к прежнему коренному району. Я узнал потом, что волчица продолжала жить именно там, где я встречал ее после повреждения лапы, — там, где она проживала, когда цел был ее выводок.

Коренной район знаком зверю в деталях. Как ни приспособлено животное к свойственной ему среде вообще, независимо от того, живет ли оно в данной местности оседло или более или менее оседло, все же тяготение его к коренному району бесспорно.

Переход зверей носит отпечаток известной системы.

Волки избирают переходы, предоставляющие надежную возможность наблюдать окружающие явления и не быть замеченными.

Волчий выводок, живущий до взматерения в сравнительно ограниченном пространстве, ходит на водопой определенной тропой, не набивая своими следами широких раскиданных тропинок и следов, как стадо домашнего скота.

Несмотря на ежедневные выходы стариков за пределы ограниченного, сравнительно, участка волчьего гнезда, беспорядочной утоптанности волчьими ходами окружающих логово смежных участков не встречается.

Таким образом создаются тропы.

Привязанность к детям

Волчица очень привязана к волчатам. Проявляет заботу и волк. Он первое время приносит волчице пищу, охраняет гнездо, а со времени перехода волчат с молочной на мясную пищу усиленно доставляет пропитание всей семье. Волк первое время ходит на добычу один, когда же волчата начнут питаться исключительно мясом, оба родителя отправляются на добычу. Интересно, что они в летнее время не всегда охотятся вместе. Иногда они участвуют в совместном набеге на стадо овец, иногда один из них отправляется к стадам мелких домашних животных, а другой — за дичью; иногда же волчица, по соображениям, известным только ей, остается при волчатах.

Привязанность волчицы к волчатам очень ярко выявляется на следующих фактах.

В оленеводческом районе (в Ненецком округе Северного края) пастух Рочев, найдя в конце мая волчье гнездо с четырьмя беспомощными еще волчатами, перерезал им сухожилия. Такая операция почти лишила волчат возможности передвигаться.

В ноябре по снегу Рочев разведал волчье гнездо и метрах в двухстах обнаружил пару волчат, хорошо выросших, упитанных, одетых в пышный мех.

Кто же, как не волчица, а может быть, и волк, кормил взрослых детей-инвалидов?

О привязанности волчицы к волчатам говорит и такой пример. Во время лесного пожара весною 1935 года в Аргазинском участке Ильменского заповедника Академии наук (Миасский район Челябинской области) лесники заповедника были свидетелями, как волчица два раза выносила из полосы пожара по волчонку.

Гнездо

В какой бы местности гнездо ни находилось, оно должно быть уединенно, несмотря на близость селений, защищено от ветра и непогоды и обеспечено близким местонахождением источников питания и воды.

В местности, где распространена ель, вряд ли коренное волчье гнездо будет расположено вне площади с еловым насаждением. Тяготение волка к этой древесной

растительности объясняется наилучшей защитой, создаваемой елями от снега, дождя и ветра.

В местностях с иным ландшафтом гнездо располагается в чащах чернолесья, в густых кустарниках, под свесом оползней, в оврагах, в балках, в густых тростниках, в густом сосновом подросте или в высокой, густой травяной растительности, или в норе степной, либо в пустынной местности. В последнем случае нора либо изготовляется, либо приспособляется волчицею из числа сурчиных, лисьих и барсучьих нор.

...В начале июля мы с Федулаичем натаскивали легавых собак в мелком березняке с травянистыми полянками, в полосах тенистого ольшаника вдоль полей, где было много тетеревиных выводков.

Однажды вечером один из наших деревенских соседей предложил свести нас на волчье гнездо; хотя он и не обнаружил его, но видел тропу волков, слышал, как на еловом взгорье, куда тропа эта вела, ворчали, должно быть, играя, волчата.

Утром, до жары, мы пошли с собаками по тетеревам, а днем, привязав дома собак, отправились с проводником искать волков.

По пути проводник наш задавал разные любознательные вопросы о волках и между прочим выражал недоумение, что волки не подают голоса.

— Рано еще, — ответил Федулаич, — погоди недельки три: к августу завоют.

Мы довольно долго шли по моховому болоту. Стлался ковром желтовато-зеленый мох; кое-где росли корявые сосны и редкий подрост. Нога вязла, при вытаскивании ноги слышалось хлюпанье; местами на ровных без кочек участках почва под ногами и вокруг нас колебалась и дрожала, как студень. Это были площади плавней — слоев перегноя, затянувших существовавший некогда водоем. Впереди начинался еловый лес по пологому взгорью. По сторонам сливались площади лиственного и елового смешанного леса. Среди него кое-где высились мощные корявые кроны старых осин.

Подходим к берегу. При приближении к тенистому лесу дышать стало легче, будто спала дневная жара.

На спайке болота с берегом чернело окнище величиной с большую ванну, заполненное водой цвета крепкого чая.

Водомеры, похожие на тараканов, спешно прорезали, как алмазом, черточки по воде и останавливались под мшистым закрайком ямы.

Берег этого водоема со стороны взгорья был испещрен следами волков-стариков, — крупные овальные мякиши передних пальцев и пятка четко отпечатались на влажной торфянистой земле. Среди этих крупных следов Федулаич разглядел несколько мелких и тотчас же обратил мое внимание, заметив, что, судя по незначительному количеству мелких следов и притом очень свежих, волчата стали посещать водопой недавно.

От водоема на взгорье вела волчья тропа; по мере удаления она разрежалась и видны уже были нити следов одиночного зверя.

К еловой гряде примыкало с одной стороны осочистое болото с ивняком, а скат к нему представлял пологий прогалок, поросший цветущей травой.

На взгорье кое-где заметны были ветровальные ели; местами стояли куртинки елового подроста. У одной из валежных елей пласт коричневой земли, мшистый с одной стороны, образовал над землею навес, оканчивавшийся плетями еловых корней, занавешивающих темное пятно входа. Многие из висевших шнурами корней оказались оборванными, некоторые были изжеваны и испещрены ямками от острых зубов волчат. Под свесом — мелкое углубление с уплотненной, как бы залощенной землей. В углублении — ничего, кроме нескольких клочков сбившегося волчьего подшерстка. Около входа в гнездо валялась обгрызанная косточка.

Гудели комары, жужжали мухи, пахло гниющими остатками невидимого мяса и неопрятно содержимой псарней, хотя внешне нигде не было видно грязи.

Обитатели, повидимому, скрылись при нашем подходе. Мы поискали волчат и в еловых плотных куртинках, и в папоротниках, и в траве на скате к осоковому болоту, и в самом болоте.

Мне хотелось проследить за возвращением волчат из их ухоронок. Федулаич с трудом согласился, так как, по его мнению, занятие это бесполезное: волчата не выйдут без приглашения волчицы, а она до ночи не придет, если мы даже сейчас уйдем.

Я занял наблюдательный пункт по прогалку между гнездом и осоковым болотом. Федулаич засел по ту сто-

рону гнезда в еловом редколесье, а проводника мы отослали обратно домой тем же следом, которым мы пришли — по моховому болоту, мимо водоема, вменив ему в обязанность идти и громко разговаривать или даже петь песни до выхода в поле.

Сижу на завалившейся к прогалку ветровальной елке. Мне виден в промежуток елей навес земли над гнездом, видно поверх цветущей травы по широкому, как просек, прогалку моховое болото, откуда мы пришли, а внизу вдоль прогалка — осочистую опушку с ивняками.

Для исследователя-охотника сидеть в глухом лесу да еще у волчьего гнезда — удовольствие.

Не поворачивая головы, я окарауливаю гнездо, прогалок и опушку осокового болота.

Тихо в лесу. Изредка тенькает синица; внезапно деревянною дробью осыпает дятел еловое взгорье; гортанно каркнул пролетевший над волчьим гнездом ворон.

Мысленно стараюсь прикинуть рост волчонка к высоте цветущей на прогалке травы и прихожу к заключению, что она вполне скроет волчонка, так же как и стебли папоротников, окаймляющих еловую гряду от прогалка. Увидеть, стало быть, проходящего по траве волчонка невозможно, но можно заметить путь его следования по колыхающейся траве.

И это заставляет меня пристально глядеть по надтравью, замечая малейшее движение отдельных травинок. Вот закачался стебель с лиловыми колокольчиками. Взор мой впивается, но качается только одна былинка, вся стенка смежных трав недвижима: это не волчонок. И я вижу, что причина движения — повисший на стебле карабкающийся шмель.

Но вот заколебалась осока в болоте. Я волнуюсь, жду: крошечная светлокоричневая птичка, перепархивая и цепляясь за крупные стебли, вылетела и скрылась в ивняке.

Я перестаю остро следить за мелкими движениями и широко окидываю взором то одну, то другую сторону. Думаю все о волках. Картинно представляется мне жизнь волчьей семьи. Вот лежит волчица в углублении под навесом корневищ валежной елки; лежит, подняв голову и прислонив ее к стенке навеса; четверо волчат, еле прозревших, присосались к ней; поодаль на склоне лежит на животе волк, положив мощную голову на передние лапы.

Встает волчица; оторвались три волчонка, а один свалился уже на весу, когда мать стояла. Отошла волчица, легла на солнце у пня. А волчата поползли, сгрудившись в гнезде в темный клубок, погрузились в сон.

Подросли волчата, бродят около гнезда, по тенистым и солнечным пятнам. Волчица подремывает, не смыкая глаз. Волк на добыче. Один волчонок играет хвостом матери; другой разнюхивает землю; третий несет стебель папоротника; четвертый катает лапкой еловую шишку. Волчата обступают пришедшего волка. Он отрыгивает мясо. Волчица следит за волчатами, насторожив уши. Волчата впервые знакомятся с новым видом пищи. Волк принес зайца. Волчата робеют, сторонятся. Волчица наступает лапой на заячью ляжку и раздирает тушку. Набросились волчата на мясо, жадно едят, в крови перепачкались.

Наступил мясу черед. И волк и волчица на охоте. Ждут волчата; без руководителей и кормильцев беспомощны, а тут вдруг ворон из-за елки, крылья распустив, низехонько подлетает; волчата кто куда — в гнездо, в папоротники, под ветровальную ель за гнездом.

Не успеть родителям овец таскать: живо тушу раздерут! Жрут с треском, косточки уж не помеха, раз-два — как зубилом. И пить идут. Подойдут волки семьей, займут берег, что гости стол, и лакают без конца, а темное зеркало воды красочно отражает их дымчатые головы, зеленоватые глаза и красные языки между белых клыков.

Вернувшись с водопоя, играют, грызутся, в силу вошли, но до серьезных драк не доходит.

Сравнялись молодые в еде со старыми. Чуть запаздает ужин, будто сговорятся, волчата вдруг залают звонкими голосами, как колокольчики, и слушают, какой ответ родители подадут им из дали.

Сотрудничество

Если бы волки не соединялись в группы, добыча их была бы скудной, особенно когда дело касается периода стойлового содержания домашнего скота. Для того, чтобы поймать зайца, во многих случаях необходимо окружение его и сокращение расстояния выгодными линиями. Нападение группою всегда продуктивнее. Под силу ста-

новятся и крупные домашние животные — лошади, коровы и дикие быстроходные звери — козы, олени или столь могучие, как кабаны. Сотрудничество образуется выводком или группою родственных особей, например двумя переярками, или уцелевшим от семьи одним из родителей с прибылыми, а не то с переярком, или переярком с прибылыми, а не то волком, живущим в паре с бездетной волчицей.

Группы, составляемые переярками или переярками и прибылыми, редко состоят более чем из трех голов; обычно в группу входят два волка.

Стремление волков жить большими стаями не установлено убедительными фактами. И вряд ли это может иметь место как явление длительное, а тем более постоянное. Скопление в одну большую стаю таких хищников, как волк, ослабило бы их возможность прокормиться, а это внесло бы дезорганизацию в их строй и дисциплину при передвижениях и охоте.

Надо полагать, что мнение о жизни стаей основано на недоразумении. Объясняется это тем, что обилие домашних или диких животных в определенных местах привлекает волков, временно стекающихся из разных весьма отдаленных местностей. Эта концентрация волков создает обманчивое впечатление единой общности жизни и строя якобы мирно живущей стаи. Впечатление усиливается еще тем, что пришлые волчьи группы, находясь в большинстве не в своем коренном районе и являясь кочевниками, ведут себя, как гости, не затевая «междоусобной войны».

Как правило, волки живут выводком или родственными группами и сотрудничают в розыске и добывании животных.

Встречающиеся одиночки представляют собою экземпляры, одряхлевшие от возраста (предельным возрастом волка считают приблизительно 15 лет), или инвалиды по болезни, ранению, повреждению зубов и другим причинам (эти категории влачат жалкое существование); временно отбившиеся переярки или прибылые; отходящие постепенно от семьи в поисках пары, достигшие зрелости переярки и одиночки, оставшиеся после гибели семьи или группы.

В конце лета уже заметно сокращается разнообразие пищи волка, главным образом из числа птиц. Взматере-

ние птичьего молодняка и возросшая сторожкость затрудняют добывание волком пернатой дичи.

Особенно сильно сокращаются источники питания, когда прекращается пастьба скота.

Волчий выводок живет на гнезде, пока он не окрепнет и не будет следовать за матерью. Этот период наступает в возрасте приблизительно пяти месяцев. Выводок приучается к походу постепенно. Выходы на водопой, находящийся иногда не так близко от гнезда, к месту зарезанного крупного животного и другие небольшие выходы под руководством волчицы приучают молодняк к строю, к известной дисциплине. Мало-помалу небольшие путешествия с возвращением к гнезду позволяют выводку совершать и большие переходы с остановкой на дневку на переменных логовах.

В местности, где гнездо представляет удобство, а непосредственно примыкающий к нему ландшафт не дает достаточной защиты, скрывающей волчью семью от постороннего глаза, выводок очень рано, даже с четырехнедельного возраста волчат, переселяется в более надежные угодья.

Как только выводок тронется осенью с гнезда, инициатива передвижения группы волков принадлежит старой волчице. Она возглавляет шествие выводка. Это имеет значение при истреблении волков, так как обычно волчица выходит из-под гона первой.

При переходах волки чаще идут гуськом, ступая след в след. Этот строй практикуется не только по снегу для облегчения движения, но и по черной тропе; ходьба гуськом позволяет пользоваться даже незначительным заслоном, чтобы скрыть всю колонну.

В тех случаях, когда старая волчица гибнет, а молодняк достигнет уже шестимесячного возраста, объединяющее руководство нарушается. Семья, лишившись наиболее влиятельного члена, нередко распадается на группы.

Влияние погибшей волчицы не может быть заменено авторитетом самца. Строптивость матерого не сдерживается более равноправной силой волчицы, и место ее занимает одна из волчиц-переярок, та, которой матерый более симпатизирует.

Однако волчица-переярок не заменяет волчицу-мать. Сразу начинаются сцены «ревности» к своим однополым однолеткам, пренебрежительное отношение к прибылым.

Достается от матерого, особенно переяркам-самцам, за привычку фамильярно относиться к сестрам. Ядро семьи составляет матерый с избранной волчицей-переярком.

Раскол в такой семье сказывается к середине зимы; этому способствует свойственная сезону голодовка, развивающая раздражительность.

Однажды в известном мне еще летом выводке дробовым выстрелом была ранена волчица-мать; ранение было, повидимому, серьезное, но в руки охотника она не попалась. Однако зимой ее при выводке уже не оказалось. Семья к зиме состояла из старика, двух волчиц-переярков и четырех прибылых (две самки и два самца).

Сначала семья не разбивалась, а затем в декабре можно было встретить следы следующих групп: старик, волчица-переярок и две волчицы прибылых; одна волчица-переярок и один волк прибылой (самец); один самец прибылой.

Волки эти в указанных группах взяты были охотами, и состав групп, так же как пол и возраст, подтвердились.

С начала передвижения выводка переярки присоединяются к общей жизни, участвуя вместе со всей семьей в продвижениях, в охотах и рекогносцировках. Несомненно, что трудность добывания пропитания служит одной из причин вхождения их в общую группу семьи, тем более, что в выводке без переярков рабочей охотничьей силой являются только родители; прибылые еще не имеют ни достаточной инициативы, ни силы. А для гона и окружения крупных диких быстроногих или сильных, как кабан, животных, а иногда и лошадей нередко требуется участие трех-четырех опытных волков: двух с флангов, одного гонщика сзади и перерезающего путь спереди. Несомненно, что переяркам выгоден и больший опыт стариков.

При наступлении периода недостатка в питании волк-старик отлучается иногда от выводка на самостоятельную рекогносцировку; также поступают и переярки, а волчица остается с выводком и тоже ведет разведки. Такой способ приносит подчас значительное улучшение положения. Одновременное обследование района по разным направлениям способствует обнаружению падали, а попавшаяся мелкая добыча может удовлетворить одиночного волка. Такие отлучки, однако, не носят постоянного характера.

Волки имеют обыкновение обнюхивать морду вернувшегося сотоварища с целью узнать, не добыл ли он чего, не пообедал ли в одиночку, и в случае доказательства устанавливают по следам сотоварища местонахождение добычи. А от волчьего глаза следов не скрыть, будь они даже покрыты метелями.

Двинувшись с гнезда, молодые волки, следуя примеру волчицы, приучаются принимать меры предосторожности для избежания опасности, а при встрече с ней — выбирать линию поведения. Чаще всего, особенно вначале, прибылые приучаются добывать зайцев, косуль, собак, а затем и более крупных животных, как диких, так и домашних.

Осень служит подготовительным тренировочным сезоном для волчат.

Жизнь зимой

Но наступает зима. Снег постепенно становится глубоким. В местности, где живут волки, может оказаться мало падали, охота за дикими животными становится недобычливой, передвижения затруднены. Волки тогда обращают свое внимание на собак.

Волки в отдельности, группы волков и выводки имеют обыкновение зарывать кости крупной добычи. Эти кости, на которых иногда остается засохшее мясо, во время лютой зимы спасают волков.

Снег раскрывает охотнику и исследователю волчью жизнь. Мы видим, что выводок посещает определенные излюбленные места как для дневок, так и для добывания пропитания. Он часто посещает местность, где было расположено гнездо, где остались зарытые кости.

Местность около гнезда часто служит выводку для дневки. Когда волк сыт, он стремится к отдыху и обычно остается на дневке в ближайшем подходящем месте. Местность не только своего района, но и смежных районов волки отлично знают, равно как и расположение селений и направление дорог, которыми они так охотно пользуются.

При отсутствии преследования со стороны человека и наличности пищи волки по нескольку дней живут в незначительной части своего района, проводят дневки в одном и том же месте.

В местности, где скот круглый год находится на пастбищах (например, в степной полосе Средней Азии), зимняя жизнь волка мало отличается от летне-осенней.

Численность волчьей семьи уже к середине зимы обычно не превышает шести голов, в примерном составе двух стариков, трех прибылых и одного переярка, но часто встречается и в меньшем составе; к весне же от состава выводка нередко остается одна треть. Иногда вся семья уцелеет, а иногда и гибнет вся. Помимо гибели от вмешательства человека, происходит и естественная убыль.

Наступает февраль. Начинается период течки. У старых волчиц он начинается раньше, у молодых (около двухлетнего возраста) — несколько позже. Поэтому продолжительность общего периода равна приблизительно месяцу. Волчица в этом периоде часто огрызается на волка. Раздражительность ее проявляется и на прибылых и переярках. Это служит нередко причиной отхода прибылых и переярков от родителей: первых — на короткое время и навсегда тех из переярков, которые находят себе пару.

* * *

Грачи подправили гибкими ветвями гнезда на вершинах старых берез. Пролетные гуси начали останавливаться в равнинах у больших водоемов. Рано им еще в тундру, спящую под толстым белым одеялом.

Бурлят полноводные реки и ручьи. Кругом рыжеет сосновое моховое болото, темными плащами стоят по закрайку высокие елки... Наступает разгар глухариного тока. Глухариная песнь доносится к сопке среди болота, где в плотном сосновом подросте лежит волчица, а по животу ее чернеют волчата.

Наступил опять новый год!

III. ФЕДУЛАИЧ

Флажки

Охоты на волков мы с Федулаичем всегда подготовляли. Если местность была малоизвестна, мы знакомились с расположением угодий, селений, дорог, с ходами зверя. И это помогло нам в выяснении даже индивидуальных повадок некоторых экземпляров.

Приваду мы вывозили большей частью до выпадения снега. Волки в октябре начинают широко передвигаться. Выгодно поэтому поспешить с привадой, прикрепить, таким образом, волков к определенной местности. Для привады выбирали уединенное и открытое место недалеко от селений, шагах в пятистах от дорог, с несколькими одиночными поблизости деревьями для посадки воронов и сорок. Приваду объезжали по кругу длиной примерно полтора-два километра. Пешеходных следов к приваде не делали, так как это очень настораживает волка.

Подготовленные охоты дают значительно лучшие результаты. Зверь стягивается в определенную местность. Сытый зверь останавливается на дневку в ближайшем удобном для него месте, между тем как голодный может сделать за ночь такой переход, который невозможно успеть выследить за короткий зимний день.

Сколько мастерства проявлял Федулаич в своей работе! Все его действия были основаны на большом опыте. Это не значит, что у нас не было неудач. Они встречались и не так редко: они неизбежны. Но неудачи Федулаич умел поправлять. Он всегда разбирался в причинах неудачной охоты, в особенностях ушедшего экземпляра, и при преследовании его старался перехитрить зверя. Недаром Федулаич говаривал:

— Зверя не переупрямишь, его надо перехитрить.

Флажки были незаменимыми помощниками при зимней охоте на волков и лисиц. Сколько загонщиков пришлось бы иметь наготове вместо флажков! Десять! Это самая минимальная цифра для зимней облавы на волков. К тому же десять загонщиков сослужили бы худшую службу, чем флажки. Флажки незаменимы: они портативны, всегда при себе, они представляют непрерывную цепь, не отпугивающую, а сдерживающую продвижения зверя в рамках оклада. Флажки «караулят» зверя день, ночь, сутки, а иногда и двое суток — до прибытия стрелков. Последнее свойство является исключительной особенностью флажного способа охоты.

Флажки — это шнур с пришитыми к нему одним концом на расстоянии примерно семидесяти сантиметров цветными, лучше кумачовыми, лоскутками в виде лент шириною примерно девять-пятнадцать сантиметров и длиною двадцать пять-тридцать пять сантиметров.

Красный цвет кумача отлично выделяется и в чаще и имеет специфический, свойственный ему запах, прекрасно сохраняющийся. И цвет и запах имеют большое значение, так как важно иногда воздействовать на зверя не только через зрение, но и через обоняние. При этом надо иметь в виду, что ощущение, получаемое зверем через обоняние, сильнее действует на него.

Флажным шнуром обносят оклад, кроме стрелковой линии. Прикрепляют шнур на ветках деревьев и кустов и закрепляют его вокруг стволов деревьев, чтобы он не провисал. Нижний край флажка должен находиться от поверхности снега на высоте примерно тридцати пяти сантиметров. Это имеет значение: при прорывах линии флажков волк чаще проходит под шнур.

В боевой готовности флажки представляют собой подобие красного палисадника.

Наш шнур наматывался на вертящуюся на оси рамку с выступом поперечных брусьев для держания намотанного запаса. Один край оси кончался овальным концом — рукояткою.

У нас было четыре катушки по пятьсот метров в каждой и, кроме того, имелся запас на случай одновременной затяжки двух окладов.

При встрече следа Федулаич прежде всего имел обыкновение определять свежесть его. Определял он свежесть следа, благодаря замечательно острому зрению, а иногда и по степени затвердения следа осязанием его одним-двумя пальцами. Много труда может быть затрачено впустую на выслеживание старого следа.

Окладывание

Однажды в середине зимы мы встретили след волка. Местность и державшиеся в том районе волки были у нас на учете. День был тусклый, густые серые облака отражались на снежной пелене мглистым лиловатым отсветом. Федулаич сперва поглядел на след, потрогал стенку ямки следа и определил его совершенную свежесть. Это был след знакомого нам трехлетнего волка-самца, не поддававшегося гону; он шел каждый раз (мы окладывали его дважды) махами, прямиком на крик. Очевидно, он испытал когда-нибудь опасность выхода в противоположную от гона сторону.

— Приятель наш! — сказал Федулаич. — Этот раз мы его возьмем! Лишь бы обложить... Мы без крика и гона, а тихохонько, проходом, — твердо решил Федулаич.

Я согласился, что такой способ воздействия произведет на зверя впечатление скрадывания, и тогда устрашающим возбудителем будет не стрелковая линия, а именно то направление, откуда слышна подкрадывающаяся, как бы таящаяся опасность, и волк пойдет на стрелка и притом очень быстрым аллюром.

Мы вели след по торной лесной дороге. На широкой поляне неожиданно на дорогу влилась волчья тропа. Сколько же их еще прибавилось? Федулаич, кроме свежести следа, всегда определял точное количество зверей, прошедших тропой, пол их и приблизительный возраст. Без этой осведомленности случалось ошибочно перейти на выслеживание подвернувшегося голодного зверя, идущего без остановки по своим рекогносцировочным делам.

Встретившуюся тропу Федулаич осмотрел и определил, что прошла тройка волков. Определение количества прошедших без выслеживания тропы до разделения ее на отдельные нити следов — дело сложное, требующее большого опыта. Обычно опытный следопыт определяет точно количество до трех-четырех прошедших одной тропой экземпляров, а затем уже ограничивается определением приблизительного предела, например не меньше пяти-шести, скажем, или больше десяти, а сколько — неизвестно.

Влившаяся тропа стала на дороге невидима, но вскоре волки сошли с дороги и пошли некоторое время поодиночке. Эта группа (два старых и один прибылой) была нам известна, но я удивился, что Федулаич не обращает особого внимания на эти следы, а только тщательно заботится, как бы не пропустить след, как он выразился, волка-одиночки.

— Да ведь следы тройки не сегодняшние! — засмеялся над моим недоумением Федулаич.

Он вылез из саней и подозвал меня, ощупывая след.

— Черствый! — решительно произнес он.

Я пощупал следы сошедших порознь с дороги волков. Действительно, они оказались черствыми: нужно было усилие, чтобы разорвать померзший снег закрайка следа, между тем как смежный со следом пласт снега можно

было пальцем руки прорезать как воду, что я и проделал несколько раз для сравнения.

Мы проехали порядочное расстояние, а наш волк все не сходил с дороги. Начало закрадываться сомнение, не свернул ли он по одному из следов тройки волков, и я сообщил об этом Федулаичу. Он, однако, уверял меня, что следы были чистые, не разбитые вторичным ступанием зверя и не настолько мерзлые, чтобы не изменились от вторичного прохождения, и что при сходе с дороги зверь редко ступает точно в проложенный ранее след, не задев свежего места.

Федулаич был прав: след волка скоро представился нашим взорам на полознице заброшенной лесной дороги, шедшей с нашей вглубь леса.

Мы еще проехали по коренной дороге, привязали лошадь и вернулись к лесной дорожке. Пройдя по ней шагов триста, волк свернул в смешанный плотный участок, а мы продолжали идти по дорожке.

Федулаич считал, как правило, что оклад вообще следует делать от входного следа: волк глубоко в лес на лежку не заходит, и сторона входного следа помогает правильнее построить оклад; входной след зверя служит часто важным признаком для определения хода и лаза зверя, а следовательно, и выбора стрелковой линии, а также нередко представляет собою руководящую нить для гона и управления ходом волка.

Мы начали оклад со стороны входного следа, считая примерное количество пройденных по каждой стороне оклада шагов. Федулаич вел всегда удивительно прямые линии; я иногда делал оклад с компасом, не достигая такой прямизны; он обладал каким-то особым чутьем предвидеть удобные места для проведения линии, находя какие-то прогалки, не говоря о том, что никогда не упускал возможности воспользоваться просекой или дорогой, хотя бы это было и за счет значительного увеличения оклада. Этого Федулаич не боялся, говоря: «Зверь свой ход и лаз знает, все равно придет, куда нам надо». По чащам Федулаич умело шел бочком, не шуршал, не задевал одеждой за ветки, сучки или хвою.

Оклад, благодаря значительному количеству прогалков, удалось сделать в километр и быстро с двух сторон затянуть его флажками. Мы давно наметили было номер, но тягу воздуха в лесу определить было на этот раз не

так легко, течение его как-то изменилось; Федулаич и я не раз уже брали рукавицей снег и подбрасывали его кверху, чтобы узнать, в какую сторону будет клонить снежную пыль. Наконец, все определилось. Федулаич не соглашался встать на номер, так как стрелял он хуже, чем я, и быстро отправился гнать волка.

Я уже говорил, что стоять на номере при молчаливом гоне — чрезвычайно напряженное занятие. Когда слышны голоса и продвижение загонщиков, отлично ориентируешься и чувствуешь время выхода зверя. Безмолвие же повергает в состояние высшего напряжения. Через долгое время где-то довольно далеко в окладе щелкнул сухой сучок. Что было причиной этого звука, не знаю, но через миг после этого с разинутой пастью, высунутым языком, нервными и короткими необычными бросками с подпрыгиванием, с высоко поднятой головой к линии чуть правее меня мчался волк. После выстрела я поспешил возвестить Федулаича во весь голос о победе.

Псковский нагон

В сильную метель удалось обложить в хвойном лесу волчицу. Она спокойно вышла на номер, не подозревая опасности, несмотря на то, что она не раз уже бывала в облаве у местных охотников. На ее спокойствие, очевидно, повлияла запорошенность ее следов и умелый отдаленный гон. Стрелок оплошал, он встал за довольно толстую сосну и не видел выхода волчицы, несмотря на чистое редколесье, и заметил ее уже в двадцати пяти шагах. Он только выглянул из-за сосны, как волчица пустилась во весь мах обратно, провожаемая картечным выстрелом, очень кучно осыпавшим заснеженный пень.

С тех пор волчица в течение двух недель не вступала в лес, держась исключительно в полях.

В тот день, когда мы вновь принялись за эту волчицу, в полях довольно сильно мело. Это затрудняло выслеживание, так как переходов у нее за несколько дней накопилось много. Правда, освещение было хорошее, солнце частенько выглядывало из-за набегавших тонких, высоко плывущих облаков.

Особенность поземки в тот день была та, что она ровно гнала сухой снег, не курилась дымом и, засыпая

углубление следов, заравнивая их, сдирала дальнейшие наслоения.

Мы встретили два таких следа; один шел в одну сторону, другой — обратно, что обозначалось видимой чертой выволоки и поволоки *. Когда мы остановились у первого следа, Федулаич, выйдя из саней, заявил, что след старый, и долго объяснял мне признаки определения свежести его в таких случаях. Стенки старого следа уплотнены и закреплены морозом. Частицы наметаемого в ямку следа снега не соединяются со снегом закрайка проложенного следа, а лишь сыпуче заполняют углубление; старый след поэтому виден довольно хорошо, свежий же след будет менее резок в своем очертании и в белизне, поэтому и менее заметен. Не успевшие застыть закрайки следа выглядят почти одинаково со снегом, наносимым поземкой. Этот снег сцепляется с закрайками следа, образуя при этом скважины — щели. На ощупь такой след почти не дает разницы с окружающей целиной.

Все эти ценные указания Федулаича красноречиво подтвердились при встрече следа волчицы. След этот был менее заметен, чем старый, не белел, контур его был искажен, он казался менее широким и рваным сбоку, на некоторых следах виднелись скважинки.

Объехав поле по дорогам, мы встретили старые выходные следы. Местность была пересеченной; одна возвышенность шла на значительном протяжении поперек поля, другая шла из глубины к дороге и дальше; на ней мы предполагали наметить стрелковый номер около незначительных кустов можжевельника. Слева в километре расположено было большое селение, справа поле обрамлялось стеной леса за изгородью. Нас было двое: Федулаич и я. В создавшихся условиях можно было применить только псковский способ, т. е. гнать зверя без всяких заграждений флангов. Другого способа не было. Все дело сводилось к выбору точного лаза, т. е. умению найти на полуторакилометровом расстоянии полосу в сто метров, поперек которой неминуемо должна была пойти волчица.

---

* Черточки на снегу от кончиков пальцев при подъеме лапы из ямки следа на следующий шаг называются выволокой, а при опускании лапы в снег — поволокой.

Мы быстро решили, что такой полосой является возвышенность, идущая из поля к дороге, так как слева шла вдоль нее низменность с глубоким снегом, а справа — полоса леса. По этим соображениям я встал приблизительно шагах в двухстах от полосы леса и шагах в двухстах же от низменности на возвышенности, за небольшим кустиком можжевельника, раскопав снег и углубившись. Федулаич быстро поехал, погоняя лошадь, на противоположную сторону круга и скрылся вправо от меня в лесу.

Примерно через полчаса я увидал на расстоянии трех четвертей километра стоявшую на поперечной возвышенности поля гордую фигуру волка; он стоял в профиль, обратившись к селению, с высоко поднятой головой; затем он повернул на меня и, сойдя с возвышенности, скрылся в низине, заслоненной тянущейся из глубины поля возвышенностью, на которой я стоял. Самым долгим казался промежуток времени между исчезновением волка в низине и его появлением на возвышенности.

Расстояние до волчицы было шагов пятьсот; она шла сначала прямо на меня, затем стала несколько отклоняться ближе к лесу. Мне казалось, что она пройдет таким образом вне выстрела, но затем я уверил себя, что вряд ли она пойдет близко от полосы леса, которого избегает, и, действительно, она вскоре несколько отдалилась от него. Однако и при таком направлении волчица могла пройти от меня только на дальнем выстреле. В руках у меня была прекрасного боя дробовая магазинка Винчестера, и я надеялся, что пятью выстрелами если и не положу зверя, то облегчу возможность добыть его. И я решил дать первый выстрел, когда волчица вступит на дорогу, а затем незамедлительно открыть дальнейший огонь. После первого выстрела зверь с трусцы перешел на махи, и я с очень малыми интервалами делал выстрел за выстрелом. После третьего или четвертого выстрела волчица пошла трусцой. Это весьма характерный признак тяжелого ранения. С трусцы зверь перешел на шаг; не успел я перезарядить ружье, как волк рухнул. Я взглянул в поле. Федулаич был виден еще маленькой фигурой. Я побежал к волку. Расстояние первого выстрела оказалось в девяносто пять шагов, а последующие — на дистанциях выше предельных для верного выстрела.

* * *

Как известно, ни волк, ни лиса без особого принуждения не любят переходить линию флагов. При ночной тишине, когда нет крика, выявляющего местонахождение человека, т. е. явной опасности, эта линия еще страшнее, так как зловещая тишина и присутствие посторонних предметов заставляют опасаться засады.

Правда, цвета предметов ни люди, ни животные в темноте не видят: флажки и шнур сливаются с ветвями елей или кажутся темными нестрашными предметами, как и все в лесу; но тем страшнее зверю, подойдя почти вплотную к флажкам и ничего не подозревая, вдруг зачуять посторонний запах кумача и человека.

...Федулаича не было уже, к прискорбию моему, в живых.

Стоял февраль, иногда он баловал солнечными днями с пригревом, но февраль — еще зимний месяц, и как раз в этом месяце встречаются ядовитые морозы, которые покалывают щеки и уши, как иголкою, бывают и метели рядовые, после которых водворяются тишина, белизна, свет и сугробы.

Но это был день другой — ветреный, с быстро и высоко бегущими клочками облаков весенних тонов, день без солнца, со слабым морозом, а ветер, хоть и очень сильный, но теплый, западный. Такие дни чаще встречаются в марте.

Выводок волков из двух стариков и двух прибылых затянули флагами вечером и оставили до утра.

Сколько ни охотишься, а каждая охота дает новое волнение. Когда же волки затянуты накануне, когда знаешь, что это подвижной зверь задержан в определенном кругу, ночь охотнику кажется необыкновенно продолжительной. И вот начинаешь думать, правильно ли обнесен оклад, рисуешь себе его очертания, опасаешься, не вышли бы звери на рассвете из оцепления, мысленно представляешь себе рост, расцветку шерсти, морду обложенных волков и прочее...

Успокаиваешь себя, наконец, приятными картинами выхода волков на номер, приближением их на близкий выстрел. Руки как будто крепко сжимают магазинку. Сначала — этого, потом — второго, успею и третьего, а ружье что-то не стреляет... Где оно?

Со стуком падает с кровати книга, которую начал было читать час назад, а мне кажется, что это падает ружье, и от испуга выхожу из полудремоты...

Стоят в поле высокий ельник и осинник квадратом. Ветрище сильный, гнутся верхушки деревьев, развеваются флаги. С одной стороны — поле, с другой — большая поляна в мелких, чуть видных из-под снега елочках и кое-где ивовые кусты; с третьей стороны — светлозеленое, по сравнению с елями, низкорослое сосновое болото, с четвертой — чернолесье. За стрелковой линией, расположенной на описанной поляне, — большая дорога вдоль леса.

Один стрелок стоит на середине поляны за елочкой покрупнее, я — вторым на углу около небольшой группы мелких ольх и березок. Отоптал снег, образовалось порядочное углубление. Я не люблю таких ям, но делать нечего: снег сильно садится под ногами. Мне виден левый фланг, вскоре переходящий в сетку мелколесья, как тонкие удочки. Самый угол удобен для обстрела. Таинственная опушка оклада словно подравнена: ни одно дерево не выдается на поляну.

Упорный беспрерывный ветер поперек оклада держит деревья согнутыми, не позволяя им разогнуться. Этот ветер могучей волной идет вдоль стрелковой линии. Стою в три четверти оборота в правую сторону. Шумят верхушки, шипят еловые иглы, неуютно, ничего не слышно. Нервирует этот несмолкающий, как водопад, шум, держа в особом напряжении одно зрение, напрасно утомляя бесполезный сейчас слух. Хорошо, что тепло!

Ветер принес несколько слогов человеческого голоса.

Не вышли ли, пока обходили? Опять голос! Шипит лес и ничего больше не позволяет слышать. Надо быть готовым: нет сомнения, что если волки здесь, то это был гон, и, может быть, давно начавшийся. Магазинка насыщена до отказа, в ней прекрасные новые гильзы. Шейка ружья хорошо чувствуется пальцами. Пора подвести ложу на высоту груди.

В сорока шагах, как изваяние, стоит, чуть отделившись от опушки, голубая волчица с черным ремнем на спине. Она высоко подняла голову и смотрит, как трепещутся флаги. Надо стрелять, так как она может сейчас же юркнуть обратно. Выцеливаю ее повыше плеча в основание шеи. Сухой выстрел, короткий, оборванный

звук, унесенный ветром прочь от оклада; волчица падает, как мешок, морда по глаза зарылась в снег.

Одновременно с выстрелом из опушки во весь опор выбежал желто-серый волчина. Длинный щипец его опущен, туловище сгорблено и низко спущенные грудь и ребра утопают в снегу. Стреляю — идет. Не сомневаюсь, что попал, но, значит, неладно. Второй раз стреляю — идет, но весь перед, повидимому, поврежден, как будто раздроблено левое плечо. Перепускаю через линию — все машет, но тише. Выцеливаю по хребту — падает, хватая зубами ветку куста, и застывает в такой позе, с поднятой головой.

Оборачиваюсь к окладу: по левому флангу вдоль опушки, отдаляясь, трусит в сетке мелколесья аспидный прибылой. Стреляю его шагов на шестьдесят пять по загривку; он продолжает трусить, не переходя на прыжки, делает вне выстрела поворот влево к флагам, сейчас же возвращается тем же следом к окладу, но, к радости моей, шагом, и падает в той же сетке мелколесья.

Я стою, окруженный убитыми волками. Спереди справа — волчица, за правым плечом — волк, все держащий в зубах ветку куста, впереди слева — прибылой.

Едем к колхозу. Волки заняли целую подводу. На поле нас уже встречают дети, парни, девушки, взрослые и старики.

ЛИСИЦА

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА. ПРИВЫЧКИ И ПОВАДКИ

Лисицы отлично приспособляются к различным условиям, в которых им приходится жить. Они встречаются повсюду, в самых разнообразных местностях. Трудно даже сказать, где лисица чувствует себя лучше: на юге или на севере, в глухой сибирской тайге или в веселых солнечных рощах Украины, в сухой безлесной степи или в мокром лесном болоте, в тундре и даже на вечных льдах Ледовитого океана (где встречали ее путешественники в ста километрах от берега) или в горах Кавказа и Средней Азии.

От Ленинграда до Камчатки, от Ледовитого океана до нашей южной границы живет лисица.

Очень мало зверей, которые с такой ловкостью добывали бы мышь и косуленка, дикую и домашнюю птицу, зайца и навозного жука, рыбу в оставшихся от весеннего разлива бочагах и греющуюся на камне, на солнцепеке, ящерицу. Даже колючего ежа умеет взять лисица. Куда бы ни пошла лисица в поисках добычи, на пути ее всегда встретится возможность поживиться мышами. Лисица

питается и свежинкой, и падалью, но несомненно, что она предпочитает парную пищу.

В этом интересном во всех отношениях звере заложена страсть к охоте. Лисицу влечет не только результат охоты, но и самый процесс ее.

При такой способности к охоте лисица представляет собой угрозу охотничьему хозяйству, особенно в местах, где она выводит свое потомство. Глухарь, тетерев, рябчик, куропатка, гуси, утки, болотная дичь и все виды мелких птичек — друзей сельского хозяйства, в том числе, конечно, и певчие, несут урон от лисицы. Зайцы представляют обыденную добычу лисицы. Она находит их чутьем или обнаруживает на кормежке зрением, подкарауливает на тропах, догоняет пустившихся наутек.

Часть добычи лисица прячет — зарывает в землю, в мох или в снег. Она плотно и аккуратно утрамбовывает поверхность лапами и носом. Снег над свежей ее «кладовой» носит отпечатки лап и носа.

В окрестностях, где имеется лисий выводок, дичи остается совсем мало. Охотники, не находя ни глухариных, ни тетеревиных выводков, ни зайцев, нередко приписывают такое обеднение дичью браконьерам. Частью, однако, в этом виновата только лисица.

Невольно возникает вопрос: полезна или вредна лисица?

Закон об охоте разрешает добывать лисицу лишь в определенные сроки, запрещая вовсе охоту на нее в остальное время года. Между тем охота на волка разрешена круглый год. Этим подчеркивается несравненно больший вред, причиняемый волком. Вред, причиняемый лисицей охотничьему хозяйству, может быть снижен путем организованных охотничьими коллективами охот на лисицу в дозволенное законом время.

Лисица, несомненно, приносит и пользу. Она уничтожает громадное количество мышей, сусликов и других грызунов. Это большая польза для сельского хозяйства. Лисьи шкурки имеют немаловажное значение по своей ценности в деле пушных заготовок.

Таким образом, вопрос о вреде или пользе лисицы разрешается не только с точки зрения охотничьего хозяйства, но и по соображениям государственного хозяйства. Поскольку лисица приносит определенную пользу, — закон сокращает сроки охоты на нее.

Движения и некоторые повадки лисицы схожи с кошачьими. Лисица, как и кошка, отличается гибкими и мелкими движениями. Лисица любит играть пойманной ею полуживой мышью, возиться с жуком, легонько подталкивая и пошлепывая свою жертву лапой. Она умеет по-кошачьи подпрыгивать за взлетевшей птицей, может взвиться за порхающей бабочкой, может осторожно, не осыпая и не уплотняя землю, вырыть мышь или насекомое.

Туловище лисицы удлинено, передние ноги не высоки, задние представляют собой сильные рычаги, способные легко бросить туловище вперед, вбок, вверх. Хвост лисицы настолько велик по сравнению со всем туловищем, что поневоле обращает на себя внимание и заставляет очень быстро понять значение этого придатка. Прозванный охотниками «трубой», хвост лисицы играет роль руля при поворотах, прыжках в высоту, в длину и при броске всеми четырьмя лапами в одну точку. Лисий хвост способствует точности и быстроте движений при подкрадывании, при поворотах на полном ходу в сторону и поддерживает равновесие туловища. Лисица придает хвосту различное положение: иногда хвост торчит кверху, как труба, иногда он поставлен горизонтально под прямым углом к туловищу, порой распростерт в воздухе, представляя собой как бы продолжение спины. Балансируя хвостом, лисица может пройти по тонкой жердочке. Во время сна она укрывается хвостом.

Когда лисица охотится за мышами (мышкует), движения ее разнообразны, а некоторые настолько замечательны, что заслуживают описания.

Однажды декабрьским днем я ехал в санях вдоль поля. Стоял трескучий мороз. Было тихо и солнечно. Шагах в двухстах пятидесяти я увидал лисицу. Это был крупный зверь ровного темнокрасного цвета, который в ослепительном сиянии солнца и серебряном блеске снега переходил в вишневый.

Лисица старательно рыла ямку в снегу. Быстро мелькали ее лапки. Опущенный хвост упирался в снег. После немногих секунд работы она мигом прекращала движения, несколько приподнимала шею и глядела в вырытую ямку, навострив треугольники ушей. Повидимому, лисица и глядела, и прислушивалась. Затем она сделала шаг-другой и стала рыть ямку впереди первой. Внезапно обо-

рвав работу, лисица приподнялась на задние лапы, одновременно свечой поднялся и хвост. Через миг она сделала в таком положении прыжок вверх и упала всеми четырьмя лапами в одно место. Очевидно, она заслышала, как зашуршала под снегом мышь, которую она выгнала снизу рытьем. Этот бросок, вероятно, заставил мышь выскочить на поверхность снега, а лисица стрелой ткнулась мордой в снег. Повидимому, она схватила мышь и съела ее. Приняв затем обычное положение, лисица двинулась дальше. Отойдя на некоторое расстояние, стала снова мышковать, с опущенным уже хвостом.

Другой раз я имел случай убедиться в способности лисицы делать на самом быстром ходу резкие повороты от принятого направления. Лисица гналась по полю за русаком: расстояние между ними было невелико. Русак метнулся в сторону. Я полагал, что лисица пронесется, как борзая собака, мимо места заячьего поворота. Она, однако, разом поставила свой хвост под прямым углом — поперек своего хода, и руль этот резко повернул ее туловище по нужному направлению. В скором времени она схватила русака.

Когда лисица зимним солнечным днем гуляет по сугробам искристого снега и каждая шерстинка ее блестит, а громадный рыже-бурый хвост как бы обсыпан пеплом, она кажется большим-большим зверем. Но убитая лисица обычно представляется небольшой тушкой.

Вес лисицы меньше, чем кажется. Лисица-самка весит от 3,75 до 6 килограммов, а самец — от 4 до 7,25 килограмма.

Удлиненность туловища, мощный хвост, служащий рулем, и мускулистые лапы лисицы дают ей возможность делать удивительно легкие, гибкие и точные движения. Такое сложение лисицы делает ее страшным врагом зайца.

Лисица обыкновенно передвигается мелкой рысью — трусцой. На этом ходу ее лапы, делая небольшие шажки, довольно быстро мелькают — семенят, спина же не шелохнется — туловище словно плывет.

Лисица то и дело опускает голову к земле, к снегу. Зверь этот ищет, смотрит и нюхает преимущественно понизу. Время от времени лисица поднимает голову, чтобы осмотреть какой-нибудь предмет, своевременно заметить

разыскиваемую добычу или оглядеть даль. В местах, требующих внимания, лисица замедляет ход.

Когда лисица идет по прямой линии, следы ее тянутся как по линейке. Когда лисица ищет добычу, след ее извилист. Следы идут вокруг кустов, приближаются к кочкам, заходят в рощу, в овражки, направляются к жнивью. Красивые закругленные обходы, повороты под прямым или острым углом, при которых лисица не заденет, не всколыхнет снега, подход с прямого хода в сторону — в виде косы — к какому-нибудь пеньку, совершенно правильные параллельные линии хода взад и вперед, восьмерки, круги — все эти следы похожи на художественное шитье.

Следы лисицы на месте ее охоты перекрещиваются один с другим, возвращаются, часто переплетаются с заячьими, направляются по заячьим следам или по прежним, лисьим же, переходам. Такое сложное сплетение часто ставит охотника в трудное положение. Чтобы разобраться в этих следах, охотнику необходимо взять круг шире, прихватывая участки свежего, не тронутого следами снега, пока одиночный свежий след лисицы не примет определенного направления.

След лисицы несколько похож на собачий. Отдельные следки небольшой собаки могут ввести в заблуждение, могут быть приняты за лисьи, но если пройти по ним некоторое расстояние, то отсутствие строгой симметрии в цепи следов и неаккуратность их восстановят истину. Особенно выдает себя собака при петлянии и поворотах. Никогда таких чистых, красивых линий следов у собаки не получится, — она на поворотах всегда загребает лапой снег. Кроме этого различия, которое познается практикой, надо помнить еще, что подошва лисьей лапы густо покрыта шерстью и что отпечаток ее в передней части круглее (тупее).

Лисьи следы будто печатаются мягкой, нежной кистью. Такие следы способно сделать только животное, обладающее гибким удлиненным туловищем и ногами, которые не только бегают и ловят, но и осязают.

Сибирские охотники-промысловики говорят: чем добротнее лисица мехом, тем нежнее ее след и тем быстрее она на бегу.

...Обыкновенная лисица встречается у нас повсеместно — в лесах, степях, тундре, пустынях и горах.

Лисица-корсак водится в полупустынных степях юго-востока Европейской части СССР, в Средней Азии и Забайкалье. Она меньше ростом, чем обыкновенная лисица. Для пушного промысла корсак имеет небольшое значение.

Афганская лисица еще меньше корсака, отличается большими ушами и очень пушистым хвостом. Распространение ее ограниченное. Несколько раз она добывалась в самых южных частях Туркменской ССР и в западной части Таджикской ССР.

Лисица по своему широкому распространению и ценности шкурки занимает виднейшее место в нашем пушном промысле.

Обыкновенная лисица отличается разнообразием окраса. К охристым тонам примешиваются чернота, седина, белизна и желтые тона; встречаются темногнедые и красные оттенки.

Ржавые, охристые, рыжие, гнедые, желтые тона лисьей шерсти как будто бы должны выделяться и в лесу, и в поле. На самом деле цвет лисьей шерсти в большинстве случаев мало заметен в местах ее охоты и отдыха. Например, когда лисица лежит на меже открытого поля, даже зимой, кирпичный оттенок ее шерсти под солнечными лучами похож на цвет красноватого камня. И без бинокля не поймешь, камень это или лисица, пока она не поднимет голову и не сверкнет белой шеей.

В пучках осенней травы или в зарослях болотных растений ржавый окрас лисицы сливается с окружающим фоном. В бронзовых тонах можжевелового куста лисица малозаметна. В сосновом моховом болоте, когда лисица неподвижно стоит на мху около сосен, оттенки ее меха тоже сливаются с цветом сосновых стволов и мохового ковра. В тенистых елях туловище лисицы кажется темнее, а ржаво-седой хвост с витыми полосами черной шерсти похож на широкую еловую ветвь.

У лисицы, когда она охотится, слух, зрение, обоняние, а иногда и осязание находятся в совместной работе. Только разве при гоньбе по-зрячему слух и обоняние не участвуют.

Слух у лисицы превосходный — острый и верный. Он воспринимает звук на большом расстоянии от его источника и различает самую незначительную разницу в тонах. Показателем остроты слуха служит способность

лисицы слышать попискивание или шуршание мыши под толщей снега. Это установлено как наблюдением за мышкованием лисицы, так и при охоте на лисицу с манком, воспроизводящим мышиный писк. К разносторонним качествам слуха лисицы надо отнести и способность его точно определять местонахождение источника звука. Лисица способна слышать звуки, не доступные слуху человека.

Как и у всех зверей, острота зрения лисицы главным образом сказывается в том, что она способна заметить малейшее движение предмета. Еле заметное колебание былинки, по которой взбирается божья коровка, не ускользнет от внимания лисицы. Она прекрасно замечает, подкрадываясь по запаху к затаившемуся выводку тетеревов, как метельчатая трава слегка начинает шевелиться, чуть задеваемая уходящими от опасности птицами. Малейшего покачивания осоки, в которой бродят утята, лисица тоже не проглядит даже издалека. Зверь различает также, ветер ли колыхнул траву или птица.

Подкравшись к двигающейся в траве добыче или зачуяв затаившуюся поблизости добычу, лисица делает прыжок в то место, где затихло последнее движение травы.

Лисица глядит обычно вниз — на поверхность земли, снега, на траву. Но, приподняв голову, она быстро и легко замечает несущегося вдали русака или летящих птиц. Лисица способна легко замечать только движущееся тело; неподвижные предметы почти не привлекают ее внимания.

Сказать, насколько развито чутье лисицы, нельзя. Но, приняв за мерило прекрасное чутье легавой собаки, можно думать, что лисье чутье не превосходит его.

Мы уже говорили об особенностях строения лисицы, о способности ее делать гибкие движения передними лапами, которыми лисица нащупывает самых мелких животных. Чтобы обнаружить мышь в рыхлой разрытой земле, в пучках травы, в жнивье, в хворосте, нужно очень хорошее осязание. Благодаря ему лисица легко находит в земле и во мху гнезда шмелей и мышей.

В полосе хвойных лесов лисица умеет найти для себя укрытые места, где она спасается от преследования, от непогоды и отдыхает. Ели, с низко расположенными опахалами веток, сосновая чаща молодняка, поверх которого

зимой крышей лежит снег, дают ей надежный заслон от непогоды; сосновые моховые болота с кочками скрывают все ее туловище, когда лисица идет между ними. Ее окрас вполне сливается с такой местностью. Моховые кочки — прекрасная «подушка»; недаром лисица часто пользуется ими для отдыха, свертывается на них калачиком.

Леса лиственные, тем более смешанные, с подсадом кустарников, являются также местом обитания лисицы.

В степях лисица отдыхает и спасается от врагов в оврагах, поросших кустами; в местах, заросших сорняками; в островках леса или в зарослях поймы реки, среди кустарника или тростников.

В защите от врагов степной лисице сильно помогает ее окрас. Он очень близко подходит к окружающей обстановке. Светлый мех степной лисицы почти сливается с бледноохристой выгоревшей к осени растительностью.

В горных местностях лисица прячется в расселинах скал или в пустотах под каменными плитами. В степях полупустынных укрытиями ей служат незначительные пучки растительности и нóры. Здесь защитный цвет шерсти помогает лисице остаться незамеченной. Лисица-корсак живет на светлых почвах среди редкой и низкорослой травы; серебристый мех ее очень подходит под общий фон полупустыни.

В лисице развита потребность хорошо укрыться от непогоды в норе или другом убежище. Мех лисицы быстро намокает от дождя. Влажный снег, особенно падающий на лисицу с веток, увлажняет и нежный ее подшерсток. Конечно, лисица умеет ловко встряхиваться по-собачьи. Но при изменчивой температуре снег, набившийся в шерсть, все же частью либо тает, либо замерзает сосульками. Это беспокоит лисицу: промокшая шерсть холодит, обмерзшая шерсть стесняет движения и нарушает нормальное самочувствие зверя.

В оттепель мы однажды выслеживали лисицу. Погода была мягкая, серая, моросил дождь. Небо сплóшь затянуто серыми облаками; освещение тусклое. Веселил лисий следок, по которому мы шли втроем в надежде обложить лисицу в одном из участков частого мелколесья, километрах в двух. Местность, по которой мы шли, представляла собой пустошное угодье: торчали кое-где пни, местами по нивам виднелись над снегом кончики жнивья;

на сенокосных участках попадались сараи с сеном. Снег был еще неглубок. Лисьи следы по мокрому снегу отпечатались в малейших подробностях.

Пройдя мимо сарая, мы удивились: след лисицы вдруг куда-то исчез, словно растаял. Он оставался все время между нами и при таких условиях не мог уклониться в сторону незамеченным. Пришлось вернуться к следу и проверить его направление. Никакой ошибки не оказалось: лисица шла вперед, и цепочка ее следов обрамлялась с боков нашими следами. Куда же она делась? И когда мы снова увидали на нашем пути сарай, мы сразу поняли. След лисицы дошел до сарая и исчез; под сараем снега не было и лисьи лапы перестали давать отпечатки.

Мы окружили постройку. Сарай углами поставлен был на отдельных крупных камнях. Снизу, под нижними бревнами сруба, образовался зазор примерно в две ладони.

Нас было трое. Я встал с ружьем на одном углу сарая, охраняя таким образом две его стороны; двое моих товарищей охраняли каждый свою сторону. Они легли и тщательно оглядели землю под сараем. Тусклое освещение, темный фон земли не дали возможности увидеть лисицу. Тогда, взяв по хворостинке, они стали было шарить под сараем, но тут полным ходом — без малейшей задержки при выходе из-под сарая — вынеслась лисица, будто она уже давным-давно разбежалась по полю. Чтобы не повредить шкурку, я отпустил ее шагов на двадцать пять и выстрелил.

Известна потребность лисицы рыть норы, а также пользоваться готовыми норами, например покинутыми барсучьими или сурковыми, и укрываться под камнями. Иногда лисицы поселяются даже в занятых барсуком норах, завладев частью помещения. Не все лисицы, однако, пользуются норами постоянно. Некоторые, в зависимости от защитных свойств местности, обходятся без нор. В еловых лесах норы встречаются реже. В местности с преимущественно лиственными лесами или сосновыми борами, а тем более в степи потребность лисиц в норах увеличивается и норы встречаются чаще. В таких местностях лисица для вывода детенышей обязательно устраивает норы. Пользуются норами частенько и бессемейные лисицы, как самки, так и самцы.

В зависимости от общего вида местности лисица занимает под нору довольно большое место, например небольшой холм, бугор, или устраивает себе гнездо в корнях дерева. К основному ходу ведет наторенная тропа. Вход в нору сглажен, стенки коридора будто облицованы. Кроме главного, имеются запасные выходы-отнорки, обычно малозаметные и замаскированные травой или кустарником. К некоторым ведут малозаметные следы, к другим никаких признаков подхода нет. Такой способ пользования одним ходом и потребность иметь запасные — на случай опасности — свидетельствуют об осторожности лисицы.

Зимой повадка лисицы пользоваться одним главным ходом подтверждается с несомненностью. Главный ход один носит отпечатки следов, с желтизной на них от осыпающейся с лап земляной пыли. Все же остальные ходы-отнорки запорошены снегом и не имеют отпечатков следов.

Местность, где поселяется лисица, служит ей охотничьими угодьями и включает в себя места для отдыха и вывода детенышей. Это — «коренной район» зверя. Если коренной район обозначить кругом, то диаметр этого круга будет приблизительно в шесть-десять километров.

Лисица привязывается к своему местожительству, если в районе достаточно для нее пищи. Как и всякий крупный хищник, лисица охраняет свой район от заселения себе подобными и даже более мелкими конкурентами. В противоположность волку она живет и охотится в одиночку.

Гоньба (течка) лисиц в центральных районах СССР начинается в середине февраля. Прежде молчаливый зверь начинает теперь — особенно на вечерней заре и по ночам — учащенно подавать голос. Этот хриплый отрывистый звук имеет сходство со взлаиванием щенка. В это время лисицу часто можно встретить днем и в лесах и в полях. Нередко удается увидать и группу лисиц. Самцы частенько затевают драки, нанося друг другу серьезные ранения.

Самка носит детенышей 51—52 дня. Количество лисят в помете колеблется от четырех до восьми, бывает и больше (до двенадцати). Лисята родятся темными и слепыми. Их носы не имеют типичной заостренности, которая придает лисьей голове форму треугольника и выра-

жение настороженности, любопытства и живости. Кончик хвоста у новорожденного лисенка белый.

Шестинедельные лисята уже проявляют самостоятельность и способны на некоторые охотничьи маневры и приемы. Мать учит их убивать зверьков и птичек, приносит им раненых мышей, лягушек и даже змей. Гибкость и изящество в движениях проявляются у лисят очень скоро. Лисята очень сварливы и часто дерутся.

Семейная жизнь коротка. К осени молодняк начинает вести самостоятельную жизнь. Если лисята время от времени еще встречаются между собой, возвращаясь к гнезду и к матери, то встречи эти недружелюбны.

Скоро лисята рассыпаются по окрестности, занимая свои самостоятельные районы. Осенью и в начале зимы эти районы еще значительно меньше описанного выше коренного лисьего района. Некоторые лисята нередко живут хоть и врозь, но по два, по три на площади, занимаемой обычно одной взрослой лисицей.

Если в этой местности вывозится для будущих зимних охот привада, то обеспеченность питанием прикрепляет лисиц к данной небольшой округе на долгое время. Вот где можно успешно поохотиться! Я помню, как при своевременно вывезенной и обновленной приваде приходилось в одном небольшом окладе затягивать флажками по три, а один раз четыре лисицы, не говоря уже про частые случаи охоты на двух лисиц в одном окладе.

* * *

Лисица — преимущественно ночное животное. Крупным четвероногим хищникам не приходится вести исключительно ночной или дневной образ жизни. Необходимо приспособляться к охотничьим возможностям и к образу жизни тех животных, которые служат им пищей. А в числе их имеются и дневные, и ночные. Понятно, что расписание суточной жизни лисицы находится в тесной зависимости также от степени ее сытости. Совершенно сытая лисица способна отдыхать и сутки, не выходя на охоту, голод же не дает ей засиживаться на одном месте.

Самое выгодное для хищника время охоты — вечерние и утренние зори. Ночные животные выходят вечером на кормежку, поэтому чаще и легче обнаруживают себя движениями и свежими следами. Дневные животные после

ночного отдыха деятельно встречают день на утренней заре. Как общее правило, все же надо признать, что лисица без острой необходимости не нарушает своего дневного отдыха.

Но вот представился случай поживиться очень интересной и вкусной добычей — домашней птицей. На эту охоту лисице обязательно приходится выходить утром или днем, потому что ночью домашняя птица находится во дворе. Применившись к выходу кур на определенный участок в определенные часы дня, лисица бежит по полям, опасаясь возможной встречи с человеком. Она успокаивается, входя в густую высокую рожь, где чувствует себя в полной безопасности. Рожь подходит к самым гумнам, а около них, на скошенной траве, то здесь, то там разгуливают куры.

Лисица забредает во все уголки ее коренного района и даже за пределы его. Недоумеваешь иной раз, с какой именно целью оказалась она и сделала наброды в совсем, казалось бы, пустом месте.

Лисица часто посещает возвышения. Она взбирается на сенные стога, очевидно, не только для того, чтобы поискать мышей, но и для того, чтобы осмотреть с высоты окружающую местность. Она не прочь полежать на таком «пружинном матраце», свернувшись калачиком. Она способна взбираться даже по наклонному дереву. Мне однажды удалось видеть лёжку лисицы на ветвях двух скрестившихся елей, одна из которых с наклоном сорок пять градусов лежала на второй. Лисица выбрала себе лёжку в семи-восьми метрах от земли, на густом сплетении ветвей обеих елей. По наклонному дереву, запорошенному снегом, к лёжке шли лисьи следы.

Лисица не упустит случая зайти в поросшее елями болото, где обыкновенно живут зайцы-беляки, исследовать все тропы, проведать лежащую у опушки сломанную верхушку осины, изглоданную зайцами. Часто благодаря осторожному подходу или подкарауливанию ей удается тут же схватить беляка. Она, конечно, не пропустит поляну с высокими березами, на которых так часто сидят тетерева перед тем как зарыться в снег у подножия деревьев.

Лисица подробно исследует поля, проходя межами по жнивью. Она спускается в низины и долины, где около кустов можжевельника виднеется заячий след; здесь ли-

сица, если не поймает зайца, воспользуется можжевеловыми ягодами. Она заходит на озими, где держатся русаки и серые куропатки, часто пробирается у самой дороги, идет по ней несколько шагов. Вглядываясь в рисунок ее следа, так и представляешь себе лисицу, продвигающуюся крайне настороженно.

Волк и орел — лютые враги лисицы. Особенно много лисиц гибнет от волков.

Наблюдательность лисицы при развитом слухе, зрении и чутье, осторожность и защитная ее окраска часто спасают лисицу от гибели.

Ворон, ворона и сорока невольно помогают лисице, хотя и докучают ей своими голосами и приставанием на лёжке и при встречах. Многие животные, тем более хищные, различают гортанные звуки ворона, карканье воро́ны, стрекотание сороки; они либо уходят, чтобы укрыться, либо спешат на место поднятого птицами галдежа.

Отношение человека к лисице иное, чем к волку. Если, встретив волка, проезжий или прохожий громко кричит, грозит волку рукой, палкой, а видя, что волк уходит от такой встречи дальше и дальше, делает несколько шагов вперед, как бы преследуя волка, то, встретив лисицу, человек смотрит на нее с любознательным интересом и с желанием заполучить красивую шкурку.

Лисица не живет за счет человека, если не считать некоторых грешков — потаскивать иногда домашнюю птицу. Лисица не так боится человека, как волк.

Однако при частых охотах на лисицу, при преследовании ее она настораживается до крайности.

II. СПОСОБЫ ОХОТЫ

Охота нагоном. Один из приемов охоты нагоном — осенняя облава, применяемая на выводки волков, — не применима к лисицам.

Признаки, по которым определяется местонахождение волчьего выводка, — вой, тропы, ведущие к водопою, и др., — не пригодны для определения места жительства лисьей семьи. Но если оно даже известно, то облавой не выставишь лисиц на стрелка, потому что звери скроются в нору и там затаятся.

Имеется еще одно серьезное препятствие для организации осенней облавы на выводок лисиц. Оно кроется в различном образе жизни лисиц и волка. Волки живут группой или семьей, лисицы — одиночками. Срок совместной жизни лисят с матерью короток, и уже к началу осени мать отгоняет лисят.

Не надо, кроме того, забывать и различие в охотничьем законе в отношении к волку и к лисице. Волка разрешается уничтожать круглый год, независимо от сезонного качества его шкуры. Лисица же признана полезным зверем, поэтому охота на лисицу разрешена только в сроки, когда мех ее после линьки станет зимним — полноволосым.

Лисиц приходится стрелять при позднеосенних облавах, устраиваемых на зайца и на птицу, при так называемых смешанных облавах, когда случайно в участке, предназначенном для смешанного загона, попадется и лисица.

Остальные способы охоты нагоном — зимняя облава на лисицу, псковский способ и охота с флажками — в отношении подготовки и техники охоты в основном такие же, как и на волка. Необходимо, однако, упомянуть о незначительных особенностях охоты нагоном на лисиц. Загонщики проходят оклад медленно, более подробно обследуя чащи и крепи, вообще те места, где лисица имеет обыкновение затаиваться. Лисица позже, чем волк, выходит на стрелковую линию.

При охоте с флажками нижний конец флажка должен касаться поверхности снега. Лисица, как упоминалось, смотрит главным образом понизу и при таком способе подвески флажков имеет возможность своевременно их заметить. Кроме того, низко подвешенные флажки уменьшают возможность прорыва зверя через флажную линию, потому что зверь большей частью проходит под шнуром и боится скакать через него.

Для стрельбы лисиц при охотах нагоном в лесу подходят номера дроби 1—3, а при стрельбе в поле, ввиду возможности произвести выстрел на большом расстоянии, полезна нолевка.

Охота с ловчей птицей и на засидках по приемам та же, что и на волка.

Охота с гончей. Трое опытных охотников с парой хороших гончих вполне удовлетворяют требованиям этого способа охоты.

На лисиц удобнее начинать охоту с самого раннего утра, т. е. нужно быть уже на месте к рассвету: лисица на зорях очень деятельна, и поэтому больше вероятности пересечь свежий лисий след или даже увидать ее.

Когда известно местонахождение лисьих нор, выгодно предварительно двоим охотникам занять подходы к этим норам, а третьему напустить гончих от полей и двигаться полями, следя за тем, чтобы гончие не задерживались на заячьих следах (во избежание гона по зайцу). Из-под гончих лисица идет сначала кругами по лесу, но, слыша упорное преследование, направляется, в конце концов, к своему убежищу — норам — и, при правильном выборе стрелками подступов к ним, попадает под выстрел. При отсутствии нор для ускорения охоты можно произвести подготовку. Ранним утром надо обнаружить мышкующую в поле лисицу и набросить, как говорят гончатники, собак. Гон собак по лисице азартнее, чем по зайцу, и без перебоев, как это бывает по зайцу, который часто делает петли. Лисица, застигнутая вне своего места жительства, обычно не кружит, а напрямик бежит к своему коренному району, иногда отстоящему за несколько километров. В отличие от русака она избегает ходить под гончими открытыми местами и обыкновенно спешит в лес, предпочитая чащу. Охотник, который знает лисью повадку — перебираться из одного лесного участка в другой под прикрытием растительности, — легко сумеет выбрать и занять верный переход.

В сплошных лесных участках гончих набрасывают сразу и, подвигаясь, ждут, когда они нападут на лисий след.

При охоте с гончими на зайцев полезно кричать, порскать, щелкать арапником, не стесняясь нарушать безмолвие леса, стараясь согнать зайца с лежки и помочь собакам скорее напасть на свежий след.

На охоте за лисицей полагается только легонько посвистывать, чтобы давать о себе знать собакам. В отъемных местах, окруженных со всех сторон открытой местностью, стрелки должны сначала занять свои номера, после чего уже в отъем набрасываются гончие с противоположной стороны.

Травля борзыми. Охота с борзыми подразумевает два приема: охоту островную (от слова остров — небольшой отдельный лес) и охоту в наездку.

Островная охота производится с помощью гончих. Гончие должны выгнать зверя на чисть — в поле, где за заслонами расположены борзятники. Назначение гончих сходно, таким образом, с ролью загонщиков, а борзые при борзятнике заменяют ружье.

Охота в наездку производится без гончих. Борзятники на конях, держа на сворах борзых, едут по полям развернутым строем с несколько закругленными флангами и зорко осматривают стелющуюся перед ними ширь полей. Заметив лисицу, они указывают ее борзым, и начинается скачка. Охота эта производится не только на лисиц, но и на зайцев.

Встретив на пути места, где зверь может залечь, например кочкарник, высокие бурьяны, овражки, кустики, борзятник должен свернуть к такому местечку и покричать или похлопать арапником, чтобы выгнать зверя.

Как только замеченная лисица побежит, охотник вполголоса дает знать собакам и, убедившись, что собаки заметили зверя, спускает их со сворки.

Далеко не всегда удается собакам словить зверя. Обычно следует не одна угонка — промах. Борзая на таком быстром ходу то ошибается в броске, то зверь скинется в сторону, а борзая не успеет изменить первоначально принятое направление; иногда зверь заляжет и борзая пронесется через него.

Когда собака начнет ловить зверя, охотник спешит к ней на коне и подбадривает ее громким голосом.

Указание на замеченную лисицу борзятник делает собакам слогами «у-лю-лю», а на зайца — «ату-ату».

Травит зверя тот охотник, ближе к которому зверь соскочил или подбежал.

Охота в наездку производится осенью и при неглубоком снеге.

Охота скрадом. Охотиться скрадом можно осенью и зимой. Зимняя охота значительно интереснее. Выследить на поле мышкующую лисицу легче на снегу: ее нетрудно разыскать по следам, да и сама она на снежной белизне виднее, чем на фоне бурых тонов осенней растительности. Кроме того, снег оказывает незаменимую услугу для розыска подраненного зверя. Часто раненая лисица, скрывшись за пригорок и отбежав всего сотню-другую метров, валится мертвой.

Охота скрадом в местности напольной, где много лисиц, производится успешно.

Лучше всего охотиться скрадом в одиночку, во всяком случае не более чем вдвоем. В последнем случае оба охотника должны быть опытны и понимать друг друга без слов, иначе один другому помешает. Одежда необходима защитного цвета, соответственно сезону и погоде. Бинокль может сильно помочь, сократив время розыска лисицы. Не имея бинокля, заметив на большом расстоянии что-то схожее по форме и цвету с лисицей, много времени теряешь на выяснение предмета, подвигаться к которому необходимо с величайшими предосторожностями и медленным шагом. Все труды часто оказываются напрасными, если замеченный издали предмет не что иное, как красноватый камень.

Лучшее время для охоты скрадом — зóри. На месте надо быть с рассветом, лишь были бы видны следы. Подвигаться следует медленно, пользуясь заслонами, оглядывая даль и не пропуская лисьих следов. Надо стараться придерживаться лисьих переходов и часто приостанавливаться. Бывает, что ни лисицы, ни следов ее не видно, но в местах переходов она может внезапно показаться из-за какого-нибудь пригорка или кустика. Нужно своевременно увидать зверя, но самому остаться незамеченным.

Заметив лисицу, необходимо зорко за ней следить из-за прикрытия и, пока она исследует облюбованные ею места, по возможности двигаться так, чтобы ветер шел навстречу или поперек хода охотника.

Лисица очень увлекается мышкованием. В это время к ней подходить надежнее всего. Надо быстро наметить путь, сообразуясь с заслонами, которые нередко отводят охотника в сторону, и не терять ни минуты; но подкрадываться надо, помня направление ветра. Беда, если не успеешь своевременно сделать пробег от заслона к заслону и окажешься на виду. Лисица не так долго задерживается на одном месте.

Предвидя, что застать лисицу на месте не удастся, надо предугадать (по замеченным ходам и переходам) направление, которое она примет, и постараться занять переход. Нельзя терять терпение. Лисица, направляясь в одну сторону, часто изменяет свой ход, возвращается и подвигается снова к охотнику теми переходами, которые он предусмотрел.

Но вот лисица снова замышковала. Охотник спешит к ней от заслона к заслону.

Какое волнение охватывает охотника, когда расстояние между ним и лисицей все сокращается и становится почти доступным выстрелу! Охотник уже готовится к выстрелу. Но благоразумие велит сделать еще одну перебежку до следующего куста — на верный выстрел. Правда, этот куст реденький и низенький; это еще больше волнует. Охотник решается на перебежку. И вот, пользуясь тем, что лисица начала рыть лапками узенькую ямку и припадает к ней носом, охотник перебегает.

В этот момент лисица перестает рыть, отходит на шаг и, подняв голову, смотрит прямо на куст, за которым стоит охотник. Сноп дроби ударяет по лисице, она делает два-три броска и растягивается замертво во всю свою длину. Большая, темная, красивая лежит она. Быстро поднимает ее охотник за задние лапы, а толстый черновато-ржавый хвост, заваливаясь за спину, белым кончиком, как пуховкой, задевает его лицо.

Охота на манок. Все охоты, протекающие на открытых местах, дают возможность увидеть зверя еще до самой охоты и наблюдать за ним с начала охоты и до конца.

И то и другое волнует каждого охотника. Волнение усиливается еще опасением, что зверь заметит охотника из-за незначительности заслонов на чистом месте, несмотря на одежду защитного цвета. Такие ощущения дают бодрость и радость. Они приучают человека к выдержке, к умению быстро и верно оценивать поведение зверя.

Охота на манок по своей подготовке очень схожа с охотой скрадом. Та же обстановка, та же основная цель: попасть на переходы лисицы, найти ее. То же осмотрительное поведение охотника и зоркий осмотр местности.

Лучший сезон для охоты на манок — зима, но можно охотиться и осенью.

Манят лисицу звуком, подражающим либо писку мыши, либо крику зайца. На звук, подражающий писку мыши, лисица идет с большой смелостью, на подражание крику зайца — не так доверчиво. Это и понятно: мыши пищат при драках между собой. При нападении ястреба, горностая, хорька и более крупных хищников мышь и пискнуть не успеет. А крик зайца часто раздается, когда его хватает собака, орел или когда человек берет раненого зайца. И лисица приближается к месту крика с большой осторожностью. Единственное преимущество подражания крику зайца то, что звук разносится на зна-

чительно большее расстояние. Но и писк мыши лисица слышит на большом расстоянии, особенно при хорошей, сухой погоде.

Многие охотники хорошо подражают крику зайца и писку мыши без манка, при помощи собственных губ и руки.

Увидев лисицу на большом расстоянии, надо попытаться предугадать пути ее дальнейшего следования и занять такую позицию, чтобы ветер шел от лисицы или поперек ее хода к охотнику. Если лисица не приближается, вертясь все на одном месте, или удаляется, следовательно, не слышит писка манка, тогда можно манить голосом зайца. Манить надо осторожно, не злоупотребляя этим средством. Как только лисица явно направится на голос, надо перестать манить. Лисица отлично определяет место, откуда доносятся звуки. Лисицу, которая слышит манок, но не подходит, манить бесполезно: ее не переупрямишь — это лисица пуганая. Лучше попытаться найти другую.

Лисица зорка и вдобавок определяет слухом место, откуда доносится звук; следовательно, туда же направлен ее взгляд. Эти свойства лисицы заставляют обязательно прибегать к заслону и одежде защитного цвета.

Когда лисица приближается, охотник должен соблюдать полную неподвижность. Поднимать ружье можно в то время, когда лисица движется и не глядит на то место, где находится охотник.

При промахе или ранении зверя надо спокойно оставаться за заслоном и незаметно перезарядить ружье. Случается, при соблюдении осторожности, добыть лисицу со второго и даже с третьего выстрела.

В угодьях, где лисиц много, можно, не обнаружив зверя, засесть на место лисьих переходов и подавать изредка голос в манок. При этом необходимо выбрать место в соответствии с направлением ветра. Неумелый выбор места может повести к тому, что лисица подойдет сзади охотника или со стороны, за сугробами, низиной, под взгорьем.

Охота с манком на зорях в местности, изобилующей лисицами, дает хорошие результаты.

Ловля капканом. В продаже имеются специальные лисьи капканы. Вес лисьего капкана невелик: в среднем семьсот граммов. Качество металла и работы играет громадную роль.

Установка капканов на лисиц различается прежде всего по месту установки и по сезону.

Капканы устанавливаются на переходах лисиц, у привады или у норы. Ставятся они по черной и белой тропе. Самый верный способ — установка на переходах. Техника подготовки капканов и установка те же, что и на волка. У привады капкан ставят после того, как зверь будет приважен к приманке. Когда лисица повадится и съест одну порцию, приваду возобновляют и прикрепляют к вбитому колу, а кругом треугольником или квадратом расставляют капканы.

Проще и вернее пользоваться всего одним капканом, который устанавливают следующим образом.

Между лисьей тропой и местом для приманки выбирают пень или дерево. В корнях пня или дерева со стороны тропы делают нору сантиметров в сорок. В глубину норы кладут приманку, а не доходя до нее, сантиметров в тридцати от входа, устанавливают капкан, прикрепленный, как и во всех случаях, цепью к колышку, к валежнику, к дереву или чурке. Устанавливать капкан у лисьей норы не следует. Посторонний запах вообще, в том числе, конечно, и следов капканщика, всегда настораживает зверя, а тем более у его жилища. Приходится предпочесть установку капкана на лисьих переходах без всякой приманки.

Идет ли своей тропой молодой зверь или наученный опытом, бывавший в переделках, — внимание его на знакомой, изо дня в день посещаемой тропе, где он никогда не встречал опасности, не насторожено. Ведь не только во время сна отдыхают нервы зверя, — они пользуются некоторым отдыхом и в то время, когда нет опасности. Даже охотничьи инстинкты зверя дремлют, когда он идет по своей тропе к определенной цели, по местам знакомым и безопасным. И если некоторая настороженность появляется на иных участках пути, то на других она ослабляется. Вот тут-то и попадает зверь в капкан.

Перехитрить зверя, раскинуть широкую сеть капканов и при проверке их через день-два приносить домой по лисице — немалая радость для охотника.

Добывание в норах. Казалось бы, чего проще: найдя нору, выгнать из нее лисицу и тут же пристрелить. А на деле, если вы человек нетерпеливый, горячий, а стрелок не очень хороший, — так лучше за это дело и не браться.

Повадилась лиса в барсучью нору. Вошла в просторное подземное жилище — три этажа один над другим; этажи соединены коридорами, от «жилых комнат» идут тупики; тут и «уборная». Один вход внутрь пошире, он весь сглажен, земля на полу прибита, — видно, им часто пользуются; кроме него, еще четыре или пять отнорков — запасных выходов на случай опасности. В них не видно следов зверя, их выходы на поверхность не сразу найдешь; хитро подведены выходы под куст, в густую траву, под коренья, за холм.

И вот извольте вызвать лисиц из этого прекрасного подземного убежища! Лисица не собака — на зов не выйдет. Багром ее там не подцепишь. Забьется в тупик и просидит в нем сутки, двое, трое — терпение лопнет ждать. Раскопка же нор запрещена законом.

Охота на лисиц в норах проводится с собаками специальных пород — таксами и фокстерьерами.

Такса при первом взгляде на нее обычно вызывает смех: это маленькая, совсем низенькая, узенькая и длинная-длинная собачка, на ножках до смешного коротких, как бы вывихнутых в коленках и необыкновенно далеко расставленных. Кажется, что на такое длинное туловище слишком мало четырех ног. Однако смех того, кто знает назначение таксы, сейчас же переходит в восхищение нелепой с виду собачкой: тело таксы отлично приспособлено для проникания в узкие норы, короткие кривые ножки — для рытья земли и ползания в норе.

Выведена эта порода из гончих. Таксы — легко поддающиеся дрессировке, поразительно злобные собачки, охотно схватывающиеся с быстрым лисовином и с угрюмым барсуком. Масть их рыжая или черная с желтыми подпалинами.

Фокстерьер очень подвижен, невысок на ногах, масти обыкновенно белой с черными пятнами. Особенно хороши на охоте жесткошерстые фокстерьеры с мордой, покрытой торчащей во все стороны щетиной.

Прежде чем пустить собак в нору, охотники с ружьями становятся у всех отнорков и у главного выхода. Спущенные с поводков собаки сейчас же исчезают в норе и очень скоро (конечно, если зверь окажется в норе) подают голос. С волнением прислушиваются к нему охотники: ведь им понятен каждый звук, доносящийся из подземелья.

Странно и удивительно слышать у себя под ногами собачий лай и визг. Приглушенный толстым слоем земли, знакомый голос собаки звучит совсем по-иному. Подземный гон начался. Лай подвигается от края холма к середине. Он кружит. Вот остановился на одном месте: значит, собака загнала лисицу в отнорок. Слышатся вдруг визг и хриплый лай лисицы: враги схватились там, под землей, в темноте. Чутко прислушиваются охотники, а глаз нельзя отвести от норы: лисица может обратиться в бегство, — и ахнуть не успеешь, как она мелькнет из норы мимо тебя в кусты. Глухо доносятся звуки борьбы. Там все перемешалось — лай, визг, хрип — и все на том же месте.

Разом смолкли голоса. Кто одолел? Неизвестно...

Из-под земли доносится глухое ворчание. Кто-то скребется там. Кто-то лезет к выходу...

И вот показался рыжий узкий хвост-прутик, кривые рыжие ножки — и задом выпячивается из норы такса, вся облепленная землей, окровавленная. Злобно ворча и фыркая, она вытягивает за собой на свет молодую лисицу.

Красивая шкурка добыта без выстрела.

Надо сказать, что наиболее ценны шкурки чернобурых лисиц. Если эта лисица скрещивается с красной лисой, то потомство их имеет шкуру искрасна-коричневого цвета. Такая лисица носит название сиводушка. Она чаще встречается в Сибири *.

---

* Сейчас в Советском Союзе широко практикуется разведение серебристо-черных лисиц. Для этого организованы специальные питомники — зверосовхозы, колхозные зверофермы. — *Ред.*

ЗАЙЦЫ

В сезон полевых цветов людей влечет в поля и перелески.

Празднична летняя одежда земли. Всюду кипучая жизнь на виду, всюду скрытая жизнь в ветвях и травах.

Из всех зверей чаще всего видишь зайца. Идешь по тропинке полем, вдруг рядом всколыхнется травка... Впереди удирает крупный заяц. Откуда он сорвался? Почти рядом, где около камня всколыхнулась травка, в мшистой земле — продолговатая ямка.

Ступишь в закраек соснового болота у поля, станешь оглядывать вокруг себя цветной пышный мох, а сбоку, в двадцати шагах, вытянувшись коричневой тумбочкой, сидит заяц, пялит глаза на тебя. Да видит ли он? Близорук, что ли? Сосенки редки, я не мал ростом. Надо бы ему бежать, а нет — сидит! И порядочный: охотники такого, когда срок придет, не милуют.

Чуть двинешься — сразу исчезает тумбочка. Сгорбится и прыг-прыг, вяло сперва, потом поскорей, повыше прыжок, еще скорей, еще выше. Мои ноги вязнут во мху, а он, как от доски, отскакивает.

...Между беляком и русаком много сходства, но немало и различий.

Беляк меньше и легче русака. Вес взрослого беляка колеблется от трех до четырех килограммов и редко достигает пяти килограммов. Вес русака обычно пять килограммов. Неопытные охотники не всегда умеют различать беляка и русака в летней шерсти, а зимой по снегу — русачий след от белячьего.

Летняя шерсть беляка рыжевато-серая, а хвост дымчатый. Волос стоит ровно, без всякой волнистости, заметной у русака. Зимой беляк белоснежен, лишь кончики ушей остаются черными.

Какое спасение для беляка его белая зимняя одежда, когда кругом снег! Лежащего в снегу беляка трудно увидать. Глядит иной охотник на снег, глазами пробегает по лежащему в десяти шагах зайцу и не замечает его. Чаще всего черные кончики прижатых ушей и особенно темный глаз беляка выдают притаившегося зайца.

Охотникам хорошо известно, что беляки при затяжной теплой осени белеют несколько позже, при раннем приближении зимы — несколько раньше. Заяц-песчаник (толай), живущий в Забайкалье, не белеет.

Общий тон летнего окраса русака серовато-желтый. На шее и передних лопатках он светлеет, переходя в рыжеватый. По хребту с бурым чередуется блестящий черный волос. Спина от этого темнее, а волос на ней несколько вьется. Зад и ляжки серебристо-серые с черными волосками. Брюшко белое. Зимний окрас русака отличается от летнего белесовато-серебристым, за исключением спины, оттенком. Серый цвет принимает лиловатый оттенок. В средней полосе РСФСР бока русака сильно светлеют зимой.

Хвост русака длиннее и у́же, чем у беляка. Посередине хвоста русака проходит черная полоска, опушенная серо-белой шерстью. Как летом, так и зимой по этой полоске на хвосте легко отличить русака от беляка.

Лапы беляка шире и круглее русачьих. У русака лапа узенькая и более продолговатая. Задние лапы зайца, как пружинистые рычаги. Раненого зайца следует держать за задние лапы, в другом положении он сильно бьет ими и может серьезно оцарапать когтями.

Часть задних ног зайца от пальцев до сгиба называется пазанкой. Когда зайцы сидят или тихонько передвигаются, например на кормежке, пазанка ложится на землю или на снег плашмя во всю длину, образуя по от-

ношению к остальной части ноги почти прямой угол. А как только заяц пойдет быстрее, пазанка касается земли только частью (лапой).

Зайцы прыгают, переставляя лапы попарно — обе передние и затем обе задние. На кормежке передвижения медленны и следы находятся близко друг от друга. Невелики промежутки между попарными следами и при ходе на лежку, кроме прыжка — скидки. Совершенно иной, значительно больший, разрыв получается, когда заяц убегает от опасности, — это гонный след. Тут промежуток между следами каждой пары лапок обозначает длину прыжка. Разрывы эти достигают двух метров и даже больше, в зависимости от скорости бега зайца.

Следы беляка и русака носят отпечаток разного строения их лап. След беляка очень крупный. Беляк широко растопыривает свои четыре длинных пальца на задних ногах. Еще шире кажется след беляка, когда подтает от солнечного пригрева, — он расплывается.

У беляка и русака лапы приспособлены к той среде, в которой они обитают. Коренным местом обитания беляка служит лес, а русака — открытые места: степь, луга, поля.

Беляк, широко расставляя пальцы задних лапок, легко пробирается по рыхлым и глубоким снегам леса, не тонет в них, равно как и по пухлому покрову моховых болот, по хворосту и стелющимся ветвям кустарника. Бег беляка уступает в резвости бегу русака. Заслоны на пути беляка, заставляющие его в лесу идти ломаной линией (зигзагами), уменьшают скорость его бега по сравнению с продвижением по более прямой линии, например по поляне. Но те же зигзаги на бегу помогают беляку спасаться от настигающего врага.

Беляк живет в больших лесах, но держится и в отъемных лесных островках поблизости от большого леса. Беляк встречается в казахской и башкирской степях. Он живет на открытых местах, придерживаясь кустарников по берегам водоемов. Любимое местопребывание беляка — смешанный лес, в котором есть заросли осины, осоковые болота с ивняками, еловые и сосновые острова с подсадом молодняка, вырубки и лесные полянки.

Живя в лесу, беляк чаще слышит опасность, чем видит ее. Это развило в нем потребность таиться. Скрываясь от опасности, беляк раньше и чаще, чем русак, при-

бегает к залеганию. На ходу он чаще, чем русак, приостанавливается, пытаясь увидать врага. Однако беляк делает это лишь в том случае, когда до его слуха не доходят звуки, говорящие о близкой опасности. Если приближающийся шорох затих, беляк боится стремительно бежать вперед. Он вслушивается, сперва приподнявшись, потом присев на задние лапы, потом мало-помалу склоняется ниже, плотнее прикладывает уши и снова затаивается.

У обоих видов зайцев укрепилась стойкая повадка очень далеко не отходить от лежки, с которой их потревожили. Спасаясь от преследования, зайцы сначала идут по более или менее прямой линии, а затем начинают делать круги, то сокращая, то расширяя их и неоднократно проходя в близком расстоянии от покинутой лежки. Молодые зайцы делают круги поменьше, чем старые.

Круги беляка значительно меньше русачьих. На кругах беляк часто пытается выбрать себе какое-нибудь закрытое место и залечь. Следы его идут взад и вперед, прыжки — то в одну сторону, то в другую. Залегания беляка сбивают собаку или лисицу. Преследователи на таких местах чуют запах беляка, но не всегда могут быстро определить, куда ушел заяц. Запах доносится то с одной стороны, то с другой, то слабеет. Пока враг ищет вокруг кочек и деревьев, в густой чаще елового молодняка, беляк заслышит его, а услыхав, привстанет и, сгорбившись, не торопясь, сделает бесшумно несколько коротких прыжков, заслонится мелким ельником, выйдет на свой прежний след и снова резво пустится наутек. Пробежав с полкруга, он опять петляет и делает прыжки в сторону, выбирая укрытие.

Не так-то скоро враги доберутся до беляка по его следам: надо распутать очень много петель и следов. Все это задерживает лисицу и собаку.

Встречаются, однако, чутьистые быстроногие гончие, которые, не копаясь на следах, заставляют беляка быстро идти своими кругами без передышки. Когда же расстояние между ним и собакой начинает быстро сокращаться, заяц чаще и чаще начинает залегать и, в конце концов, попадает гончей в зубы.

Русак живет в открытых полях, в рощах, вблизи полей, у края болота и в кустарниках. Зимой снег в полях обычно мелок и уплотнен ветрами. Русак ложится на

дневку в бороздах, бурьянах, в траве, в кустарнике, в канавах, около камней, в кочкарнике, в пластах поднятой пашни и в овражках.

Стрелой несется испуганный русак. Задние ноги его способны так оттолкнуться, что русак, подпрыгнув чуть не на метр вверх, несется по воздуху метра три и, собрав комком все четыре лапки, падает на них, делая в снегу одну широкую ямку. Это так называемая скидка, или сметок. Такой прыжок широко разрывает цепь следов. Это затрудняет выслеживание русака охотником и работу его собаки.

Благодаря строению своих лап, русак развивает на открытых местах большую скорость. Гораздо чаще, чем беляк, он видит и слышит приближение врага. Заслышав опасность, русак ждет; увидев врага, — сразу бросается бежать. После того, как несколько сот метров отделит его от преследователя, он сбавляет ход, останавливается, садится, смотрит, слушает. Если не видит и не слышит преследователя, русак уже спокойно, потихоньку ковыляет дальше.

Как ни резв русак, однако ноги не всегда спасают его от врагов. О тех врагах, что преследуют его на крыльях, и говорить не приходится: быстрота полета ястреба-тетеревятника или беркута огромна. Часто схватывают русака лиса и волк. Лисице помогает ее умение поближе подкрасться и срезать расстояние при поворотах зайца. Как пошел русак давать зигзаги — то вправо, то влево, ища спасительное направление, так ему плохо приходится: лисица начинает сокращать расстояние.

Зигзаги беляка по лесу чаще дают выигрыш зайцу.

Волки успешно охотятся на зайцев стаей и действуют окружением с обеих сторон. Но и гончая собака заганивает иногда молодого русака, не говоря уже о борзой, которая не заганивает, а догоняет его.

Сколько всегда говорится о заячьей трусости! Одни считают его самым трусливым зверем, другие придерживаются мнения, что он не трусливее, чем многие другие животные. Заяц действительно боится почти всяких звуков. Он боится шороха своих прыжков по опавшим листьям. Беляк избегает — в период листопада — чернолесья и ложится в хвойном лесу. Не потому ли он делает это, что боится выдать себя шорохом? Понятно, что у так плохо вооруженного животного, у которого столько вра-

гов, что и не перечтешь, возбудимость его прежде всего сказывается на ощущении страха и побуждении к бегству.

В числе повадок русака и беляка очень интересна привычка их петлять не только при поисках укрытого места во время преследования, но и перед лежкой на дневку. Заяц не ляжет, не выполнив эту привычку. У большинства зверей ее нет, а у кого и есть, то петляют далеко не каждый раз перед лежкой.

Петлять — значит, ходить вперед и назад по своему следу: один раз по свежему, новому направлению — вперед, а затем по тому же следу обратно, а иногда и третий раз вперед. Это так называемые двойки и тройки. Обычно обратный след бывает не длинен и заканчивается прыжком под прямым углом. Такие прыжки называют сметками, или скидками.

Заяц — зверек ночной. Однако в период от середины февраля и до конца июля можно во время гона и среди дня встретить несколько зайцев вместе, ковыляющих в траве или кустарнике. Скопление зайцев случается видеть на кормежке на озимях, у осинника, но тогда каждый занят своим делом — роется, жует, скоблит кору и держит себя независимо от остальных.

Беляк питается зимой молодой порослью леса и особенно охотно — корой поваленных осинок и березок. Летом он пощипывает травы, древесные листики, веточки черники и ест осоку. Зимний корм его не слишком-то питателен, и беляк редко бывает жирным.

Русаки откапывают в глубоком снегу озимые всходы хлебов. К такому месту русаки приваживаются зимой со всей округи. Снег в озимом поле тогда изрыт ямками, и на дне их проступает зелень обгрызанных всходов. Русак не забывает проведать огороды, где доедает остатки овощей, грызет кочерыжки капусты. Он проникает в окраины деревни, где натрушено сено, подходит к сенным сараям, к стогам. Большое зло, если русак повадится в фруктовый сад и начнет грызть стволы плодовых деревьев.

Летом русак ест полевые травы и хлебные злаки.

В местах кормежки зайцев остается немало их помета. Когда следов зайца не видно, можно и по помету различить, кто кормился здесь — беляк или русак. При одинаковом корме помет беляка представляет собой чуть

приплюснутый шарик, а помет русака имеет овальную форму.

Врагов у зайца и его потомства очень много: ястреб-тетеревятник, орел-беркут, сова, филин, волк, лиса, рысь, куница, хорек, горностай, ласка, птицы из семейства вороновых.

Кроме того, заяц сильно страдает от глист, особенно в холодные дождливые годы.

Урон зайцев от врагов и болезней покрывается их плодовитостью. В нашей стране живут четыре вида зайца: беляк, русак, толай (заяц-песчаник) и дальневосточный маньчжурский заяц.

Толай напоминает русака, только его уши много длиннее, чем у русака. Толай обитает в песчаных, с редкой растительностью, степях Средней Азии, в Казахстане и Забайкалье. Ростом он примерно в два с половиной раза меньше русака. Шкурка его малоценна, и экономическое значение его как пушного зверя невелико.

Маньчжурский заяц, по указаниям советских ученых, некоторыми своими признаками напоминает кролика и, повидимому, сильно отличается от других зайцев также и образом жизни. Так, известно, что он часто залегает на дневку в низко расположенных дуплах деревьев. Обитает этот заяц в приморских лесах Дальнего Востока; экономического значения не имеет.

Напротив, значение беляка и русака как пушных зверей — огромно. В Советском Союзе охотники ежегодно добывают громадное количество зайцев.

В большинстве местностей гон зайца начинается в середине февраля. Первые зайчата появляются уже в марте, даже когда снег еще не везде сошел.

С начала приближения весны по осень зайчиха приносит два, а иногда и три раза от трех до пяти зайчат. Между беляком и русаком хотя и не часто, но встречаются помеси, называемые тумаками. Окрас их напоминает и того и другого зайца.

Зайчата очень скоро — через восемь-девять дней, как только у них отрастут зубы, — начинают щипать траву. Со времени рождения зайчата почти не видят мать.

Мать кормит зайчат всего лишь несколько раз. Напитавшись впервые молоком, зайчата разбегаются и прячутся в отдалении от матери в траве. Только проголодавшись, они начинают бегать, оставляя пахучий след, по ко-

торому мать находит их чутьем. Отделенные от матери, зайчата могут благополучно прожить четыре дня, не принимая никакой пищи.

На редкость кратковременны материнские заботы зайчихи. И очень быстро переходят зайчата к самостоятельной жизни.

Нрав зайца вовсе не такой кроткий, каким его обычно представляют. Зайцы при встрече друг с другом драчливы. В период весеннего гона, когда он совпадает с линькой, драки еще более ожесточенны и слабая шерсть летит под барабанящими лапами зайцев целыми пучками.

Кое-кому из наблюдателей удалось, однако, установить способность зайцев в некоторых случаях к самообороне и к воинственным нападениям. Такие проявления чрезвычайно редки. Большинство врагов настолько сильнее зайца, что он совершенно лишен возможности защищаться от них. В газетных сообщениях не раз приводились факты самообороны зайца от вороны, даже орла, причем указывалось, что заяц-беляк ложился на спину и отчаянно и успешно отбивался задними лапами...

СПОСОБЫ ОХОТЫ НА ЗАЙЦА

Охота с гончими. Увлекательна охота с гончими. Чтобы понять всю ее притягательную силу, конечно, надо быть охотником. Но она интересна и поучительна и для не охотника.

Остаются в памяти особенности того кусочка природы, где протекает жизнь зверя, которого ищешь и находишь. Не забудешь и самого зверя: как он бежал, как петлял, как прятался от преследования. Охотник очень скоро начинает понимать незаменимую помощь гончей, ее удивительные качества, приноровленные именно к этому определенному способу охоты.

...Теплым серым утром мы втроем отправились на охоту. Листопад почти кончился. Мелкие сечи и высокое чернолесье стояли голыми, неуютными и казались пустыми. В полях яркими коврами сияла зелень озимых хлебов среди блеклой травы и жнивья.

Шедшие у ног гончие потянулись было к озими.

— Русачок ночью кормился, — заметил один из моих товарищей и окрикнул собак.

Дорога постепенно поднималась. Когда мы достигли вершины взгорья, перед нами открылась просторная низина в темных пятнах кудрявых можжевеловых кустов, а за нею — высокая стена елей. Большая гряда елового леса то понижалась, то повышалась. Повидимому, она состояла из цепи еловых островов с полянами.

Подойдя к опушке леса, я поразился свежестью и бархатистостью темнозеленой хвои. Она положительно сияла между бесцветным небом и ржаво-бурой землей. У подножья первых же елей показался мох, будто бережная рука обложила им основание деревьев и корней.

Пустили собак. Их хозяин предложил нам идти друг от друга шагов на сто да покрикивать, чтобы скорей поднять зайца с лежки. Он расстегнул ошейник собаки — Гудка. Крупный выжлец волчьей масти с темной спиной и боками отряхнулся, поднял голову и посмотрел вдоль опушки. Потом опустил морду вниз, приподнял круче хвост и весело пошел рысцой по лесу, то и дело меняя направление. Бодро, тоненько визгнув от радости, побежала за ним Румянка — красно-гнедая выжловка с черным пятном на спине.

Пахло хвоей. Мягкая, нежная дымка стояла в лесу, как бывает весной в березовой роще, когда развернутся листики с гривенник. Мы медленно подвигались врассыпную, прислушиваясь. Казалось, в лесу была мертвая тишина, однако не успел я сделать и сотни шагов, как услыхал теньканье синички. Я присел на широкий пень. Близко от меня задолбил дятел по осине.

Вдруг взвизгнула Румянка. Звук этот словно кольнул меня. Я видел, как товарищ, почти сливавшийся цветом одежды со стволами деревьев, рывком скинул с плеча ружье. Вслед за визгом раздался густой, баритонный, равномерный лай Гудка и дискантовый голос Румянки.

Гон начал отдаляться. Я подвинулся к месту, откуда примерно начался гон, и стал ожидать. Редколесье позволяло видеть далеко вглубь леса.

Голоса гончих разносились далеко. Упорная страсть и радостный плач слышались в этих звуках. Беляк ходил большими кругами. Временами голоса глохли в хвойном лесу.

Но вот ближе, ближе! Я встал на пень, чтобы лучше видеть. Передо мною — большие ели, мшистые кочки, брусничник; справа просека, поперек нее упавшая ель.

За ней стоит охотник. Крупный беляк, мелькая за деревьями, за кочками, направляется к просеке. За ним, на порядочном расстоянии, загнув над спиной хвосты и опустив морды, галопом идут гончие.

Раскатистый выстрел. Взметнувшись, падает заяц.

Я подошел к товарищу. Он держал зайца в вытянутой руке. Гончие подбежали — лизали добычу, виляли хвостами, визжали, разгоряченные их пасти дымились.

При охоте на беляка принимаемое им направление и величину кругов его хода определяешь только по голосам гончих. Охота по русаку протекает в значительной мере на виду — в полях. Русачьи круги, его путь узнаешь не только по голосам гончих, но и видишь своими глазами. Русак и бегущие за ним собаки очень часто видны как на ладони.

Охота и на беляка и на русака каждая по-своему заманчива.

С гончими охотятся как осенью, так и по снегу, пока он не станет глубоким.

Гончая для охотников нашей страны имеет большое значение. Законный срок охоты продолжителен — около трех месяцев, а запасы зайца огромны. На беляка и на русака способ охоты с гончей один и тот же, но у того и у другого свои места обитания, свои повадки; это вносит в охоту некоторые особенности.

Охота на зайца по следу (тропление). Не все охотники держат гончих, но каждого тянет на охоту. И вот, когда выпадет ночью снег и зайцы, убираясь перед рассветом на лежку, наделают на нем свежих следов, охотник отправляется с ружьем без собаки тропить русаков. Тропить — по-охотничьи значит найти след зайца с кормежки на дневку и по следу дойти до лежки.

Таким способом охотятся и на беляка. Но в лесу трудно своевременно заметить беляка в его белоснежной шубке. Тропить беляка выгоднее в лесах с прогалинами, в небольших куртинках на полянах, в сосновых болотцах с негустым ивняком, в кочкарниках с редкой древесной растительностью.

Охота на русака добычливее. За русаком по пороше — интереснейшая охота. Из десятка следов на кормежку и с кормежки надо умело выбрать след, который должен привести к заячьим петлям перед лежкой. Соскочит или не соскочит русак, пока на ходу присматри-

ваешься к его петлянию? Ведь не часто удается издали определить место, где залег заяц. На это можно возразить: «Скидка русака укажет сторону». Так-то оно так, да не совсем.

Вот русак сделал двойку на тропинке, в середине поля. Охотник видит след русака взад и вперед... но куда идти? Если заяц пришел по тропинке слева, то, стало быть, он туда же и ушел, а если справа, — то в другую сторону. Когда видно на тропинке место, до которого заяц прошелся взад и вперед, то ясно и направление, куда он пошел. Но не известно еще, где и в какую сторону скинулся он с тропинки. Вот тут-то и волнуешься. Может быть, совсем близко лежит, тебя давно уже видит.

На двойках, на тройках и против скидки останавливаться не полагается. Заяц часто близко пропускает проходящего мимо человека, но не выдерживает остановки против его лежки или поблизости.

Бывает так: идешь вдоль тройки сторонкой (по следу идти ведь не полагается), а заяц сделал впереди скидку — прыг! — да тут же и залег около тропинки под кустик. А ты прямо на лежку идешь, не зная, что она тут. И сгонишь его до времени.

— Надо было идти дальше от этого подозрительного кустика, — скажет охотник.

— Если бы я сторонкой пошел, то прямо вышел бы к пню с желтой травой вокруг. А вдруг он там! Разве допустимо идти прямо на лежку?

— Ступайте еще дальше, сторонкой, — слышится снова голос «благоразумного» охотника. И совет этот плохой: я тогда отдаляюсь от следа, не буду его видеть. Так русака не выслеживают!

— Допустим, пень с желтой травой я обойду, ни следочка не окажется. А заяц, не дойдя шагов сорока, лежит против пня в канаве. Я пень обхожу, а он по дну канавы невидимо улепетывает. Вон он уж где — по полю мчится, только снежок за ним вьется!

— Нет, это все не так просто. Надо действовать по правилам.

Об этом беседовали мы с охотником, сидя вечером в избе и прочищая ружья. В этот день мы убили с ним несколько русаков. Не сожалея о двух-трех ушедших вне выстрела, обсуждали один случай с русаком.

Шли мы дорогой по озерку, на ту сторону перебрались, ближе к озимям. Видим, по дороге свеженькие следы русака, крупные.

Он, должно быть, шел кормиться на озимь. Переймем ли еще его след с кормежки — неизвестно.

Впереди по обеим сторонам озера желтело по островку с тростником.

Глядим, — след русака скинулся в правый островок.

Я поставил товарища на дороге — тут ход зайца верный! Не проверив, обходим этот островок. Думаю: «Куда же деваться зайцу?» На открытом озере только два таких подходящих места и есть. Шел русак с кормежки, скинулся и лег тут. Я забежал, посвистывая, тростником шуршу. Нет выстрела! Вышел, вижу выход русака на сторону размеренным ходом, — стало быть, он от нас ушел. След пошел сначала вдоль дороги, потом по самой дороге, а с нее — опять к другому островку тростника. В первом островке заяц, оказывается, не лежал. Глядим: он к берегу по озеру во всю длину свою мчится — громадный, коричневый русачина! Лежал он плотно во втором островке — сами его зря согнали, когда первый островок проходили.

Досадно! Сначала бы обойти кругом первый островок, удостовериться, что зайца тут нет, и гнать его на стрелка из второго островка. Не русак нас одурачил, сами себя одурачили. Вдвоем в таких зарослях просто справиться. Одному же в зарослях никак не суметь выгнать зайца.

Сколько ни приноравливайся поставить себя в такую точку, чтобы одновременно видеть и вперед, и с боков, — не удастся. Пробовал я в таких случаях пошуметь сзади да выскочить подальше в сторону, — нет. Ведь заяц из зарослей скорее увидит, где человек находится, а слышит всегда, и уходит как раз в ту сторону, где он заслонен от человека.

На другой день мы ожидали порошу. Ночью погода установилась прекрасная. Тихо, мороз небольшой. Звезды. Небо синее.

Как только рассвело, мы пошли. Направились по дороге через яровое поле, а сбоку в нескольких сотнях метров остались озимые. Жнивье накануне торчало из-под снега, а теперь все прикрыто. Заискрился снег под лучами солнца.

Долго не встречали заячьих следов. Да так и должно быть: жнивье и то прикрыло, а ночные следы и подавно. Зато уж если встретишь след, так самый свежий, предутренний.

Заметили, наконец, на дороге русачий малик. Но дорогу уже проезжие затерли — не разглядеть, в какую сторону пошел заяц. Прошли с полкилометра в одну сторону — не сходит с дороги след. Пошли назад: так далеко, думаем, заяц по дороге не пошел бы, он, наверное, в обратную сторону направился.

Так и вышло. Порядочно прошли мы — и, видимо, сметнулся заяц в яровое поле — громадный прыжок сделал. Хорошо, что солнечно, — в пасмурную погоду такой прыжок на склоне, конечно, проглядишь.

Пошли мы, пока оба вместе, с одной стороны следа, шагах в шестидесяти от него. Благо, видно далеко: след розовеет на солнце, искрится. Идем, посматриваем и на след, и на подходящие для лежки местечки вокруг.

Забелела, засеребрилась наминка на снегу, где заяц повернул обратно, — это уже двойка. Теперь держи ухо востро — не заяц, а охотник, — у зайца-то уши всегда наготове! На сдвоенном следу разноцветными огнями горят крошки снега. Вот и скидка. Хэ, как опять махнул! И прямо пошел...

Двинулись мы теперь по сторонам следа, каждый шагов на пятьдесят от него. Гляжу вперед: далеко видать розовеющий след, и вдруг кончился, а впереди серебро снежной скатерти. Вон на конце следа скидка в сторону, вот и этот отросток следа кончился. Ясно — где-то здесь, но где же, когда никаких признаков нет на равнине? Нет, постой, в одном месте, где след кончился, жнивье рыжеет, а в других местах нигде его из-под снега не видно.

Я товарищу молча киваю, указываю. Ружье левой рукой под цевьем на высоте груди держу, а пальцы правой кверху поднимаю — жнивье изображаю: торчит, дескать! Это лишнее, конечно: охотник сам должен понять, где заяц лежит, когда каждая крупинка на следу видна.

Стали мы приближаться к лежке. Шагов тридцать и от меня, и от товарища. Еще чуть подошли, сблизились. Я громко: «Ну-ка, вали!»

Взметнулся снег, как от взрыва, и катит русак. Товарищ и свалил его.

Второго русака взяли на пашне. Между пластами дерновин улегся. Подошли близко.

Третьего из можжевелового куста выгнали; этот сильно напетлял, насилу угомонился и лег. Четвертого взяли в ивовом кусту на кочках; пятого — на крутом берегу ручья, норку сделал в снегу. Шестого у камня на склоне горки стреляли; боялись, что под гору скроется.

Некоторые осуждают стрельбу по сидячему или лежачему зверю, считая, что бить зайца надо на бегу, а птицу на лету. Чтобы не упустить добычу, в некоторых случаях следует стрелять и лежачего.

Еще двух зайцев нам не удалось взять: один далеко соскочил, другого промазали.

За соскочившим с лежки зайцем идти не стоит: лечь-то он ляжет вторично, но уже не подпустит.

Когда снег станет глубоким и уплотнится от ветров, русаки нередко выкапывают себе в надувах довольно глубокие норки. Иногда метель заравнивает и отверстие, и следы зайца, ведущие в нору. В таких случаях заяц выскакивает лишь, когда чуть не наступишь на него.

Мне случилось однажды (это вообще бывает не так уж редко), выслеживая зайца по следу, наехать на лыжах на его нору в снежном надуве под берегом ручья. Я почувствовал толчок по лыжам снизу и думал, что сломал лыжу... Мигом повторились мелкие толчки, частые, как дрожь, снежная пыль поднялась передо мной на высоту моего роста, и крупный русак выскочил из-под снега между моими лыжами, покатил по косой линии вверх. Я успел сделать безрезультатный выстрел, когда он скрывался уже за кромкой берега.

Зайца, выскочившего близко, надо отпустить шагов на тридцать и стрелять по переду. Дробь номеров 1—3-го вполне подходит для этой охоты.

Охота по следу с подхода — один из распространенных способов ружейной охоты на зайца. Эта охота продолжается почти всю зиму. Она интересна и добычлива. Она волнует. А охотники ценят волнение. Заяц, скажем, здесь наверняка, а нет его! И не то он слева, не то справа, не то спереди выскочит. Томительное напряжение. А он всегда выскакивает не совсем так и не туда, куда ожидаешь.

Охота на засидках. Когда станут глубже снега, пропитание русака затрудняется. Ближе подходят зайцы к

селениям, к местам, где сосредоточено сено. Больше становится заячьих следов на огородах, на тропинках, на задворках, в местах, где хранится или рассыпано сено. Тут начинается очень интересная охота на засидках.

Засидки интересны не только добычливостью, но и тем, что удается понаблюдать поведение зайца в ночное время и притом, когда он не подозревает присутствия человека.

Охота эта требует подготовки.

Прежде всего определяют тот сенной сарай или стог сена, который привлекает наибольшее число зайцев. Это устанавливается довольно легко по следам. Нередко бывает, что одни и те же зайцы посещают разные стога в течение одной ночи. Зайцы тогда рассеиваются по разным местам, и время посещения ими того или другого места кормежки неопределенно.

Для охоты на засидках очень полезно привадить зайцев к одному определенному сараю или стогу. Для этого подкладывают лакомую для зайцев приманку в виде мелкого клевера (убранного во время начала цветения), остатков капустных листьев, кочерыжек капусты и разных корнеплодов. Ознакомившись с таким местом, зайцы будут его посещать самым исправным образом.

Для охоты выбирают лунные вечера. На засидки надо отправляться тотчас после захода солнца. Заяц, пролежав на дневке с утренних сумерек до вечера, спешит на кормежку, как только стемнеет и дневная жизнь людей стихнет.

Для засидок выбирают место или в самом сарае, или около него. Для обзора и свободы движения удобнее устраиваться у сарая так, чтобы фигура охотника не выделялась. Для этого лучше своевременно сделать небольшое прикрытие, к виду которого зайцы очень скоро привыкают.

Самое важное при засидках на зайца — это полная неподвижность охотника и отсутствие малейшего шороха. Поэтому, когда засидка устраивается у сарая, снег следует оттоптать, чтобы не зашуршать, переступая с ноги на ногу. Когда сидят на сене, полезно подложить под себя какую-нибудь одежду во избежание шороха сена.

Если свет луны за спиной охотника, целиться удобнее всего.

Беляков караулят на лесных дорогах, подкладывая для приманки сено, или кладут на удобном месте хворост, свеженарубленный осинник.

Охота с борзыми. Велика резвость русака. Но условия, в которые поставлены убегающий заяц и догоняющая собака, неравны. Русак уходит от борзой только тогда, когда преследование начато с большого расстояния или когда близкие кустарники, лес, бурьян скроют его от глаз собаки.

Склад борзой собаки особенно приспособлен к быстрому бегу. Ее громадная мускульная сила и большой вес вместе со скоростью движения опасны для зверя и без хватки. Когда борзая, пролетая мимо русака, не рассчитает хватки и хотя бы чуть заденет его своим телом, заяц летит в сторону через голову вверх ногами. Случается, что борзая при столкновении убивает русака.

Благодаря быстрому бегу борзая, когда заяц внезапно меняет направление, часто проносится мимо. Эти так называемые заячьи угонки — крутые повороты, зигзаги, а иногда и высокий прыжок вверх — нередко спасают зайца, особенно когда поблизости имеются заросли кустарника, лес или бурьян.

Попадают удалые русаки, которые угонками и прыжками отделываются от борзой, делающей промахи в броске.

Бывают случаи, когда борзая, налетев с хода на пень, на камень, разбивается насмерть или получает перелом костей.

Увертки борзой, повторяющиеся иногда одна за другой, приковывают внимание борзятников. Не только резвость, но и точный бросок и правильная хватка служат мерилом полевых качеств борзой собаки.

На зайца охотятся также и с ловчей птицей, преимущественно с орлом-беркутом. Охота эта сохранилась местами — в Средней Азии, кое-где в Заволжье, в Закавказье и в Дагестане.

Облавная охота. Облава требует довольно значительного количества загонщиков и не меньше пяти-восьми стрелков. Сезон облавной охоты — осень и начало зимы.

Участок под облаву выбирают по признакам удобства угодья для зайцев. Осенние облавы устраиваются с расчетом стрелять как зайца, так и птицу: тетерева, рябчика, куропатку и вальдшнепа. Такие облавы называются смешанными и бывают добычливы и интересны разнообразием дичи и стрельбой (иногда нелегкой) по птице.

Охота нагоном. Этот способ отличается от облавного прежде всего очень небольшим количеством участников — от двух до пяти человек — и необходимостью точного определения места перехода зайца, где должен встать стрелковый номер, чего не требуется при облавной охоте.

Осенью участок для нагона выбирается по признакам удобства места для дневки беляка или русака, а зимой нагон производится преимущественно после того, как установлено (по следам), что заяц или зайцы находятся в обойденном охотником месте.

Незначительное количество участников, умелый выбор заячьих переходов и правильный гон придают этому способу сходство с псковским.

Ввиду сравнительно незначительной величины участка, которая посильна охвату небольшой группой охотников, осенний нагон менее интересен. Кроме того, интерес охоты снижается тем, что при нагоне нет возможности точно определить, находится ли заяц в намеченном для охоты месте, очень много мест оказываются пустыми. Тем более трудно рассчитывать на успешные осенние нагоны беляка. Места, подходящие русаку, нередко выделяются в полях, как оазисы. Труднее выбрать на глаз среди лесов местечко, где находится дневка беляка.

Зайцы при охоте нагоном, в отличие от других зверей, идут не так-то послушно. Зайца с выбранного им направления сбить трудно, а оно далеко не всегда соответствует успеху охоты. Особенно упрямо идет русак по избранному им пути и мало изменяет его на быстром ходу при встрече с человеком. Он чуть скашивает только и одновременно сильно увеличивает быстроту бега. Много зайцев прорывается из-под нагона, так же как и при облаве, минуя стрелковую линию.

Зайцы достаточно зорки, а слух их настолько всесторонне развит, что они всегда могут точно определить, где

стрелок остановился на номере, тем более, что при охоте нагоном охваченное место не так велико. Это обязывает охотника принимать особые меры предосторожности. Иногда из этих соображений выгоднее встать дальше от оклада.

Зайцы, увидавшие или заслышавшие охотника на номере, скачут обычно под самой опушкой, параллельно стрелковой линии.

Умелый выбор перехода зайца и правильный гон обеспечивает успех зимней охоты.

Охота котлом. В местности, изобилующей зайцами, определенная площадь охватывается охотниками замкнутым кольцом. В середину круга (кольца) идут несколько загонщиков и выгоняют зайцев, которые бросаются от них наутек — от центра к окружности. Пропустив зайца за линию стрелков, т. е. за круг, охотник стреляет.

Охота на узерку. Есть еще довольно распространенный, но возможный только при известных условиях способ охоты — на узерку, т. е. отыскивая глазами (на глазок), обнаружить зайца-беляка на лежке поздней осенью, но еще до снега. Охота эта бывает успешна только в те годы, когда заяц побелел слишком рано, а выпадение снега запаздывает. В такое время прекрасная зимняя защитная одежда беляка губит его.

Охотник выбирает в лесу путь по заячьим местам, не слишком заросшим, придерживается прогалин, полянок, вырубок, кочковатых осоковых болот, около куртинок молодых елок. Он зорко оглядывает эти места понизу. Ему нужно заметить на земле только белое, хоть небольшое пятно в кусте, в осоке, под распростертой веткой ели, у пня, в хворосте или в пучке травы. Раз он увидал белое, — значит, он увидал беляка. Белизна, равная снегу, в позднее осеннее время только одна — заячья шкурка, другой не бывает. Надо при этом помнить, что побелевший заяц часто ложится у пеньков, тоже довольно светлых. Охотник постепенно сокращает расстояние до лежащего зайца, как будто проходит мимо, и неотрывно смотрит на белое пятно. Оно то прикрывается каким-нибудь заслоном, то снова показывается.

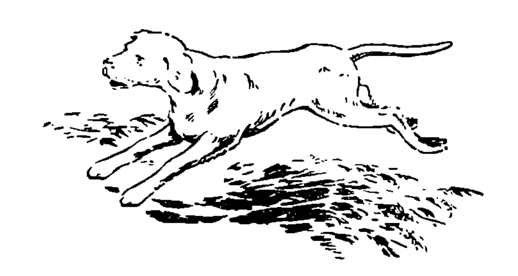
Вот до зайца всего двадцать шагов! Еще на ходу охотник прицеливается. Раздается раскатистый выстрел.

Осока порывисто заколебалась; взметнувшись, заяц падает.

Бывают годы с сильно запоздавшей зимой, когда охота на узерку очень добычлива *.

---

* В нашей стране учреждения, которым поручено следить за увеличением поголовья зайцев, проводят большую работу. Помимо строго установленных сроков и способов охоты, они занимаются переселением зайцев из одних районов в другие. — *Ред.*

ПОРЕЧНЯ (ВЫДРА)

Как-то давно, еще до Великой Октябрьской социалистической революции, я встретился на берегу лесной речки со стариком-охотником. На плече у него висела шомпольная двустволка, а за спиной на помочах — холщовый мешок, чем-то округло заполненный. Старинное ружье было подновлено: рисунок звездочками на стволах еле виднелся из-под свежей масляной краски. Впервые мне пришлось видеть крашеные стволы, да еще охрой. У меня сразу возникли два вопроса: к чему выкрашены стволы и что за добыча в мешке? Однако я спросил только о добыче. Он ответил:

— Поречню стрелил.

Это слово, как и крашенное охрой ружье, было для меня новостью. Я попросил показать добычу, не назвав ее поречней из боязни, что не так расслышал слово. Старик скинул мешок, распустил завязки и стал его вытряхивать. На траву мягко вывалилась огромная выдра.

С тех пор я навсегда запомнил древнее название выдры — поречня, от слова река, — зверь, живущий по пресным водам, главным образом по рекам. Внимательно стал я осматривать этого интересного, довольно редкого зверя. Жаль, что я не видел его живым! Старик повернул выдру на брюшко. Я расправил лапки, подпер сучком

подбородок и вытянул в прямую линию хвост. Захотелось погладить темнокаштанового оттенка жесткую шерсть: кончики волос блестели, будто овлажненные или покрытые лаком. Приемом меховщика я подул в шерсть: она раздвинулась вороночкой, а в ней показался очень густой, нежный буроватый подшерсток. Голова и туловище были приплюснутой формы, а тело, как у барсука, расширялось к заду. На коротких с голой подошвой лапах оказалось по пяти пальцев с плавательной перепонкой. Острые зубы выдры, и особенно длинные и острые клыки, — какое прекрасное орудие охоты и обороны! Такими клыками можно крепко ухватить большую рыбу; пусть она судорожно извивается — не вырвется! Длинные и жесткие усы способны, верно, осязанием находить в камнях и корягах налимов и раков. Я выражал вслух свое удивление и восхищение зверем. Старик же за время долгого моего осмотра выдры проронил только одно слово: «Огромадный!»

Действительно, это был крупный зверь — старый самец. Я смерил бечевкой длину от кончика носа до корня хвоста и отдельно хвост. Дома прикинул мерку к сантиметровой ленте. Длина всей выдры оказалась сто двадцать пять сантиметров, из них сорок сантиметров приходилось на хвост. Я поднял выдру за лапки и, то опуская, то поднимая, приноравливался определить ее вес. В ней было, думаю, не менее десяти килограммов.

Мех выдры был уже зимний, выходной, полноволосый, как говорят промысловики. Выдра — один из самых ценных наших пушных зверей.

Я знал по слухам, что старик считался очень опытным, дельным охотником, первым промысловиком в округе. Хотелось слышать от него о живой выдре, о последней его охоте. Я начал сам говорить о трудности охоты на выдру. В самом деле, сколько приходится затрачивать времени, чтобы только найти следы выдры, а потом определить район ее обитания. А как долго надо ее выслеживать, как часто приходится менять приемы охоты! Не так-то просто подкараулить осторожного водяного да еще ночного зверя или подкрасться к нему на расстояние верного выстрела. Определить водные пути — не то что ходы и переходы спугнутых зверей: ведь следов-то на воде не остается. А передвигается выдра не столько по суше, сколько по воде.

Старик, наконец, разговорился и подробно рассказал о своей охоте и подготовке к ней. Он оказался наблюдательным и правдивым.

Задолго до начала охоты старик начинал обследовать ближайшие реки, озера и протоки. Чтобы найти следы выдры, надо шаг за шагом осмотреть берега с суши и с воды. В травянистой прибрежной полосе лугов, болот опытный глаз замечает тропы выдры. Они шириной с ее тело: выдра низка на ногах и брюхом и хвостом задевает почву. В местах, где выдра выходит из воды и спускается в воду, берега сглажены. Кое-где на мокрых песчаных берегах и на отмелях остаются отпечатки перепончатых лап. На песке выдра иногда роется и катается. На камнях, кочках, пнях, на корнях прибрежных деревьев и на стволах, наклонно висящих над водой, на вдающихся в плесо полуостровках, на всплывших на поверхность воды корнях водорослей выдра частенько оставляет следы своего пребывания: помет, остатки пищи — кости рыб, скорлупу раков. Тут и там, иногда на большом расстоянии друг от друга, находишь свежие и старые следы. По этим признакам надо выяснить приблизительные границы обитания выдры и в этих границах искать места ее дневок, временные или постоянные норы. Надо определить по этим следам, часто ли посещает зверь то или иное местечко.

Особое внимание охотник обращает на мосты, мельницы: около них обычно скопляются раки, рыба. Правда, места эти более или менее людны и их, казалось бы, осторожный зверь должен избегать. Но, с другой стороны, здесь много удобных для укрытия мест. И выдра часто живет в таких людных, но кормных угодьях. На охоту она выходит здесь только ночью, когда люди спят.

Старик рассказал, что одна выдра жила в земляной насыпи у мельницы. Никто об этом не знал. Ставил он у мельницы капкан на хоря и случайно обнаружил нору выдры.

Мне известны случаи, когда в разное время две выдры попали в мельничную турбину и остановили этим мельничное колесо. Казалось бы, такой осторожный зверь не должен был лезть вглубь таких сооружений. Однако понять это можно.

Выдра поселилась у мельницы. Скоро ли она привыкнет к гулу воды? Да, гораздо скорее, чем можно было бы думать. Гул воды на мельнице в большей или меньшей степени постоянный. К постоянному шуму любого происхождения животные привыкают скоро.

Правда, надо освоиться с посторонними звуками: со стуком проезжающих по мосту телег, стуком мельничного колеса. Но эти звуки приглушаются шумом воды.

Знакома и близка выдре и сила несущейся воды. Несет выдру бурная весенняя вода, и выдра отдыхает. С такой быстротой она и сама носится в воде, даже и против течения, только для этого ей надо сильно работать лапами, хвостом и по-змеиному извиваться всем мускулистым туловищем.

Почему же не проникнуть выдре в поток бурлящей воды на плотине или по лотку водобега к турбине? Для успешной охоты выдре нужна широкая разведка. И зверь смело пускается по новым, неизведанным путям родной стихии.

Если вникнуть в идею ловушек, то можно сделать вывод, что лучшая из них не та, которая привлекает зверя приманкой, а та, которая неожиданно хватает его на им же проторенном пути, среди привычной ему обстановки. Приманка хотя и соблазнительна, однако она же и настораживает внимание. Когда же зверь следует своим, неоднократно проверенным, лазом, его внимание отвлекается, он не ждет на своем пути опасности.

Однажды старик застал выдру на упавшей елке. Ветви дерева погрузились в воду, а ствол держался сантиметрах в шестидесяти над поверхностью воды. Выдра заметила охотника на большом расстоянии и камнем упала в воду. Таков ее обычай: чуть увидит или заслышит опасность — плюх в воду, и поминай как звали! Это для нее самый быстрый и верный способ спасения. Любит выдра сидеть над водой. Чаще она при этом смотрит вниз, на воду, на дно, где гуляют цветистые широкоспинные язи, не знающие об угрожающем соседстве.

Старик решил применить одновременно два способа охоты — с подхода и капканный. В солнечное время делал он обход по берегу речки в надежде встретить выдру и подойти на выстрел. Он осматривал все наклоненные деревья, вглядывался в оползни крутого песчаного берега, настороженно, бесшумно подходя из-за прикрытий

к реке, к местам, где раньше еще подмечены были им следы частого посещения выдры.

Чтобы иметь больше надежды добыть выдру, поставил старик капканы. Пусть себе стоят в своих местах, а он будет подкарауливать зверя в других. Знал старик-охотник, что весенняя охота с подхода зависит от случая.

Зимний подход надежнее, особенно когда погода мягкая, снег рыхлый и позволяет охотнику передвигаться бесшумно. Места возможных выходов выдры ограничены: воды скованы льдом. Охотник лунными вечерами и ночами в защитного цвета одежде (белый халат поверх теплого платья) медленно обходит незамерзшие участки реки, где подмечены были следы выдры. Подходит к реке осторожно, против ветра или поперек, чтобы зверь не зачуял. Где можно, прячется за кустами и деревьями.

Темный мех выдры позволяет заметить ее зимой на сравнительно большом расстоянии, и охотник обычно успевает составить план действий. Если выдра уйдет в воду за добычей, надо как можно скорее спешить к полынье и из-за прикрытия ожидать ее возвращения. Но возможно, что выдра пошла и не за добычей. Когда поблизости имеется другая полынья, надо зорко следить, не вынырнула ли она там, не вышла ли на лед из соседней полыньи. Ждать этого долго не приходится: ведь выдре надо подышать воздухом. Правда, она может и не выходить для этого на лед, а набрать воздуха, высунув лишь кончик носа в полынье. Там, где уровень воды часто меняется, во льду у берегов образуются отдушины. Вот тут уж трудно выследить и взять выдру: не оставляя следов, она скрытно проходит подо льдом из норы в воду и обратно.

Капканы устанавливаются у подводного входа в нору, в местах частых выходов зверя на берег, на следах, на склоненных над водой деревьях, в протоках.

Установка капкана на дне мелкого протока, когда переходы по ним выдры замечены, — самый верный способ поймать ее. Проток забивают с обеих сторон. В середине оставляют пролет такой, чтобы зверю пройти, не шире. В этом пролете и устанавливается капкан. Приманку не кладут: выдра любит свежинку и не станет есть мертвую рыбу или лежалого рака. Если выдра оседло живет в одном месте, это значит, что она вполне обеспечена здесь пищей. И приманкой ее не соблазнить.

Когда ставится капкан на волка и на лису, а также на некоторых других хищников, он обязательно прикрывается, присыпается, его подделывают под окружающую обстановку — маскируют. Иначе и ставить капкан не стоит: никогда волк не ступит на обнаженный капкан.

При охоте на выдру прикрывать и маскировать капкан не требуется: привычка прятаться от преследования под водой не могла развить в выдре боязни железных предметов. К капкану прикрепляют груз (камень). Он не дает зверю всплыть с капканом на поверхность воды, и зверь быстро задыхается. Выдра настолько сильна, что способна, попав в капкан, далеко уволочь его вместе с грузом по дну. Чтобы не терять такую ценную добычу, к капкану приделывается цепочка или проволока с кольцом. Кольцо надевают на вбитый в дно кол или прикрепляют к дереву или большому камню на берегу.

Один капкан старик поставил в протоке, другой — на поваленной елке, укрепив его в зарубках на стволе дерева.

Пятнадцать суток простояли капканы пустыми. Столько же дней охотник бесполезно провел у реки в надежде встретить выдру. Старик изверился в охоте с подхода и в капканном лове и решил добыть выдру на засидках.

Подкарауливание, или засидка, — способ, более распространенный, но требующий большого терпения, упорства и выносливости. Засидка делается и в позднеосенний сезон, и зимой. Осенью засидку можно проводить днем, лунными ночами и зорями, зимой — только ночью, при лунном свете или в сумерках зорь. Выдра слишком осторожна, чтобы выйти на голую белизну льда при дневном свете. На счастье надеяться нельзя, приходится обследовать местность и учесть все замеченные обстоятельства. Только тщательное обследование позволяет правильно выбрать расположение засидки, сообразуясь с местами выхода выдры и ее остановок или с направлениями вероятного следования ее по воде.

Выдра ходит под водой быстро. Поймав рыбу, она тут же выходит из воды, чтобы съесть свою добычу. Значит, зверь может всю ночь проохотиться далеко от засидки или пройти мимо засидки под водой, не останавливаясь. Где же заметишь ее, если, проплывая мимо, она

высунет кончик своего носа величиной всего в ольховую шишечку.

Зимняя засидка надежнее. Около полыньи, проруби устраивается шалаш из снега. Если место выхода выдры близко от берега, а на берегу деревья или кусты, — засидку устраивают в них.

Старик выбрал для засидки место под ольхой, у самого берега, в двенадцати шагах от большой плоской кочки. И в лунную осеннюю ночь засел. Тихо было. Месяц поднялся высоко. Черная гладь реки стала цветистой и будто шершавой от переливов лунного света. В граненой ряби течения не так-то легко увидеть выдру. Зато вдоль берега, где течение тише, ровным светящимся полотнищем движется вода. Там все видно: проплывает отпавшая ветка, поморщит водную гладь, и снова вода зеркальная. Вдруг листья поплывут, отдельно и вместе — плотами. Мало ли всякой всячины за ночь пройдет по реке! И все, что плывет, волнует охотника и вызывает в нем подозрение: не выдра ли, не нос ли это ее торчит?

Не раз охотник поднимал и опускал ружье. Обманчив лунный свет.

Перистые облака стали проплывать мимо месяца. Скроется он, выглянет и сильнее как будто засветит. Сидит старик, прислонившись к дереву. Закрыл глаза: так лучше слышно.

Гуси, никак? Да, они! Гогочут, прямо на него летят, чуть деревья не задевают — низехонько, стая за стаей. Кажется, камнем бы и то попал. Лучше гуся убить, чем зря-то просидеть... Нет, терпение и выдержка! Зверя дожидаешься, так в птицу не стреляй. Однако поднял старик ружье к небу. «Я так только», — думает про себя. Только прицелился. А наверняка свалил бы...

Внизу стало мутнеть, туман поднимается от реки. Ведь и рассвет недалек. Холодно.

Слышит вдруг: словно кто-то чавкает близко-близко. Глянул: выдра на кочке! И на него как будто смотрит. Сидит старик, не шелохнется, а ружье — дулом кверху. Как тут быть? Шевельнуть ружьем нельзя: уйдет. Тут поплыла выдра. Воду раздвинула бесшумно, точно не она, а кочка под ней поплыла. К берегу приближается. Опустил старик ружье, быстро приложился, хотел было выстрелить, да не в кого. Выдры уж нет, — отвесно нырнула она, как гиря...

— Заметила: стволы, что серебро, блестят, — заключил старик свой рассказ.

После этого случая он и выкрасил стволы: чтобы не блестели.

Так сам собой пришел ответ и на второй мой вопрос.

Другое место пришлось выбрать для засидки: разве придет выдра опять туда, где заметила опасность! Шесть ночей еще просидел старик на новом месте у сломанного моста, около свай, против хлама, прибитого течением. Место это он выбрал недаром. На хламе, на сплетении прутьев и всякой ветоши он заметил много рачьей скорлупы. И с каждым днем ее все прибавлялось.

Последнюю, шестую, ночь просидел он до зари и уже хотел уходить — озяб. Да солнышко поднялось и пригревать стало. «Дай еще посижу», — думает.

И видит: на воде треугольником рябь. Сюда идет... А впереди темное пятнышко. Жук что ли водяной или крыса? И затихло — вода опять, как зеркало. А на холме у свай выдра сидит, что-то в зубах держит. Как только стала она раков есть, старик тихонько ружье навел да и грохнул.

Эту выдру я и осматривал при встрече со стариком.

* *
*

Только тогда поймешь, что вода — родная стихия выдры, когда увидишь этого зверя солнечным днем в прозрачных водах. Движения в воде и приспособленность к ней выдры поразительны. Ей нужно плавать так быстро и так ловко, чтобы догонять и ловить под водой изо всех сил увертывающуюся рыбу, и делает она это в совершенстве.

Она вытягивает свое тело и быстро работает сильными лапами, несколько вывернутыми наружу, будто она кривонога. Но этого мало. Скорость ее еще увеличивают волнообразные движения туловища и сильного хвоста. На самом быстром ходу этот замечательный пловец способен сделать крутой молниеносный поворот в сторону или повернуться на одном месте и броситься обратно.

Верткость, гибкость, быстрота движений при их плавности зависят от особенностей строения тела этого зверя, так хорошо приспособленного к воде. Сильные лапы коротки, но зато, не требуя времени на размах, быстро гребут, толкая воду широко раздвинутыми перепончатыми

пальцами. Хвост у выдры сильный. Он придает движениям выдры сходство со змеиными извивами. Хвост ускоряет движение и служит рулем, без него крутые повороты и всякие изменения направления не были бы так четки и быстры. Выдра умеет плавать и вверх брюхом. Подплывая иногда в таком положении к неподвижно стоящей рыбе снизу, выдра схватывает ее за брюхо. Маленькие уши выдры и ноздри обладают удивительными приспособлениями — клапанами, которые сами собой зажимаются при погружении зверя в воду.

Плывя под водой, выдра понемногу выпускает воздух из легких, и подводный путь ее обозначается на поверхности пузырьками. В ветреную погоду или при сильном течении их трудно разглядеть. При спокойной, без морщинок, водной поверхности пузырьки видны прекрасно. Интересное явление! Не видишь зверя, а точно знаешь, где он, и следишь за принятым им направлением. Перед тем как показаться на поверхности, выдра прекращает выдыхание, и пузырьки вдруг исчезают. Тут, охотник, не зевай! Где зверь, где он сейчас покажется?

Выдра, как определяют некоторые натуралисты, может пробыть под водой без дыхания не больше одной минуты. Срок этот может показаться очень коротким. Однако вспомним быстроту подводных движений выдры, сравним скорость выдры с быстротой хода щуки, форели или хотя бы язя или верховодки...

Вот стоит у камня красивая форелька. Вода так прозрачна, что видишь каждую точку на пятнистом боку рыбки. Я кидаю в воду камешек — плюх! Раз! — и, сверкнув, точно нож при ударе, рыбка отскочила на полтора метра и пропала из глаз. Теперь положим перед собой часы и проследим по секундной стрелке оборот, равный минуте. Ведь ждать до полного круга надоест! Сколько же метров пройдет рыба за это время? За минуту выдра, которая плавает еще скорее рыбы, исколесит под водой громадное пространство. Выдра бьет рыбу накоротке. И если ей однажды придется прервать охоту, чтобы глотнуть воздух, это не очень помешает ей.

Шерсть выдры покрыта жиром из кожных желез. Мех выдры поэтому не намокает, и из воды она выходит сухой. Повторное пребывание в воде, конечно, овлажняет шерсть, но поверхностно. В подшерсток вода никогда не проникает.

При выходе на сушу выдра становится сравнительно беспомощным, неуклюжим зверем. Ее стихия, конечно, вода, хотя на суше выдра проводит больше времени. Спина ее сильно горбится. Тяжелый хвост волочится за ней. Передвигается она медленно. Человек легко может догнать ее. Гибкость туловища выдры остается, понятно, и на суше, но быстрота и ловкость движений совсем не те. Резвиться и играть она любит и на земле, принимая иногда самые причудливые позы. Она способна забираться на деревья и вырывать в земле значительные углубления. В рыхлом снегу любит кататься, играть и зарываться. Тут она ловка и быстра, как в воде.

Выдру надо признать зверем сильным и хорошо защищенным от врагов. Не всякая собака возьмет выдру. Застигнутая на земле, она ложится на спину и отчаянно защищается страшными своими клыками и сильными лапами, вооруженными когтями. Этого верткого, извивающегося, мускулистого зверя удержать в руках трудно даже сильному человеку.

Выдра селится у рек, озер, прудов или ручьев, если в них много рыбы. Лесные речки выдра также любит. Прибрежная заросль трав, хвощей, тростников привлекает рыбу, а значит, и выдру. Даже низкие заросли скрывают выдру от глаз при ее дневных вылазках. Высокие берега выдра часто выбирает для устройства постоянной или временной норы. Низменные берега, пожни с окнищами (отверстия в трясине, под которой стоит вода), луга, болота соблазняют выдру хотя немного да отойти от русла реки и попытаться поохотиться на уток, съесть в гнездах яйца или птенцов.

Разные глубины водоема, каменистое, песчаное, илистое дно, коряги — все привлекает выдру. Ряд водоемов, объединенных протоками, расширяет район ее передвижений, дает ей возможность ознакомиться с новыми местами. А это составляет потребность хищных зверей.

Выдра на значительном расстоянии слышит, видит и чует приближающуюся добычу или опасность.

Зрение помогает на суше и под водой, днем и ночью. Полная тьма, однако, ночью подо льдом, заваленным толстым слоем снега, вряд ли позволяет выдре видеть рыбу. Дневные охоты выдры можно объяснить отчасти и голодом после неудачной охоты слишком темной ночью. Особое оживление выдра проявляет в лунные ночи.

Слух и чутье под водой должны бездействовать, — ведь особые клапаны замыкают уши и ноздри при погружении в воду. Чуять запах под водой как будто невозможно, если бы даже и не было замыкающих ноздри клапанов. Насколько мы можем понять подводную деятельность выдры, ни слух, ни чутье ей не нужны под водой. Охота ее заключается в преследовании рыб или в разыскивании добычи осязанием. Тут поневоле вспомнишь об усах выдры. В глубокой темноте на дне водоема усы могут прийти на помощь бессильному тут зрению и чутью. Они нащупывают рыб и раков в корягах, под камнями.

Увлекшись охотой, выдра широко передвигается по своему охотничьему району, иногда выходит и за его пределы. В этих случаях она часто остается на дневке там, где охотилась. Такой образ жизни заставляет ее иметь несколько временных логовищ в разных местах. Эти временные укрытия представляют собой неглубокие норы на берегу или в корнях дерева, а иногда просто углубления. Это значит, что в основной норе не всегда застанешь выдру.

Основную нору выдра устраивает для вывода в мае двух или четырех детенышей. Ход в основную нору обычно находится под водой на глубине полуметра. Нора постепенно повышается над уровнем воды и на некотором расстоянии от входа расширяется, образуя логовище. На поверхности земли под прикрытием растительности имеются один-два отнорка. Эти отнорки значительно у́же входа и служат, повидимому, только для доступа воздуха.

Выдра опрятна, как и барсук: нору свою она не загрязняет. Взрослые выдры вместе не уживаются и, если встретятся, жестоко грызутся. Молодые, однако, долго находятся при матери и целым выводком охотятся с ней. Молодые выдры очень любят играть друг с другом.

Подводная охота, требующая чрезвычайно быстрых и сильных движений, вызывает, конечно, и быстрое утомление. Сытую выдру клонит ко сну. Отдыхает она в самых разнообразных позах — калачиком, на боку, распластавшись на животе, а иногда и на спине, с вытянутыми по бокам лапами. Скоро голод будит выдру, и она снова отправляется на охоту. Перед тем как начать есть, она частенько прополаскивает добычу в воде.

Выдру нельзя считать зверем вполне оседлым. Она расстается с обжитым местом легче, чем многие другие звери. Несмотря на то, что она может прокормиться в занятом ею коренном районе, она нередко оставляет его. Возможно, что такие кочевки вызываются необходимостью выбрать район для зимовки с теплыми ключами, быстринами, вообще с участками незамерзающей воды. Ведь разобщение с родной стихией грозит выдре смертью. Своевременное переселение, пока во́ды свободны ото льда, для нее не составляет трудности. Но что делать, когда зима уже наступила и закрыла все доступы к воде? Выдра в таких случаях решительно предпринимает далекое, иной раз опасное путешествие по суше, по глубокому снегу, перебираясь даже, как установлено, через высокие горные хребты.

Выдру считают животным молчаливым. Скрытое, да еще подводное животное не так часто подает голос, но все же и не так редко, как можно бы ожидать. Голос выдры слышат более или менее случайно, поэтому и считают его редкостью. Если же заняться специальной целью ознакомиться с голосом выдры, — особенно там, где живет выводок, — услышишь и своего рода верещание, и трещащие звуки, и резкий, пронзительный свист. Работники зоопарков часто слышат голос выдры. Однако голос матери и детенышей при окликании и предупреждении об опасности можно услыхать только на воле.

Выдра проводит много времени в норе и под водой. Такой скрытый образ жизни затрудняет изучение этого интереснейшего зверя. Выдра обладает способностью, которую, казалось бы, трудно ожидать в этом звере-невидимке. Она быстро приручается и привязывается к человеку. Известны случаи, когда выдра следовала за хозяином к водоемам и вытаскивала крупных рыб, которых хозяин у нее отбирал.

Значительное число выдр (там, где охота на них разрешена) добывается при случайных встречах, несмотря на то, что человек выдумал много способов ее ловли. Это подтверждает трудность охоты и осторожность выдры, способной скорее попасться врасплох, чем поддаться на уловки.

Выдра водится почти повсеместно. Размножается она очень медленно.

Во многих областях, краях и республиках СССР добывание выдры запрещено.

Кроме способов добывания на засидках, с подхода и капканным ловом, охота на выдру производится и с собаками. Наша лайка прекрасно может работать и по этому зверю, при достаточной ее натаске. Собака бросается вплавь по принятому зверем направлению и обшаривает берега, где выдра могла найти себе временное убежище, или находит ее нору. Охотник зорко следит за появлением выдры на поверхности. Во время преследования выдра, конечно, не покажет своего туловища над водой, но принуждена время от времени высовывать свой нос для того, чтобы подышать. Утомленная преследованием, она нередко спасается на берегу или под берегом в вымоине, в корнях деревьев, в камнях, валежнике. Если поблизости имеется другой водоем, выдра нередко делает переход по суше, задерживаясь иногда в зарослях по пути. Тут ее и настигает собака.

Без злобной чутьистой собаки, если нет следа зверя на снегу, разыскать в таких случаях выдру невозможно.

Если обнаружат по снегу свежий след выдры от водоема, ее выслеживают и догоняют.

Застав выдру в водоеме, ее преследуют на челне: ведь по воздушным пузырькам легко уследить ее подводный ход. Один гребет, другой с ружьем наготове сидит в ожидании, когда зверь высунет морду.

Тонет ли выдра? Как может утонуть такой пловец? Казалось бы, такое несчастье с выдрой может случиться только в том случае, если она попадает в капкан, в рыболовную снасть. Но и тогда выдра, собственно, не тонет, а, попав в ловушку, захлебывается. Но убитая выдра иногда тонет на глазах охотника. Почему же иногда, а не всегда?

Ответ на этот вопрос заключается в следующем: убитая выдра по общему закону физики тонет, когда ее тело окажется тяжелее равного объема воды, и не тонет, когда объем ее тела легче равного объема воды. Нарушает это равновесие воздух, который выдра набирает в легкие и выдыхает. Когда выдра убита до того, как успела набрать воздух, она тонет. Если же выдра вдохнула в легкие воздух и тотчас же была убита, она не тонет, остается на поверхности воды.

Охотнику это трудно определить. Иной раз один какой-нибудь миг позволяет сделать выстрел по долгожданному зверю. Не выстрелишь в этот миг — и больше уж не придется совсем стрелять.

Охотник, однако, обязан по возможности учесть поведение зверя и выбрать благоприятные условия для выстрела *. Не надо забывать, когда и куда стрелять, чтобы убить зверя наповал и получить его в руки. Не дашь выдре набрать воздуха, поторопишься, убьешь, а взять нечего: зверь утонул.

Надо помнить, что, кроме этих досадных случаев потери добычи, возможна гибель подранка, часто по небрежности и бесхозяйственности охотника. До и после выстрела нельзя забывать о возможных мерах предупреждения потери добычи.

Стреляя на авось, не задумываясь о результате, выбивать без пользы ценную единицу каких бы то ни было видов животных — недостойно звания культурного охотника.

---

* В настоящее время охота на выдру в ряде районов СССР запрещена. — *Ред.*

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ СЛЕДОПЫТА

КАК ОПРЕДЕЛИТЬ СВЕЖЕСТЬ СЛЕДА

Составить полное практическое руководство к распознанию следов невозможно, так как многое в этой области не поддается выражению словами, но дать интересующимся лицам краткое изложение этого предмета — безусловно полезно.

В л и я н и я н а в н е ш н о с т ь с л е д а. Выпадение снега, та или иная степень влажности его, глубина снежного покрова, величина, форма и плотность отдельных снежинок, действие на них ветра и температуры, другие погодные условия и характер освещения являются главными причинами, влияющими на внешность и крепость (твердость) следа, а внешность и крепость являются основанием для определения его свежести.

Проложенный по снегу след зверя имеет поэтому и разнообразное выражение, которое быстро или медленно изменяется в зависимости от погодных условий.

С л е д з в е р я и л и с л е д о т з в е р я. Под следом в широком смысле подразумеваются те изменения и признаки, которые зверь делает, оставляет на снегу, земле, траве, деревьях и вообще на тех предметах, к которым прикасается.

Таким образом, следом, оставляемым зверем, будут: признаки лежки, норы, ямы, царапины (по земле, снегу, деревьям и т. д.); метки, оставляемые зубами, рогами на разных предметах, в том числе и на добыче; выедание мяса, откусывание и дробление найденных костей, разрывы туши найденного или пойманного животного, потаска от добычи, прикосновение какой-либо части туловища к снегу, например трубы у лисицы или пасти (хватание снега); сваливающиеся посторонние предметы как с туловища зверя (брызги воды, песчинок, земли, хвои и др.), так равно и с задеваемых предметов, например снега и инея с веток, валежника, изгородей и т. д.

В тесном же значении слова под следом подразумеваются знаки, оставляемые ногами зверя при движениях и передвижениях.

В этом значении слово след, и именно по снегу, будет употребляться как термин в дальнейшем изложении, хотя даже малейшие признаки следов в широком смысле не должны оставаться без внимания следопыта.

В ы в о л о к а и п о в о л о к а. Говоря о следе и об определении его свежести, нельзя не упомянуть о выволоке и поволоке как о составной части следа по глубокому снегу.

Вынимая ногу (лапу, копыто) из ямки следа и занося ее на следующий шаг, зверь выволакивает из ямки часть снега и распахивает снежную поверхность по направлению своего хода, а так как подъем ноги делается постепенно (особенно на обычном аллюре или на шаге), то на снегу остается черта от выхода из ямки до тех пор, пока нога не поднимется над поверхностью снега.

Черта (лоток) у выходной стенки ямки следа при рыхлом снеге бывает нередко шире самой ямки, а затем обычно суживается, превращаясь в черточку.

Лоточек, начинающийся от передней части ямки следа и продолжающийся в виде черты до тех пор, пока она не кончится от подъема лапы (ноги) или не начнет сливаться с чертою от снижения лапы на следующий шаг, называется выволокою.

Выволоку, однако, составляет не одна черта, которой может и не быть при мелком снеге или настороженном ходе зверя, но и часть передней стенки ямки следа, края которой несколько нарушены подъемом лапы, вместе с осыпью выволоченного и всколыхнутого снега.

Приблизительно на половине расстояния между шагами нога начинает постепенно снижаться перед тем, как ступить в снег для завершения шага, и оставляет на снегу черту, называемую поволокою. Поволока, следовательно, начинается тонкою чертою, являясь продолжением выволоки, и расширяется, представляя собою при опускании ноги в снег полосу шириною лапы в комке. Выволока и поволока иногда соединяются, иногда же между ними остается промежуток. Спуск в ямку следа поволоки чаще значительно более отлогий, чем подъем из ямки следа у выволоки. Выволока указывает направление хода рваными разрывами поверхности снега при выходе из ямки и осыпью выволоченного снега. Этот признак особенно ценен при метели и сыпучем снеге.

Разные виды снега. Снег бывает разный: влажный — воздушный и мокрый, тронутый оттепелью и замерзший после оттепели или дождя в корку, и сыпучий, промерзший, похожий на хинин, и перистый — нежный и кристаллический, осаживающийся инеем, и зернистый, как пшеничная мука или столовая соль, и выпадающий перед переменою погоды в виде крупки, и уплотненный ветром и подтаявший от действия солнца, замерзший затем до степени наста и др., не считая промежуточных видов.

Оттенки снега. Разнообразные оттенки белизны снега зависят от освещения, а отчасти и от свойства снега.

Снег представляется то матово-белым — меловым в серую погоду, то серовато или дымчато-белым, как плохие белила, то лиловато-свинцовым в зависимости от облаков, их высоты и прозрачности воздуха, то искрящимся с розоватым от солнечных лучей или синеватым и серебряным от затемнения оттенком, как рассыпанный нафталин, то розовым и пухлым, как шелковистая вата, и т. д.

Влияние освещения на след. Когда смотришь на картину, особенно написанную масляными красками, легко замечаешь, как влияет освещение на расположение тканей, на затемнение или просветление не только красок, но и рисунка. Понятным станет и влияние освещения на восприимчивый белый снег, отражающий световые лучи и красочные оттенки.

Многие следы при свинцовом мглистом освещении могут показаться старыми, будто они замшились от ветра или инея, но стоит заслонить их рукавицею или полою одежды, как одновременно с уменьшением доступа невы-

годного освещения воскресает истинная физиономия свежего следа.

То же самое можно наблюдать вечером, осветив фонарем следы. Днем эти следы казались тусклыми, несвежими, а при свете фонаря они представляются белыми, ясными с явственной подошвой и острыми закрайками ямки. При свете фонаря ясно представляются воздушность всколыхнутого свежим следом снега и не успевшие осесть пышно лежащие, мельчайшие, разрозненные снежинки, которые в мглистый день не были бы заметны.

При солнце не было бы сомнений, навеянных мглою серого дня. Солнце может быть названо всегда бодрым помощником следопыта, хотя оно имеет способность не только разоблачить истину, но и делать похожим на истину то, что без его лучей было бы понятно скорее, — солнце молодит иногда старые, хорошо сохранившиеся следы.

Пороша. Порошею в охотничьем значении этого слова называется свежевыпавший снег, закрывший следы предыдущих суток.

Пороша носит иногда название длинная, когда снег кончился задолго до света (или еще с вечера), и короткая, если снег перестал незадолго до рассвета или с рассветом. Длинною или короткою пороша, следовательно, называется по количеству времени, какое остается после выпадения снега до света, т. е. до обычного времени дневки зверя.

Мертвою порошею принято считать такую, которая, закрыв окончательно все прежние ямки следов, перестала к рассвету. Мертвая пороша, следовательно, обильна снегом и коротка. Название мертвая, по всей вероятности, объясняется тем, что отсутствие после такой пороши даже признаков прежних следов делает снежную пелену безжизненною, мертвою, за исключением участков со сравнительно редкими, но зато совершенно свежими следами, ведущими большею частью на лежку.

Пороша, в особенности мертвая, служит, без сомнения, лучшим средством для бесспорного определения свежести следов.

Чтобы знать, как отозвалась на следах не только пороша, но и погодные условия вообще, надо установить некоторое наблюдение. Полезно знать, когда началась по-

роша, когда кончилась, какова толща вновь выпавшего снега, каков был мороз, ветер и проч.

Без пороши. Если даже при пороше (подразумевая длинную порошу) возникают иногда сомнения в свежести следа, то можно себе представить, насколько определение свежести следа без пороши является делом не легким! А между тем определение свежести следов вообще составляет одну из важнейших ступеней в технике зимней зверовой охоты.

Познания в этой области требуют практики. Эта практика должна быть беспрерывной. Перерыв в занятиях ослабляет восприятие многих деталей, и тонкости могут остаться незамеченными. Впрочем, когда опыт приобретен, перерыв скоро сглаживается при возобновлении занятий.

Чрезвычайно полезно вечером, а если представится случай, то и ночью, следя за погодою вообще, выйти на улицу и на открытом и защищенном месте проложить несколько следов и, кроме того, сделать на поверхности снега какие-нибудь знаки. Полезно палочкою начертить какое-нибудь слово: всякие малейшие изменения в четкости букв будут острее подмечены вашим вниманием, чем на ничего не говорящем знаке или черточке.

При осмотре утром этих следов, знаков и слов станет понятною ночная погода и степень ее влияния на следы. Приемы эти, несомненно, облегчают определение свежести следов на охоте.

При пороше, за которой было установлено некоторое наблюдение, и при пороше, даже слабой или длинной, дело в большинстве случаев обстоит довольно ясно, но охотнику нельзя ожидать одних мертвых порош, ему необходимо приобрести умение определять свежесть следа и без пороши, так как отсутствие ее не исключает еще возможности распознать, при наличности некоторых явлений в природе, свежий след от канунного или более старого следа. К таким явлениям, позволяющим в некоторых случаях безусловно, а иногда лишь с большею или меньшею вероятностью отличить свежий след, относятся: оттепель, следующий за оттепелью мороз, влияние мороза на всколыхнутые следами частицы снега (затвердение следа), незначительное выпадение снега, крупки инея, снежная осыпь в лесу, значительная перемена температуры и заносы.

Внимание и наблюдательность следопыта. Из перечисления многочисленных и иногда трудно

уловимых признаков, оставляемых зверем, разнообразных видов и свойств снега и громадного влияния освещения на внешность следа можно представить те необходимые внимание и наблюдательность, какие сопровождают работу следопыта.

Средств же для распознавания следов в распоряжении следопыта всего два — зрение и осязание.

Нередко зрение улавливает необъяснимые словами признаки свежести следа. Такой след может быть и нечетким, подробности в нем как будто сглажены или их даже может и совсем не оказаться, а необъяснимая словами живость следа все же существует.

Оттепель. Оттепель заменяет недостающую порошу. Оттепель и пороша, разумеется, являются, как общее правило, определителями свежести следа в течение главным образом первого дня.

Отпечаток следа в оттепель явен во всех своих подробностях, — влажная масса снега чувствительно воспринимает оттиск. Благодаря сцеплению отдельных снежинок (по причине овлажнения), ступня зверя печатается не на рассыпающихся разрозненных снежинках, а на массе, которая вдобавок препятствует осыпи снега в ямку следа, а следовательно, и заглушению рисунка. Подошва ямки следа уплотнена и чиста, резко изображая отпечаток с подробностями, например мякишей пальцев, когтей, пятки, промежутков между ними в виде выпуклых снежных полосок.

След, проложенный в оттепель, отпечатывается, как на сырой глине, след же в мороз, в зависимости от свойства снега, приблизительно подобен следу на сухой или влажной, рыхлой земле. Нетрудно поэтому, даже на основании этого описания, заметить разницу свежих следов в оттепель и в мороз. Значительно труднее понять особенность как следа, проложенного по морозу и подвергшегося затем действию оттепели, так и следа оттепельного, подмерзшего впоследствии.

Чтобы уметь различать свежий след, надо знать особенности старого, и наоборот. Опытность следопыта, как и понимание особенностей каждого предмета, приобретается путем постоянных сравнений.

След в оттепель имеет вид тиснения, так как снежная мокрая масса спрессовывается ступнею; оттиск получается

четкий и живой, нося желто-белый или сине-белый, а то и чисто белый оттенок.

След по морозу, подвергшийся действию оттепели, леденелый, более тусклый, с синеватым оттенком. След же в оттепель, подмерзший впоследствии, подобен льду; сохраняя иногда ясность отпечатка, он теряет все тонкие подробности оттиска и сжимается.

В оттепель, особенно незначительную, впереди следа и по бокам выбрасываются крошки снега, которые иногда, обваливаясь в пухлом снеге, образовывают катышки. Крошки и катышки бывают и в очень мягкую морозную погоду при свежевыпавшем пухлом снеге. В сильную же оттепель снег настолько овлажняется и уплотняется (садится), что на спокойном обычном ходу зверя не дает крошек, выделяя их (и то не всегда) при машистых прыжках зверя.

Ямки следа в значительную или продолжительную оттепель получаются глубже, чем в морозную погоду. Следующий день оттепели (если разница в температуре с предыдущим днем большая, например было +1°, а стало +6°) тоже может быть пригодным для распознавания свежести следа. След канунный, расплываясь, теряет детали оттиска, блекнет и принимает признаки прежнего следа; след же, сделанный в день усилившейся оттепели, получается из-под ступни зверя уже в увеличенном объеме — лепешкою, обрамленною ободком выдавленного ступнею зверя раскисшего снега, и подобен следу по жидкой грязи. Такой след, несмотря на его безобразную форму, сохраняет живые детали рисунка, которых не замечается в следе канунном, сделанном в меньшую оттепель.

Если канунный след сопровождался упомянутыми при наступлении оттепели крошками, то на следующий день крошки эти обтают, не будут иметь вид свеженагроможденных песчинок, кусочков, с характерными для свежего следа острыми краями у этих кусочков, так как они начнут оседать и плавиться.

Рядовые дни ровной и незначительной оттепели, приблизительно до +2°, при тихой, серой погоде и в особенности при точке замерзания, создают условия неизменяемости следа. Тогда распознавание свежести становится невозможным.

Первый мороз после оттепели. В зависимости от степени оттепели и силы последующего мороза, влияющих на образование корочки снежного покрова, след либо представляет большие или меньшие углубления отпечатка, с неясным рисунком и осколочками корки, либо обозначается лишь трещинками оседающего под ступней пласта — иногда без отпечатка подошвы, — либо прорезает корочку растопыренною лапою (копытом), оставляя ясные прорезы, соответствующие очертанию лапы или копыта, либо не оставляет никакого признака, проходя ве́рхом и не повреждая затвердевшей корки.

Небольшая оттепель или значительная, но короткая дает при наступлении мороза рыхлую пленку, корочку, которая не держит ни зайца, ни лисицу. Такая пленка выдерживает зайца и лисицу лишь на таких открытых местах, где снег еще до оттепели был уплотнен ветрами; в последнем случае корка становится крепче и выдерживает зайца и лисицу без признака следов, с прорывами их на более слабых участках.

Проламывающаяся корка при передвижениях человека дает глухой шум, похожий на хруст жующей лошади.

Продолжительная, не слабая оттепель дает сильное уплотнение снега, а последующий мороз сливает и заковывает снежный покров до образования корки, держащей иногда человека. Такое состояние снежного покрова также исключает возможность увидать признаки следа.

При повороте на мороз, во время перепадающего дождя, получается ноздреватость снежного покрова, не выдерживающего даже зайца, особенно на машистых прыжках.

По корке, хотя бы изредка проламывающейся, зверь топырит пальцы (копыто). Отпечаток лапы получается иногда неполный; отпечатываются только пальцы и когти.

При прохождении зверя по верху с редкими проломами корки освещение имеет еще большее значение для обнаружения следа, и в серый день с хмурыми облаками проглядеть легкие проломы пальцев или одних когтей — дело более чем легкое.

Не мешает помнить, что при отсутствии тихих порош, окончательно закрывающих прежний покров, следы, проламывающие корку, имеют способность долго держаться без изменения. Даже при порошах, когда ветер сносит снег, оставляя голые участки затверделого покрова, —

старые следы по корке часто сбивают охотника; лишь признаки следов по наносному снегу или остаток на нем черты выволоки и поволоки указывает на свежесть следа.

Свежесть следов и мороз на следующий день после оттепели, если след проламывает корку или оставляет хоть малейшие знаки, может быть определена без затруднения по описанным характерным признакам следа в оттепель и по морозу. Мороз за оттепелью служит, таким образом, при отсутствии пороши средством определения свежести следа только в первый день; в следующие дни только совершенно свежий след может быть отличен иногда от канунного. Впрочем, это возможно лишь в том случае, если корочка проламывается, т. е. по степени оседания и пристывания сколов друг к другу и к окружающей среде.

З а т в е р д е н и е с л е д а. Распаханная следом снежная поверхность обнажает частицы снега из-под верхнего слоя. Обычно под верхним слоем температура бывает более теплой. Частицы такого снега, выброшенные на поверхность, застывают от действия морозного воздуха.

Если след делает разрыв снежного уплотнения или корочки, то получаемые от разрыва осколки примерзают к поверхности снега.

След в мороз, одним словом, стынет. Замерзает он в большей или меньшей степени, скорее или медленнее в зависимости от свойства снега и силы мороза.

На этом свойстве затвердения снега и основано распознавание свежести следа ощупью.

Определение ощупью свежести следа имеет преимущественное значение для того, чтобы отличить след недавно прошедшего зверя от следов, значительно старших. Распознавание же следов, скажем, канунных (вечерних) от более старых ощупью чаще всего не удается.

Часа через три-четыре после проложения следа при нескольких градусах мороза след начинает заметно, но постепенно твердеть и ощупью возможно отличить свежий след от значительно более старого.

Сначала твердеет подошва следа, как наиболее уплотненная и наиболее обнаженная площадь (вместе с нею твердеют и выпуклые полоски снега, выдавленные между пальцами, пяткою и пальцами или копытами). После этого начинает твердеть стенка ямки следа.

Разница между старым и совершенно свежим следом делается понятною после ощупывания их. Щупать след надо рукою, деликатно, так, чтобы можно было определить разницу в сопротивлениях застывшего следа и рыхлого. При этом нужно внимательно выяснить, не происходит ли ощущаемая твердость стенок следа от присутствия в толще снега коркообразного пласта, находящегося нередко между слоями мягкого снега после бывших ранее оттепелей.

Для сравнения надо в нескольких местах около следа осторожно продавить рукавицей или ногою такие же углубления, как ямки звериного следа, и ощупать не телько мягкость ямок, сделанных для опыта, но и следа зверя; при ощупывании следует внимательно обследовать подошву ямок, верхний обрез их и стенки под обрезом.

Так как голая рука от холода может сделаться нечувствительной, при проверке полезно пользоваться палочкой. Палочка позволяет легонько разрушать подошву следа и стенки ямок. В этом случае следует обращать внимание как на степень сопротивления, какую окажет пристывший след, так и на шорох, получаемый обыкновенно от прикосновения палочки к следу. В совершенно свежем следе палочка проникает из ямки в окружающую толщу снега бесшумно, как в воде.

При незначительности морозов и влажности воздуха след стынет мало и определить тогда ощупью свежесть затруднительно.

Распознавание следов при незначительном выпадении снега или при крупке. Когда говорят о незначительном выпадении снега или крупке, то не имеется в виду такое выпадение осадков, которое подходило бы под термин пороши в том значении его, как это было определено выше. Под таким выпадением снега подразумеваются незначительные осадки, прикрывающие и старый и свежий следы, безотносительно к тому, в какое время они выпали.

Стоящая несколько дней однородная погода при неблагоприятном освещении не дает возможности отличить свежий след от старого. На самом деле какая-нибудь разница между старым и свежим следами существует, но ни осязанию, ни зрению разница эта часто не поддается.

Восприимчивые и чувствительные, легковесные снежинки ложатся на снежную пелену неодинаково плотно,

как неодинаковы их форма и величина. Площадь, на которую они осаживаются, представляет собой далеко не ровную поверхность.

Незначительные выступы и возвышения, видимые глазом, далеко еще не исчерпывают всех шероховатостей, которые вполне достаточны для задержания на них выпадающих снежинок.

Как было уже сказано, ямки свежего следа имеют более или менее острые грани; грани эти с течением времени закругляются, оседают и твердеют. Но подчас эти признаки свежести и устарелости следа не поддаются определению ни осязанием, ни зрением. На вновь падающие снежинки разница в виде старого и свежего следов, несомненно, оказывает влияние, и они, не достигая нижележащих предметов, унизывают собою более острые и возвышенные края следа, отличая этим более свежий след от более старого. Тогда разница становится видимою.

Незначительное выпадение снега помогает иногда определить свежий след; выпадающий снег, заполняя мягкие ямки свежего следа, более однородные по свойству снежинок с выпадающими, сцепляется с ними воздушнее; вследствие этого у края ямки получаются нередко скважинки или пустоты. Старый же след (более твердый) заполняется ровно, примерно так, как заполняется стакан песком (см. ниже «Заносы»).

Вследствие большой однородности свежевыпавших снежинок со снежинками свежего следа получаются разные отражения следов. В старой рамке следа запорошенная середина выделяется своей белизною; она имеет бо́льшую четкость белизны в сравнении с зачерствелыми стенками ямки. Свежий же след меньше выделяется, так как у него снег по цвету везде однороден.

Выпадение крупки (по форме и величине схожей с перловой) — явление редкое. Крупка как по своей округлой форме, так и большой белизне отличается от обычного снежного покрова. Это помогает, так же как и при инее, определить, относится ли след ко времени до выпадения крупки или же ко времени после выпадения. Благодаря своему характерному виду, она позволяет острее заметить свежий след, даже когда ее выпадает меньше, чем обыкновенного снега.

В случаях заглушения следа крупкою или инеем до неузнаваемости следует нагнуться к следу и сильно дунуть: крупка или иней вылетают из ямки, и рисунок следа восстанавливается.

Распознавание следов при инее. Кристаллический снег в виде инея осаживается непосредственно на землю. Он припорашивает снежный покров. Этим он значительно изменяет след. Бывает, впрочем, что влияние инея на изменение снежной пелены сказывается и тогда, когда ветер сдувает его с деревьев.

Иней характерен своими фигурными блестками; благодаря этому, он сильно отличается от обычного снежного покрова. Его внешность помогает различать свежесть следа даже при незначительном выпадении инея. Впрочем, как и всякое явление, изменяющее внешний вид следа, иней при несвоевременности выпадения может и затруднить определение свежести следа. Осыпаясь неожиданно с деревьев, он чаще, пожалуй, чем другое явление, способен в один миг припорошить след.

След по инею определяется по придавленным ступнею зверя кристаллическим пластинкам.

Садясь решительно на все предметы, иней особенно заметен на предметах выступающих. В этом случае он увеличивает их размеры. Садится иней не только плоскою стороною своих пластинок и звездочек, но и ребром. Поэтому предметы, покрытые инеем, имеют шершавый, щетинистый вид.

Это свойство инея помогает различать старые следы, которые можно было бы принять за свежие, если б они не замшились инеем. Благодаря окружению колючим валиком инея, такие следы кажутся уже издали мохнатыми.

Иней садится незаметно. Стоящий туман отодвигается постепенно, а вместо него на всех предметах остается иней. Дни, когда осаживается иней, бывают чаще мглистые, с лиловатым тяжелым освещением, очень затрудняющим рассматривание следов.

Снежная осыпь с деревьев. Нередко в течение долгой зимы верховая и низовая метели, а то и тихое выпадение обильного, влажного снега придают лесу незабываемую красоту. Влажный воздушный снег унизывает все сочленения и стволы деревьев, пластами и комьями ложится на опахала елей, сгибая ветви своею тяжестью. Молодое хвойное редколесье кажется глухим,

темным лесом; крупный строевой лес с подсадом молодняка подобен непроходимой тайге, а заросли лиственного молодняка представляются сплошною, беспрерывною стеною.

Стоит подняться ветру, как глухо зашлепает тяжелый снег, комки его изноздрят снежный покров у подножья деревьев, а более легкий, пушистый снег закурится, как дым при лесном пожаре.

Такое явление вполне сходно с порошею, но разница в том, что пороша эта проходит только по лесу.

При выслеживании после осыпи надо внимательно осматривать снежный покров, иначе изноздренный от падения комьев снег может притупить зрение, отвлечь внимание от схожих ямок следов.

Распознавание следов при значительной перемене температуры. Значительная перемена температуры не мало отражается на возможности определить след. Например, сильное увеличение мороза способствует быстрому затвердению следа.

О влиянии мороза на снег мы уже упоминали выше, когда касались определения свежести следа на ощупь. Не меньшее влияние на следы оказывает сильное повышение температуры. В этом случае затвердевшие старые морозные следы отходят не сразу; еще долгое время они остаются крепкими; свежесть же нового следа при потеплении видна на глаз. При сравнении его со старым следом даже новичок может выделить его.

Старый след, проложенный при сильном морозе после резкой перемены температуры на повышение, обычно бывает блеклым, теряет живость; крошки, закрайки следа и выволоки оседают, самый след теряет свои грани.

Следы при заносах. Заносы — капризное явление в деле распознавания следов. Иногда заносы, как и всякое незначительное выпадение снега, выявляют все особенности свежего следа, иногда они портят все дело.

Большую помощь заносы оказывают в том случае, когда, например, метель прекратится к рассвету и получается своего рода пороша.

С точки зрения следопыта, под заносами нельзя подразумевать одновременное действие падающего снега и ветра, т. е. метели в общеупотребительном значении этого слова. Здесь следует принимать в расчет только воздей-

ствие ветра на снежную пелену, на прежде выпавший снег.

Заносы бывают разные. Свойство их зависит от разновидностей снега, силы, направления и характера ветра, температуры и влажности воздуха, от пространства, на которое ветер распространяется, и от встречаемых ветром препятствий на своем пути.

В лесу тишина: ни одна веточка не шелохнется и не сронит своего снегового убора. Следы сияют своею четкостью; в то же время в поле нет и признаков следов. Присматриваешься к снежной пелене поля и только против стенки леса да по возвышенностям на фоне неба замечаешь, как дымится и бежит снег, еле отделяясь от поверхности под напором незначительного, но ровного ветра. Это типичная поземка — низовая метель. Она с настойчивостью засыпает своим мелким, как бы просеянным снегом все скважины и пустоты; она действует успешнее, чем более сильная и порывистая метель.

Когда лес, потрескивая и поскрипывая, дымится снежною пылью, — поле в снежном тумане. Ветер с беспокойством то ударяет по снежной пелене, то подхватывает снег с поверхности, подкидывает его своими вихрями кверху, вьется вокруг него и вновь ударяет книзу. Затих ночью такой буран, — и на поле, и в лесу пороша.

Часто низовая метель, в зависимости от свойства снега и предшествовавшей погоды, раскрывает когда-то засыпанный порошею или метелью старый след. Иногда же, занося его тем же верховым снегом, делает его схожим с занесенным, но свежим.

Заносы влияют на распознавание следов совершенно различно. В местах открытых они нередко вызывают сильное сомнение в свежести следов. Наоборот, малейшая защита ослабляет или парализует их действие самым неожиданным образом. След на поле при заносах может не возбуждать сомнений в своем давнишнем происхождении, продолжение же этого следа за первым же заслоном может нередко поразить следопыта своей сияющею свежестью для того, чтобы снова окончательно повергнуть в уныние при последующей потере вновь вышедшего в поле следа.

Влияние заносов на следы и влияние на заносы разных преград удивительно. Возьмем, например, случай, когда при переходе зверя через дорогу с одной стороны ее ви-

дишь след совершенно явственно, а по другую сторону продолжение этого же следа трудно заметить даже при напряженном внимании. Оказывается, достаточною преградою для остановки заноса послужило ребро дороги. Такие же превращения замечаются около кустов, деревьев и проч. Бывает так, что след до куста еле виден, но не успел он хотя бы частью одной своей ямки завернуть за защиту, как явственно подтверждает свою свежесть.

Во время метели и после нее часто бывает трудно различить направление следа, так как основание ямок оказывается засыпанным снегом. Нередко выволока делает разрывы снежной поверхности от ямки следа, указывает направление хода. Когда же снег уплотнен, — выволока весьма четко указывает направление хода рваными поломами снежного покрова, кусочками разбитого пласта и занесенными снегом крошками.

Свежесть следа при метели узнается иногда по сохранившимся местами черточкам выволоки и поволоки, а также по просвечивающим иногда пустотам — скважинам в ямке следа.

Иногда выпуклость рамки (стенок) свежего следа на непромерзшей толще снега составляет относительную преграду для заноса Из-за этого ямка следа не засыпается, а затягивается снежинками, причем в ямке часто остаются щели и скважинки. В отличие от пустот, скважинок и щелок на старом следе грани этих отверстий у свежего следа бывают более острыми.

Занесенный свежий след зачастую кажется более слепым, чем старый. Это бывает тогда, когда у следа нет скважинок и пустот. Происходит это оттого, что в свежем мягком следе края ямки представляют собою более свежую, однородную с нанесенными снежинками массу, чем в старом затвердевшем следе, и поэтому свежий след менее выделяется в окружающей снежной пелене. Старый же след, приняв в свои мерзлые ямки нанесенный снег, всегда заметен: у него середина заполненных свежим снегом ямок больше, чем стенки рамок, которые были оставлены зверем на старом снегу.

При определении свежести следов, подвергшихся действию метели, освещение играет важную роль.

Следы при влажном, воздушном снеге. Чтобы отличить свежий след от старого, надо знать, какова должна быть его внешность, которая во многом за-

висит от свойства снега и освещения. О влиянии разных видов освещения и снега мы уже говорили выше. Остается упомянуть о влажно-воздушном снеге и его влиянии на отпечаток следа.

Снег влажный, воздушный, не успевший осесть вследствие недавнего выпадения или по незначительности мороза, всегда дает четкий отпечаток и подробный рисунок всех частей подошвы, если он не слишком глубок и если нога зверя не проникает глубоко в толщу снега. В этом снеге выволока и поволока кажутся одинаковой свежести со следом. При снеге других перечисляемых ниже видов выволока и поволока часто кажутся более свежими. Однако приведенный признак не постоянен вследствие того, что внешность следа зависит от освещения.

Передняя стенка следа окружена валиком воздушного, нежного снега, быстро оседающего от времени и от незначительной перемены погоды. По этой причине выволока и поволока обычно теряют тонкость линий; оставляя ясную борозду, они теряют пухлость и живость всколыхнутого снега по краям. Этот признак стареющего следа отмечается, конечно, и на краях самой ямки следа, а также, хотя и в меньшей степени, в подошве.

Следы в промерзшем снегу. След в этом снегу несколько подобен следу зверя в сыпучем песке. Такой снег, похожий на хинин, образуется при сильных морозах в середине зимы, когда солнце еще не оказывает влияния ни на уплотнение снежного покрова, ни на изменение снежных частиц.

Благодаря сыпучести промерзшего снега, общий вид следа зависит исключительно от глубины проникновения ноги зверя в снежную толщу. Когда в толще имеется корка, образовавшаяся от бывших оттепелей, ступня зверя не может проникнуть глубоко в снег и останавливается на твердом пласте. В таких случаях ямка следа менее засыпается снегом, не сильно заплывает и представляет собою четкий отпечаток ступни зверя, хотя и без всякого рисунка. Наоборот, большая глубина однородного промерзшего снега делает след совершенно глухим в смысле какого бы то ни было отпечатка подошвы. В этих условиях след превращается в подобие засыпанных снегом воронок. Поэтому иногда встречается затруднение не только в определении свежести следа, но даже в определении направления хода зверя; пятка и носок получаются одинаковыми

и бесформенными, выволока и поволока, вследствие обсыпания снега, схожи.

Такие следы наблюдаются преимущественно в местах, имеющих защиту от ветра, например в хвойных лесах или в поле, где почва под снегом покрыта мохом.

Конечно, можно проследить и этот глухой (хотя и свежий) след; можно также выяснить его направление, но это всегда отнимает не мало времени.

Иное дело — в открытых местах. Здесь снег хотя и незначительно бывает уплотненным, выволока делает в снежном покрове вполне уловимый, характерный рваный разрыв — указатель хода. По такому снегу направление хода только что прошедшего зверя удается иногда узнать по следующему признаку. Во время хода зверя в одном из уголков продольной линии ямки следа снег иногда отстает от подошвы следа пластом и дает в нем скважину; в этом случае отставшая часть следа может быть почти безошибочно сочтена за отпечаток пятки зверя. Если же в поле лежит мелкий снег или если в толще снега находится коркообразный пласт, то нога зверя плотно прижимает и как бы спрессовывает снег, так как она опирается на твердое основание. Благодаря этому, можно различить очертания носка или пятки следа. А это, в свою очередь, позволяет определить и ход самого зверя.

Внешний вид выволоки и поволоки нередко дает возможность определить еще и свежесть следа. Однако тут приходится руководствоваться и данными, которые получаются от непосредственного осязания следа рукою. Положиться на верность определения, основанного только на внешнем виде следа, выволоки и поволоки, нельзя, так как в сильно морозные, безветренные дни (особенно в солнечную погоду) многодневные выволока и поволока четко сияют и невольно производят впечатление свежих следов.

Определение свежести следа при совершенно однородной, сильно морозной, безветренной погоде, стоящей продолжительное время, является довольно трудной задачей. Свежие следы стынут быстро; затвердев, они становятся похожими на старые. Если же, благодаря сыпучести снега, подошва следа остается неуплотненной (след в таких случаях не твердеет, а черствеет), то это обстоятельство еще больше сближает сходство старого со свежим следом. Но стоит подуть хотя незначительному ветру, как

след по краям замшится (замохнатится), а вместе с тем пропадает — затушуется — и ясность выволоки и поволоки.

Следы в перистом снегу. В конце зимы (в феврале и марте) иногда выпадает обильный перистый снег.

Этот снег по своему влиянию на четкость отпечатка следа может показаться схожим с упомянутым выше влажным снегом.

Перистый снег своим названием указывает, что снежинки имеют вид птичьего пера и, следовательно, представляют собою тонкие, кружевные, прямые и выгнутые, удлиненные или округлые опахала разной величины. Естественно, что при надавливании ступни зверя на такие нежные частицы рисунок следа получается весьма тонкий, хотя и не столь резкий, как можно наблюдать на влажном, воздушном снегу.

В этом случае линия выволоки и поволоки бывает шире, чем при зернистом снеге. Глубина и рыхлость снега, как было выше упомянуто, имеет большое влияние на четкость отпечатка. На нежных видах снега, к числу которых, конечно, принадлежит и перистый снег, это сказывается в еще большей степени.

Следует помнить, что, когда мы говорили о том или другом свойстве выпавшего снега, мы не имели в виду только порошу, которая закрывает старые следы; мы имели в виду и такой, хотя и незначительный снегопад, который в разное время помогал бы распознать свежесть следа благодаря тому, что на нем легко и отчетливо получается отпечаток подошвы ног зверя.

Следы в зернистом снегу. Это снег, похожий на пшеничную муку или на столовую соль, более или менее зернистый. Снег этот разнообразен, как бывают разнообразны виды пшеничной муки. Разнятся эти виды снега по величине снежинок и степени влажности их.

Снег зернистый, рассыпчатый, осыпается в ямку звериного следа в зависимости от своей промерзлости или влажности. Чаще всего он дает след с засыпанным носком и с некоторым отпечатком подошвы, но с довольно широкими выволокою и поволокою. Однако такой отпечаток получается лишь на тихом ходу зверя, на котором его нога при чуть заметных остановках прессует снег, на прыжках же оставляет бесформенные, обсыпающиеся ямки без всякого намека на рисунок подошвы.

Мелкозернистый и влажный снег дает четкий и цельный отпечаток; свежесть отпечатка при хорошем освещении может быть определена на глаз.

Следы при всех видах зернистого снега (особенно, когда он глубок) имеют у передней стенки ямки значительные валики или закрайки, наметенные ногою зверя. Нагроможденные одна на другую, снежинки на валиках сначала лежат в виде пены, а затем постепенно оседают, осаживаются. От этого края ямки теряют первоначальный, более резкий, обрез. На этом постепенном исчезновении валиков и на потускнении четкости обреза ямки, а равно на том же явлении у выволоки и поволоки и на потускнении рисунка подошвы следа основывается определение свежести следа. Впрочем, здесь иногда необходима проверка осязанием, если условия погоды таковы, что дают ощутительное затвердение канунного следа.

Совершенно однородная, тихая и мягкая погода при тяжелом освещении препятствует безошибочному определению свежести следа как при помощи зрения, так и с помощью осязания.

Следы при уплотненном снеге. Уплотненный ветрами снег имеет вид просеянной массы. Спрессованная сильными, длительными ветрами, снежная масса образует пласт плотный, но ломкий, как корочка пастилы, обсыпанная сахарной пудрой. Под этим верхним пластом обычно находится зернистый, рассыпчатый снег.

След проламывает уплотненный слой, оставляя в ямке с боков и по соседству кусочки пластов и крошки. Свежесть следа определяется по степени промерзания мягкого снега в ямке следа и по степени примерзания кусочков и крошек.

Уплотненный снег дает часто мелкую ямку следа. Подошва следа тогда видна, как на блюдечке, и освещена ровно, в противоположность затененному глубиной ямки следу. След на уплотненном ветром снегу имеет прекрасный отпечаток. Чаще всего это бывает, когда зверь проходит по верхнему слою мелкого снега, не проламывая корки. Выволока и поволока на этом снеге отличаются тонкой и короткой чертой.

Уплотнение снега сильнее там, где ветер наметывает слой за слоем снежную пыль и прибивает ее, остановленную каким-либо препятствием, например изгородью, к земле. Уплотнения на полях, конечно, во много раз силь-

нее, чем в лесу. Так как ветер и встречные предметы распределяют снег неравномерно, то и уплотнение его бывает пестрое. На уплотненном мягком снегу свежий след отличается замечательной чистотой, белизной и точностью. Однако красивый его рисунок очень скоро старится от ветра.

С л е д п о н а с т у. Верхний покров снега, подтаявший от действия солнца и замерзающий в мартовские ночные морозы, превращается в наст, который иногда бывает настолько крепким, что выдерживает лошадь.

Если свежего снега не перепадает, а прежний мягкий слой либо подтаял, соединившись с настом, либо его сдуло ветром, то ночные и утренние следы становятся невидимыми, так как зверя по морозу поднимает поверху. Днем же, когда пригреет солнце, наст либо проламывается под всей ступнею, либо оставляет лишь знаки от следов, хорошо видимые при весеннем освещении.

При слое мягкого снега по ровному, твердому насту (да еще при ярком освещении) след дает настолько живой и четкий отпечаток, что зверь, кажется, находится тут же, рядом, и глаза охотника невольно окидывают ослепительную снежную поверхность в тщетных поисках его за ближайшим холмом или кустами.

От солнечного пригрева нежные линии отпечатка следа, выволоки и поволоки грубеют, расплываются, теряют, конечно, свою живость и становятся менее красивыми по рисунку. Признаки эти служат для признания таких следов несвежими.

Если солнечный пригрев происходит несколько дней подряд, — старый след безобразно расплывается и сильно увеличивается в объеме.

С л е д ы н а т р о п а х. При благоприятных условиях обычно не встречается затруднений для распознавания следов. Поэтому не встретилось до сих пор упоминаний о таких случаях на протяжении всей этой статьи, хотя о трудностях и о невозможности порою различить свежесть следа при малоблагоприятных условиях говорилось очень часто.

Однако необходимо сказать о подобных затруднениях, касаясь вопроса о тропах. Эти затруднения относятся скорее к распознаванию следов (когда следопыт начинает сомневаться, имеется ли вообще на тропе след выслеживаемого зверя), чем к определению свежести обна-

руженного следа; всем известно, что свежесть следа всегда должна быть выяснена до вступления следа на тропу.

Тропы бывают сильно примятые или иссеченные, в зависимости от вида животных, пользующихся ими.

Даже при пороше (правда, не мертвой), а также при осыпи в лесу или инее давнишняя тропа, которой пользуются звери с целью прохождения взад и вперед, бывает часто безнадежна для различения следа выслеживаемого зверя. Распознать наличие отыскиваемого на тропе следа и определить вдобавок его свежесть возможно лишь в том случае, если бывает осуществим осмотр всего протяжения тропы.

Несколько иначе обстоит дело с тропой одного вида зверей, по которой прошел зверь другого вида, например с заячьей тропой, по которой прошла лисица или волк.

На умятых заячьих тропах вовсе не легко обнаружить, например, следы волка или лисицы (особенно последней); но часто случается, что выслеживаемый зверь ступает по временам в промежутки между заячьими прыжками. В данном случае приходится полагаться только на эти промежутки.

Иногда след зверя обнаруживают одной-двумя ямками около тропы, — зверь сдвигается с нее, заинтересовавшись чем-либо.

Часто тропы одного вида зверей используются зверями другого вида не столько в качестве путей сообщения, сколько в качестве места для производства охоты. Иногда хищные животные используют тропу для скрытия своего следа; тогда зверь обыкновенно идет по тропе не долго, за исключением случаев, когда она вполне соответствует направлению его хода.

Разыскивая или рассматривая след на тропах, не следует ее уминать собственными следами, так как очень часто требуется дополнительная проверка ее. Следопыту при выслеживании зверя на тропе нужно поэтому идти сбоку. При попытках обнаружить на тропе след нужно насматривать его не только по направлению предполагаемого хода, но и навстречу, так как часто искомое обнаруживается иным расположением рисунка.

Случайные признаки. Определению свежести следа помогают иногда случайные признаки; примером этого может служить обнаружение прохождения зверя по дороге после проезда кого-либо в данный день, пересече-

ние (перебивка) заподозренным в свежести следом старого следа, происхождение которого известно, и т. п.

Подготовительные меры. При охотах в определенном районе нельзя не порекомендовать для большей успешности ряд подготовительных мер, которые могут быть осуществлены даже без особой затраты времени. Сюда относятся заминание троп, метка следов и внимательный обход известного района. Эти меры помогают определению свежести следов соображением, что незамятый, немеченный и незамеченный след является новым и свежим.

Хотя при выслеживании признание следа свежим (особенно при неблагоприятных условиях) и является значительным успехом, однако не надо забывать, что успех этот может сойти на нет, когда след, признанный по тем или иным соображениям свежим, впоследствии вливается в ходы не то одинаковой, не то разной свежести и безнадежно теряется в них. Часто примеченные накануне следы помогают среди старых следов обнаружить свежий и только благодаря этому удачно поохотиться.

Составляя настоящее краткое руководство, признаюсь, я часто чувствовал свое бессилие передать словами те настроения и неуловимые подчас перемены безмолвной, но красноречивой снежной пелены, которые, смею думать, понимались мною верно, хотя и не всегда объяснимо.

ОЦЕНКА ЛЕГАВОЙ НА ОХОТЕ

I. ПРОЯВЛЕНИЕ ХАРАКТЕРА В ЩЕНЯЧЬЕМ ВОЗРАСТЕ

Когда ладная кровная сука кормит недавно прозревших щенят и облизывает их по очереди, бережное отношение матери радует хозяина, так как оно соответствует его заботам о щенках.

Загадка, заключающаяся в том, который из щенков является носителем наилучших полевых качеств, беспрестанно притягивает внимание и наблюдательность охотника. Все щенки кажутся хорошими, умными. Они хорошо разыскивают соски матери, немедленно присасываются к ним и властно надавливают лапками живот матери... Вскоре, однако, начинают уже проявляться разные особенности характеров. При внимательном наблюдении различается: самостоятельность, зависимость, выдержка, рассудочность, серьезность, бестолковость, суетливость, подвижность, угрюмость, флегматичность, ласковость, подхалимство, хитрость, смелость, робость, недоверчивость и т. п.

Некоторые из этих свойств характера совмещаются в одной собаке в разных сочетаниях, за исключением свойств, противоположных одно другому, как, например,

подвижность и флегматичность, угрюмость и подхалимство и др.

Те или иные черты характера и сочетания их в различных степенях указывают на особенности, которые, так же как и полевые качества, передаются наследственно.

Те или другие свойства характера щенка младенческого возраста, если они не изменены условиями обстановки, сохраняются и в зрелом возрасте собаки.

Ошибочно было бы, однако, на основании положительных свойств характера щенка предрешать его будущее превосходство как полевика. К сожалению, полевое первенство зависит чаще от скрытой еще на долгое время силы чутья. Тем не менее при выборе щенка следует руководствоваться желательными свойствами характера, так как остальные решающие признаки чисто полевых достоинств никоим образом не могут еще быть обнаружены; положительные же задатки характера при хорошем чутье дадут несравненно более высокого полевого работника.

Некоторые щенки, едва начав быстро передвигаться, проявляют свою инициативу (самостоятельность), отдаляются от компании, избирают по собственному почину направление, не следуя за группою своих маленьких братьев и сестер, придумывают себе занятие — старательно и пресерьезно перетаскивают лежащие на полу предметы, ложатся на отдых в семейную группу, властно растолкав своих собратьев (обыкновенно такой щенок и сильнее), или же избирают место тут же, в сторонке *.

Рассудочность чаще всего сопровождает самостоятельные характеры и отражается не только на поведении, но и на физиономии щенка. Когда подвижность присуща этому типу собак, то выбор такого экземпляра, несомненно, сулит многое.

Легавые в подавляющем своем большинстве достаточно ласковы. Невыгодно, однако, когда это свойство переходит в подхалимство. Собаки, слишком ласковые или несколько робкие, дают меньше хлопот при натаске; зато они часто не дают и блестящих полевых результатов; нередко к этим свойствам характера присоединяется

* Эти повадки щенят замечательно показаны, между прочим, в новелле М. М. Пришвина «Нерль». — *Ред.*

суетливость, а подчас и нераздельная с нею бестолковость.

Робость — свойство отрицательное, его не следует смешивать с весьма положительным свойством мягкости характера — податливостью. Мягкость уживается и в характерах самостоятельных, рассудочных и даже серьезных.

На каких же полевых качествах сказываются в будущем некоторые из указанных свойств щенячьего характера?

Подвижность обычно дает энергичный ход; самостоятельность и смелость — достаточно широкий поиск; робость сокращает поиск даже при энергичном ходе; хитрость толкает собаку на непослушание и отдаляет от сотрудничества; суетливость, часто имеющая последствием бестолковость, нередко влечет за собой копанье на следах, спарывание птицы и бессистемный поиск. Флегматичность, естественно, сопряжена с проявлением вялого хода и короткого поиска; недоверчивость осложняет натаску и ослабляет в собаке потребность к сотрудничеству.

Правильным обучением можно усилить, укрепить желательные свойства характера и ослабить вредные. Некоторые же природные полевые свойства не поддаются изменению. Наиболее ярким примером неподдающегося влиянию воспитания полевого свойства собаки является быстрота хода — ход быстрый или тихий изменить нельзя.

Понятно, что не приходится говорить о неизменяемости приемами обучения силы чутья и характера его работы.

II. НЕКОТОРЫЕ СВОЙСТВА ЛЕГАВЫХ ВО ВРЕМЯ НАТАСКИ

Когда собака, наконец, очутится на просторе полей, болот или лесов, столкнется с живой природою, станет перед соблазном, — культурные навыки, достигнутые дрессировкою, падают, как будто исчезают.

Разочарование овладевает хозяином.

Общее положение, однако, должно быть охарактеризовано следующим образом. Достижения, полученные воспитанием и дрессировкой, возродятся, проявятся в неменьшей степени и в обстановке полевой работы при правильной натаске.

Упрямство является одним из тех свойств характера собаки, которые проявляются с раннего возраста, усиливаются со временем и затрудняют обучение. Упрямство представляет собою значительно меньше препятствий при натаске, если собака предварительно прошла хороший курс дрессировки; однако, если оно не могло быть в достаточной степени сломано воспитанием и дрессировкой, то дело уже трудно поправимо в периоде натаски.

Упрямство (настойчивость) * необходимо отличать от проявлений темпераментности; последняя хотя и создает забывчивость в горячих увлечениях, но является скорее положительным качеством, умеряемым как разумом собаки, так и ее опытом. Упрямство — качество весьма отрицательное, так как препятствует одному из существенных и драгоценных свойств — сотрудничеству.

Горячность — темпераментность — осложняет натаску в смысле замедления обучения, так как затемняет рассудочность собаки. Однако эти затруднения носят характер временный, и безрассудная темпераментность под влиянием пройденного воспитания и полевой практики входит в норму.

Горячность является в большей или меньшей степени принадлежностью английских легавых. Собака без темперамента редко дает широкий поиск, не обладает быстрым энергичным ходом и теряет в красоте работы. Горячность в кровной легавой собаке нужно считать нетерпимым качеством лишь в случаях, когда собака обладает повышенной, ненормальной нервозностью, сильно заметною и не в полевых проявлениях.

Горячность, конечно, способствует азартной гоньбе, притуплению как послушания, так и владения чутьем, но при условии прочих качеств и нормальности нервной системы собаки огорчения, причиняемые горячностью в период натаски, вознаграждаются потом многими преимуществами темпераментной собаки.

Робость бывает прирожденной и приобретенной из-за скверных приемов или условий воспитания.

Робость прирожденная, да еще усиленная неправильным воспитанием печально отзывается на всей работе

---

* Автор неправильно отождествляет понятия упрямство и настойчивость. Если упрямство является отрицательным качеством собаки, то настойчивость (в розыске дичи, например) — качество положительное и необходимое. — *Ред.*

собаки, а иногда и препятствует работе. Робость доходит, например, до боязни шумного взлета птицы, звука выстрела, грозы и т. п. Такое состояние бывает и результатом болезни или дегенерации.

Робость нередко сказывается на боязни подводки, выражается в неуверенной работе по бегущей птице, в недостаточно широком поиске и малоэнергичном ходе.

Проявляемая в подводке и вообще в работе робкая неуверенность собаки случается и по недостатку чутья.

Безразличное отношение к охоте. Попадаются легавые, относящиеся безразлично не только к птичкам всякого рода, но и к дичи, несмотря на то, что характер их сформировался и они в натаску поступили своевременно, по возрасту. Такое отношение свидетельствует в подавляющем большинстве случаев об отсутствии в данном экземпляре (а может быть, и вообще в данной линии собак) должной охотничьей наследственности, и такая собака для охотничьих целей никуда не годится.

В других случаях такое безразличие или проявление малого интереса к охоте объясняется тем, что охотничий инстинкт не развился, не проснулся. Случаи эти не часты, но если впоследствии инстинкт проявляется, то нередко дает хорошую полевую собаку. Безразличие иногда основано на флегматичности характера и является следствием болезни, и если собака во всех проявлениях одинаково апатична, то занятие ее натаскою является потерянным трудом.

Пристрастие к птичкам. У некоторых легавых чрезвычайно развита страсть к разным птичкам, причем из последних внимание их особенно привлекают жаворонки и дрозды. Собака с большим интересом разбирает следы этих птиц, ковыряется на набродах дроздов, не западающих на земле и не дающих, как и рябчик, возможности сделать стойку, за исключением плохо лётных молодых. Стойки над жаворонками нередки, причем процент пустых стоек по этой птице бывает довольно значительный.

Пристрастие некоторых легавых к птичкам, особенно при настойчивом его выражении, насколько мне удалось проследить, всегда отличало собак, не обладавших чутьем.

Пристрастие к зайцу. Одни собаки относятся к зайцу с азартом, другие только с любознательным интересом; то и другое отношение не колеблет полевых достоинств легавой, так как в умелых руках легавая не предается профессии гончей.

От тех условий, при которых собака будет проходить натаску, зависит главным образом то или иное ее отношение к зайцу.

Рассудочность щенячьего возраста, смутно намечавшаяся совокупностью незначительных действий, развивается по мере возрастания собаки.

Как только проявление собакою природной стойки над дичью получит одобрение хозяина, как только чутье приспособится к различению запаха следа от запаха самой птицы и к нахождению птицы и как только стойка и работа чутья создадут в собаке потребность в присутствии тут же хозяина-охотника, — так начинается истинное проявление рассудочности.

Стойка. Без прирожденной способности легавой к стойке нет смысла заниматься натаскою собаки.

Неправильный подбор производителей и разные другие условия влекут за собою дегенерацию и утрату в собаке закрепленных в ней человеком необходимых качеств для совместной охоты. В связи с этим встречаются экземпляры, которые, обладая всеми прочими качествами легавых, утеряли способность к стойке. Такие собаки, конечно, никуда не годятся.

Во всяком случае, когда собака не осуществляет природной способности к стойке в течение первых же выходов в натаску (при условии достаточного количества дичи и должного возраста собаки), то такие явления надлежит считать отклонением от нормы.

Проявление чутья. Чутье настолько важное первостепенное качество, что часто решает вопрос о полевом первенстве собаки.

У собаки нормальных способностей чутье проявляется во время натаски так же скоро, как и стойка, являющаяся остановкою по указанию чутья. Под чутьем следует признавать не простое проявление обоняния, благодаря которому собака разнюхивает и различает запахи на земле и в воздухе, а способность определить на расстоянии местонахождение затаившейся или передвигающейся птицы (дичи).

Собака обычно в первый же выход находит дичь или причуивает ее, когда охотник подводит собаку к месту, куда переместилась птица. Причуивание легавою дичи сказывается в особом поведении собаки и завершается стойкой.

Полевая работа собаки, а также и сила чутья проявляются довольно определенно с первых же шагов. Все оттенки чутья, конечно, еще не могут быть точно расценены, но, без сомнения, чутье хорошее — сильное, дальнее — выявляет себя скоро и достаточно определенно.

Неудовлетворительное проявление чутья по неопытности и темпераментности выправляется практикою, но безнадежным является слабое от природы чутье.

При первоначальных шагах надо принимать во внимание неопытность собаки, неумение пользоваться воздушными течениями и приспособлять свой ход к работе чутья, а также то нервное возбуждение, которое испытывает молодая собака. Причины эти нередко заставляют ошибочно заподозревать бесчуткость, на самом же деле в один прекрасный день чутье начинает работать, удивляя своей остротой и дальностью.

Среди собак бывают такие, которые делают картинные пустые стойки, служащие в общем доказательством плохого чутья, и такие, которые не делают в первые выходы никаких стоек, обладая, как вскоре обнаружится, прекрасным чутьем.

III. ОЦЕНКА РАБОТЫ ПОСТАВЛЕННОЙ СОБАКИ

Чутье. Одним из замечательных явлений в природе собаки представляется аппарат чутья.

Разве не удивительно, когда легавая на большом протяжении ведет вéрхом, как по струне, по следу бекаса, пробежавшего на своих тоненьких пальцах по трясине, едва касаясь ее? Не менее удивительно, что работа чутья настолько тонка, что с одинаковой точностью и силой воспринимает и след мелкой птички, как горшнеп, и крупной, как глухарь, который, улепетывая от собаки, пробегает неслышно под влажными опахалами папоротника и оставляет на моховом болоте следы крупных крестов своих лап. Удивительно и то, что собака, ведущая безостановочно по горячему следу бегущей птицы, отличает след и места временного западания птицы по пути от

запаха самого тела птицы, т. е. различает чутьем место, где птица находится, от того места, где она находилась секунду назад.

Чутье проявляется различно, в зависимости от физических условий окружающей обстановки и от состояния здоровья собаки. Работа чутья нарушается от весьма многих причин. Вмешательство человека в свободный привычный ход и поиск собаки, недостаточность тренировки и состояние воздуха — сухость, неподвижность и заслоны, останавливающие движение запаха, и сильные посторонние ароматы и другие причины имеют громадное влияние на степень проявления чутья. И эта зависимость чутья от разных условий делает разрешение вопроса об его оценке далеко не таким легким.

Чтобы яснее понять массу содействующих или противодействующих чутью условий окружающей среды, нелишне приравнять восприятие чутьем запаха дичи восприятию слухом звука. Иногда звон или гудок слышен в деталях, иногда его вовсе не слышно на том же расстоянии, а иной раз тот же звук становится ясным на протяжении вдвое большем.

К числу главных условий, лежащих в окружающей природе и влияющих на работу чутья, относятся: движение и состояние воздуха, сила заслонов на пути от дичи к собаке и характер и свойство покрова земли. Ровный низовой ветер весьма способствует дальнему причуиванию. Напротив, ветер порывистый или очень сильный затрудняет работу чутья.

Весьма благоприятна тяга воздуха, которая по незначительной силе своей не может быть названа ветром. Такое, иногда еле заметное, движение воздуха является одним из благоприятнейших условий работы собаки, особенно в лесу. Отсутствие ветра, следовательно, не свидетельствует еще об отсутствии и благоприятной обстановки для чутья. Так, например, утренние и вечерние зори, дающие перемену температуры воздуха, охлаждение или нагревание почвенного покрова и вызывающие благодаря этому некоторое движение воздуха, являются весьма хорошими условиями для использования чутья.

Сходное движение воздуха — тяга — получается и в начале осени, тем более солнечной, когда разница ночной и дневной температуры представляет собою значительно больший контраст, чем летом, благодаря чему затенен-

ные места продолжают давать в течение дня непрестанно струящуюся прохладу. Овлажненное состояние воздуха способствует работе чутья; напротив, сухой, знойный, безветренный воздух, препятствуя распространению запаха по воздуху, затрудняет работу.

Заслоны, поскольку они представляют преграду для следования запаха дичи по воздушным течениям, являются препятствием для обоняния на расстоянии и четкого определения чутьем местонахождения дичи; однако заслоны, способные не только задерживать, но и постепенно пропускать запах дичи, имеют положительное значение, содействуя сгущению запаха — скапливанию его и равномерному истечению.

Заслоны бывают разнообразные: кустарники, кочки, углубления в земле, трава разного роста и плотности, посевы хлебных злаков, хвощи и т. д.

В зависимости от высоты и плотности заслонов запах дичи выбивается из толщи заросли либо вверх, либо горизонтально или застревает под заслоном в гуще растительности. Течение запаха поэтому не всегда следует по определенной прямой воздушной дороге, а, встречая препятствия, уклоняется вместе с воздушными течениями от первоначального направления. Таким образом, запах дичи, плывущий зигзагообразными путями, затрудняет работу собаки по определению точного местонахождения дичи.

Травяной покров, превышающий уровень головы собаки, сильно препятствует работе чутья. При значительной вдобавок плотности такого покрова запах дичи выбивается вверх, минуя аппарат чутья. Густая или широкоствольная трава и растения, хотя бы и не столь высокие, препятствуют прохождению запаха дичи или же сбивают, как было сказано, течение этого запаха по прямой дороге, заставляя его плыть под углами, и затрудняют верную пойнтировку (точное указание собакою места нахождения дичи).

Течение запаха по прямой линии, не изменяемой ни заслонами, ни сильным или порывистым ветром, а следовательно, линии, прочные на довольно большом протяжении, — являются условиями, наилучшими для дальнего и четкого проявления чутья. Затруднения собаки в пойнтировке коростеля отчасти объясняются не одним отбеганием его от собаки, а извилистыми путями, по которым

плывет запах этой птицы в густой траве, благодаря зигзагообразным коридорчикам-туннелям, проложенным в траве. Даже при западании коростеля собаку сбивает беспрестанно подновляемый запах этой птицы в ее ходах — коридорчиках.

При отсутствии достаточного движения воздуха или при наличности значительных заслонов способность собаки причуять птицу, ушедшую с чистого места в крепь, сильно облегчается по сравнению с возможностью причуять птицу, прилетевшую и севшую в ту же крепь.

Среди трудных для причуивания условий следует отметить моховые сосновые болота, особенно в жаркий, безветренный день. Моховые кочки, заросшие удушливыми богульниками и сплетениями гонобобеля и черники с углублениями между кочек и пучков растений, создают такие условия, что запах дичи, сидящей в складках между кочками или в зарослях перечисленных растений, остается недвижимым под их зонтами. В этих случаях особенно склонны проходить (не чуять) дичь верхочутые собаки.

На голой поверхности земли след дичи оставляет, судя по работе собаки, значительно меньше запаха, по всей вероятности, вследствие того, что на пути бегущей птицы нет предметов в виде травы, веток кустарника и т. п., с которыми она соприкасалась бы; единственным источником запаха дичи служит след птицы в буквальном смысле, т. е. места прикосновения к земле лапок птицы. Запах дичи в местах без травяной растительности (опять-таки судя по работе собаки) держится менее продолжительное время, — он расходится, не придерживаемый прикрытиями.

Плохой средой для работы чутья являются пространства, покрытые водой. В таких местах с очевидностью заметна утеря собакой руководящей нити запаха и перебойное восприятие его по торчащей растительности, как по вехам...

Если пространства, залитые водой, являются плохою средою для проявления чутья, то влажность почвы или овлажненность травяного покрова весьма благоприятны. Выше было упомянуто о значении утренних и вечерних зорь, вследствие вызываемых ими охлаждения или нагревания почвы и, следовательно, движения воздуха; здесь же необходимо отметить, что зóри являются вре-

менем большею частью желательным для полного проявления чутья собаки именно вследствие овлажненности травяного покрова. Небольшой дождь, как бы смывший посторонние запахи и освеживший травяной покров, после которого птица дала наброды, создает, так же как и роса, четкую нить запаха набродившей птицы, ясную для чутья собаки, как след по пороше для зрения охотника.

Невысокая трава, значительно ниже уровня головы собаки, не слишком густая, без задержек пропускающая запах дичи, словно через сито, без сомнения, выгодна для проявления всей силы чутья. Благоприятною средою являются и скошенные луга, в которых птица иногда и не может затаиться, но след ее в таких местах хорошо и четко воспринимается как верхним, так и нижним чутьем. Как мне кажется, это основано на том, что запах птицы хорошо держится на многочисленных точках — шпилях подрастающей травы, ровной, как щетка, и легко передается ими на расстояние без рассеивания именно благодаря щетине травы.

Разные приемы работы чутья позволяют отличить следующие характерные его проявления: высокий верх, верхняя следовая работа, нижняя следовая работа и работа смешанная.

Под высоким верхним чутьем я подразумеваю способность чутья работать, руководствуясь исключительно запахом самой птицы, не прибегая к верхним следовым приемам, не отмечая наброды, извилины самых свежих следов, и тем более вовсе не обращая внимания на следы менее свежие, по которым нижней следовой работой соответствующая собака все же могла бы довести до птицы. Собака с высоким верхом руководствуется не линией следа, а линией воздушной тяги, несущей запах тела птицы.

Во время натаски и охоты не раз приходилось наблюдать поведение собаки при самой встрече следа и дальнейшее влияние на приемы работы этого следа, видимого на росе, пыльной земле или обозначаемого направлением бегущей на глазах охотников птицы, не видимой собакой.

Бывает пора солнечного утра, когда выводок тетеревов оставляет на полянках по серебру росы характерные дорожки, позволяя проследить линии направления птиц и работы собаки. Удавалось наблюдать те же явления,

свойственные высоковерхочутым при работе по стайкам серых куропаток, пробегавшим дороги и оставлявшим на пыльной земле отпечатки своих лапок, а также бежавшим по атаве лугов. Не раз следил я и за работой собаки по видимому мне бегущему между пучками осоки, по грязевым плешинам, турухтану.

Высоковерхочутые собаки чаще не обращали внимания на самое место встречи с видимой мне линией следа; они реагировали тогда, когда попадали в полосу движения воздуха, несущую запах не только следа, но и запах самой птицы, находящейся нередко на таком расстоянии, что чутье не давало еще приказания сделать стойку.

Когда след и встречное течение воздуха совпадали линиями, — высоковерхочутая собака шла следом.

Собака, обладающая высоким верхом, не наклоняет головы к следу ни при встрече со следом, ни на потяжке, — она ловит запах не на земле и наземных предметах, а в надземных слоях воздуха. Линия потяжки поэтому не совпадает с линией следа, который бывает нередко извилист; не всегда совпадает линия потяжки и с линией убегающей от собаки птицы, так как высоковерхочутая собака руководствуется запахом самого тела птицы.

Я не сомневаюсь, что высоковерхочутые собаки, обладающие опытом, не беспрерывно идут линией слышимого ими запаха тела птицы, — они нередко пересекают с тою же настороженностью и менее насыщенные этим запахом пространства, с уверенностью попасть снова в четкую воздушную волну. Когда приходилось наблюдать потяжку верхочутых собак по видимой мне бегущей птице, то линия хода собаки не совпадала с линией следования птицы и нередко шла на значительном расстоянии то вдоль, то в направлении к пересечению следа, сокращая путь, игнорируя петли.

Этот тип в классе легавых находит соответствующих представителей и среди гончих. Гончий верхочут гонит, не приклоняя головы к следу, идет нередко далеко от следа пробежавшего зверя и, благодаря умению руководствоваться ветром, старается ловить запах самого зверя, сокращая расстояние.

Представляет ли собою идеальный тип охотничьей собаки высоковерхочутая собака?

Собака, обладающая высоким верхом, руководствуется, как было сказано, почти исключительно запахом самого тела птицы, и потяжки таких собак свидетельствуют о непременном присутствии птицы, между тем как собаки со следовой работой способны отмечать — тянуть — и по следу уже переместившейся птицы. При охоте по строгой взматеревшей птице, в зарослях особенно, высоковерхочутые представляют громадное преимущество, предуказывая линию местонахождения птицы и, следовательно, вероятное направление ее при взлете. С другой стороны, такие собаки, не обращая внимания (по свойству своих приемов работы) на следы вообще, а тем более на не особенно свежие, приноравливают аппарат чутья только к воздушным течениям и переходят (пересекают) следы, не отмечая их и часто не попадая в такие воздушные течения, которые принесли бы с собою запах тела птицы.

При тяжелых условиях работы (жара, отсутствие воздушных течений, сухость воздуха, сильные заслоны и другие причины) высоковерхочутые становятся менее пригодны, чем собаки, обладающие, кроме верха, и способностями к следовой работе и при том иногда — нижней. Высоковерхочутая собака идеальна при густом расселении дичи. В местности же с редким расселением птицы на больших однообразных пространствах пренебрежение следовою работаю и набродами для охоты невыгодно.

Описание работы высоковерхочутой собаки значительно облегчило определение другого приема работы чутья — верхней следовой работы, противоположностью коей является нижняя следовая работа.

Легавая с верхней следовой работой или, другими словами, просто верхочутая, руководствуется как запахом самого тела, так и запахом свежего следа. Верхочутая собака не отмечает следы негорячие, преследуя цель скорее попасть в волну свежего запаха; это — своего рода приемы охотника, тропящего русака и откидывающего следы жировочные, следы не на лёжку.

Верхочутая собака несет на потяжке высоко голову, независимо от того, причуивает ли она запах самой птицы или горячего следа, ловя запах следа в надземных слоях воздуха.

Верхочутая собака, в отличие от высоковерхочутой, склонна вести горячим следом по линии его, когда запах самой птицы еще не доступен чутью. Верхочутая собака не применяет, однако, низовую следовую работу.

При разыскивании быстро удирающего подранка и вообще убегающей птицы, резко меняющей направление, один высокий верх, без руководствования следовою работой, иногда даже нижнею, не в состоянии, не сбиваясь, поймать в воздухе волну запаха, тем более, что направление, принятое птицею, далеко не всегда соответствует благоприятным для собаки воздушным течениям.

Нижняя следовая работа выражается иногда в чрезмерно медленном выслеживании всех малейших разветвлений набродов и несносна, когда переходит в копание, ковыряние. Собака при разбирании следов на потяжке держит голову опущенной к следу и только обычно перед самою стойкою и на стойке приобретает вид победителя.

Несомненно, нижняя следовая работа приводит к птице значительно медленнее, чем верховая. По взматеревшей строгой птице такая работа затрудняет стрельбу из-за неточного указания собакой прямого направления, принятого убегающей птицею, и препятствует предопределить вероятную линию полета, что особенно важно в чаще. При нижней следовой работе строгая птица чаще взлетает на потяжке, чем при работе верхочутых. Нижняя следовая работа способна, однако, расшифровать наброды не первой свежести, найти концевой след или ориентироваться следами и путем кругового обследования пересечь след более свежий или же зачуять самую птицу.

Нижняя следовая работа в конечном итоге завершается причуиванием собакою самой птицы. При попадании собаки на доступное чутью расстояние до птицы, нахождение птицы завершается стойкою и без предварительной следовой работы.

Нижняя следовая работа обычно дает, как результат ее, стойку на более близкое расстояние, чем у собак верхочутых. При нижней следовой работе чаще отмечаются места, где птица западала.

Смешанная работа складывается из проявлений преимущественного верхнего чутья обоих оттенков (высокого верха и верхней следовой работы с использованием, где нужно, некоторых приемов нижней следовой работы).

Это чрезвычайно удобная и добычливая комбинация всех приемов работы чутья и особенно ценна для работы по куриным.

Работа смешанная, в которую вливается больше низовой, чем верхней следовой работы, является, конечно, менее ценной.

Прекрасное свойство голого верхнего чутья, дающего массу преимуществ, о которых говорилось выше, иногда обнаруживает на охоте, особенно в лесу в дневную пору, недостаток из-за отсутствия некоторых следовых приемов работы.

Привожу описание характерного примера преимущества смешанного чутья из прекрасной статьи В. Селюгина «О верхнем чутье гончих и о нижнем у легавой» («Охотник», 1928, № 12).

«Проохотившись сорок лет по серым куропаткам и по белым и по тетеревам в местности с обширными пространствами, с редко размещенной на них птицей, я пришел к тому заключению, что для отыскания как выводка, так и одиночек играет роль не только широта поиска, но и врожденная способность собаки пользоваться для отыскания птицы ее следом в тех случаях, когда сама птица не досягаема для верха.

Всех собак, с которыми я охотился, я натаскивал сам, У меня была не так давно линия ирландцев по тогдашним временам «высокой марки» с дивным врожденным поиском, мягких в натаске и в большинстве анонсировавших уже по первому полю. По болоту это, вероятно, были бы выдающиеся работники, но на охоте по куриным у некоторых из них наблюдалось если не отвращение к следу, то явное его игнорирование. Таким образом, то, что ценно по красной дичи и по куриным в местности с массою дичи, являлось их отрицательным качеством здесь, при редком размещении птицы.

Взяв однажды утреннее поле, мы (трое — с ирландцами высоких полевых кровей, а один — с кургузым немцем Вотаном), отдохнув на суходоле, собирались опять разойтись по мхам и боровинам. Было жарко, и мы все вместе спустились к мочажине, чтобы освежились собаки. У самой воды Вотан, тряся своей сигаркой, закопался, очевидно, на набродах, обрезав, выправил след и, уткнув нос в мох, повел. Наши три ирландца были тут же. В поиске при пересечении следа они отмечали

его и... тем дело кончилось. А Вотан, с каждой полсотней шагов все выше и выше отрывая свой нос от земли, уже уверенно вел по следу утолившей жажду и теперь отправившейся чуть не за километр на ягодник птицы. Дело шло по ветру, и наши ирландцы так и не захватили в своем поиске выводок, и их, из боязни наскока, пришлось взять к ноге. А Вотан подал нам выводок чисто, с поднятой головой по следу и по ветру. Когда к переместившимся из-под ветра куропаткам подвели мы своих ирландцев, то и поиском и красотой работы и, пожалуй, чутьем и, так сказать, быстрой расправой с птицей они уже били немца. Но было ясно, что этот выводок, ушедший с водопоя в противоположную сторону да еще по ветру, остался бы не найденным, если бы не Вотан».

Сила чутья, судя по внешним проявлениям его, складывается из трех элементов: дальности, четкости (острота) и осознанности.

Расстояние, на которое собака способна причуять дичь, является определителем дальности чутья.

Прежде всего при оценке силы чутья вообще, а дальности чутья особенно, необходимо иметь в виду условия, содействующие и противодействующие. Причуивание, например, на сравнительно небольшое расстояние по ветру в подавляющем большинстве случаев значительно ценнее, чем причуивание на большее расстояние, но против ветра.

Человек и тот способен при благоприятных условиях обонять запахи на значительном расстоянии; так, запах дыма от костра можно почувствовать, скажем, за четверть километра примерно, а, проходя лесом, ясно различаешь плывущий запах богульника из болота, расположенного на несколько десятков метров, и т. п. Нет сомнения, что благоприятные условия позволяют и собаке установить присутствие птицы на громадную дистанцию. Мне приходилось точно зафиксировать случаи причуивания собаками бекасов, тетеревов и другой дичи на расстоянии до ста двадцати шагов.

Многие читатели скажут, что это ошибочные примеры, что собака в этих случаях причуяла не птицу, а след, который находился от нее значительно ближе, и что, руководствуясь этим следом, она довела до птицы. Конечно, в приводимых ниже примерах речь идет не о следовой работе, которая может происходить на протяжении хоть

с километр, отнюдь не доказывая дальности чутья; однако при отсутствии сбивок и при уверенной потяжке, как по струне, эта работа будет свидетельствовать о четкости чутья.

Вот эти примеры.

Большой, совершенно сухой луг был скошен вторично, как говорят, под гребенку; атава еще не двинулась и, щетинка была настолько коротка, что и воробью спрятаться было негде; в конце этого луга была ямка — прудок, метров двадцать в окружности, с илистым берегом, поросшим осочкою и пучками тростника. Проходя августовским днем по этой пожне, собака (пойнтер), не шедшая в поиск, так как место было негодное, вдруг приземлилась и, крадучись, быстро потянула по направлению к пруду против ровного, но упорного низового юго-западного ветра; не дойдя шагов двадцати до прудка, собака окончательно остановилась, — вылетел бекас, которого я убил.

То были дни дупелиного пролета, и я ежедневно возвращался домой этим же лугом, причем в течение нескольких дней погода была совершенно одинаковая, при том же ветре. На второй день, проходя тем же путем, я с того же места, откуда накануне собака прихватила бекаса, напомнил ей о новой возможности, указав рукой на прудок; собака пошла вольным галопом прямо к прудку, очевидно, прекрасно помня вчерашнего бекаса, и, обежав бесстрастно вокруг, вышла на дорогу. На третий день я снова возвращался лугом и собака опять с того же места — сто двадцать шагов до прудка — на согнутых ногах, крадучись, строго, как по струнке, повела к прудку и твердо остановилась, — с прежнего места вылетел бекас, а после выстрела пара задневавших здесь крякв.

Однажды, заканчивая натаску английского сеттера, я ходил среди мелколесья по сенокосным горушкам, чередовавшимся с отъемистыми хвойными островками — ягодниками. Собака сделала картинную стойку с полного хода, пойнтируя на лежащую около опушки засохшую еловую макушку. Сделав несколько шагов, мы подняли молодого черныша, который, влетев в мысок островка в середине его в узком перешейке, залопотал крыльями при посадке и шлепнулся. Так как островок этот представлял собою не широкий, но длинный ремень, я решил

пойти за переместившеюся птицею, но, чтобы не ходить болотистым лесом, стал до пересечения его обходить вдоль, держась по склону безлесной горы, шагах в пятидесяти от опушки. Собака, шедшая выше по горе, вдруг круто остановилась и, повернув к острову, строго потянула, высоко подняв голову. Пройдя лесом от опушки пятнадцать шагов, собака сделала твердую стойку. Это было как раз место узкого перешейка, где сел перемещенный нами петушок. Действительно, мы подняли снова нашего черныша и, обойдя подробно островок, не обнаружили больше ни птиц, ни набродов. Расстояние от места, где собака с поиска галопом приостановилась и круто повернула в сторону острова на потяжке, до места, где собака сделала стойку по сидящему петушку, оказалось в семьдесят два шага. Из этого елового островка, тенистого и сырого, шла тяга воздуха на солнечный скат, по которому бежала собака.

Помню также четкий случай, когда, разыскивая с гордоном серых куропаток по чистым полям, я, подходя к незначительной роще тоже среди поля, заметил, что мой гордон стал метаться по луговине, высоко задрав голову, затем приостановился и, как по струне, пошел к роще, отстоявшей от того места в девяносто пяти шагах; на самой опушке собака сделала стойку; подавшись вперед, чтобы поднять птицу на крыло, собака уперлась, круто опустив голову книзу; я стал наглядывать птицу, осторожно раздвигая ветки можжевелового куста, над которым стояла собака; в бронзовых ветках и в желтой травке я с трудом насмотрел маленького тетеревенка, с дрозда; едва он успел вспорхнуть, как впереди с отчаянным квохтаньем поднялась матка с несколькими цыплятами. Выводок этот был сильно запоздалый и никоим образом не мог по возрасту своему вылететь на совершенно чистое поле без единого кустика, да еще среди дня; нет сомнения, что собака прихватила выводок именно на указанном расстоянии по ветру.

Много было и других случаев, доказывающих, что собака при особо благоприятных условиях чует птицу на большое расстояние. Приведенные случаи рекордных дистанций интересны, так как они приближают нас к выяснению обсуждаемого предмета, интересны, как известный предел дальности чутья, с которым необходимо сопоста-

вить средние дистанции причуивания легавой птицы, взяв повседневные обычные случаи охотничьего дня.

Говоря об определении дальности чутья, следует иметь в виду причуивание собакой запаха только самой птицы, а не оставленного ею запаха; причуивание может быть выявлено потяжкою или стойкою.

Определению дальности чутья точной мерой длины часто препятствует трудность установления расстояния от места, где собака причуяла, до места, где в этот момент действительно находилась птица. Возьмем пример, когда собака причуяла птицу, находящуюся шагах в двадцати, но птица, услыхав шорох, удалилась пешком шагов на тридцать и запала в густых зарослях. Нельзя же на основании этого сказать, что собака учуяла птицу на пятьдесят шагов. Определение расстояния не вызывало бы затруднений, если бы птица находилась на глазах охотника, но тогда, однако, возникло бы другое препятствие, заключающееся в том, что собака могла отмечать птицу не чутьем, а зрением.

Более или менее верное расстояние удается установить при особенности местности, когда окружающая обстановка такова, что не допускает возможности птице находиться в ином месте, чем то, куда тянет собака; определение возможно и в некоторых случаях перемещения птицы на глазах в место, отличающееся характерными особенностями от окружающей обстановки.

Работа по перемещенной птице не всегда так трудна, как это полагают. Прежде всего на трудность работы вообще влияют благоприятные и неблагоприятные условия окружающей среды. При неблагоприятных собака может причуять птицу на многочасовой сидке со значительно более близкого расстояния, чем при благоприятных условиях, птицу, перемещенную, не обсидевшуюся, не успевшую накопить запаха на сидке.

Вторым чрезвычайно важным обстоятельством является то, села ли птица сразу или дала предварительно, хотя и небольшой, след.

Третье, не менее важное, условие составляет состояние птицы: поднялась ли она в сильном испуге (нагоненная, молодая, беспомощная и т. п.) или подъем совершился без особого страха (в местности, где птицу мало тревожат). Характернее всего сполох отзывается на птицах, долго живущих семьей (выводком), и притом глав-

ным образом на молодых экземплярах. Птицы, поднявшиеся в сильном испуге, при посадке не дают следа, а, влетев в куст, в густую траву, в ямку, падают, раздвигая своим телом ветки, траву и другое прикрытие, — проваливаются, так сказать, а за ними захлопывается гуща веток или стеблей трав; они сидят недвижимо и словно в подземелье, плотно прижавшись к земле. Таким падением скрываются птицы и от пернатых хищников, и этот навык существует, следовательно, в природе дичи.

Любой опытный охотник знает из своей практики, что мелкие тетеревята, поднимающиеся с жалобным писком, в беспомощном испуге прибегают именно к такому способу ухоронки и переместившуюся такую птицу собаке найти, конечно, очень трудно. Некоторые охотники говорят, что птица в таких случаях «запирает дух» и что ее поэтому собака никак найти не может. Согласиться с буквальным смыслом такого положения нельзя, но в широком смысле в этом выражении звучит истина, так как «дух» схоронившейся от преследования птицы действительно «заперт» прикрытиями, словно люком в подвале, и отсутствием следа.

Обычное расстояние, на котором легавые причуивают птицу, безразлично, будь то бекас или глухарь, колеблется между пятью и пятьюдесятью шагами, в зависимости от чутья и внешних условий.

Для чутьистой собаки расстояние, на котором она обычно причуивает птицу, будет приблизительно двадцать-пятьдесят шагов. Такое чутье считается хорошим. Для чутья среднего это расстояние колеблется приблизительно между двенадцатью-тридцатью шагами и для чутья ниже среднего — только пять-пятнадцать шагов. Это определение не точное, а приблизительное, но достаточно верное в своей основе и градациях.

Вторым элементом силы чутья является четкость *. Четкость определяется остротой чутья, которая позволяет собаке верно и уверенно идти на потяжке к птице прямыми линиями (за исключением случаев чисто следовых приемов работы), отсутствием в большинстве случаев тугой потяжки и способностью своевременно отмечать птицу стойкою на такой дистанции, чтобы отнюдь не под-

---

* Точнее этот элемент силы чутья следует назвать верностью чутья. — *Ред.*

пирать ее, оставляя расстояние на подводку. Четкость чутья выражается верными стойками с быстрого хода и без всяких потяжек, а также весьма характерным для четкости чутья молниеносным падением собаки с полного хода при внезапной встрече со струей запаха, в котором собака отличала запах самой птицы. Эта способность собаки во всех проявлениях работы отличать запах самого тела птицы от запаха следа составляет одно из важнейших проявлений четкости чутья. Четкость чутья проявляется и в отсутствии пустых стоек и продолжительных задержек в местах бывших сидок птицы, и в отсутствии медлительных, нерешительных потяжек. Четкость всегда сопровождается верною пойнтировкою, дающей возможность подготовиться к стрельбе в зарослях, выбрать просвет, избежав тех заслонов, которые иногда совершенно скрывают птицу на полете и оставляют охотнику впечатление одного лопота крыльев.

Под осознанностью (третий элемент) чутья я подразумеваю способность собаки: различать расстояние до птицы, отмечая ее присутствие, сообразно обстоятельствам, дальней или ближней стойкой; распознавать поведение птицы, ее количество, качество и свойство (таящаяся, убегающая, кормящаяся, одиночка, стайка и т. п.), применяя соответственные приемы работы; приспособить умело работу чутья к воздушным течениям; осуществить тот или другой прием работы чутья (верхняя и нижняя следовая работа); приноровить быстроту хода и манеру поиска к требованиям чутья.

Осознанность чутья — своего рода врожденный опыт; однако осознанность эта не является результатом голого опыта вообще, который укрепляет все полевые достоинства собаки. Многие проявления осознанности чутья не могут быть осуществлены без элементов четкости. Четкость же чутья может проявляться и без элемента осознанности — автоматически, но, несомненно, менее ярко.

Многие признают весьма веским доказательством силы чутья способность собаки отмечать продолжением стойки всех неподнявшихся еще птиц, несмотря на то, что часть птиц уже взлетела из-под той же стойки. Несомненно, что продолжение твердой стойки впредь до подъема всех затаившихся птиц является необходимым и хорошим качеством, свидетельствующим о проявлении осознанности чутья, но я вовсе не склонен разделять

мнение, что такое поведение собаки служит доказательством особой силы чутья.

Если птицы на сидке расположены в одной и той же сфере охвата чутьем, то было бы ненормально со стороны легавой (даже первопольной) не чуять оставшуюся на сидке дичь и сойти со стойки.

Если ставить в особую заслугу чутья способность собаки продолжать отмечать стойкою оставшихся на сидке птиц, то почему же не ставить ей в особую заслугу и продолжение потяжки по следу убегающих птиц, несмотря на то, что две-три из них уже слетели. Я полагаю, что отметка стойкою всех птиц, сидящих в сфере охвата их чутьем, является обыденным требованием к одному из элементов чутья — осознанности.

Случаи раздельной пойнтировки птиц восхваляются особо — потому, мне кажется, что случаи эти являются рядовыми стойками, дающими поэтому большее впечатление, чем бывает, скажем, при нескольких рядовых, хотя и нетрудных выстрелах, не сходя с места.

Для оценки работы легавой важно предварительно установить, который из элементов чутья — дальность, четкость или осознанность — важнее для полевой деятельности, для охоты. Для решения этого вопроса необходимо, по-моему, принять следующую характеристику взаимоотношений элементов чутья: дальность без четкости не дает удовлетворения, а без осознанности теряет в продуктивности, красоте и стиле работы; четкость без дальности при энергичном ходе и хорошем поиске дает все же хорошего полевого работника, а без осознанности теряет значительную долю ценности, проявляясь автоматически. Осознанность без дальности, но при четкости дает удовлетворительную работу, а без четкости теряет значительную долю ценности.

Таким образом, наиважнейшим элементом чутья для подружейной рабочей легавой является как будто четкость. Понятно, что соединение в собаке всех элементов чутья дает наивысшее сочетание, наилучшее чутье. Во всех приемах работы чутья (высокий верх, верхняя, нижняя следовая работа и смешанная) все элементы чутья (дальность, четкость и осознанность) способны проявляться, за исключением элемента дальности, в нижней следовой работе.

Стойка является одним из важнейших полевых достоинств легавой. По существу, стойка наиболее необходимое полевое свойство, так как без нее нет собственно и охоты с легавой. Легавая, обладающая плохим чутьем, может еще кое-как служить, легавая же без стойки — не легавая, и ни на какую вообще охоту такая собака не годится, она ни в какой мере не может заменить ни лайку, ни гончую.

Несмотря на это, о стойке меньше беспокоятся, чем о чутье. И это понятно: легавые с утраченной от природы стойкой встречаются несравненно реже, чем с плохим чутьем; стойка имеет значительно меньше качественных оттенков, чем чутье. По этим причинам, считая стойку качеством постоянным, подразумеваемым, правила полевых испытаний расценивают стойку сравнительно небольшим высшим баллом пять, а чутье — баллом двадцать пять, придавая этим чутью первенствующее значение в оценочной таблице.

Многие качества стойки связаны невидимыми нитями со свойствами чутья и его приемами. Стойка осуществляется по велению аппарата чутья. Чтобы сделать стойку, собака должна зачуять сперва дичь.

По внешним проявлениям стойку следует различать: мертвую, твердую и подвижную.

Под мертвою, как указывает самое слово, подразумевается настолько крепкая стойка, что собака находится в самозабвении, в своего рода каталепсии, и не в состоянии осуществить подвижки, другими словами, собака с чрезвычайно тугой подводкой, а чаще и без подводки. Такая собака обычно вовсе не осуществляет отхода со стойки по свистку, который в условиях лесной охоты является крайне желательным и даже необходимым. Стойка твердая характеризуется неподвижностью, настороженностью всего туловища собаки, напруженностью хвоста и шеи и особо бдительным положением головы, словно направленной и натуго скрепленной невидимыми нитями. В этой позе выражаются и осторожность, и уверенность в близком присутствии птицы.

Твердость стойки отнюдь не должна граничить с самозабвением; собака должна по приказанию или при подходе охотника податься вперед, чтобы поднять птицу на крыло, а услыхав свисток, осторожно отпятиться со стойки и напрямки явиться к хозяину. При всей твердо-

сти стойки собака не должна терять способности следить за хозяином слухом, а если возможно, и зрением; такое сотрудническое отношение на стойке часто замечается по повороту глаз в сторону хозяина и по движению уха или по обороту головы.

Стойка подвижная не отличается твердостью и уверенностью и нехороша тем, что собака, не сохраняя необходимого требования осторожности, без надобности или переходит с места на место или меняет позу.

Качество стойки повышается при точности пойнтировки, т. е. верного указания собакою места нахождения найденной птицы.

Расстояние, на котором собака делает стойку, несомненно, зависит прежде всего от силы чутья, а красота дальней стойки должна быть отнесена к заслуге дальнего верхнего чутья.

Стойки пустые являются ошибками и, конечно, их следует приписать к недостаткам чутья. К числу пустых стоек надо отнести твердую стойку по оставленной дичью сидке.

Стойки по птичкам следует считать дефектом чутья.

Стойка (а не приостановка) по горячему следу представляется явлением нежелательным, ибо если признавать недостатком чутья стойку по сидке, то нет никакого основания не ставить минуса за неточности такого же порядка. Неумение различить запах самой птицы от запаха ее следов указывает на недостаточную четкость чутья.

Если мы считаем недостатком стойку по бывшей сидке птицы или по следу, то, с другой стороны, полное пренебрежение сидками также является недостатком, ведущим к недобычливости, пример коей приведен при описании проявлений смешанного чутья.

Стойка заканчивается после взлета птицы лёжкою или, во всяком случае, отсутствием продвижения собаки до разрешения.

П о с л у ш а н и е. Отличное чутье и твердая стойка — эти два самых важных полевых природных дара — недостаточны еще, чтобы считать такую легавую хорошей охотничьей собакой. Без послушания перечисленные качества умаляются донельзя к стыду охотника, так как в руках его была возможность своевременно установить нужное послушание. Этих строк уже достаточно, чтобы

подчеркнуть колоссальное значение послушания легавой и необходимость взыскательно относиться к этому качеству при оценке полевой работы легавой, приняв во внимание, что непослушание обычно ухудшается, прогрессирует.

Та форма послушания, которая в период натаски выражается быстрым, без колебания, выполнением определенных требований, не достаточна для хорошо поставленной собаки. Послушание механическое, послушание только как ответ на требование, должно у поставленной собаки дополняться, заменяться сознательным поведением и приспособлением работы, выливаясь в сотрудничество. Поведение собаки таково, что в большинстве случаев предупреждает требование охотника — это послушание без слов, без приказаний. Собака с готовностью исполняет такие требования, которые даже прерывают ее горячую работу.

Предъявляемые словами, знаками или свистом определенные требования, заключающиеся в приказаниях — лечь, идти назад или вперед, принять то или иное направление, явиться к ноге, искать и другие, — недостаточны для поставленной собаки, у которой в результате натаски получились опыт и потребность к сотрудничеству. Поставленная собака должна осуществлять и отход со стойки по свистку.

Явка по свистку со стойки, а тем более без свистка, чтобы известить охотника о найденной птице (анонс), без сомнения, является сознательным действием собаки, — она поступает так, осуществляя свою потребность в сотрудничестве, и естественно, что отношение ее от этого к стойке делается еще серьезнее, — стойка этим только укрепляется.

Вторичный подход на ту же стойку и сама стойка после отзыва полны удвоенной осторожности, — собака с подходом охотника как будто хочет показать все свое старание, весь свой опыт и оказать все свое содействие хозяину, выполняя свои прирожденные полевые дарования, в свое время направленные учебою, укрепленные затем опытом и украшенные теперь сознанием сотрудничества. Таковыми были собаки, отходившие по свистку или анонсировавшие, которых я воспитывал и натаскивал и которых видел в умелых руках других лиц.

Кроме отхода со стойки, послушание поставленной собаки должно сказываться на чрезвычайной аппелистости вообще. Полезно, когда собака знает не только призывной свисток к ноге, но и свисток, заставляющий ее по требованию лишний раз появиться поперек хода хозяина; этот свисток служит и для изменения принятого собакой направления, и своего рода обращением к собаке для передачи ей затем определенного распоряжения на расстоянии.

Ход и поиск. Характер хода выражается степенью энергичности и быстроты. Ход энергичный может не обладать большой быстротой, но, во всяком случае, отличается бодрым, поворотливым галопом, а не рысью.

Характер хода является в большей или меньшей степени принадлежностью той или иной породы. Характерным признаком хода английского, ирландского сеттеров и пойнтеров является энергичность и быстрота.

Ход энергичный и быстрый весьма желателен, — он позволяет обыскивать большие пространства в короткий сравнительно срок и способствует выявлению красоты работы. Быстрота хода все же должна иметь свои целесообразные пределы.

Некоторые спортсмены крепко придерживаются взгляда, что чем быстрее ход, тем лучше, будто это касается рысистой или скаковой лошади. Такой взгляд является чисто спортивным, а не охотничьим. Степень целесообразной быстроты хода верно определяется поговоркой: «ноги по чутью». Другими словами, излишняя темпераментность вредна. Чрезмерно быстрый ход дает в результате скверно отражающееся на работоспособности собаки неэкономное расходование энергии и излишний шорох и треск при охоте в лесу.

Энергичный ход собаки является показателем ее здоровья и выносливости. Здоровая ладная собака сохраняет степень энергии и быстроты хода с начала до конца охотничьего дня. Заметное падение энергии через тричетыре часа после начала работы является показателем невыносливости собаки, если оправданием не являются слишком жаркая погода и отсутствие питья.

Энергичный ход без хорошего поиска не обеспечивает еще успеха. Задача целесообразного поиска заключается в обыскании выгодными направлениями, без повторения

пройденных мест, наивозможно большего пространства (не выходя за пределы расстояния, затрудняющего сотрудничество собаки с человеком).

Поиск должен выражаться определенными обоснованными линиями.

Манера поиска — качество прирожденное, однако, поддающееся воздействию дрессировки, главным образом в отношении длины линий, того расстояния, при котором охотник считает возможным управлять собакой.

По характеру линий поиск бывает круговым, зигзагообразным и челночным. Присущий собаке поиск окончательно устанавливается опытом собаки, характером и степенью ее чутья и правильным надзором натаскивающего.

Как пример аппорта и ускорения работы по следу и на потяжке приведу следующий случай. Дальним выстрелом я подбил снявшуюся на потяжке белую куропатку. Дойдя до места падения птицы, собака быстро пошла по ее следу верхним чутьем. Начались густые заросли ивняка, поспевать за собакой становилось трудно, между тем по работе собаки было видно, что куропатка продолжает поспешно удирать, нисколько не западая. Решив, что единственный способ добыть подранка — заставить собаку догнать птицу, я передал ей свое решение тремя словами: «Скорей возьми ее!» Собака ускорила ход и рысью скрылась в зарослях. Будь то здоровая птица, собака, конечно, не решилась бы на такой аллюр.

Выйдя на опушку, я стал ждать возвращения собаки. Через некоторое время собака вышла, высоко держа голову и неся совершенно бодрую белую куропатку, у которой оказалось сломанным малое крылышко. Собака эта отличалась прекрасным чутьем, плавной потяжкой, твердой стойкой, отличным послушанием и анонсом и хотя и неправильным в смысле систематичности линий, но очень добычливым поиском. Ранее этого случая собака никогда не аппортировала.

Болото и лес представляют собой совершенно различные условия для работы чутья, для поиска, для послушания и для проявления одного из самых важных показателей умственного развития собаки — полного сотрудничества, в частности яркого показателя этого качества — анонса. На болоте собака на виду у охотника, а

охотник все время маячит на глазах собаки. Расстояние, на котором находится охотник от собаки, как всем известно, действует на собаку: некоторые собаки прекрасно выполняют работу в непосредственной близости человека, когда же он находится на расстоянии, не только изменяют качественное проявление некоторых сторон работы, но проявляют и недопустимые приемы.

Работа чутья на болоте не встречает столько препятствий, сколько их бывает в лесу вследствие заслонов. Ровная тяга воздуха беспрепятственно плывет по болоту, способствуя чутью. С другой стороны, на болоте собака должна руководствоваться преимущественно запахом самой птицы, а не ее следа, и поэтому на болоте легче и скорее распознать силу чутья, его дальность, четкость и осознанность. Эти причины, вместе с возможностью видеть беспрерывно работу собаки, и заставляют многих предпочитать полевые испытания на болоте.

На поиске в лесу рабочая манера собаки сказывается весьма характерно: собака сокращает поиск в зависимости от густоты лесонахождения; чаще пересекает линию направления охотника, умело обходя чащи; пользуется полянами, просеками, ловя воздушные течения для исследования стоящих в стороне рощ и отдельных зарослей. Ясно, что в лесу сотрудничество собаки с охотником выражается более явно, чем на открытых местах.

Естественно, что в лесу, где две трети времени работы собаки протекает заглазно, больше чем где бы то ни было может и должно проявляться сотрудничество и как одно из его проявлений — отход со стойки по свистку и без свистка для доклада (анонс).

Анонс есть проявление естественной потребности легавой собаки и лайки к сотрудничеству с человеком. Потребность эта или замирает при малом умственном развитии собаки и недостаточной полевой практике, или развивается сама с опытом, с возрастом собаки или же с первого поля расцветает под умелым воздействием человека.

В условиях нашей лесной охоты (а лесов у нас в общем больше, чем бекасиных болот) отзыв со стойки, а еще лучше анонс — не только желателен, но и необходим. У собаки с анонсом развивается чрезвычайно широкий поиск, значительно ускоряющий поиск птицы, осо-

бенно на больших однообразных пространствах с редким расселением дичи.

Анонс должен проявляться отчетливо. В зависимости от характера собаки анонс, при явке с докладом, выражается либо радостным, либо сосредоточенно деловым поведением и немедленным возвращением обратно тем же следом настороженною трусцою. Это возвращение схоже с потяжкою, хотя собака, придя издалека, может, конечно, не чуять еще птицу, но как только вступит в зону, куда доходит запах птицы, поведение ее изменяется, и собака, как на подводке, плавно переступает и замирает.

После доклада собака, как и на потяжке, не должна идти слишком быстро, чтобы не исчезать с глаз охотника.

Красота форм легавой и как результат их красивая, стильная работа являются признаками породистости, чистоты данного образца, типа.

Таким образом, проявление красоты и стильности присуще кровному животному, т. е. такому, которое для достижения задуманных человеком целей вылилось путем соответствующих скрещиваний в ряде поколений в определенный устойчивый вид. По этим причинам красота и стильность работы являются, бесспорно, совершенно желательными как принадлежность породы, выработанной человеком и долженствующей служить определенному назначению как приспособленное орудие. Другими словами, порода служит гарантией рабочего качества; это своего рода хорошая фабричная марка.

Если мы, например, заглядываемся на танцующих под звуки музыки и останавливаем наше внимание не на всех, а на одном каком-либо танцоре, благодаря простоте и пластичности его движений, то мы получаем удовольствие и удовлетворение потому, что они не только ловки, но и красиво исполняются.

Движения легавой собаки тоже красивы по-своему, так как движения эти бывают гармонично приспособлены к выполняемой в данный момент работе. Движения породной легавой на поиске, на потяжке, красота живой неподвижности на стойке дышат страстью, той охотничьей настороженностью, которая отражается и в охотничьем инстинкте человека.

На красоту работы легавой, конечно, должно быть обращено внимание, — это своего рода венец всех полевых качеств. Однако красота и стильность работы могут иметь решающее значение лишь при равенстве полевых качеств легавых — чутья, стойки, послушания, хода и поиска.

ПОВАДКИ ЖИВОТНЫХ

(Отдельные наблюдения)

АЛЛЮРЫ ТЕТЕРЕВА

Всем известно, что тетерев передвигается по земле шагом и бегом, почти так же, как это делают домашние куры. Но, кроме этих обычных аллюров, тетерев пользуется еще одним приемом наземного передвижения, редко поддающимся наблюдению, так как птица прибегает к нему для того, чтобы остаться незамеченной.

Однажды в конце августа я проезжал на тарантасе вдоль самой опушки березовой рощи. День был солнечный, тихий. У подножий деревьев кое-где лепились можжевеловые кусты. Среди незначительного травяного покрова блестели лакированные пучки брусничника с густокрасными ягодами. Место было подходящее для тетерева.

По свойственной всем охотникам любознательности, я стал глядеть на опушку, рассматривая подножья деревьев, прогалки между ними, свисавшие к земле гибкие ветки берез. Вдруг в ближайшей полосе опушки, в траве,

мелькнули рыже-черные пежины и металлически-сине заблестела спинка тетерева-петушка.

Я остановил лошадь и с экипажа зорко разглядывал движущуюся птицу. Она была от меня в каких-нибудь двух-трех шагах и удалялась от опушки. Меня поразили приземистое (приплюснутое) положение ее туловища и утиная походка; птица ползла, но ползла быстро, держа шею несколько вытянутою вперед; локотки лапок выдавались по сторонам туловища, вся плюсна лапки от сустава голени (локтя) имела горизонтальное положение, ложилась на землю, брюшко касалось земли. Как только тетерев начал скрываться, я побежал за ним, чтобы проверить, не является ли этот экземпляр больным? Однако он не замедлил быстро подняться.

Один охотник рассказывал мне, что ему тоже удалось сделать подобное наблюдение над тетеревом.

Нет сомнения, что птицам, особенно затаивающимся в наземном покрове, свойственно передвигаться и на более или менее согнутых в голенно-плюсневом суставе лапах, в зависимости от вышины и плотности прикрытия, чтобы скрываться от врагов. Поэтому птица, в соответствии с окружающей обстановкой, передвигается либо на вытянутых ногах, либо сгорбившись, или же ползком. В смысле безопасности последний прием понятен, так как позволяет спрятать туловище в наземных выемках и реденькой растительности. Такой способ передвижения может практиковаться при удалении от собаки, человека, хищного зверя, а в особенности во время кормежки там, где птица напугана пернатыми хищниками.

Существование такого малоизвестного аллюра тетерева подтверждается еще многими наблюдениями над тетеревиными набродами, хорошо заметными по примятости травы. Тетерева на кормежке расходятся в стороны и вновь соединяются. Таким образом, тропинки, наминаемые, скажем, двумя тетеревами, вычерчивают очертание бубнового туза. Эти тропинки иногда имеют вид обычной легкой примятости от лапок тетеревят, иногда же — вид ошмыганной примятости, схожей с ходами зайчат в траве.

Такие ошмыганные наброды и являются результатом передвижения тетеревят описанным мною аллюром.

ЛИСИЦА НА ДЕРЕВЕ

Лисица очень любознательна и предприимчива. У нее имеется склонность забираться на высокие кочки, на хлебные скирды и на сенные стога не только с целью исследовать, нет ли какой живности, но и для того, чтобы посмотреть с возвышенности на окрестность, а затем улечься на мягкой постели.

Лисица настолько предприимчива, что способна забраться и на дерево, конечно, при условии надлежащего его наклона. Эта особенность была отмечена Бремом, но сравнительно мало кому известна.

Мне выпала удача поглядеть на лисью лёжку на дереве. После того как лисица была убита на дереве, я отправился в оклад и по выходному лисьему следу дошел до ели, упавшей от ветра с наклоном градусов в 45 на верхушку соседней ели. Ствол упавшего дерева был густо запорошен снегом, и по стволу вверх красовались лисьи входные следы. На месте соединения двух елок образовалось сплетение густых веток, на которых лисица и расположилась, на высоте десяти метров от земли. На этом импровизированном гамаке она и была убита.

БЛАГОУХАЮЩАЯ ЖЕЛЕЗА

Лисицы, когда отдыхают, имеют повадку лежать большею частью свернувшись кружком (калачиком). Нос лисицы в такой позе неизменно находится на верхней части хвоста, примерно на расстоянии пяти-шести сантиметров от корня, и поэтому шерсть здесь бывает несколько стерта. Эта потертость заметна рядом с пышным мехом хвоста.

На этом месте хвоста у лисицы имеется подкожная благоухающая железа, запах ее наиболее близок к запаху фиалки. Мех около этой стертости пропитан этим нежным ароматом. Чтобы убедиться в нем, не следует слишком плотно прикладывать нос к шерсти, так как тогда одновременно слышится и запах псовины, несколько заглушающий аромат фиалок.

Значение этой железы научно не исследовано. Весьма возможно, что железа эта имеет освежающее действие на слизистую оболочку органа обоняния и поддерживает или усиливает чутье.

Эта особенность лисицы очень интересна и должна привлечь внимание охотников и ученых. Интересно также выяснить, с какого возраста начинает благоухать железа и существуют ли периоды ослабевания и усиления запаха.

Лично мною установлено, что железа эта является принадлежностью обоих полов, что период течки не оказывает влияния на усиление запаха железы и что запах одинаково существует и у осенней лисицы, и у лисицы, убитой в любое время зимы.

ЛИСИЦА УТОНУЛА

Пришедшая из-за речки лисица была обложена и легко ранена. Согласно повадке, свойственной раненому зверю, она отправилась напрямик в свой коренной район. Для этого ей пришлось переходить речку с полыньей. Судя по следам, она подошла к полынье и пустилась вплавь. На той стороне лед, подточенный течением, обламывался, и выбраться она не могла. Нигде более следов ее не оказалось, несмотря на обследование обоих берегов и всей полыньи. На льду и на берегах лежал пухлый снег, прекрасно отпечатывавший малейшее прикосновение легковесного предмета.

Так же погиб на моих глазах и русак, кинувшийся с лёжки наутек через реку, где на середине запорошенный лед, подточенный прибылью воды с мельницы, не выдержал тяжести зайца и, будучи очень ломким, не дал ему опоры, чтобы выскочить из полыньи.

ТУАЛЕТ УТОК

Прилетев на дневку, утки занимаются своим туалетом (да и во время дневки они часто приступают к нему). Встав на сухое место, утка ощипывается, разбирает клювом перья, освобождаясь от беспокоящих ее насекомых.

Особенно часто утка разбирает перья над концом позвоночника и, пошарив клювом в этом месте, потом приглаживает перья на всем туловище.

Этот прием объясняется тем, что над последними хвостовыми позвонками лежит так называемая копчиковая железа, выделяющая маслянистую жидкость. Этой жидкостью утки при помощи клюва смазывают перья, а бла-

годаря такой смазке, перья предохраняются от намокания.

Копчиковая железа встречается не у всех птиц и очень развита у водоплавающей птицы.

Сравнительная прожорливость уток, заставляющая их подкармливаться и днем, в укромном уголке дневки, а также потребность уток в долговременном и разновременном занятии туалетом удерживают некоторых из них от удаления в крепь. Такие кормящиеся или «прихорашивающиеся» утки находятся в условиях, дающих им большую возможность заметить подъезжающего на челне охотника.

ВОЛК И СОБАКИ

С большим терпением и выдержкой подкарауливают волки собаку где-нибудь на дороге и мастерски перенимают ее, когда она бежит в гости в соседнюю деревню или возвращается домой. Обходами деревни, обследованием заулков волкам нередко удается выманить собаку в поле и отрезать ей путь для спасения.

Но волки способны и разбойничать, смело схватывая собаку из-под саней проезжего в самой деревне, даже на крыльце.

Зимой волкам приходится не только сравнительно редко пользоваться парным мясом, но частенько и голодать. Беда тогда собакам!

Помню редкий и характерный случай волчьего разбоя. Волчьи следы пошли в обход деревни. Я поехал мимо селения, чтобы вновь их перенять. По ту сторону деревни, недалеко от построек, я заметил оживленное скопление вόронов, ворон и сорок.

Оставив лошадь, пошел к этому месту. Вскоре через разомкнутый тын одного из огородов вылилось в поле сплетение собачьих следов, и крупных и мелких. Следы эти, однако, не шли одним местом, не образовывали тропы, а производили впечатление прохождения собак стаей, как будто гончих вели на охоту: некоторые следы постоянно отдалялись в сторону полукругом, обходя принятое прочими направление, и вновь присоединялись к нему.

Кобели вскоре обнаружили как себя, так и цель этого шествия; на каждом выдающемся из-под снега предмете, на каждом углу гумен и сараев были оставлены надле-

жащие признаки. Это была, без сомнения, «собачья свадьба».

Следы стали отдаляться от деревни, держа направление к проходившей шагах в двухстах полевой дороге, и вступили в низину с можжевеловыми кустами.

Откуда ни возьмись, в собачьи следы влились с разных сторон прыжки двух волков, а дальше спереди — и третьего волка.

Снег представлял собою сплошное широкое толóко. Так бывает в местах вокруг проруби, куда гоняют поить скот.

Собачья тропа пресекалась; из круга к деревне стегал на растянутых прыжках единственный следок некрупной собаки, очевидно неполноправного члена процессии.

Краснели площади умятого снега; птицы настрочили множество черточек и мелких развилинок. Из-за кустов можжевельника слетело несколько воронов, сорок, ворон.

Птица, без сомнения, предвещала местонахождение остатков волчьей закуски.

То, что представилось моим взорам, было, несмотря на мою подготовленность, поразительно.

В обстановке, где не было признаков человечьих следов, мы увидели красноречивые доказательства совсем необыденной кровавой драмы: на чистом месте, в расстоянии пятнадцати-двадцати пяти шагов друг от друга, лежали пять собачьих голов: вся черная, черная с желтыми подглазниками, белая с черными ушами, желтая и коричнево-пегая.

Кобели, в такой важный период их жизни, повидимому, были неустрашимы и сами встретили волков клыками, не думая о бегстве. Это настроение погубило их всех, вызвав в волках ярость самозащиты сверх достаточной уже ярости голода.

Не всегда, однако, встреча с собакой вызывает у волка однородные намерения.

Однажды, выслеживая с товарищами волков, я поехал по следам до оклада, сделанного местными охотниками и обтянутого уже флагами. Обложено было пять штук.

Казалось, делать нам было нечего. Но жажда наблюдений, жажда проверки результатов охоты и подробного разбора приемов охотника и поведения зверя заставила нас остаться.

Оклад представлял собой неширокую полосу низкорослого сосняка по плавням берега озера. Поперек шла дорога, отделявшая это болото от продолжения лесной заросли на берегу. На этой дороге была расположена стрелковая линия, а за окладом — поля и близкие селения.

Мы заняли наблюдательную позицию на озере, шагах в восьмистах от оклада, на торной дороге.

Просторная, ровная озерная гладь позволяла видеть прорыв зверя в нашу сторону, на что было достаточно шансов, так как береговая коса, с редким кустарником полукругом, шла от оклада к нашему флангу и представляла собой хороший ход и лаз, а, главное, как вскоре мы заметили, стрелковая линия совершенно не была согласована с ветром.

На береговой полосе вскоре появился волк, прорвавшийся из оклада, и мы с расстояния примерно четырехсот шагов с напряженным вниманием следили за каждым его движением.

В это время на дороге, на которой мы стояли, появился обоз с дровами, растянувшийся на километр. Головная часть обоза была уже шагах в двухстах от береговой косы, и волк, державший путь на пересечение дороги, приостановился у куста, не то намереваясь пропустить обоз, не то изменить направление своего хода.

Кто-то из возчиков заметил волка и стал указывать его находившейся при обозе небольшой подвижной рыжей собаке. Она пристально вгляделась в сторону, указываемую рукой, заметила волка и карьером пустилась к нему по мелкому снегу озера. Момент был захватывающий.

Волк, несомненно, видел мчавшуюся к нему собаку, но как будто безразлично относился к этому.

Подбежав к волку почти вплотную (как нам казалось с довольно большого расстояния), собака приостановилась. Волк повернул было к ней голову, посмотрел и продолжал глядеть вперед, не двигаясь.

Наконец, он круто нагнул голову в сторону собаки; это движение подтвердило наше предположение о том, что собака была рядом.

К сожалению, визг полозьев, крик подводчиков и расстояние не позволяло нам уловить «разговор», происходивший между волком и собакой, но собака сразу после

описанного телодвижения волка, правда, без робости и страха, бодро завернув кренделем хвост, вернулась к обозу.

Волк, постояв несколько секунд после неприятного визита, повернул под прямым углом и удалился.

Волку было не до собаки среди сложившейся неблагоприятной обстановки. Если бы волк встретил собаку в иной обстановке, в охотничьем настроении, дело, конечно, приняло бы совсем иной оборот.

ОТВЕРГНУТАЯ ДОБЫЧА

На перекрестке дорог я пересек по прекрасной пороше следы волчьего выводка. Дневной свет только что поборол предрассветную мглу.

Волки пошли было по одной из дорог вдоль речки, но одновременно заметны были и обратные их следы. То же было и на другой дороге, по мосту через маленькую речку.

Чтобы быстрее распутать петли, я поехал по дороге вдоль реки, с которой при беглом осмотре все волчьи следы вернулись к мосту. Никто еще не проезжал после снегопада, лишь волки оставили пухлый след на полотне дороги.

Долго ехать не пришлось. От реки на дорогу шли широкие махи двух волков, а между ними — тоненькие, по сравнению с волчьими, следы лисицы, карьером.

Эта тройка помчалась было по дороге, но вскоре запорошенная дорога уже стлалась впереди без следов; следы волков трусцой шли мне навстречу.

У самой обочины дороги, под прямым к ней углом, лежала на брюхе, вытянувшись, как щука, мертвая лисица. Около нее были две-три ямки волчьих следов.

Лисица оказалась молодой самкой с почти неповрежденной волками шкуркой; лишь у основания шеи имелся разрыв. Я положил волчий подарок в сани и сдал шкурку через несколько дней в кооперацию, получив за нее приличную цену.

Что волки поймали лисицу, в этом нет ничего удивительного. Уничтожение волками пушных зверей — один из видов вреда, наносимого этими хищниками охотничьему хозяйству. Но удивительно, что волки не воспользовались добычей. Повидимому, один из волков, схватив-

ший лисицу, тотчас же бросил ее после хватки, сразу умертвившей лисицу, и отошел без всякого колебания, причем добыча не вызвала ни в одном из пятерых волков никакого интереса.

Такое отношение нельзя объяснить сытостью. Волки эти питались, как мне известно, довольно скудно и только из осторожности не трогали приваду. Разве что в эту ночь им повезло на собак, но на пятерых мало и трех собак, а случаи, подобные описанному с процессией собак, редки.

Случай с лисицей произошел в период лисьей течки. Возможно, что особый запах, сопровождающий лисицу в этот период, отвратил волков от добычи.

Поведение волка, схватившего добычу, вполне убедило остальных в непригодности ее в пищу.

НАВСТРЕЧУ СВЕТУ

Однажды мы с товарищем и двумя проводниками отправились на глухариный ток.

Опоздав на вечерний подслух, мы заночевали на боровом месте у костра. По обе стороны возвышенности тянулись моховые болота с заполненными водой закраинами.

Тихо и томно гукали лягушки; сипло свистели, как в дудочку, зайцы и, с равными промежутками, этот концерт, словно капельмейстер, объединял бекас.

Наступила теплая, темная ночь, короткая для охотника: глухарь начинает свою песню в начале второго часа. Предвидя темноту и трудный переход к месту тока, мы захватили с собой из дома вязанку лучины.

В полночь мы покинули наш ночлег и с пылающей лучиной тронулись гуськом к току. С огнем шли первый и последний; я оказался предпоследним и, передвигаясь в хорошо освещенной полосе, имел возможность наблюдать особую картину спавшего леса, внезапно выступавшего из черной стены ночи.

Кто лучил рыбу, знает, какое загадочное зрелище представляет собою дно водоемов, дно вешнего разлива, зашедшего в сенокосные и лесные угодья, и какие причудливые фигуры и разнообразные тона вырастают, плывут навстречу яркому свету горящих, как масло, сосновых корневищ...

Много неожиданных, новых впечатлений дает также и глухой лес при свете огня.

Вдруг перед лицом простираются пружинистые кончики березовой ветки, позволяя на ходу заметить сильно набухшие почки; буреют замшившиеся пни и сонные муравейники; дернистые выворотни ветровала заставляют вглядываться пристальнее, напоминая формами то лося, то медведя, а яркий огонь, заслоненный деревьями, внезапно бросает движущиеся полотнища непроницаемой тени то по рыжим мхам, то в чернолесье по настилу намокших прошлогодних листьев.

Лучина далеко осветила глубокую гладь мохового ковра. Начиналось глухариное болото. Вдруг шагах в тридцати пяти я заметил большую коричневую птицу, сидевшую на мху у подножья сосны.

Деревья сбоку нашего пути бросали полосы теней, и я на миг принял эту птицу за глухарку. Не успели мы вновь осветить сидевшую птицу, как она распахнула громадные крылья и тяжелыми взмахами полетела низко над землей, держа направление на огонь, замыкавший шествие.

Мы сразу узнали в этой птице орла. Он был уже в нескольких шагах, держась на высоте моей груди, и неминуемо должен был задеть меня, а быть может, решился бы присесть на плечо или голову, вцепившись своими крючками. Когда он подлетел на расстояние шага, я ударил его стволом ружья, угодив по шее у затылка, и он замертво упал к моим ногам.

Не было сомнения в том, что птица летела на свет огня, что свет тянул ее к себе.

На таком тяготении к огню основана охота на белых куропаток на севере.

Возможно, что дневные животные побуждаются ярким светом в темноте к передвижению, для начала дневной жизни, а ведущие ночной образ жизни — к передвижению на дневку.

Летит же птица и зверь бежит именно навстречу внезапно появившемуся свету, навстречу мнимому солнцу, так как другого пути нет — кругом непроницаемый для зрения, по сравнению со световой полосой, футляр черной ночи.

Однако такое поведение животных может найти и иное объяснение. Влияние сильного света, прорезающего

тьму, может оказать на животных гипнотизирующее, ослепляющее действие.

В Африке, повидимому, на этом действии света основана охота на птиц и зверей с сильными ацетиленовыми фонарями. Предположение об ослепляющем, притягательном действии сильного света находит подтверждение и в следующем случае.

Туманным, очень темным осенним вечером я шел с фонарем «летучая мышь» по полю, близ перелеска. На слабо освещенной фонарем траве шагах в двадцати я заметил белый ком и принял этот предмет за лист бумаги. Однако белизна и округлость формы этой «бумаги» остановили мое внимание, и я намеревался было сделать несколько шагов, чтобы приблизиться, как вдруг белый предмет, несколько больше кошки, помчался на меня; я пытался разглядеть животное в минутной полосе света, но оно мигом очутилось в кругу, затененном резервуаром фонаря, и с силою ударилось о фонарь, заставив его зазвенеть и закачаться взад и вперед на проволочной ручке. Повернувшись, я осветил удиравшего зверька, оказавшегося белоснежным зайцем, хорошего роста.

Не редки случаи, когда дикие животные попадают ночью под автомобиль. Казалось бы, животному, испуганному шумом и видящему приближающиеся лучи фонаря, ничего не стоит пересечь путь, избегнув опасности, однако ослепленное зрение не видит иного пространства, кроме ярко освещенного, и животное либо бежит от настигающей его машины по световым полосам, либо бросается к источнику света.

ЯСТРЕБ-ТЕТЕРЕВЯТНИК

Между волком и ястребом-тетеревятником может быть проведена параллель.

В мощности их, в силе оружия, в проявлениях хищных повадок, в выдержке, в смелости, а иногда и в робкой осторожности — во всем этом между названными хищниками положительно громадное сходство.

Каждый в своей сфере занимает выдающееся место первоклассного хищника.

Разносторонние охотничьи способности ястреба-тетеревятника влекут за собой и разносторонний большой вред охотничьему хозяйству.

Самым типичным местопребыванием этого ястреба служат перелески, рощи, колки в полях или наличность полян среди более значительных лесных площадей.

Этот ястреб любит садиться на вершины деревьев и высокие предметы, чтобы зрением и слухом следить на далекое расстояние за интересующими его звуками и движениями.

Лопот крыльев тетерева, перекличка серых куропаток, голос зайца и т. п., а также силуэты летящих птиц, бегущий заяц, шевелящаяся трава — все то, что достойно внимания охотничьего инстинкта тетеревятника, воспринимается им с выдержкою, с быстрою сообразительностью, заставляя принять те или другие меры атаки на добычу.

Когда этот ястреб, выследив заранее местонахождение дичи, подкарауливает ее, вперяя острые взоры в травянистый покров, он часами просиживает недвижимо на ветке у самого ствола дерева.

Его способность нападать, догонять, подкарауливать, бить в воздухе на большой высоте, над самой землею и на земле поистине поразительна.

Зная о присутствии затаившейся добычи, тетеревятник, в зависимости от повадки ее, либо подкарауливает, сидя у ствола дерева, как сказано выше, либо старается вытолкнуть добычу из укрытия, заставить ее обнаружить себя, и тогда он, то припадая, то поднимаясь, облетает нужный участок над самой землей зигзагообразными кругами, сильно работая растопыренными рулевыми, и, распуская свои громадные крылья, выгибает их ровным полукругом или ломаными линиями.

Он похож бывает тогда на сову.

Между кустарниками и бурьяном эта большая птица, благодаря своему защитному цвету и особенности описанного полета, малозаметна, представляя собою сизое пятно, схожее с клубом дыма, гонимого и сбиваемого ветром.

При встрече с тетеревятником все помыслы и старания охотника должны быть направлены к его истреблению.

А сколько случаев, когда охотник стреляет не по ястребу, а по добыче, за которой гонится этот ястреб!

Не столько разные поощрения извне, сколько знание и сознание внутри себя могут помочь охотнику поддер-

жать равновесие живых сил природы, нарушенных человеком же.

Охотник, не проявляющий попыток убить ястреба-тетеревятника при встречах, вряд ли имеет моральное право стрелять в дичь.

Надо помнить, что один убитый экземпляр ястреба-тетеревятника нередко восполняет в природе убыль дичи, причиненную самим охотником за целый ряд лет!

Одним из лучших способов вселить в охотника озлобление против ястреба-тетеревятника является ознакомление с разбойничьими налетами тетеревятника по рассказам наблюдателей.

Последние мои две встречи с ястребом-тетеревятником 17 и 23 декабря 1927 года живо воскресили в памяти целый ряд многолетних наблюдений бесчисленных нападений тетеревятника на кур в племенном птицеводстве и на дичь в раздолье лугов, полей и лесов.

Я тропил русаков. Примечая заячьи следы, я шел, как всегда прислушиваясь к окружающей жизни и всматриваясь в даль. С довольно высокого пологого холма показался заячий след взад и вперед. Определив лёжку зайца зрением, я начал обход, стараясь поскорее, но постепенно сократить расстояние. Заяц не выдержал и покатил в угон по вершине горы, скрывая задом остальное туловище. Выстрелив на большом расстоянии, я подбил зайца; сильно сбавив ход, он по чистому полю бросился к гумнам деревни.

Опасаясь выхода в заулки и в огуменки ребятишек, жаждущих всегда подобных зрелищ, я решил опередить намерение зайца и отрезать его от деревни по внутренней линии изгородей. Не успел я двинуться, как из-за изгородей появился ястреб-тетеревятник, низом полетевший навстречу зайцу. Он подлетел спереди почти вплотную, отчего заяц опрокинулся вбок. Едва заяц сделал два-три прыжка, как ястреб, широко растопырив и выгнув крылья книзу, сбил его с принятого направления, вынудив принять новое. Снова повторился тот же прием, и заяц, заметавшись, заорал благим матом. Крик этот не только не испугал ястреба, но как будто ободрил его как признак сдачи, как предвестник того, что заяц, оробев, на ход не пойдет. Действительно, вслед за криком заяц стал зарываться в снег, а ястреб одновременно сел ему на спину, ближе к шее.

Ястреб несколько раз нагибался, по всей вероятности, чтобы долбануть зайца. К сожалению, рассмотреть подробностей этого маневра из-за расстояния, а главное, по причине нахождения зайца в снежной ямке я не мог.

Я бросился сокращать расстояние, скрываясь за незначительными прикрытиями.

В поведении ястреба стала заметна перемена, — он увидал меня, вытянулся, помялся, повернулся в другую сторону, высвобождая, повидимому, когти из добычи и намеревался взлететь.

Что же было делать? Хоть расстояние и было значительное, я выцелил и ударил шестеркою. Поднявшись после выстрела не сразу, перелетев шагов двадцать пять, ястреб сел на изгородь, смутно виднеясь за кольями. Заяц тем временем поднялся и побежал к гумнам. Я продвинулся и еще раз ударил ястреба. Вяло, нехотя, низко над землей полетел он и скрылся за холмом.

Ему, видимо, попало на орехи. Это нашло подтверждение в осмотре мною места, где ястреб сидел на зайце, — дробь легла очень недурно, перечертив снег до и после ямки. Зайца я добил и, идя по полю, все искал на белой скатерти бурой точки свалившегося ястреба.

Придя домой, я застал у себя своего соседа, хорошего охотника-промышленника, лютого врага ястреба-тетеревятника.

Он рассказал мне, что накануне, возвращаясь под вечер своим утренним следом, нашел свежезаклеванного русака и следы на снегу от опахал крыльев ястреба-тетеревятника.

Через несколько дней я отправился вновь за русаками. День был соблазнительный по тишине, пороше и легкости и бесшумности хода на лыжах по свежевыпавшему слою перистого снега.

Я убил одного русака, зарывшегося в пухлый снег около покрытых инеем былинок, и подвигался вокруг селения, издали любуясь сияющими цепочками заячьих следов.

Обойдя участок, оказавшийся пустым, я перешел было за изгороди во второй, как вдруг услыхал сзади характерное тревожное карканье ворон и увидал, как шагах в ста пятидесяти за кустарниками и изгородями, на склоне горы, вороны то и дело с криком падали книзу,

поднимались, рассаживались на изгородь и деревья, наблюдая за происходящим.

Я поспешил к месту происшествия, заранее выработав план подхода. Ничего не оставалось лучшего, как идти вдоль изгороди, прикрываясь ею но намёты и сугробы заставляли скрипеть лыжи.

Приблизившись шагов на восемьдесят, я увидал из-за снежного ската взмахи и мелькнувшее и вновь опустившееся в снег рыжее пятно русака.

Я замер, выжидая либо новой возни ястреба с жертвою, либо времени, когда ястреб справится со своей добычей и начнет ее клевать.

Из-за сугроба вынырнула, однако, лишь голова ястреба и несколько секунд недвижимо оставалась в том же положении. Это не предвещало ничего хорошего: ястреб, конечно, заметил меня и должен был слететь. Я намеревался было выцелить в снег ниже головы птицы и пустить заряд наудачу, но в этот момент голова исчезла, мелькнул силуэт ястреба за изгородью между кустами и исчез, провожаемый моим выстрелом.

Заяц вскочил и вяло поскакал.

Осмотрев место полета, я не обнаружил никаких признаков, указывающих на ранение, но твердо решил покончить до весны со знакомым мне хищником, будь то капкан или подкарауливание у добычи.

Не могу не упомянуть еще об одном случае встречи с тетеревятником. Опять-таки те же русаки заставили меня ползать по снежной пелене. Тревожный голос ворон обратил мое внимание — ясно было, что появился ястреб.

Вскоре я увидел быстро летящего на довольно большой высоте тетеревятника, преследуемого воронами, которые неуклюже забирались выше его и, падая, пытались бить...

Наконец, ястребу надоели вороньи затеи, он быстро взмыл кверху и, находясь над вороною шагах в двадцати, а над землею шагах в пятидесяти-шестидесяти, сложил крылья, упал камнем и вместе с вороною, слитным клубком, грохнулся в снег за изгородь.

Я бросил обойденного мною русака и поспешил к врагу. Шагов двести бежал я на лыжах, любуясь дождем ворон, падающих на выручку своей товарки. Вдруг неожиданно подлетел и подсел на изгородь второй тетеревятник.

Моей мечтой было подобраться сначала к вновь подлетевшему, а затем, сразив его, покончить и со вторым — на добыче.

Однако у ястреба глаза ястребиные — он во-время заметил меня и отлетел.

Приблизившись к изгороди, я увидал шагах в двадцати пяти от меня лежавшего на боку ястреба, державшего ворону. Ястреб свистел, а ворона противно каркала. Они поднялись, сливаясь в клубок, — ворона махала одним свободным своим крылом, ястреб, не выпуская ворону, махал с противоположной стороны также одним крылом. Отлетев несколько шагов, они упали, — я выстрелил и убил обоих.

С удовольствием нес я литое длинное туловище ястреба.

Ястребов-тетеревятников большее количество, чем предполагаешь. Надо прислушиваться к окружающей жизни, и тогда встречи будут чаще; в особенности же не надо забывать верного помощника при охоте за ястребом — ворону; это своего рода собака при такой охоте.

Без капканов, однако, истребить ястреба-тетеревятника трудно, — недаром одним из показателей правильной постановки дела по дичеразведению, конечно, служит наличность целесообразных специальных капканов.

РАССКАЗЫ ОХОТНИКА

БЕССМЕРТНАЯ ПЕСНЬ

В глухом лесу после яркого солнца полей сумрачно, пахнет, как осенью, грибами и еще чем-то новым. Мохнатые ели быстро темнеют и кажутся стройнее. Голоса певчих птиц, звеневших на опушках, как нанизанные бубенчики, в глубине леса редели. Другие звуки дополняли их: частой дробью скрипели по-весеннему дятлы, глухо топтали зайцы, громыхали рябчики, хрустально перекликаясь, шуршал и вздыхал живой лес.

Среди этих звуков мне не удалось, однако, уловить желанного лопота, с которым глухари рассаживаются по деревьям на месте токовища.

Смолкли последние вечерние звуки. Чутко заснул лес. И этот переход к ночному затишью от говорливого буйно-веселого потока звуков и движений сходен был с тем, как замирает к ночи и жизнь людей...

Сижу, прислонясь к толстому стволу ели, — внимание приковано к костру.

Пламя, похожее на секиру, перебегает по сочленениям накиданного хвороста. Хвоя вспыхивает, как порох, каждая игла, издавая тонкий писк, выпускает струйку дыма и щелкает, как пистон, а затем, накалившись, словно электрическая лампочка, сияет золотыми круже-

вами и гудит ураганом, втягивая в свое буйное течение окружающий воздух и искры.

Думы, словно затягиваясь в огненный поток, плывут плавной вереницей. Но вдруг внимание отрывается от огня, чувствуется одиночество, и оно носит оттенок робости и беспомощности.

Неужели чувство это закралось потому, что я впервые без ружья провожу ночь в лесу?

Прохаживаюсь по освещенному костром пространству в кольце могучих елей, не заглядывая за пределы его...

Пылающий костер со сверкающими искрами вызывает воспоминания о проведенных ночах на глухарином току. Вспоминается и мой соперник по части глухарей узколицый худощавый смуглый Осип, похожий на постника-аскета. Часто опустошал Осип тока, часто, бывая на этой охоте в разгар весны, я натыкался на пепелище недавнего его костра и на признаки охотничьей удачи — валявшиеся у золы глухариные перья. Эти свидетельства всегда либо предвещали, либо подтверждали мою неудачу.

На охоте я никогда не встречался с Осипом. Раз, однако, удалось увидеть его фигуру в сером балахоне из домашней саржи, исчезнувшую, как дым, в частом сосняке.

Осип представлялся мне человеком скрытным и жадным. Может быть, его соперничество на любимой мною охоте делало меня пристрастным в суждениях о его качествах. Во всяком случае, он был мне не симпатичен как охотник, и если он не был браконьером, то, во всяком случае, он был охотником хищным.

Сперва я удивлялся той странной случайности, которая так часто приводила меня к ночевкам Осипа, а затем сообразил, что все опытные охотники выбирают место для ночлега вблизи тока, удовлетворяющее определенным и однородным требованиям, и что также по определенным признакам выбирается охотником и лаз зверя...

Огонь ярко разгорался, освещая сетчато-лиловую кору елей с капельками смолы, кочки брусничника, валежные деревья и дальше — стену темной ночи; временами он уменьшался, убегал вбок к сырым хвойным ветвям, и тогда искры ключом били вверх, рассыпались, редели, плывя выше и выше, к лоскутку неба, и сразу гасли.

Глядя сквозь мерцающий костер на темную стену леса, снова вспомнил я Осипа с его смуглым строгим лицом и призадумался. Как же теперь обходится он без глухарей, когда весенняя охота запрещена. Несомненно, продолжает хищничать.

Вдруг из этой темной стены выступила фигура Осипа. Я вздрогнул от неожиданности и, если бы Осип сразу не заговорил, приписал бы это явление действию своего воображения.

— Я давно из-за елок оглядываю — за огнем-то не разузнать. Думается, кому бы тут быть? Здравствуйте!

— Ну, и легок ты на помине. Как привидение явился, испугал даже меня, безоружного.

— Я и подумал, как бы не сполохать, и кашлянул тут за елками-то.

Осип был без ружья, и, хотя это меня сильно удивило, я постеснялся задать ему вопрос по этому поводу.

«Спрятал где-нибудь, — заподозрил я. — Что ему делать ночью в глухом лесу без ружья?»

И я только что снова хотел было спросить его о причине прихода, как он заговорил:

— Не сидится дома, не спится — охота мошничка послухать. Как у пьяницы, сердце сосет, что хошь делай, вот и пошел... потешусь, думаю. Маленько поопоздал на вечернюю, к вылету. Вышел на бор-то, смотрю — зарево впереди, не пойму, где горит, думал, в Знаменском. То ярко окинет, то нет ничего, потом, как к ручью спустился, гляжу — костер, да тут и есть. Я на огонь прямо-прямо и вышел, вот как сошлись.

— Не скучно тебе без ружья-то?

— Песни за весну не слыхать — куда тоскливей. Кто б меня в лес ночью по колодняку погнал? Вот и то, как стемнело, лицо хвоей не раз поцарапал...

Мне сделалось необычайно тепло на душе, и я выразил Осипу радость по поводу встречи.

— А я виноват перед тобой, Осип, ведь я считал, что ты жаден до дичи.

— Нет, — ответил он с видимою грустью, — это люди такую славу на меня наложили. Я мало бил, а разгонять — разгонял тока, коли знал, что охотник какой повадится, — в племя пускал. На вечерней заре сгонишь, наутро, глядишь, опять прилетят, и тут поразгонишь, они и прочь на другое токовище версты за две, за три, я-то

знаю, куда, ну, и глухарки туда свалятся. Я так много спасал. Ночевал я все по разным местам — охотникам показать, что, дескать, тут уже все выщелкано, выбито все, не суйся.

Я смотрел на Осипа с большим удивлением, чувствуя перед ним свою вину.

— Не знал я, Осип, что ты такой охранитель природы.

— А кто же знает? Только разве сама тварь, которую я сберег. Вот, посмотри, что поутру будет — заглушат.

— Ну?

— Верно, говорю, только мы не на этот ток пойдем, а подальше на выруб, там они все скопившись.

Чайник тем временем вскипел, и я рад был угостить Осипа. За беседою время незаметно перевалило за полночь, и я неожиданно задремал, но был разбужен словами Осипа:

— Хоть без ружья, а поспевать надо ко времю!

Было еще совершенно темно. Отойдя от костра и оглянувшись, можно было заметить как будто светлеющее небо в промежутках ветвей и маковок деревьев. Не было видно ни себя, ни деревьев, — они смутно вырисовывались частями только на фоне неба.

Осторожно ступала нога. Пропитанный водою мох хлюпал. Пройдя сосновое болото, мы ступили на более твердую почву закрайка.

Небо серебрилось, как рыба ночью на дне лодки, но внизу было также темно.

Мы остановились.

Робко, нежно и кротко свистнула птичка.

«Ну-о», — где-то далеко гукнула сова; «ну», — послышалось вновь; «хгу», — ответил другой голос, будто пастух погонял стадо.

И в темноте глухого леса пастух представлялся сказочным лесным великаном с длинной бородой, как мшистый подвес на болотной ели, а стадо — табуном оленей.

Отчетливо послышались звуки: «тэ-кэ, тэ-кэ, тэ-кэ, дак, дак» — как удары палочек, как стук оленьих рогов.

То были знакомые, волнующие звуки, ради которых мы и пришли ночевать в глухой лес.

Осип повернулся ко мне, я посмотрел на него, смутно видя в темноте его лицо.

Мутно и вкрадчиво надвигался рассвет. На дальнем болоте прокричали журавли. Их тревожные и гулкие гортанные крики высокими голосами пронеслись по шири лесов, и все звуки на мгновение затихли.

По краю болота протянул вальдшнеп. Небо стало похожим на ночной блеск воды. Стволы сосен начали робко выступать из темноты. Глухарь вновь защелкал, ему вторили кругом такие же звуки, и лился-лился таинственный шепот песни...

Мы подскакивали под песню, как мальчишки. Радостное волнение заполнило все мое сознание, и я даже не вспомнил про отсутствие ружья. К чему было оно, когда вожделенною целью было послушать издали, послушать вблизи и наглядеться на глухаря.

К испытываемой радости примешивалось еще какое-то светлое чувство; оно заключалось, как я вскоре понял, в том, что переживания и мои, и Осипа были равноправны и равносильны. Никто из нас не был ни стрелком, ни проводником: оба мы дружно стремились с одними и теми же намерениями к одной и той же цели. Отсутствие ружья и того рубля, который служил проводнику вознаграждением за лишение его права стрелять, было причиною этого нового чувства.

Находились мы уже совсем близко от глухаря, но рассмотреть его еще не удавалось. Простояв в оцепенении несколько минут, мы оба заметили, как между султанчиками сосновой хвои на фоне зеленовато-серебристого клочка неба затряслась и задергалась в стороны голова и шея глухаря, как рука, сжатая в кулак.

Подошли к подножью дерева. Пел наш глухарь, пели кругом вперегонку бессчетные глухари, подзадоривая друг друга.

Мы пребывали в блаженном состоянии страстных любителей этого своеобразного стрекотанья, схожего и с журчаньем воды, и с заливистым отдаленным пением сонма птичек, и со скрежетом скрещивающихся рапир, от которого стоит, как от всколыхнутых струн, неясный и глухой стальной гул.

Предрассветный туман, задернув серебро зари, поплыл к сплошной стене леса, очищая редколесье. Насмешливо, дерзко прогоготали куропатки. Мох забелел от росы, засеребрилась матово-синяя хвоя сосен, далеко зажелтели стволы по болоту.

Солнечный луч полосою поцеловал верхушки сосен; они улыбнулись розовыми стволами. Птички запищали, зачирикали со всех сторон. Заботливо заквакали глухарки. Искрилась на солнце золототканная грудь глухаря, блестел клюв, ширились красные брови...

Счастливые, возвращались мы домой и, весело беседуя, доверчиво глядя друг другу в глаза, незаметно вышли из леса в яркие солнечные поля, провожаемые радостными посвистами птиц в оставшейся позади опушке...

ВЕСЕННЕЕ

Опять запел соловей, опять — после перерыва в десять месяцев. Он запел на том же кусте черемухи с только что позеленевшими почками.

Грустно слышать соловья, потому что он своим пением отсчитывает весны...

Старый парк, месяц сквозь ветки берез — что́ круг паутины, а ветви на фоне месяца будто в капельках, — еще день, и лист с гривенник.

От скамейки осталось два гнилых столбика. Аллея акаций, ведущая сюда, так переплелась, что стала похожа на туннель. Свет месяца на дорожке аллеи весь в корявых тенях — страшно ступать по тени: будто ветровалом заломана дорожка.

Парк большой, глухой — это лес теперь; лес же кругом сведен, и только изредка стоят по вырубу одинокие деревья, свидетельствуя своей кривизной о непосильной борьбе с ветром.

Парк стал лесом — темные рощи, поляны, группы мощных деревьев разных пород, ленты и круги кустарников. Не выбраться ночью из этого леса, если бы время от времени его не пересекали твердые дорожки, вливающиеся в прямую широкую липовую аллею, идущую сере-

диною парка версты две, вплоть до белых колонн ржаво-желтого дома с заколоченными окнами.

Я вошел в этот парк, в эту таинственную ночную тень необыкновенного леса и, побродивши по дорожкам, не зная, куда идти, остановился на овальной лужайке под развесистым дубом, обнимавшим своею тенью почти всю поляну.

Закинув голову, смотрел я в синеву весеннего неба, посветлевшую от лунного света, а вальдшнепы с хорканьем и причмокиванием то и дело проплывали надо мной. Где-то близко — плеск воды. За грядою разросшегося орешника — большой четырехугольный пруд. На неподвижной черной поверхности струилась в месяце полоска ряби, которую как будто везли два темных силуэта уток. Я отошел, не вспугивая их, и стал отдаляться напрямик от мешавшего моим думам соловья. Но соловьев было так много в этом бесконечном парке, что, отдаляясь от одного, я приближался к другому.

Вальдшнепы перестали тянуть, — должно быть, наступала ночь.

Захотелось пробродить до зари в этой волшебной обстановке.

Подвигаясь без цели, я очутился в сосновом бору на возвышенной гряде. Внизу виднелась котловина, поросшая молодым сосняком. На склоне было сухо и мшисто. Я опустился на землю против месяца, оперся спиною о толстую сосну и вытянул ноги к откосу. Весь скат стлался на виду. В таинственной темноте подгорья зияла черная площадь леса, переходившая в безлесную долину.

Явственный женский голос заставил меня вздрогнуть. Я мигом открыл глаза, одновременно подобрав ноги, — все там же неподвижно сижу я над откосом, все тот же мутный свет луны, все тот же блеклый цвет откоса и черная щетина и долина внизу, а сзади и с боков старый бор, белеющий сухим серым мхом...

— Конечно сюда, я знаю каждую тропинку в этом парке, — говорил настойчивый и отрывистый женский голос внизу откоса.

По откосу медленно поднимались две фигуры. Когда они отделились от черного дна низины, я увидел стройную девушку и молодого человека. Она шла бойко, легко преодолевая крутизну. Одетый на ней плащ, сливавшийся цветом с блеклою травою откоса, шуршал, как шелк; тем-

ный газовый шарф, обвивая голову, одним концом висел спереди, а другим за спиной. Рядом с ней шел молодой человек в кожаной куртке и черной кепке.

Я не рассчитывал на встречу с людьми и не знал, поспешить ли уйти вглубь бора, пока пришедшие медленно, шаг за шагом, поднимаются по откосу, или же не двигаться, в надежде остаться незамеченным. Я промедлил, а потеряв время, не решился убегать на виду и притаился.

Они прошли совсем близко.

Я видел только профиль ее красивого лица, — оно казалось бледным от лунного света.

Поднимаясь на ребро откоса, она прошла боком, вонзая высокие каблуки русских сапог в землю.

— Здесь, — сказала она, вскинув рукою по направлению опушки.

Быстрым движением подправила она под шарф прядь темных волос, раскрыла отвороты плаща, обнажив шею, на которой блеснула цепочка, и опустилась у первых деревьев опушки.

Он — круглолицый, белокурый, с маленьким носом и светлыми глазами, розовый и плотный, стоял около нее, опершись обеими руками на стволы ружья.

Она посмотрела в мою сторону, и я хорошо разглядел ее. Бывают лица, которые очень нравятся в профиль, но при полном повороте оказываются с другим выражением, чем предполагаешь. Ее же лицо осталось желаемым продолжением того, которое я видел в профиль.

Она обратилась к своему спутнику и, играя веточкой хвои, сказала:

— Если б мой отец видел, что охотник держит так ружье, как вы, он ушел бы с охоты, не желая быть свидетелем несчастного случая.

— Да ведь оно не заряжено.

— Давайте его сюда.

Он послушно подал ружье, — она прислонила его к дереву.

— Кому какое дело до моей жизни — я ей хозяин, не послушался бы я никого, только вы имеете надо мной власть...

— Вы думаете, это так лестно для меня?

Он опустился рядом и потянулся было к ней.

Она посмотрела на него и стегнула по его лицу султанчиком хвои.

Он отодвинулся и продолжал:

— Вы не верите, что можно полюбить поэзию в человеке и жить только этой любовью?

— Верю, но не вам это говорить. Разве вы на глухариный ток пошли бы без меня? Где же ваша любовь к поэзии?

— Я не знал, что здесь есть ток.

— Раньше не было, а как там вырубили, теперь глухари токуют здесь.

— И услышим?

— Конечно. Обещайте, что не будете стрелять!

— Обещаю. А ведь скоро теперь.

Она повернула кисть его руки, посмотрела на часы-браслет и сказала:

— Первый час уже, через полчаса надо подвинуться в бор.

Он нагнулся к ее плечу, и щека его касалась пряди ее волос.

Со всех сторон парка тенькали и булькали соловьи.

Мне было не по себе. Но что говорило во мне — порядочность или зависть?

Они говорили тихим голосом, почти шепотом. Соловьи мешали вслушаться в разговор. Можно было разобрать отдельные отрывистые слова: «никогда»... «не понять»... «полюбишь»... «для меня»... «навсегда»... и каждое слово продолжалось соловьиною трелью.

Глухие ночные часы прошли, соловьи пели бодрее. К ним примешивались еще какие-то неопределенные звуки.

Полоса неба над долиной заметно утеряла свою синеву и побледнела.

Молодой человек встал, протянул девушке руку, но она, не воспользовавшись его услугами, вскочила и, прошуршав, скрылась с ним в бору.

Лунный свет оттенял и стволы, и ветви, просвечивавшие на фоне неба. Отдалявшиеся две человеческие фигуры были хорошо видны в промежутках деревьев, теряясь на темных предметах.

Помедлив, я тоже двинулся в лес.

В лесу стоял какой-то непонятный шепот, какого я не замечал с вечера и в начале ночи; может быть, то вы-

прямлялся смятый ногами мох, быть может, сюда доносились издалека какие-то звуки пробудившейся жизни и здесь, рассеиваясь, терялись.

Вникая в неясный шелест, можно было мало-помалу различить отрывочные звуки скрипучего щебетания.

Я двинулся навстречу глухариному пению.

Лунный свет смешался с предрассветною мглою. Небо стало белеть, стволы и хвоя деревьев давали, хотя и смутный, оттенок своего цвета.

Я прыгал под песнь с особою бодростью, будто земля пружинила.

После одной остановки, переводя с трудом дыхание, я опять увидел девушку и ее спутника, — они подходили с другой стороны к тому же глухарю; к счастью, они не заметили меня.

Глухарь сидел на самой верхушке и, вертясь, как игрушка на проволоке, принимал причудливые позы, делавшие его не похожим на птицу.

Они отошли на несколько шагов.

В мутном еще рассвете она показывала ему вытянутой рукой на громадную черную птицу, а он глядел и не видел, пока она другой рукой не навела его голову по направлению простертой руки..

Он заволновался, задвигался и стал поднимать ружье.

— Не надо, — твердила она в ритм песни решительным голосом, но он не внимал ее просьбам.

Грянул выстрел. Потрясающий звук пробежал дрожью по деревьям, прокатился по всем дорожкам парка и утонул в поле и под высокими сводами ржаво-желтого дома.

Глухарь улетел. Пока он грузно лопотал на подъеме, я отскочил назад и схоронился за толстое дерево.

— Подло стрелять весною! Это гаже, чем подслушивать чужой разговор! Чего стоит ваше обещание!

Розовый свет первых лучей осветил низ бора.

Глухарки квохтали, как в истерике. Сонм птиц свистел, чирикал, пел, как бурный поток, сливаясь в один звук, в одно настроение, заглушая соловьев...

Девушка стояла, нахмурив брови, с капризным и гневным в то же время лицом, не слыша, как поет невдалеке второй глухарь. Потом она быстро двинулась в сторону. Молодой человек виновато пошел за ней.

Одна из дорожек вывела меня на главную аллею. Далеко впереди бегал какой-то большой черный предмет; я принял его за собаку, ожидая выхода на дорогу человека. Однако, когда расстояние сократилось, я узнал в этой черной фигуре глухаря. Чтобы остаться незамеченным, я свернул с дороги, приближаясь по обочине.

Я подошел на близкий выстрел, остановился и долгое время наблюдал за глухарем. Он бегал зигзагами, пригибаясь к земле, останавливался на облюбованном им месте и, вырывая лапами и клювом мелкие камешки, глотал их.

Окончив свои занятия, он поднялся и пролетел, чуть не задев меня мощным крылом. Громадный, гладкий, шелковистый, бронзово-зеленый, он летел по поляне навстречу солнечному лучу и опустился вблизи под крупные темные опахала пихты, так же, как и он, блестевшие на солнце розовым золотом.

ДУПЕЛЬ

Строгий, увесисто-шумный подъем птицы, темпераментная легавая, трудная стрельба — волнуют. Эти условия в отдельности, а тем более вместе взятые придают особенное, пьянящее чувство, которое, несомненно, усиливает прелесть охоты.

Однако иногда хочется других ощущений, не столько втягивающих в страстные охотничьи действия, сколько позволяющих оставаться в стороне и любоваться, спокойно наблюдая.

Одною из таких спокойных охот является охота в сентябре на пролетных дупелей на пожнях, потных болотцах или на полевых луговинах с выдержанной собакой, обладающей крепкой, но страстной стойкой.

Обычно в начале сентября устанавливается золотая осень. В утреннем воздухе, несмотря на блеск солнца, разлита особая свежесть, и с нею как будто раскрываются прозрачные дали.

Роса и прохлада исчезают часа за два до полудня, оставаясь иногда и на целый день в самых тенистых местах. На полях делается сухо, солнце припекает, кое-где рдеют запоздалые цветы, а на подросшей отаве отдель-

ные листья трав пестрят малиновыми, бурыми и лиловыми осенними красками.

Такие чудные дни золотой осени и коротки, и немногочисленны, и если предаться волнующей охотничьей страсти, то день этот промелькнет мигом, оставив лишь воспоминание о приятной охоте и погоде.

Вот почему в такие дни я особенно люблю охоту, позволяющую прежде всего любоваться всем видимым миром, в котором, между прочим, мелькает и работающая собака, и вспархивающий из-под нее ленивый дупель; я не всегда сопровождаю выстрелом его первый подъем и позволяю ему доверчиво переместиться.

В такой сентябрьский день я бродил с легавой собакой по лугам речки Тихомандрицы и, ощущая приятный пригрев солнца, любовался далями, кружащимися высоко в небе журавлями и охотился. Время пролета дупелей было в разгаре, и я уже взял несколько штук, не сомневаясь в дальнейшей удачной охоте.

Собака снова сделала стойку, пригнувшись к земле, скрывая себя от птицы, и глядела на находившуюся шагах в десяти кочку с реденькими пучками травы, объеденной скотом. Собака так глядела, что, казалось, видела птицу. Как я ни старался насмотреть ее, я ничего не обнаружил, но, отойдя несколько шагов в сторону, сразу как-то нечаянно заметил дупеля, стоявшего на вытянутых ногах почти на том месте, где я только что старался его наглядеть.

Он стоял между засохших метельчатых травинок, пригреваемый солнцем, приклонив несколько голову на поднятой вверх шее, и клюв висел, как игрушечная шпага, заходя на левую сторону туловища. Отчетливо были видны неморгающие темные глаза и ржаво-белые лепестки перьев. Это был крупный, упитанный старый дупель. Я залюбовался птицей и задумался.

Этот самый дупель, который сейчас стоит на земле севера, скоро перелетит в Африку. Он сейчас глядит на меня, и я гляжу на него, а через несколько недель, если он только не погибнет, будет глядеть на жителей Африки, а они будут глядеть на него...

Сделав шаг вперед, я невольно вспугнул дупеля. Не вытягивая туловища и не подгибая ног, он перепорхнул шагов семь со свойственным ему глухим похрюкиванием «урк, урк» и, перед тем как опуститься, всплеснул кверху

своими длинными рябыми крылышками на шелковистой бело-серой подкладке. Затем он сделал несколько мелких ускоренных шажков, нагнул голову под надломленную висевшую травинку и остановился, свесив клюв, рядом с пышною шапочкой уцелевшего красного клевера.

Собака подвинулась на шаг и снова замерла, еще более пригнувшись к земле. Я поднял утерянное дупелем при взлете маховое перышко, не попавшее в Африку, и положил его в портсигар на память о мыслях, которые роились вокруг предстоящего этой птице заманчивого путешествия. Завидна доля свободного путешественника. Невольно задумаешься над такими удобными переселениями, не доступными людям.

Я пощадил эту птицу и пошел дальше. Дупелей на лугах было много. Среди них я не заметил ни одного столь доверчивого и упитанного, как тот старик, которого я помиловал. Все остальные давали возможность выстрелить в меру, не разбивая птицу. Некоторые летели торопливым угонным полетом, видимо собираясь отлететь порядочное расстояние, другие, поднявшись, хоть и обнаруживали намерение сесть, но все же тянули. Каждый раз, когда птица падала от выстрела, я подумывал, что в Африку попадет одним дупелем меньше.

Я настрелялся, а главное, налюбовался прелестью осеннего дня и замирающего, тихого, красочного вечера. Возвращаясь березовыми рощами, я невольно засмотрелся на стройный стан деревьев, на их стволы, розовеющие к закату, и меловую белизну их в тени. Осень еще не разрядилась в пышный багрянец, но многие деревья накинули яркие проточины по летней одежде.

Лиловатыми, огнедышащими горами поднимались со стороны заката валы облаков. Когда я дошел до плотины, соединяющей два пруда, месяц уже дробил, словно колыхал, недвижимую водную гладь, а на небе стояли мелкие барашки.

Облокотившись на широкий брус перил, я стоял, как на пароходе, а вода мерцала, будто от движения. Я снял с плеча ягдташ и разложил на перилах целую вереницу закоченевших грузных дупелей. Луна освещала эти серенькие удлиненные фигуры с застывшими в разнообразных положениях клювами, и, если бы можно было их оживить, я рад был бы видеть, как они, глухо похоркивая, перепорхнули бы на окаймляющий воду илистый

берег с реденькою осочкою и, может быть, нашли бы сходство его с илом Африки.

«Хурк, хурк», — прозвучало над головой, но в лунном свете я не мог насмотреть пролетавшего дупеля. Не мой ли старик на пути в Африку?

Ночь была так тепла, что, поужинав, я пил чай у раскрытого окна. Небо было попрежнему в барашках, они только выше поднялись да покруче закурчавились. Луна, словно подтаявшая льдина, стлала полотнища между тенями и покрывала сплошным своим инеем луга. Река будто затянулась льдом-яснецом...

Я крепко заснул в ту ночь и перенесся в далекую страну. Надо мной был синий-пресиний небосвод, усыпанный яркими звездами. Месяц сиял, как никелированный конек на льду, и свет его гранями плющился на безбрежной зыби моря. И вода этого моря, зеленая, как бутылочное стекло, играя опаловой пеной, заставляла неудержимо глядеть на фосфорический цвет грузно-плотных, всюду одинаковых, конусообразных своих изломов.

Море, бесконечное, как вечность, охватило меня кругом. Море, с его особыми ароматами, мягко играя, грузно колыхаясь, стлалось передо мною и за мною. Без начала и конца казалась его граненая скатерть, как вдруг от невидимого горизонта как будто навстречу поплыл толстый черно-лиловый берег материка.

— Африка, — сказал чей-то голос.

Как только между мною и землею осталась узенькая, как канавка, полоска воды, я шагнул на землю и, сделав несколько шагов, оглянулся: то же безбрежное море дышало, лежа под опаловым покрывалом, и, раньше безмолвное, теперь неумолчно говорило с землею, накидывая на нее кружевные венки пены; низенькие лозинки прибрежного кустарника с прямоугольными сочленениями в ягодах, как шиповник, унизаны были пеною, словно паутиною, и лунною кисеею казался завешенным берег.

Я двинулся от озера. Равнина покрыта была крупными резными листьями наподобие зелени одуванчика, жесткими, сухими до того, что отдельные выпуклые стволики этих листьев чувствовались ногой. Между группами растений желтел наносный песок.

Вдали виднелись темные пальмы. Я удивился их громадному росту, не проявляя интереса к этому опошленному вне природных условий дереву.

«Урк, урк», — послышались над головой дупелиные голоса, и в лунном свете на фоне пальмовых ветвей я увидал силуэт одной из пролетавших птиц. Я пошел по полету. Неожиданно с крутого уступа взорам моим представилась широкая полоса реки с пожнями, показавшимися мне похожими на наши.

Задевая за колючие сухие карликовые растения, боясь наступить на невидимых змей, спустился я в низину. Мощная река величественно двигалась без ряби. Пожня оказалась топкой непроходимой лиловой маслянистой грязью, изрезанной жилками воды, дававшей особое цветное преломление лунному свету. По этой грязи торчали черно-зеленые растения, похожие на кисти человеческих рук с растопыренными пальцами, а между ними в разнообразных позах сидело несчетное количество дупелей.

В долине реки стоял гул чуждых звуков; звенели где-то тонкие и томные колокольчики, щелкали как будто пробки открываемых бутылок, что-то шипело, а над этими звуками мерно и резко, одновременно в разных местах, слышалось двусложное назойливое «кяд-жо, кяд-жо», производимое неведомыми тварями.

И сколько мог видеть глаз, — все это илистое необозримое пространство, залитое звуками, было сплошь занято дупелями от самого края сухого берега к отдаленной реке и по ее течению, упиравшемуся в горизонт.

Дупеля не обращали на меня никакого внимания, несмотря на то, что ближние сидели в нескольких шагах.

Не ступая на ил, я нагнулся, чтобы разглядеть пальцеобразное растение. Мясистые пальцы его оказались покрытыми ржавыми шершавыми пятнами, и пе́стрины эти очень шли к черно-зеленому фону. Одно из этих растений зацветало, выпустив из средней конечности пухообразную шелковистую кисточку. Под этим растением, в центре его, на вытянутых лапках стоял крупный дупель. Подняв вверх шею, он лениво преклонил голову, и клюв висел, как маленькая шпага, вдоль левого крыла. Он будто позировал, имея за собой декорацию в виде пальцеобразного растения, и пуховый султанчик венчал эту экзотическую картину. Вдруг внезапно он начал перебирать перья на зачесавшемся плече и свесил крыло, на котором я заметил недостачу одного махового пера.

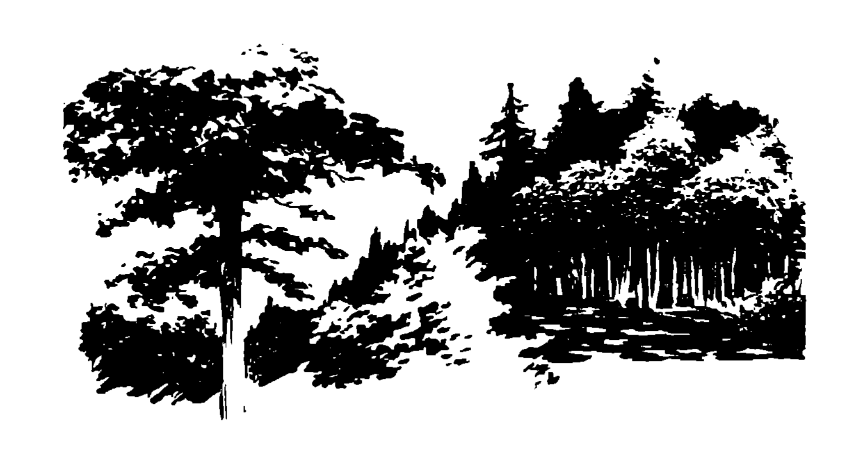
Вглядевшись в стоявшего дупеля, я чуть не вскрикнул, как это невольно бывает, когда неожиданно на чуж-

бине встретишь старого знакомого. Во мне не было сомнений, что передо мною дупель с лугов Тихомандрицы. Я вспомнил про перышко в портсигаре и подбросил его ему. Медленно кружась, оно опустилось к его ногам. Он немного побочил голову, как будто пренебрежительно взглянул на перо и снова застыл в той же ленивой позе зажиревшего досужего дупеля.

...Я проснулся. В раскрытое окно виднелись залитый лунным светом простор лугов, слюдовая полоска реки Тихомандрицы и блестевшие на вешалах еще мокрые сети.

С тех пор, когда я вижу дупелей, я вспоминаю их африканскую зимовку.

ВСТРЕЧА

Стоял теплый день конца сентября. В большом лесу было необычайно тихо и красочно. Подсохшая трава, темнозеленые, спускающиеся к земле ветви елей, цветистые мхи походили на ковер, затканный коричнево-золотистыми и малиновыми нитями.

Брусника была крупна и сладка, а уцелевшая перезрелая морошка сваливалась со стебля, налитая ароматичным соком.

Я нагнулся было, чтобы сорвать пучок грузной красной брусники, как из куста, шагах в двадцати от меня, с большим усилием и лопотом поднялся аспидно-зеленый глухарь. Я изготовил ружье и хотел было уже выстрелить, но увидал по планке выдвинувшийся из-за дерева берестовый котел на согнутой спине человека в серой домотканной одежде.

Руки мои беспомощно опустились. Я облегченно вздохнул. Чуть было...

— Эй! — крикнул я.

— Эй, — ответил красивый, густой баритон, и ко мне повернулось загорелое лицо пожилого человека с круглыми голубыми глазами.

Мы сошлись.

На лице незнакомого заметны были следы оспы. Завивающиеся со щек и шеи широкие седые баки делали его лицо похожим на рысь.

Он поздоровался.

— Сейчас от тебя мошник полетел, важный такой. Не стрелил чего-то или буде в лёт не потрафишь?

Я объяснил причину:

— Вишь ты, какой случай подошел. Лес-то чуть ли не на пятнадцать верст тянется, а пришлось же в один миг и глухарю и тебе на мушку попасть.

— Оказия! — протянул он в нос и повесил за плечо шомпольную одностволку.

— За рябчиками?

— Да, рябцов смотрел. Эн, да у тебя собака важная. Дичная. Поди, за белками да за зверем не ходит?

— Нет... Много застрелил рябцов-то?

— Три парочки всего. Чего-то по речке мало. Не то Прошихины ребята маточек перебили, не то куничка тут зимой проживала. Повадится, так, пожалуй, похерит всех, хошь береги рябуху, хошь нет.

— А разве самку не бьешь?

— Бывает, стрелишь, не знаючи, ну, а если знамо, что старуха, так не занимаешься ей. Я и то тут недалеча одну не тронул, подлетела к самому, да «пись, пись», сердешная.

— А как же узнать, ведь другой раз чуть виднеется.

— По голосу: самец тот «пись, пись, питирить, питирить», а самочка, та не делает коленца, — и он, взяв один из висевших у него в петельке пищиков, пропищал самкою и петушком. — Самочка так и осталась туто, пущай живет, — и его лицо приняло заботливое выражение.

— Из какой деревни?

— С Токарихи, Митрий Булыженок, а ты дальний?

Я объяснил, откуда я и где остановился.

— Недалече, ну я не знал, вот бы сводить тебя на Потураиху: на неделе иду я, так чуть глаза не выстегали тетерева. Куда ни ступишь, так и лопочут. Ягодники там да овсы еще не увезены, туда они и сваливши.

Я стал просить Дмитрия сводить меня на Потураиху.

— Да сегодня, гляди, не поспеть, пока идешь, шорох-ворох и — вечер, надо поутру.

— Ладно, приходи.

— Прибегу ж! От нас тропочкой через Балабино, близехонько. Я знаю, ты там не хаживал.

— Нет. А теперь куда?

— Надо бы еще по рёлке пройти, да неколи, лажу на пустошь зайти, лошадей поглядеть, а то всю озимь стравили.

— Как мне ближе на дорогу в Баглаево, сюда, что ль?

Дмитрий засмеялся и повторил вопросительным голосом:

— Сюда? Да сюда заведет тебя в Амосиху да на Язвочки, в Стеховское, да на Бору́, туда и жи́ла нет ближе двадцати верст. Оказия! ведь ты заблудился бы. Эн, дорога-то где, — и он показал в противоположную сторону.

— Придется и мне уж с тобой идти.

— Так складнее, нам путь-то один, только, как на поле выходить, тебе надо в моложу, не доходя сараев, свернуть, а там и поля пойдут Багаевские.

— А по пути есть тетеревиные местечки?

— На выходе надо в куманишник зайти, там часто сгоняю.

Мы сделали порядочный переход глухим лесом с валежником и мшистыми пнями и вышли на лесную плохонькую дорогу.

— Зайти, что ли? — спросил Дмитрий.

— Зайдем, если недалеко.

— Да эн тут и есть.

Я пустил собаку. Вбежав с кряжа в болото, она сразу повела.

— Глянь-ка, строго чего-то пошла, — проговорил Дмитрий, не отрывая глаз от собаки.

Я попросил Дмитрия идти за собакой, а сам забежал вперед по кряжу; не успел я остановиться и выбрать пошире обстрел, как послышался сильный лопот крыльев и молодой косач, поднявшись над маковками молодого осинника, хотел было выправить свой полет, но камнем свалился после моего выстрела. Собака не выходила, я слышал, как под ногами Дмитрия, ближе и ближе ко мне, чуть слышно потрескивал сушняк. У самой опушки я услыхал его голос:

— Мотри, тут чего-то есть, так и замерла собака, должно, подбитый затаился. Гляди, гляди! — закричал

Дмитрий, а матово-синий молодой черныш уже перелетал через меня, настолько плотно прижав перья, что казался значительно меньше своего роста.

Пропустив, я ударил в угон и свалил его, и легкие выгнутые перышки кружились, цепляясь за ветки деревьев.

— Э, брат, да она у тебя ученая; с этой, брат, всех переберешь. Ах ты, собака собаковна. Ну, а уж на Потураихе будет же толк.

— А убитого не нашел в болоте? — спросил я.

— Нет. Да, думатца, это один и есть.

Я пошел и поднял второго, уверив Дмитрия, что первый остался на месте, где стрелян.

— Оказия!

— Вон, над тем деревом я стрелял.

— Надо же поискать хорошенько, да собака, я думаю, и убитого причуивает.

Мы опустились в куманишник и стали сами искать тетерева.

Несмотря на то, что собака бегала и искала, никаких признаков она, однако, не обнаруживала, и это вызывало во мне опасение потерять птицу.

Меня взяло сомнение, на том ли месте мы ищем, и, попросив Дмитрия остаться в болоте, я вышел на кряж для проверки.

— Дмитрий, где ты?

— Эй!

— Стой там!

— Ладно!

— Потряси ближнее дерево, потоньше которое.

— Ужо!

— Вот тут и упал под осиной. Иду!

Я подошел. Дмитрий, держась за дерево, оглядывал кругом.

Я опять пустил собаку. Ничего.

— Вот и перья на ветке, гляди, — сказал я, обрадовавшись, Дмитрию.

— Эво, да тут не одни перья, и мясо тут,— проговорил он, смеясь и тряся изо всех сил березку, в развилке которой тетерев ущемился головой и плечами и крепко повис.

Мы с трудом спихнули тетерева длинным хлыстом, и он шмякнулся нам в ноги, к большой радости собаки.

Подняв еще несколько тетеревов, не допустивших собаку, мы вышли из куманишника.

— Не сходить ли нам на вечернюю в Потураиху? — вопросительно предложил Дмитрий, пытливо поглядывая на солнце.

— Второй час, — ответил я, посмотрев на часы. — А далече до Потураихи-то?

— Да верстушки с две.

— Пойдем, Дмитрий, погода уж больно хорошая.

— Пойдем же, хорош денек, да короток стал.

Мы быстро зашагали напрямик. От нетерпения я, нет-нет, да и спрошу у Дмитрия, сколько еще осталось. Он неизменно отвечал, что недалече. Очевидно, его железные ноги не считались с расстоянием.

Наконец, Дмитрий показал на видневшиеся верстах в двух цветистые зубцы осинника и берез.

Потураиха была выгодным местом для охоты в конце сезона: по вырубам — пашня, в низинах сохранилось много островков леса с болотистою некошеной травой и мшистыми кочками, по кряжам краснелась брусника, полосы овса жались к самым опушкам, а по межам, как посаженный, разрастался кустарник.

Все, что видел глаз, радовало охотничье сердце. Собака с особым интересом, не развивая быстрого хода, шла размеренным галопом, высоко подняв голову.

— Эн, у той рябинины, в ягодах-то которая вся, тама кромка вдоль болотичка — все приставали к овсу.

Тетеревов, однако, там не оказалось, хотя, повидимому, они недавно были здесь, так как собака тянула то в одну сторону, то в другую, чуть не начиная подводить.

— Овес еще третьего дня не был сжат, вот оно чтó... Погуляли да и отлетели. Ладно же, недалече они: за горой мошок сосновенький есть, там они. — И Дмитрий нетерпеливо зашагал по указанному им направлению. Собака, не добежав до опушки соснового болота, встала, вытянув шею в одну линию с головой.

Мы поторопились к ней.

Травяной покров и впадины в сырой мшистой почве между кочек позволяли птице крепко таиться. Впереди было несколько пней, вокруг которых росла более густая трава, за ними два-три ивовых куста, а дальше — редкий сосняк по искрасна-желтому мху.

Мне хотелось узнать, где именно затаилась птица, и мы стали по этому поводу перешептываться с Дмитрием. Я подвинулся на шаг и наступил на длинный сухой сучок, который не только треснул, но и зашевелился впереди меня, а одновременно за ивовыми кустами вылетело несколько тетеревов. Я сделал два безрезультатных выстрела, вслед за которыми от пней поднялось на значительно более близком расстоянии еще три штуки. Перезарядив ружье, я надеялся, нет ли еще запоздавшего, но собака двинулась и пошла скоком.

Пошли по полету. Не успели войти в опушку, как собака остановилась в высоких кочках, покрытых ягодником. Вряд ли так близко мог опуститься один из поднятых нами тетеревов.

Дмитрий старался наглядеть сидячую птицу, а я, досадуя на предшествовавшую свою оплошность, стоял, держа ружье у самого плеча и с напряженным, сосредоточенным вниманием пронизывал глазами мелкие кружева ягодных зарослей в надежде не упустить птицу на самом взлете.

Но ни Дмитрий не наглядел сидячую птицу, ни я не уловил самого взлета небольшой стайки белых куропаток; я увидал их за первыми, правда реденькими, сосенками, которыми они заслонились резким боковым движением, будто кто их отбросил туда. Я убил одну, другая, с отвисшею лапкой, далеко утянула над красным мхом и снизилась у приметного кустика. Мы двинулись, не спуская глаз с замеченного места, и, далеко не доходя до него, увидели на нашем пути лежащую вверх брюшком недвижимую куропатку.

Прошли еще четыре островка и из двух найденных выводков тетеревов взяли еще шесть штук.

Дойдя до поворота дороги на Баглаево, мы, перед тем как расстаться, присели отдохнуть.

Вечерело.

Еще редкие осенние краски отражали вечернюю зарю, и от этого ярче проступали на листьях деревьев; и рябина, и осина, и береза начали уже окрашиваться, каждая по-своему, тем начальным стыдливым румянцем осени, который не позволяет еще издали определить породу дерева. Весьма немногочисленные и скромные цветы нежились, доживая свои последние часы, а глубокое молчание всей природы под последними лучами солнца

рождало грустные думы, как при проводах близкого человека, уносимого поездом в далекие края.

Я закурил. Дмитрий был некурящий, но у него была привычка ковырять травинкой в зубах.

— Булыжонок это прозвище или фамилия? — спросил я.

— Не знаю, как сказать, все тут. Видишь ли, деда моего звали Булыгой, отец мой был Булычин, а я вот Булыжонок. Дмитриев у нас в деревне двое, кроме меня, а Булыжонка все знают; деда мало кто по имени звал, а все Булыга да Булыга. Знали охотника Булыгу. Ну, и охотиться тогда просто было. Медведей, оленешков да лосей — ужасти! Редкий день, когда бабы за ягодами пойдут, не увидают. Дедка говорил, вот недалече, где с тобой встретились, гладко болото в лесу есть, коли там отабунятся эти оленешки, и не сосчитать постукотывают рогами стоят, а теперь там буде журавль. Потом куда-то провалились. Отец мой еще маленько застал, ну, а я вот только когда рога находил, а теперь и рогов-то и тех никто не видит... Куда это оленешки скрылись? Оказия!

— Выбили.

— Да выбить-то некому, ведь в ту пору охотников-то всего наперечет было, набьют себе на мясо, посолят, и все тут. На продажу не шло, никто его и есть не ел, кроме охотников, и тем-то оно вроде как даровщина. Ружьем ни зверя, ни птицу не выведешь, а вот руками натворишь делов. Порубили топором угодья зверины, стали туда частенько люди наведывать, тесно стало, и отшатнулися и зверь и птица, да опять в неладные места пошли, так и растерялись. А которые места и остались, так людно больно, ребятишки да собачонки все кусты вышарят. Вот раньше я замечал — в нивах редко тетеры гнездо заводили, а теперь — где дерево на ниве срублено, там в сучьях и гнездо: куда же ему деваться, ухоронки хорошей нет! Ну, как запалят ниву, и пропало. От огня уцелеют, все равно яйца оберут. Верно слово, задарма пропадет более того, нежели сохранится. Бывало у самой деревни по моложам да в болотовинах промеж хлебов сколько их в сенокос порхало, а ноне и завестъся там негде, либо на погибель к человеку жмись, либо в темный лес переселяйся, а ведь натура евонная полевая. Скажем, выруби ты березу на тло, и тетерева не будет — зимой ему взять нечего. Ране леса-то были, что́ — шабаш, не знаючи хода,

не суйся, а то хлеба бери на неделю, заплутаешься — за неделю-то, може, и выберешься. Ране-то за ягодами, коли идти народ соберется, так проводника из охотников брали, а теперича народ один ходит, стало быть, не больно глухо да широко стало. Ну, так где уж зверю быть? Посади ты рыбину в ямку, разве будет жить, а приживется, — ворона вытащит. Вот и мошников поджали вырубами. Где мошнуха кладется, ребятишки не шлялись, а ноне — где попало, а самой-то весны чуть осочка из водицы перышки даст, и пошли по пустошам да закрайкам лесов, а тут около покосов и гнезда, потому как выведет — сразу цыплятам в траве ухоронка да и кормнее — земляника ранее всех поспевает и к покосам растет, да и букарашек более.

— А вот поговаривают, весеннюю охоту хотят воспретить, дичи, может быть, и разведется, — заметил я.

Дмитрий поковырял в зубах травинкой, бросил ее и сплюнул вслед.

— Не знаю, — сказал он. — Но при теперишном положении вреда от весенней охоты большая. К примеру, местечко у меня было, исстари мошники весной там играли, еще дед хаживал на этот точок, и отец бывало каждую весну ходил, и я года не пропущу, все побуду разок-другой, много их там играло: когда пару, когда одного застрелишь. А мошнухи в самый разгар, значит, что мухи, так и облепят, что лягушки квакают. Никто туда не хаживал, в середке болото было промеж боров. Прошлую весну уж лист на березе был и я за лыками ходил, важно долотили, я издалека и то не то трех, не то четырех певцов насчитал. Повадились мои мошнички осенью на осинник за бор вылетать, осинник там приметный, в двух местах, а дальше близко и нет. Пронюхали Прошихины ребята, да шалаши поставили, что ж ты думаешь, за неделю двадцать пар и заловили. Пошел я нонечь на ток, ни один и голоса не подал, ну, думаю, не распевши еще, не верю, сызнова на Егорьевской недели в самый, значит, яр пошел, и — званья нет. Не в весне пагуба, а в человеке.

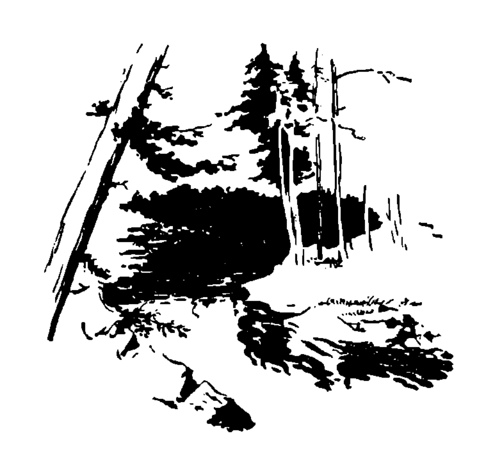
— Так, как же быть, Дмитрий? Стало быть, вся дичь погибнет, коли законом не установить порядка?

— Ничего тут не поделаешь, родимый, коли понятия да совести нет, надо сначала, чтоб охотник понятие приобрел. Вот тогда и дичь будет.

Дмитрий снял войлочную шляпу, мотнул головой, чтобы сбить назад прядь волос со лба, и тяжело вздохнул.

— А вот слыхал про озеро Тихомандрицкое? — продолжал он. — Большое озеро, а кругом пожни да кустарники, уток да куликов всяких на том озере — ужасти. Ну, так вот, «охотники» деревень, что вокруг озера, как утки положатся, так по пожням и пойдут шарить гнезда. Я очень хорошо это знаю, у меня там сродственник есть, другой за весну до сотни яиц соберет, сосчитай-ка всех, какие тысячи будут, а перед Петровым днем и утят остатки душат с собаками.

Мне было тяжко слушать Дмитрия, и было уже поздно, я распрощался с ним.

В ЗЕЛЕНОЙ ХВОЕ

Мглистый воздух осени. Рыжеют луга; одноцветными и унылыми кажутся они, а как посмотришь на траву под ногами, удивишься многокрасочности нитей, из которых соткан блеклый осенний ковер. Коричнево-малиновые, серые, табачно-желтые, шоколадно-лиловые, охристые, свежезеленые тона переплетаются равномерно, пестря вдоль опушки, словно большими пуговицами на платье, алыми листьями осины и ржавыми лепестками берез.

Голые просвечивающие рощи и будто ожившие свежезеленые бархатные ели, лиловеющие смолистыми стволами, заставляют ваши взоры искать взбуженного зайца.

В такие дни охота с гончими — истинное наслаждение. Как мягко звучит баритонный голос выжлеца в еловом острове, как музыкально певучи эти густые звуки!

Когда гончих стая, множество голосов сливается в хор и стена звуков движется несокрушимой силой. «Варом варя», стая проходит по редколесью, и каждая собака идет в схожей характерной позе, держа однородно хвост, будто он является орудием атаки.

...Мой сотоварищ Петр Иванович перебегает с одного мыска к другому, все не решаясь окончательно утвердиться на месте. Наконец, он, видимо, склоняется ока-

рауливать опушку и полянку и остается у второго выступа острова, сливающегося с ольховою зарослью по ручью. Он может таким образом обстреливать и выступ острова, и поляну, перерезаемую на две части узеньким ремнем ольховой заросли.

Петр Иванович, по мере приближения гона, переминается на месте, — стало быть, внутренние его переживания через край велики...

Гон приближается, внимание сосредоточивается на подножии деревьев, на промежутках между ними вблизи и вдали, насколько глаз может осмотреть.

Прикидываешь расстояние до места гона, строишь расчеты, насколько заяц опережает стаю.

Гонят, конечно, беляка. И, повидимому, старого.

На нас! На нас! Но на кого из нас выкатит коричневый зверек с белеющим брюшком и совершенно уже белыми пазанками?

Кажется, головные собаки сейчас должны показаться, а зайца все нет.

Перебрасываю взгляд на соседа: он ведет ружьем, заяц размеренно мигает белыми пазанками в еловом подсаде опушки, — очевидно, жмется перед поляною, а потом вдруг — зигзагами на чисть; Петр Иванович опять ведет ружьем, увесистый выстрел гудит по острову, заяц исчезает за спиной, а редколесье перед нами заполняется темными силуэтами гончих.

Осматриваем место: в густых мелочах на лозинке колеблется серая пушинка заячьей шерсти.

— Вот, — показывает Петр Иванович.

— Да ведь они теперь линяют, — говорю я.

Гончие на галопе проходят мимо нас, исчезают потоком в лесу, и льет каждая из них свой голос в общее русло, проторенное вожаком Громилою.

Долго водит новыми ходами старый беляк.

— Действительно, линяет, — признает Петр Иванович и бежит в середину рощи, становясь на холмистом еловом вырубе.

Возвращаясь на прежнее место, слышу изменение направления гона и быстрое приближение его.

Внимание ревниво напрягается в ожидании выстрела впереди.

Благополучно миновав первую засаду, несется во весь дух беляк, невидимо касаясь земли. Должно быть, он

пытался обмануть своих преследователей, залег, а теперь наверстывает расстояние; недаром одно время слышался гон по зрячему.

Он бежит на меня, затем бочит, несется мимо, стелется по редколесью. Гулкий выстрел содрогает зеленую хвою и катится, как на колесах, под опахалами елового острова.

Заяц лежит вверх брюшком на мшистом изумрудном покрове, словно снежное пятно весной.

Он совсем не похож на того коричневого с одними белыми пазанками — чулочками, в которого стрелял Петр Иванович.

Гончие подваливают; оборвав хоровую песнь, они изредка с визгом коротко взлаивают, выпуская из разгоряченных пастей облачка пара, машут хвостами, заискивающе глядя в глаза.

Подошел Петр Иванович; находим два удобных широких пня рядышком, садимся покурить.

Перед нами Громила, — остальные позади его, он охраняет убитого зайца, осаживая собак грозным рычанием.

Двинулись на край острова, сливающегося пологим откосом с сосновым болотом.

Пошли милые в полаз весело, широко; взвизгнула было одна в болоте, так и ждали, что сейчас все подхватят, я даже дыхание остановил — тихо; только белая куропатка вылетела, проплыла вдоль опушки, растопырив недвижимые крылья, и опять повернула в болото, мигая концами маховых.

Снова невозмутимая тишина. Наблюдаем черного дятла, любуемся его замечательным малиновым пятном на темени, — что пион горит оно на буро-зеленом шерстяном экране елового острова; следим, как он аккуратно обследует сухую ель, подалбливая по кожуре, прислушиваясь к звуку своих ударов, как осмотрщик вагонов, ударяющий молотком по ободу колеса. Близко он от нас, так близко, что слышно шуршание его лапок по стволу, словно кто перелистывает тончайшую бумагу.

Увлекшись, забыли о гончих. Вдруг Громила взлаял раз, другой, и стайка слилась в один переливчатый витой голос.

Полные настороженного ожидания, спускаемся к болоту. Гон кажется сосредоточенно настойчивым, в голосах слышится особенная серьезность и злобное стремление догнать убегающего зверя.

Петр Иванович вкладывает на ходу крупную дробь и остается у подножья острова, в месте слияния его с болотом, а я быстро шагаю вдоль опушки к виднеющемуся за поворотом болота поросшему оврагу.

Собаки шли парато, а тот, кого гнали, шел прямее зайца. Стоя на чи́сти за небольшой сосенкою, отделившейся от своей семьи из болота, я напряженно следил за линией, по которой текли звуки гона, сравнивая ощущения при охоте с флагами и с гончими.

Когда гончие ведут по горячему следу, указывая хором голосов не только направление, но и извилины пути, — знаешь, что впереди, перед стеной несокрушимых звуков, идет лукавый зверь, не теряющий самообладания, выбирая лучший безопасный лаз.

Сотни дорог открыты зверю, широко распахнуты перед ним ворота природы — ни флажков, ни занавесей, и всюду любимый им чернотроп. И то, что у зверя сотни дорог, а охотнику нужно найти ту, одну дорогу, по которой пойдет зверь, — делает охоту с гончими действительно захватывающей.

Стоя за сосенкой, я слился со своим прикрытием. Передо мной рыжеющие стволы сосен, розово-седой мох... Явно приближается клубок азартно слитных голосов; сомнения нет, что живая волна черно-рыжих собак заставит зверя показаться в закрайках.

Все подножие опушки на широкой полосе отчетливо, только в одном месте бронзовый можжевеловый куст почти сливается с такого же цвета пучками богульника, утопающим во мхах болот.

Неужели именно этой скрытой тропой и пойдет гибкий, длинный, юркий зверь, чтобы заслониться мглистой паутиной можжевельника и богульника?

Под стук охотничьего сердца прикидываешь все возможности, и руки тверже осязают ружье, и не первый уже раз в волнении осторожно плавными движениями проверяешь, подняты ли курки.

Вдруг ствол одной сосны будто стал толще, потом раздвоился, — напруженная желто-черная лисья труба скользнула по гладкой сосне, а из сплетений богульника показалась элегантная, подвижная морда.

Лисица идет на выход к оврагу.

Не уйдет! И, пронизывая опушку, я жду ее слева в лотке оврага. Исчезла, — стало быть, углубилась в бо-

лото. Глаза шире ищут потерянный предмет и, как во сне, обнаруживают в мглистом воздухе, за лотком, на рыжей одноцветной поляне застывшую в неподвижной позе мгновенного раздумья большую длинную лисицу.

Семьдесят пять — не больше! Ружье поднято, и мушка сидит на лисьем плече. Она круто метнулась обратно, поставив при повороте трубу поперек, затем, вытянув ее во всю длину на уровне спины, скрылась карьером в опушку.

Только две собаки вышли на чисть, заливаясь, остальные подхватили ее обратный след по болоту, и все дружно повалили на Петра Ивановича. Грохнул густой выстрел, и голос Петра Ивановича возвестил удачу.

В болоте лисица казалась бронзово-мглистою, а труба — желто-черной; здесь, на чисти, она стала матово-каштановой с дымчато-лиловатой трубой.

Спешу к сотоварищу, радуясь его удаче и несколько омраченный своим выстрелом. Считаю по пути шаги: восемьдесят семь. Эта цифра меня оправдывает, я иду быстрее, а навстречу спешит Петр Иванович, держа лису перекинутой за спину. Он улыбается, останавливается и, выставляя наотмашь лису, трясет ее. И труба, покачиваясь, густо прикрывает лисью спину.

Удовлетворенные, бодрые, возвращаемся домой еловыми рощами в ароматах зеленой хвои, осенней земли и лисьего меха. За нами идут на смычках гончие; они не убрали еще влажных языков, не перестали радостно повизгивать и не утратили принесенного из болота запаха размятого богульника.

АФАНАСИЙ-МЕДВЕЖАТНИК

Афанасий теперь старик. Вереница десятилетий наложила на этого небольшого, но литого, стального человека печать времени. Как на могучей старой постройке заметна бывает приближающаяся ветхость, так заметна и на Афанасии прожитая жизнь.

В черные, как каменный уголь, волосы вкралась кое-где серебряная нить. Карие глаза на смуглом лице не зажигаются уже прежним блеском. Небольшая коренастая фигура не держится так прямо, крепкие ноги не гнутся, как пружины, не вертит он так быстро голову, озираясь то вправо, то влево, и несколько сиплый, как и раньше, мягкий баритонный голос журчит теперь, как ручей под ледяной доскою.

Афанасий не вскакивает уже от воодушевления во время своих рассказов, не принимает, как мальчик, самых разнообразных поз, изображая, как он подкрадывался к медведю на овсе...

Любуешься бывало, как идет Афанасий по лесу — одним плечом вперед, лавируя между густыми зарослями, ставя ногу как-то особенно сверху, боясь наступить на сухую ветку. Идет Афанасий, мелькая между висящими, как плети, ветвями, опушенными густым мохнатым инеем,

и не собьет он серебристых блесток ни с одной веточки. А с каким азартом он идет вперед, быстро подвигаясь осторожными шажками!

Афанасий останавливается на лосиных следах и, тыкая своим коротким сильным пальцем по направлению следа, вразумительно шепчет: «Две коровы и бык. Коровы ноги задние широко расставляют, копытами чертят и чащею идут, а бык-рогач сторонкою...»

Августовская ночь. Тепло. Пахнет подсыхающими травами. Тянет то дневным теплом с открытых полей, то сыростью болотистого леса. Темно. Звездное небо выдвигает черные полотнища леса, мутный пол полян. Стоят реки просеков. Светятся полевым ковром овсы в рамке ночи. Одна осина нарушает тишину трепетаньем листьев, будто бабочка на оконном стекле.

Афанасий идет мелкими бесшумными шажками, одним плечом вперед, поминутно останавливаясь. Идет он босиком, чувствуя малейший сучок под ногою, а голени обернуты суконкою, чтобы не шуршать травою и ветками. Слух и зрение напряжены. Мускулы тела, как пружины, готовы к самым быстрым движениям. Афанасий способен в любой момент вступить даже врукопашную с медведем.

Шомпольная одностволка перевесилась через правую руку и зажата локтем у курка, к поясу подвешен кинжал, а за поясом шомпольный пистолет.

Ходит Афанасий от овса к овсу и глядит, не виднеется ли темное пятно на палевом ковре, не слыхать ли характерного чавканья. Афанасий днем оглядит расположение овсов, посеянных на вырубах, заметит пни, плешины, отличающиеся по цвету от посевов, и ночью не примет за медведя черноту обгорелого пня.

Заметит Афанасий при ночных обходах новое темное пятно на посеве и начнет подходить, как сам выражается, на пальчиках, а по овсу уже на корточках подбирается на пять-десять шагов, пользуясь производимым медведем шелестом и шумным покачиванием. Стоя на одном колене, прикладывает Афанасий ложу не к плечу, а к животу, поднимает дуло к небу, медленно опускает ружье на линию середины туловища медведя, соразмеряясь с вышиною как овса, так и выделяющейся над овсом спины зверя, и спускает курок.

При промахе медведь, охая и кряхтя, в панике скрывался в черной завесе ночи, и долго еще в ночной тишине

слышалось его отдаляющееся потрескивание. Чаще раненый зверь с ревом возился на месте и реже падал убитым наповал. Афанасий застывал и, прислушиваясь к движениям раненого медведя, на случай нападения держал наготове свой шомпольный пистолет и крепко сжимал рукоятку кинжала левой рукою.

Я хаживал с Афанасием и на овсы, и зимою на берлогу. Правдивый, толковый, горячий и вязкий, он замечательно умел владеть собою...

Смирный, мягкий, зимний день, даже руки не зябнут без перчаток. Легко дышать. Глубокий снег сух и рыхл. Мы идем с Афанасием по следу раненого крупного медведя. Я шагаю за Афанасием. Ему с его темпераментом было бы трудно идти сзади, да и я лишен был бы удовольствия видеть его воодушевленную охотничей страстью фигуру. Он постоянно оборачивается, глядит то на меня, то на след и делает шепотом свои предположения. Кровь на следу чаще, гуще и чернее. Афанасий беспрестанно тыкает пальцем по направлению следа.

— В ежево попало... * — говорит он тихо, густо журчащим голосом. Он осторожно обходит чащу и идет просечками и редколесьем, делая небольшие оклады.

Выходного следа нет. Раненый медведь обойдет в еловой заросли с десятину. Афанасий просит меня остаться на предполагаемом лазу, а сам хочет идти по следу. Я не соглашаюсь, — Афанасий без ружья. Он настаивает, обижается. Идем опять вместе по следу, пристально вглядываясь в более плотные темные заросли молодых елочек, держа ружье наготове. Теперь я впереди, а Афанасий сзади. Обходим по редколесью плотную заросль — выхода нет. Площадь обойденного молодого ельника всего в две-три большие комнаты. Надо нагнуться, чтобы проглядеть сквозь частокол стволиков. Я становлюсь на таком месте, чтобы охватить два фланга этой небольшой куртинки. Афанасий заходит сбоку, нагибается, силясь проглядеть, заходит с другой стороны и машет рукой. Подхожу, становлюсь на колено и вижу большое темное пятно медвежьей туши, обхваченное, как обручами, молоденькими елочками...

---

* Ежево, едево — место, куда поступает еда, т. е. желудок и кишечник.

Лошадь у Афанасия бойкая, она не велика ростом, но сыта, вынослива и отлично применилась к требованиям хозяина, выражаемым разными интонациями голоса. Афанасий не любит повторять свое приказание. Он велит лошади бежать тише или быстрее, и лошадь сразу слушается, зная, что хозяин настоит на своем, да накажет за промедление.

На охоту Афанасий выезжает на особых дровнях с высокими копыльями, чтобы не задевать камней и пней. Сидит он на дровнях на коленях, опускаясь на свои пятки, бочком к лошади, вертя головою и зорко оглядывая охотничьим глазом встречные предметы. Рядом с ним в холщовом чехле лежит его одностволка...

Туша медведя колышется, как студень, — в ней пудов десять.

Я сижу сбоку, а Афанасий спереди на коленках, пропустив под себя шею медведя. Он прикрикивает на лошадку, приговаривая:

— Ты што, ты што, разве не знаешь, что Михаил Иваныча везешь!

И лошадь, несмотря на воз, трусит бойкою рысью.

Приезжаем к Афанасию. В сенях он аккуратно опахивает снег с чуней, стряхивает снег с шапки и с домотканного армяка, надеваемого им поверх коротенького нагольного полушубка. Войдя в избу и счищая около порога ледяшки с бороды и усов, он шипящим и бархатистым голосом отдает распоряжение жене:

— Ж-женка, ж-живо самовар, ну! Подтопочку затопи, яишинку сладь!

Затем он встряхивает головой, чтобы сбить пряди волос назад, а улыбающиеся бойкие глаза разливают негу по его лицу. Повидимому, успех охоты, тепло и порядок в доме радуют и успокаивают его после длительного напряжения охотничьей страсти. Раздевшись и развесив неизменно на тех же местах свою одежду и крепкий толстый узенький ремешок, которым он припоясывается, он подходит к лавке и садится.

На столе появляются самовар и яичница. Афанасий метко, деловито и серьезно обсуждает минувшую охоту.

— Прощай Афанасий! — Он выходит провожать меня на улицу. Жмет руку и в этом, без всякого усилия пожатии чувствуется железная рука стального человека, которая, пожалуй, при последнем средстве обороны от мед-

ведя сможет высвободиться и нанести спасительный удар кинжалом.

Афанасий помогает вывернуть лошадь из заулка его усадьбы. Он кивает головою, встряхивает волосами, и его смуглое, энергичное, улыбающееся лицо с горящими, добрыми и решительными глазами утопает в седине зимних сумерек.

— Прощай Афанасий!..

РУСАКИ

Поля в деревне Баскалине скатистые, обширные. Изгороди по пологим холмам убегают в долины, исчезая в мутных далях чуть видимыми черточками; делят они снежную пелену на полотнища, оживляя однообразие белой скатерти. Темными причудливыми пятнами раскиданы по полям можжевеловые кусты; не раз мглистою зимнею ночью пугали они запоздалого путника.

Много русаков в Баскалинских полях, бегают они там на редкость резко, пустятся вдоль изгороди рыжим комком, и мигом унесет их в ту мутную даль, в которой исчезают изгороди.

Старики говорят, что перегороженные просторные поля приучили русаков к такой резвости. Припустится заяц и состязается в скорости с мелькающими кольями — изгородь перегоняет, вот резвости и нахватались.

...Петя давно не спит, полеживая на печке. Ему показалось, что светает, а между тем никто из хозяев не шевелится, спят крепко-накрепко все, и товарищ его по охоте Мишка рябой — русачий истребитель — у печки спит. Белеет в окне, не терпится Пете, боязно — как бы не проспать, времени терять не приходится — за двадцать верст пришли русаков побить.

Спускаясь с печки, Петя пошарил ногой по складкам мишиной шубы, чтобы его не придавить, и вышел на улицу. Все крыльцо покрыто слоем пушистого снега; на тыне, по ту сторону улицы, висят снеговые комья. Желтым светом пробиваются лучи месяца сквозь редеющие облака. Последние ленивые пушинки снега, мягко шурша, спускаются на землю. Стоит еще глухая ночь.

Снова на печке заснул Петя сладким мечтательным сном, и видится ему мчащаяся в угон широкая спинка зайца, то синеющего, то розовеющего в лучах восходившего солнца...

— Да у вас никак ночлежники? — послышался свежий женский голос.

Петя проснулся, как встрепанный, — в избе было уже светло. У порога стояла приветливая круглолицая девушка. Прекрасный румянец играл на ее щеках, а большие подвижные глаза светились, будто в них играли солнечные лучи.

— Эн, наши охотнички встают, — сказала хозяйка, — ну, да с дороги ладно, что поспали подольше. — Чего тебе, Панюша, садись.

— Не пойду, — у вас чужие.

— Какие чужие! один-то свой, — Мариша-то в их дом выдана.

Паня оглядела с любопытством охотников, стараясь угадать, который из дома, куда Мариша отдана, и решила, что не рябой, а Петя, — он ей понравился: беленький, розовенький, свеженький и могутный.

— Потом приду, — сказала она и вышла.

Начали охотники справляться, позавтракали и вышли на охоту. Еще на крыльце поняли, что сегодняшний день должен быть добычлив.

— Печать! — сказал Мишка.

Никто еще не ступал ни по дороге, ни по ступенькам крыльца, кроме Пани. Панины валенки сделали оттиск новой набойки и всех стяжков дратвы.

Действительно, пороша была печатная.

Среднее поле гуще покрыто можжевельником и издали среди линий изгородей похоже на культурный участок ягодных кустов.

— Начнем со среднего, — там кустов поболе, да и озимями межует, — предложил Петя.

— Давай, для начина.

Мишка зарядил свою берданку, казнистую, с очень длинным коническим стволом. Петя снял с плеча двустволку, повороненную ржавчиной, которую никакие смазки уже не брали.

Накоротке да навскидку Мишка бить не умел, ему нужен был простор, чтобы успеть выцелить да отпустить. На близком расстоянии либо получался промах, либо берданка немилосердно рвала заячью шкуру и мясо.

— Без крови бьет, а петькина двухстволка щипнет да кольнет и пустит кровь из всего зайца. Поглядите на мою спину — чистехонько, а Петькин пиджак весь в крови, — хвастался Мишка.

Тихая и мягкая погода облегчала охоту; правда, поменьше снегу было бы лучше — ноги чувствовали его сыпучую толщу, — но для молодых ног тяжелая ходьба сказывалась только на более крепком сне.

Началось среднее поле. Со смежного озимого стали вливаться русачьи следы.

Взяли первый след; он лениво пошел к ближним можжевеловым кустам, опять пришел к меже озимого поля, оттуда напрямик к низинке, где из-под снега торчали верхушки кочек, и вдруг, возвращаясь тем же следом, исчез, — как будто на крыльях улетел русак куда-то в пространство.

Петя кивнул: за камнем обнаружилась ямка — сметок, затем снова прямой след взад и вперед, снова сметок и ленивые коротенькие прыжки направились к одиноко стоящему пню, обросшему побегами. Держали след посередине, остро всматриваясь по снежной поверхности во все предметы.

Подошли. Вдруг висевшие на побегах засохшие листья зашелестели внезапно, будто сотрясенные бубенчики, и дымчато-синий русак понесся, едва касаясь снега. На чистом месте условлено было стрелять Мишке; он согнулся, затем опустился на колено и шагах в пятидесяти, поймав на мушку русачью спину, спустил курок. Русак пригнулся, ткнулся мордою, сел, закружил, бойко перебирая передними лапками, опрокинулся, полягался и замер.

Через сотню шагов другой след пересекает поле, жмется под изгородь, вырывая ямки в снежных наметах, проходит под изгородью и обратно, и одновременно с обнаружением охотниками этого предвестника скорой заячьей лежки из-под ног Пети выскакивает рыжий русак

и бесом катится в угон вдоль изгороди с петиной стороны. Очередь двустволки. Петя стреляет два раза, заяц перебегает к Мишке и, окрапленный уже на большом расстоянии крупною дробью, сбавляет ход, исчезая за кустом.

— Зацепил?

— А то как же!

Пошли по следу, за кустами снова перевидели рыжего русака, он шел уже крадучись, пригибая перед и сгорбив спину.

Обошли. Петя следом, Мишка в обход, и вскоре выстрел, сорвав несколько прядок заячьей шерсти, положил русака недвижимо на бок.

Спустились в низину с реденькими кустами. Почти из-под ног Мишки соскочило два русака, дымчато-серых, с темными спинками, Мишка чисто убил одного и хвастался, что сделал бы дуплет, если б в руках была двустволка.

Опять пошли по изгороди, Петя убил одного за другим двух русаков, удиравших, ныряя по зубцам наметов. Дошли до подъема на пологую гору; навстречу с горы следок, да вбок, да опять вверх, и охотники увидели нарытую впереди кучку снега, похожую на занесенную кротовую нору, однако раскиданные застывшие снеговые комочки заставили ружья насторожиться. Русачий следок исчезал в челе вырытого хода, розовевшего закрайками.

— Туда темнеет, — сказал Мишка, подходя вплотную и нагибаясь.

— Дай-ка я наступлю, как он пыхнет!

Пробив снеговой покров, свечкою выскочил в сверкающих блестках освещенный солнцем русак; лапы его заработали, как заведенная пружина; шурша снегом, будто отдуваясь от волнения, понесся он в гору.

Мишка поторопился и густо изноздрил дробью снег мимо следа. Петя справился, и когда русак повернул поперек горы, ударил его по переду, — заяц перекинулся через голову и распластался вверх брюшком.

Десяток русаков взяли в этот день. Вернулись домой, когда уже темнело. Развесили добычу в сенях около хомутов да прочей упряжи и облегченно вошли в избу.

Петя до ужина прилег на скамейке, — он не слыхал ни как возились ребятишки, ни как хозяйка кричала: «Да вздуйте огонь-то».

Мишка сидел, покуривая и балагуря с хозяйкой.

Петя спал, утопая в пространстве; жесткая скамейка казалась ему мягким воздушным постельником; подложенный под голову, вместо подушки, полушубок издавал знакомый запах овчин, копил тепло от петиного дыхания и мягко ласкал шерстью обветрившееся лицо охотника.

Мелькали во сне коричневатые, рыжие, розоватые, дымчато-синие русаки...

— Никак у вас все сени зайцами обвешаны? — спросила, входя, Паня у хозяйки.

— Поди погляди, — я тебе посвечу.

— Родимые, сколько набили, вот бы на воротник хорошенького. Молодцы же!

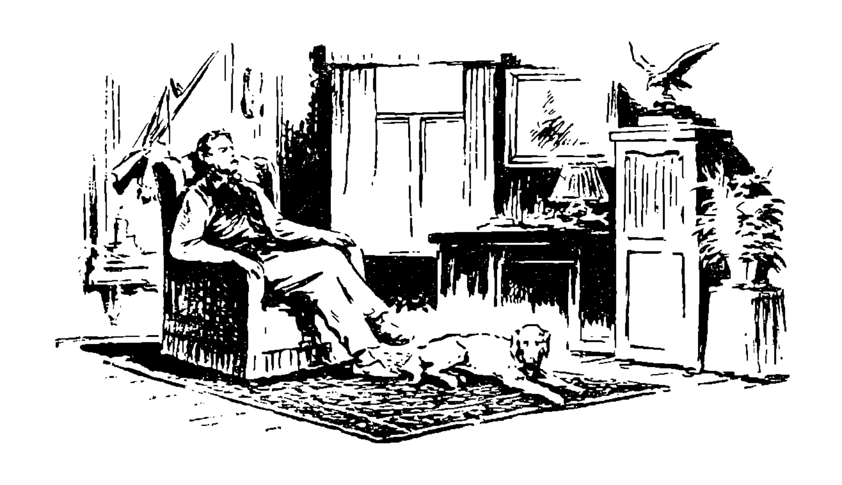
Петя услыхал голос Пани, но продолжал нежиться, полеживая, и прислушивался к разговору.

— Петя, ужинать вставай, — будила хозяйка.

...Неделю прожили охотники в Баскалине. Настреляли много русаков, а их еще оставалось непочатый угол, да заряды вышли почти все. Мишка с попутчиком направился домой за патронами.

В следующее утро Петя расстрелял оставшиеся заряды — убил еще две пары — и в ожидании Мишки отдыхал. На посидки ходил, с Паней долго беседовал, до дома провожал ее. Она прялку об него в заулке, шутя-шутя, чуть не сломала. Приглянулась Паня; хотелось, чтоб Мишка подольше не возвращался. Третий вечер на посидки пошел. Туда шел, пороша выпадала, из месяца сыпались серо-желтые крупные перья. Ночью при луне провожал, выбрав не кратчайший путь. Месячно, тихо, ясно, а пороша — две капли воды, как в первый вечер приезда, — пушистая, бесшумная, печатная...

КРАСНЫЙ ЛИСОВИН

(Из воспоминаний)

Как хорошо наохотиться!

Прошло, давно прошло, далеко все позади, а воспоминания, совсем не похожие на вялые сновидения, выплывают из невидимого альбома, как фотографические снимки, да такие живые, цветные, с голосами, с трепетанием осинового листа в безветренный день.

И забудешь, что сидишь в кресле, прижавшись плечом к высокой спинке. Правой рукой сжимаешь локотник кресла, вместо шейки ружья, а левая движется, не то принимая участие в давнишнем разговоре, не то поправляет, ощупывает ягдташ, к которому калачиком подвешен красный лисовин. Нет, это не он, — что-то мягкое, пружинистое, маленькое, нет, — это комок мочала, настойчиво вылезающий из сиденья.

Ведь не один десяток, а больше сотни перебил я лисиц, а вспоминается сегодня именно этот красный лисовин, подвешенный за лапки к ягдташу, и ясно вижу я, как кисточка его трубы, окунаясь или чертя, оставляет на снегу то туманные звезды, то волнистые линии, как рисуют на карте большие реки.

Почему-то сегодня я вижу и вспоминаю именно эту охоту. Вижу «физиономию» убитого зверя, очень широкий лоб, чрезвычайно блестящие вершинки ушей, жесткие предлинные усы, бархатную шерсть, ровную по всему туловищу, вижу четко, ясно все особенности этого красного лисовина.

Сегодня из десятков тысяч дней чем-то неуловимым и непонятным разбужен ушедший в далекое прошлое один охотничий день...

Морозило порядочно, ни малейшей струйки, тихо, как за стеной, и, стало быть, по нашей охотничьей привычке — очень тепло.

Было еще если не темно, то серо. Подбежавшая поласкаться дворовая собака бурой масти казалась черною. В окне кухни красиво пылала, как большое пожарище, русская печь.

Серый снег сначала безмолвствовал, как закрытая книга, потом стали встречаться неясные теневые оттенки, оказавшиеся заячьими следками. Выплыла из морозной мглы деревня за рекой, затем заметны стали отдельные избы, а вскоре над каждой и столбы недвижимого густого дыма. Краснеет на восходе. Высоко прошипели крылья ворона. Иду по девственному снегу — ни следочка. Торчит жнивник. Горушка, низинка, можжевеловый куст, опять горушка и скат, опоясанный долинкою с ольховою порослью по руслу ручья.

Солнце встало. Далеко впереди, на березах, как пожарные сигнальные шары, — тетерева. По сторонам поле, сенокосные низины, березки, можжевельник. Розовеют березки, стали бронзовыми можжевеловые кусты. Искрится снег.

Стою за прикрытием, зорко смотрю на ровную снежную гладь и в кусты. Ничего. Идти или ждать счастья здесь, на самых переходах? Следов никаких не видно, — все покрыто выпавшим ночью снегом, легким, как пух, не прибитым, не всколыхнутым ветром.

Солнце высоко. Искрится снег, как озеро, как серебряная риза.

Смотрю зорко на чистую, как озеро, гладь, и вдруг по крутому подъему горы розовеет цепочка одиночных ров-

ных следов, — без сомнения, лисица! Но сверху ли вниз или снизу вверх идут эти волнующие, улыбающиеся значки, ко мне или от меня — не разглядеть! Нигде, насколько глаз видит, не заметно продолжения следов. Неужели далеко в стороне прострочили они пухлую поверхность снега, не соблазнившись ни группою можжевеловых кустов передо мною, ни высокою кочкой с торчащим пнем в пятидесяти шагах от меня?

Весь путь лисицы налицо: спустилась с горы и тем же следом, по всей вероятности, обратно.

Надо идти вперед, только не по следу, а медленно, шаг за шагом, в обход горы, прикрываясь кустами. Там, за горою, — долина, кочки и за нею еловое болото, частое, травянистое, где пристают тетерева. Не пошла ли она туда? Не находится ли за подгорьем?

Я занес ногу, чтобы сделать шаг, и застыл с поднятой ногой, как на стойке: около одного из можжевеловых кустов медленно, неясно двинулась черно-седая полоса и слилась с кустом, а сквозь ветви рыжела часть туловища лисицы. Всколыхнулась во мне кровь, ударила в голову до самых волос. Я сдержал расходившееся было волнение, медленно опустил ногу и пристально стал смотреть на черно-седую трубу лисицы, на просвечивающую из-за куста красноту, стараясь скорее понять, что предпринять для успеха. А сердце — тюк, тюк, тюк!..

Хорошо, когда слышишь такое биение, и хоть доктора и говорили, что надо поменьше охотиться, чтобы не волноваться, но я все думаю, что есть волнение от неприятности, от зла, от скверности, и есть волнение от радости, добра, от созерцания чистоты. Одно волнение изнашивает сердце, а другое лучше всякого лекарства придает жизни.

Немного погодя лисица вытянулась от кустов по чистому, как щука, юркнула, потом сразу на ходу замерла, да скок верховым прыжком и начала копаться в снегу. Я уж тут не зевал и побежал, как лось хороший, к ближайшему кусту. Так запыхался, что грудь режет. Ну, и махал же! Я потом следы свои оглядывал, чтобы обсудить все, как было.

Дышу часто-часто, а сердце, как швейная машина. А как увидел, что лисица все роется, так сердце от радости пуще запрыгало.

Ну и хороша же — длинная, сытая, а мехом у нас лучше и не бывает: вся ровная, темнокрасная, даже в вишневый отливает, что хороший ирландец.

Ружье наготове, но ближе не подвигаюсь, боюсь, хочу сперва дух перевести. Маленько постоял, для примера на мушку взял, ружье так и ходит. Давай, думаю, еще перемахну за одно. Теперь уже легче — куст от куста близехонько, а там на верном выстреле отдохну да и выпалю.

Насмотрел куст, куда перебегать, — стройный, как подстриженный, можжевельник — и замахал.

Лисица так и горит и все копается в снегу. Ну, уж теперь можно. Дай, думаю, подожду, — пусть дыхание выравняется, а самого толкает — бей скорей, а то прыгнет, под опушку кустов скроется, — и пропала. Разве так можно бестолково действовать, урезониваю себя, теперь и заметит, так попаду, — это не бекас в кустах. Выдержал я, дыхание пошло ровное, ну, сердце, конечно, колотится, ведь охотничье оно, должно же волноваться.

Подвинулся вбок шагов на двадцать. Ну, теперь разве в ноги бросится, так плоховато, а то куда ни пойдет — шабаш, всюду чисть. Перестала рыться, насторожилась, вот сейчас пойдет, одышка опять меня берет, а она мышь зачуяла и к прыжку готовится.

Отнял ружье от плеча. Вот, что́, — так стрелять не буду. Давай собой повладею. Сколько раз я собирался, когда на уток ездил, не стрелять до того, пока не выговорю после взлета: «Эх, хороша!» Не удалось мне этого, ну, так теперь сделаю. Надо опытному охотнику собой владеть, срам!

Так и сделал, приготовился, как на садках. Я хотел не очень громко, а крикнул во все горло, должно быть, для мужества: «Ты что́!» Задумал я крикнуть: «Ты что́ тут делаешь?», да обсекся. Она как метнулась, как пошла! Первое время не знать, где хвост, где туловище, — мечется, а потом выправилась, да замахала в сторону, пасть разинувши. Да ведь как махает!

Мне бы надо хорошенько выцелить, а страх взял, что уж далеко, я — раз, раз, гляжу махает. Еще бы раза два можно выстрелить, да у меня ведь двустволка.

Кажется, я всегда смеялся над охотниками, когда они с досады ружье кидали, а то — об дерево хлоп прикладом и шейку пополам. Смеялся я над такими, а теперь сам в снег бросил, правда, вежливенько.

Пошел, поглядел, ни кровинки, ни шерстинки. Вернулся, ружье поднял, стряхнул, полою куртки вытер, из стволов снег веточкой выковырял, открыл, посмотрел. Патроны к чему-то вложил.

Смерил шагами — сорок три всего насчитал, обратно пошел — сорок шесть.

Одно и то же, — расстояние не виновато...

Осмотрел, как дробь легла. Первый выстрел против намета, как в стену, — все изрешетило, что гнезда ласточек в песчаном обрыве. Тьфу, ты! — кабы этак, да в лисицу. Стало быть, обвысил. Второй выстрел толком и не нашел, кое-где прочертило реденько, думаю, очень тоже поверху пустил.

Ложа все-таки длинновата, летом хорошо, а зимой на толстую куртку не ловко.

Звуки мощных выстрелов всегда зарождают сильное подозрение, что они не могли пройти безнаказанно, и я, осмотрев свой подход и расположение кустов, отправился по следу ошалевшей лисицы в надежде обнаружить хоть кровинку.

Проводил след в гору и под гору, — далеко стлался он по ровному полю неослабевающими широкими скачками.

Поглядел на направление. Несомненно, перейдет и Пондели, и Харцево, и Алушкину *.

Все чистью идет, чуть кусточки, — прочь от них, должно быть, боится опять неожиданно услыхать: «Ты что́...»

В это время я был бы уже дома. Эх!..

Пылавшая при моем уходе печь, наверно, давно уже истопилась. Завтрак готов. Солнце светит в окно. Как хорошо зимнее солнце в комнате!

В руках была. Даже слышно было, как снег рыла... Ну и лисица!

Маленькую желтоватую, белесоватую — не жалко, а матерого вишневого лисовина отпустить — обида!

Знают меня за хорошего опытного охотника, не пуделяльщика. За советом ко мне идут и спорить никогда не спорят, верят...

Ведь не худо стреляю я. Недаром, когда соседи собак натаскивали, меня всегда приглашали с ружьем из-под

---

* Названия местных деревень.

первых стоек бекасов бить, сами на себя не так надеялись, и что же — лицом в грязь не ударял, — много, коли из десятка четыре штуки уйдет. Если обдумаешь справедливо, так красного лисовина упустил я из-за охотничьей страсти, из-за волнения, из любви к охоте и природе. Ведь хочется посмотреть, полюбоваться, что сделает лисица, коли увидит или услышит опасность. Да как побежит, как трубу понесет, как уши будет держать. Одним словом, и художник, и исследователь сидит в настоящем охотнике.

Жалко красного лисовина!

Попытаю, думаю, еще счастье, да уж не те шансы теперь — больно напугал его.

По следу идти нельзя — увидит, да та́к брызнет, что пиши пропало.

Пошел в обход на Пондели, к Харцеву и пересек след, на рысях идет, — поуспокоился, к Алушкину направляется. Я опять в обход, Алушкино обхватываю, иду осторожненько, по всем чистям, да по мелколесью поглядываю. Пересек дорогу, что с пустоши в деревню идет, поглядел по чистине вдоль дороги, сердце так и упало: в полуверсте сидит мой лисовин на поле, около дороги, как собака, а на березе сороки такую трескотню подняли. Ну, думаю, недолго насидишь, — они тебя выживут. Обрадовался, направление его хода понял; хорошо, что не в мою сторону глядит, я — поскорей в кусты. Всю неудачу забыл, радостно стало и побежал я на Алушкинские переходы.

Переходов два. Один — у мыска березового редколесья через ниву, с торчащими обгорелыми пнями, по низине, мимо ивы, и в сосновый лес, другой — полем, по опушке того же березового редколесья и, в сторону от соснового леса, под гору на пустошь, столь памятную мне по охоте с гончими, на тетеревов, с чучелами.

От назойливых сорок лисовину в лес, конечно, складнее идти. Да уже, во всяком случае, долго не придется ему просидеть, кто-нибудь обязательно поедет по дороге, а от проезжего да после утренней моей встречи он в лес скроется. Переход на сосновый лес, кажется, надежнее.

Однако медлить не придется, напрямик до лисовина версты полторы, долго ли ему пробежать? Возможно, он

тронулся вскоре после того, как я видел его сидящим у дороги. Только бы не опоздать! Становлюсь на первый переход, в опушке соснового леса, за низенькою, уютною сосенкой, которая прекрасно скрывает меня, нисколько не мешая видеть перед собой и мысок, и обгорелые пни, и стоящую на близком выстреле иву, вокруг которой так часто вьются лисьи узоры. Стою и радуюсь, что не соблазнился полевым переходом. Во всяком случае, коли полем пойдет, хоть увижу и не буду стоять дураком. Сколько прошло времени, — не знаю, только долго тянулось оно. Мое ожидание представлялось уже безнадежным, — ведь не вагон же мой лисовин, чтобы идти только по определенному пути, как по рельсам, и я потихоньку начал ощупывать портсигар. Стою чуть не за двести шагов от березового редколесья, не испортит же дело папироска, а без нее надоест, не выстоишь, — утешал я себя, намереваясь достать папироску. Вдруг к полю в березовом редколесье азартно застрекотала сорока.

И забилось же сердце, — идет, думаю себе, наверно, идет, только, судя по стрекотанью, не ко мне, а на следующий переход...

У меня созрел план — попятиться, да лесом к полю бежать. Конечно, там пройдет. Если б утром от меня он лесом пошел, — другое дело, а то он и кустов-то избегает.

Кажется, опять из рук упустил!

И начал я было осторожно пятиться, чтобы со всех ног пуститься к полю, как от березового редколесья незаметно отделилось длинное туловище и предлинная труба лисицы, и через секунду красный лисовин совершенно смело, как у себя дома, разгуливал по ниве от одного пня к другому; он жестоко волновал меня, когда принимал решительное направление в сторону или, несмотря на свою величину, совершенно скрывался за небольшим пнем.

Но вот он кончил свои восьмерки и острые и тупые углы и, как будто по коридору квартиры, направился шагистою рысью к иве.

Какой он большой, пушистый и совершенно невредимый! Какая тонкая, красная и густая шерсть!

Лисовин поровнялся с деревом, опустил свою острую морду к снегу, не то глядя вперед по поверхности, не то стараясь уловить запахи.

Я выбрал местечко около плеча тонкой, красной и густой шерсти и, далекий от мысли задать вопрос: «Ты что́ тут делаешь?» — спустил курок.

Одновременно упал и лисовин, недвижимо погрузившись в снег, и только хребет и труба красочно сияли на белой пелене, а сильный звук выстрела еще катился по гористому сосновому лесу и, восхваляя своими гулами добычу, говорил:

— Хо-ро-шоо!..

СТАРЫЙ ВОЛК

I

Даже в низинах, где было больше влаги, осенняя чахлая трава к ночи замерзла и долго еще после восхода солнца была похожа на алюминий. Она трещала под лапами проходившей гуськом волчьей семьи, обозначая следы крупными темными пятнами, выступавшими из-под сбитого серебра мороза...

Около корявой березки на равнине сидел старый волк. Небольшие кочки, вытоптанная скотом еще в конце лета трава с пучками белоуса, канава, в которой стояла чуть-чуть было не замерзшая вода, лежавшая с круто закинутою головою и оскаленными зубами лошадиная туша, белевшая ночью и красневшая днем, были невидимы человеческому глазу в ночной мгле. Белела только равнина, особенно где было больше белоуса, — она была светлее серо-мутного неба, — да чернел за равниной стеною хвойный лес, потому что он был темнее неба. Волк же в этой мгле видел все.

Он был стар. Шерсть на пахах вытерлась и не вырастала, да и на всем теле она обсеклась, стала короче, и даже линька не давала ей нужного толчка. Желтизна старила матерого, а что хуже всего — зубы были либо поломаны, либо стерты до уровня десен.

С тех пор, как он потерял свою подругу, приходилось жить одиночкою, так как сбиваться в компанию при таких условиях нельзя: нечем защищаться, нечем и помогать, да таких и не принимают... Хорошо, что летом можно кормиться парною дичью, для которой не нужно зубов, и хорошо, что еще не наступили зимние стужи, которые при находке твердой, как железо, падали вызывают мучительное слюнотечение. Он так хорошо поживился незастывшею тушею лошади, съев все внутренности, и теперь чувствовал потребность в крепком продолжительном сне на мшистом покрове под зонтами хвои...

II

Ночь уплывала. Впереди, за равниною, обозначилась пашня. Оглянувшись назад, волк увидал ясную ровную полосу леса. Полоса леса как будто наклеена была на мутное небо и казалась значительно дальше, чем ночью.

Пропел петух на хуторе, томно, но ясно донеслись эти звуки, однородные голоса ответили в деревне. Белело. Каждый раз заря тревожила каким-то безотчетным беспокойством.

Волки толпились, переминались и отходили от туши, которая впервые при наступлении дня стала белеть.

Старик отпятился дальше от пути следования волков. В неясном свете эти большие животные казались крупнее, — предрассветная муть, держась на каждой шерстинке их одежды, сливалась с цветом ее и следовала за каждым их движением.

Волки дошли до канавы, скрылись в ней, мягко спустившись с крутых ее обрезов, и с жадностью стали утолять жажду. Не все сразу, однако, опустились в эту траншею. Старуха и один переярок стояли на карауле. Легкими бросками выныривали из канавы серые тела с вымазанными в вязкой торфяной почве лапами. Некоторые, постояв на ребре канавы, опускались вновь, боясь преждевременно расстаться с живительною влагою.

Водопой кончился, звери тронулись по одному направлению, вразброд, только одна прибылая волчица следовала сзади за матерью. Старуха и тот же крупный переярок посмотрели на сидевшего поодаль, уже спиною к падали, старика. Переярок ощетинился было, намере-

ваясь ринуться, но оставил свое намерение по отсутствию острого повода к соперничеству, а вдобавок от испытываемой тяжести пищи. Вместо нападения на старика, он отогнал молодую волчицу от матери и, став на ее место, пошел следом за старухою. Мало-помалу все выравнялись в колонну. Старая волчица обернулась, чтобы поглядеть, не вздумал ли старик идти подбирать остатки пищи, и, увидав, что он лениво плетется за ними на расстоянии, двинулась дальше. Переярок тоже обратил на это внимание, хотя не был доволен тем, что старик плетется за ними, но все же, пожалуй, это было более терпимо, чем если б этот совершенно не грозный для него матерой вздумал задержаться у остатков растерзанного скелета.

Рассвело, но до восхода солнца было еще далеко. Проходили волки вдоль опушек глухого заболоченного леса, по редким и чахлым зарослям кустарника и по сенокосной поляне с сарайчиками и темными и светлыми на ней пятнами одиночных елей и берез. Волчица вдруг резко остановилась, и вся колонна замерла, как одно тело: по поляне шел человек с уздечкою, перекинутой через плечо, очевидно, в поисках лошади. Он не заметил волков, которые во-время остановились и цветом сливались с поблекшей травой.

Отставший матерой, следуя по пути своих предшественников, не принимал особых мер предосторожности и заметил встречного человека на близком расстоянии почти в тот миг, когда человек уже кричал от испуга, поспешно развязывая уздечку. Матерой сметнулся в опушку, сделал несколько махов и, заслонившись елкою, сквозь хвою стал следить за удалявшимся врагом, беспрестанно оглядывавшимся назад. Видел волк, что по принятому направлению человек не минует выйти на равнину с белоусом, где остался растерзанный остов лошади.

Двинулся матерой, вошел в моховое болото. По мягкому мху видна была тропа только что прошедших волков. Моховые кочки местами заплыли багровыми пятнами клюквы. Запыхавшись после встречи с человеком, матерой с удовольствием хватал ягоды.

Волки, по его расчету, должны были остановиться на дневке в видневшемся еловом закрайке. Несомненно, что его встретят враждебно, его приход будет, конечно, понят, как желание пристроиться к семье, и он подвергнется нападкам решительно всех членов семьи.

Как только он ступил в еловый закраек, он насторожился, чтобы не набрести слишком близко на которого-нибудь из отдыхающих волков, так как заход постороннего на дневку обыкновенно не проходит безнаказанно.

Он отлично знал, что ему придется расположиться поодаль, и притом предварительно показав себя, иначе на него нападут, как на шпиона, как на врага, который подкарауливал.

И вот он зачуял волков и остановился шагах в сорока, пользуясь прогалиною между деревьями. Он оглядел отдыхавших. Все лежали в пяти-десяти шагах друг от друга. Не наглядел он только одного из восьми, очевидно отдыхавшего за толстою елкою. Волчица и крупный переярок, лежавшие мордою по направлению к входному следу, подняли головы, переярок привстал, заворчал, но, заметя, что матерой сейчас же мирно улегся, он, повертевшись волчком, опять грохнулся на то же место и засопел.

Хоть во враждебном лагере отдыхал старик, но сладко было ему чувствовать себя в соседстве с себе подобными, и крепко уснул он.

...Снятся ему сны из былого, видится холмистое поле, летняя лунная ночь, травянистые росистые низины. Чудится ему, как он ползет с волчицей по одной из низин, обходя пасущуюся отдельно от табуна лошадь. Вот вдвоем по краям холма, навстречу теплому ветру, мчатся они за конем, отбитым от топочущего, фыркающего табуна, гонят они лошадь, с хвостом наотмашь, с развевающеюся гривой и с головою, закинутой набок, в закраек поля, в буреломный болотистый лес. Слышится, как с разбега ударилась она о валежное дерево и глухо рухнуло ее стонущее тело...

Давно не видал он таких сладких снов, давно не отдыхал так спокойно! Одни приятные воспоминания сменяются другими, — ни одного страшного сна. Не снится даже и сегодняшняя встреча мужика с уздечкою...

III

Во второй половине дня проглядывало урывками солнце и грело старика. Приятное ощущение сытости, тепла солнца и семейная обстановка окончательно разнежили

волка, и он завалился на бок и опять заснул богатырским сном.

Он проснулся только к концу дня. Небо было совершенно ясно. Под деревьями не было признака солнечного света, а как бывает к концу ясного осеннего дня: сыро, тенисто и черно, только верхушки высоких хвойных деревьев сияли розово-бронзовым светом.

Старик непринужденно встал, сделал два-три шага к маленькой елочке, под которой уцелел цветистый гриб, и поднял ногу. Переярок вскочил. Ему, очевидно, не понравилась молодцеватость и бодрость этого пришельца. Он кинулся на старика и схватил пониже уха. Старик понимал, что если он двинется, то вызовет большее озлобление, хватать же противника беззубою пастью было по меньшей мере бесполезно. Он выждал не без страха, когда разжались челюсти его врага, и смиренно, не дождавшись второй хватки, стал было удаляться, но переярок, успевший уже повертеться около маленькой елочки, вновь бросился на него, хватил его за бок, но предусмотрительный старик беспомощно, чтобы показать свою слабость, повалился, опять-таки впервые за десятилетие, на спину. Грозно рыча, простоял над ним переярок на вытянутых, как у чучела, ногах и вновь пошел к елочке, как будто она служила источником силы.

Не успел отойти переярок, как старик бросился скоком на моховое болото, затем на поляну с сарайчиками и, постоянно оглядываясь, пошел ленивою рысью прочь от опасности по следу прошедшего утром человека с уздечкою. След вывел прямо на равнину с белоусом, к растерзанному лошадиному остову. Человечий след обходил несколько раз вокруг костей и направился дальше к дороге в деревню.

Старый волк обрадовался возможности выбрать оставшиеся кое-где на лошадиных костях лепестья мяса и этим, может быть, обеспечить питание еще на день, а вместе с тем лишить своих врагов возможности поживиться хоть этими остатками.

Старик вышел на пригорок к дороге и осмотрелся. Густокрасное, но тусклое солнце быстро и плавно скрывалось на горизонте. Он поторопился вернуться к костям: хоть вряд ли непрошенные гости вернутся раньше ночи, но кто их знает, — его уход с дневки может ускорить их приход.

Прежде чем начать есть, старик, чувствуя боль в шее, помотал головой, стряхнул каплю крови с укушенного места и, побуждаемый жадностью скорее докончить остатки пищи, поспешно стал сдирать уцелевшее мясо с костей, придерживая их лапами.

Он увлекся добыванием кусочков мяса около позвонков, это было мелкое дело, не волчье занятие, и трудное для безоружного. Эти маленькие кусочки были вкусны, но они заставляли терять массу слюны; они так приятно пахли и так мало давали. Нехватило терпения, и он стал мять позвонки, перекидывая их с одной стороны челюсти на другую.

А от края канавы по поверхности земли стальною змеею продвинулось ружье, и, только что волчья шерсть закраснелась от малиновой зари, раздался выстрел.

Не успело белое облачко отплыть от ствола, старый волк уже лежал на спине так же, как он недавно лежал перед переярком...

ПРИМЕЧАНИЯ

Составитель и редактор этой книги ставили своей задачей представить творчество Н. А. Зворыкина в его наиболее ценных и характерных образцах.

В «Избранное» включены, по преимуществу, те произведения Н. А. Зворыкина, в которых с наибольшей яркостью проявился его оригинальный талант, органически сочетающий художественную живость и научную точность.

В книгу, таким образом, не вошли чисто теоретические работы, вроде «Охота на волков с флажками», «Охота на лисиц», «Что должен знать охотник» и др.

Одновременно в сборник не вошли и некоторые очерки и рассказы («Белка» и другие); в тексте произведены, кроме того, известные сокращения. Все это обусловлено главным образом размерами книги, т. е., в конечном счете, необходимостью выбрать «лучшее из лучшего».

I. ОХОТА ПО ПЕРУ

(Охота на водоплавающую, болотную и лесную дичь)

Печатается по тексту издания Всекохотсоюза (М., 1929) с некоторыми сокращениями.

Совсем не вошли в наше издание следующие статьи: 1. Охота на гаршнепов. 2. Охота на болотных курочек и коростелей. 3. Охота на перепелов. 4. Охота на фазанов. 5. Охота на дроф. 6. Охота на стрепетов.

Статьи об охоте на гаршнепов, болотных курочек, коростелей и перепелов исключены потому, что охота на эту дичь имеет все же второстепенное значение, в то время как охоты, например, на утку, рябчика и тетерева, — охоты массового порядка.

Статьи «Охота на фазанов», «Охота на дроф», «Охота на стрепетов» резко отличаются от прочих статей сборника предельной краткостью и схематизмом. Н. А. Зворыкин в своих работах исходил преимущественно из личного опыта. Охоты же на фазанов, дроф и стрепетов он знал главным образом по литературным источникам, и отсюда — неизбежный схематизм его работ, посвященных этим охотам.

Необходимо отметить, что статья «Охота на вальдшнепа», включенная в данную книгу, тоже страдает известным схематизмом: она явно не удалась автору (у каждого писателя бывают свои «прорывы»).

В тексте некоторых статей, входящих в сборник, также сделаны частичные сокращения.

Так, в статье «Охота на тетерева» исключен раздел «Охота с подъезда», — в данное время этот способ охоты почти не практикуется, а в статье «Охота на серую куропатку» опущено место, касающееся охоты на манку (что́ сейчас запрещено).

II. ОХОТНИКУ О ЗВЕРЯХ

Волк

Н. А. Зворыкин, один из самых лучших знатоков и специалистов волчьих охот, написал ряд книг о волках: «Охота на волков с флагами» (М., 1925); «О чем думал старый волк» (Свердловск, 1927); «Волк» (М., 1937); «Волк и борьба с ним» (М., 1939) и другие.

Для настоящего издания мы выбрали главы из книги «Волк», замечательно, в художественной форме обобщающей долголетний опыт автора как охотника-волчатника.

Лисица. Зайцы. Поречня

Очерки печатаются по тексту сборника «Охотнику о зверях» (М., 1953), в предисловии к которому профессор П. А. Мантейфель определил очерки Зворыкина «как ценные по наблюдательности и красочности».

Из очерка «Зайцы» выпущен эпизод с ястребом, повторяющийся в «Повадках животных» (третий раздел книги).

Очерк о выдре, включавшийся в свое время (1930 г.) в литературно-художественный сборник «Охотничьи костры», был озаглавлен автором «Поречня». Мы восстанавливаем это название и в данном издании.

III. ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ ОХОТНИКА И СЛЕДОПЫТА

«Как определить свежесть следа»

Печатается по тексту издания 1930 г. (Вологда).

Эта небольшая и чрезвычайно богатая материалом работа Зворыкина пользуется широким признанием как в охотничьих, так и в научных кругах.

«Ценное, очень краткое и популярное руководство, принадлежащее перу большого знатока повадок животных», — пишет, например, об этой работе Зворыкина Ю. И. Миленушкин в своем обзоре «Что читать по охоте» («Охота в Подмосковье», литературно-художественный сборник. М., 1947).

Эта работа Зворыкина упоминается и в рекомендательном списке («Что следует читать») в широко известной книге А. Н. Формозова «Спутник следопыта».

Оценка легавой на охоте

Печатается по тексту издания 1931 г. (М. Всекохотсоюз.)

На титульном листе экземпляра, которым мы пользовались, имеется следующая надпись Н. А. Зворыкина:

«Многие не верят (Гернгросс, например), что почти каждая собака может быть приучена к анонсу. Полезно в этом отделе сделать ссылки на воздействие методами условных рефлексов и указать на санитарную службу собак на войне, где проявляется гораздо более убедительно анонс при розыске собакою раненых. Очень популярна и полезна ссылка на статью проф. Ю. М. Фролова «Значение новых работ школы акад. И. П. Павлова» («Новый Мир», Книга I, 1935).

Собственноручные поправки и замечания на полях брошюры были учтены нами при редактировании.

Частичные сокращения в брошюре коснулись полемических мест по поводу дрессировки легавой, — в настоящее время эта полемика (относящаяся к концу двадцатых годов) потеряла свой злободневный интерес.

Необходимо также отметить, что в этой брошюре Зворыкина имеется ряд спорных мест; к ним прежде всего относятся: утверждение о том, что работа чутья собаки не меняется от обучения, и постоянное смешивание автором упрямства с настойчивостью. Мнение автора о пустых собачьих стойках и о стойках по птичкам также спорно.

Однако подобные спорные (или поверхностные) суждения встречаются у Зворыкина только в исключительных случаях.

«Оценка легавой на охоте», написанная как и все у Зворыкина, в результате личного опыта, остается одной из классических работ в этой области.

Повадки животных

Книга Зворыкина «Повадки животных» издавалась трижды — два раза при жизни автора и один — посмертно (М., Медгиз, 1939) под редакцией и с предисловием Ю. И. Миленушкина, который справедливо заявлял, что «аналогичной книги в нашей литературе нет».

В настоящем издании печатается одна из глав книги — «Отдельные наблюдения», с исключением двух очерков — «Волчий выводок без руководства» (повторяющий соответствующие места в монографии «Волк») и «Прожорливость уток» (по причине малозначительности).

Очерк «Ястреб-тетеревятник», заключающий этот раздел, взят из «Охотничьей газеты» (1928, № 7 (3)), где он печатался под заглавием «Встречи с ястребом-тетеревятником».

Один из очерков данного раздела — «Благоухающая железа» — давно возбуждает споры среди охотников.

М. М. Пришвин в свое время написал специальную новеллу («Аромат фиалок»), чтобы «непременно проверить слова известного охотоведа Зворыкина, сказанные им в замечательной книге «Охота на лисиц». В этой новелле между прочим указано: «Если бы я не знал Зворыкина, как автора, у которого ни одно слово не говорится на ветер, то, конечно бы, вспомнил сказку о голом короле, но Зворыкин сказал, — для меня все равно, как бы я сам сказал».

А. Н. Формозов в ответ на мой запрос о «благоухающей» лисьей железе любезно ответил (в письме от 18 января 1954 г.):

«Относительно наличия подкожной хвостовой железы у лисицы Зворыкин совершенно прав; только запах ее (как это часто бывает с запахами) разными лицами воспринимается по-разному. Несомненно, что эта железа, также как и мелкие железки, расположенная в коже кругом анального отверстия у всех зверей семейства собачьих,

имеет прямое отношение к функции размножения. (Отсюда постоянное обнюхивание у зверей этой группы, начиная с хвоста».)

...Есть специальная научная работа Е. С. Томпсона (известного писателя и зоолога) об этих железах с рядом рисунков. Писали о них и немецкие морфологи. Так что это место в тексте Зворыкина надо оставить, но указать, что ученым наличие указанной железы давно известно и она описана».

Вообще вопрос о «благоухающей» лисьей железе не раз поднимался и в специальной охотничьей литературе. Например, в статье «Охотничьи народные приметы» («Охотничий журнал для всех», № 9, 1909) говорилось: «Если у свежеубитой лисицы, пока она еще теплая, понюхать кончик хвоста, то он сильно пахнет фиалками...».

IV. РАССКАЗЫ ОХОТНИКА

Бессмертная песнь

Напечатан в журнале «Охотник и пушник Сибири» (1928, № 7). На наш взгляд, это — один из лучших рассказов Н. А. Зворыкина, с большой теплотой и страстностью пропагандирующий любовь к родной природе и запрет весенней охоты.

Весеннее

Напечатан в журнале «Охотник» (1928, № 4).

Дупель

Напечатан в журнале «Охотник» (1928, № 9); перепечатан в сборнике «Наша охота» (Л., 1950) под названием «Золотая осень» и в значительном сокращении (опущены описания африканских зимовок дупеля).

Встреча

Напечатан в журнале «Охотник и пушник Сибири» (1927, № 7). Интересен как попытка показать в художественных образах заботу настоящего охотника о процветании охотничьего хозяйства.

В зеленой хвое

Напечатан в журнале «Охотник» (1929, № 2).

По времени это — один из последних рассказов Н. А. Зворыкина; после этого он рассказов уже почти не писал (во всяком случае, в комплектах охотничьих журналов после 1929 года рассказов Зворыкина нет).

Афанасий-медвежатник

Напечатан в журнале «Охотник и пушник Сибири» (1926, № 6—7).

Русаки

Напечатан в «Охотничьей газете» (М., 1927, № 24).

Красный лисовин

Напечатан в журнале «Охотник и пушник Сибири» (1927, № 1) под названием «Воспоминание».

Рассказ является прекрасной иллюстрацией к книге Зворыкина «Охота на лисиц» (М., 1926), которая заканчивалась такими словами: «Хороши зимние охоты на лисиц! Хороши, как здоровый моцион, как отдых, как охотничья практика. Хороши эти охоты и грациозны, как хорошенькая акварель».

Старый волк

Рассказ под названием «Что думал старый волк» был выпущен отдельным изданием в издательстве «Уральский охотник» (Свердловск, 1927).

Мы печатаем три отрывка из этого большого рассказа, в котором Н. А. Зворыкин, подобно Сэтон-Томпсону, сделал смелую, но не совсем удачную попытку показать волка «изнутри», путем «воспоминаний» зверя о своем прошлом.

* * *

В настоящее издание вошли не все, а только основные рассказы Н. А. Зворыкина. Среди рассказов, не вошедших в сборник, имеются довольно значительные в художественном отношении, но по своей тематике их можно считать охотничьими только условно.

Не включен в сборник и художественный очерк «В просторах угодий» («Боец-охотник», 1934, № 7), поскольку он повторяет во многом отдельные места книги «Охота по перу».

Некоторые из произведений Н. А. Зворыкина, вошедших в наш сборник, были подвергнуты необходимой стилистической правке, поскольку издательства и журналы, где печатались книги и отдельные произведения Зворыкина, далеко не всегда относились с необходимой внимательностью к этому немаловажному делу. Это касается прежде всего исследования «Как определить свежесть следа» и рассказов «В зеленой хвое» и «Русаки».

...Творчество Н. А. Зворыкина пользуется признанием и любовью в самых разнообразных кругах читателей, в том числе и у людей науки.

В частности, А. Н. Формозов в уже цитированном выше письме к редактору этой книги дал такую характеристику творчеству Зворыкина:

«Покойный Н. А. был превосходный и точный наблюдатель, но для науки одного этого мало: нужно еще хорошо знать литературу, т. е. то, что уже сделано и известно. Вот этого у Зворыкина недоставало...

Но вообще-то я все его труды ценю и люблю — в них масса хорошо подмеченного и проверенного лично, а не списанного из книг...

Очень хорошо, что будут переизданы его основные работы и охотничьи рассказы».

Ник. Смирнов

СОДЕРЖАНИЕ

Цена 8 р. 50 к.